

ISSN: 2074-1944

ВОЕННОЕ ПРАВО

<http://www.voennoepravo.ru/>

№ 5 (69) 2021

Редакционный совет

1. **Бут Надежда Дмитриевна**, доктор юридических наук, заведующий отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в социально-экономической сфере НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации

2. **Воронов Александр Федорович**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса юридического факультета Московского государственного университета

3. **Ермолович Ярослав Николаевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

4. **Корякин Виктор Михайлович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета, заведующий кафедрой ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»

5. **Маликов Сергей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, председатель диссертационного совета по специальности 20.02.03 — Военное право, военные проблемы международного права, профессор кафедры криминалистики Военного университета

6. **Свинных Евгений Анатольевич**, доктор юридических наук, доцент

7. **Сморчкова Лариса Николаевна**, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН

8. **Старцун Виктор Николаевич**, доктор юридических наук, профессор

9. **Субанова Наталья Викторовна**, доктор юридических наук, доцент, проректор Университета прокуратуры Российской Федерации

10. **Туганов Юрий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Российской таможенной академии

11. **Холиков Иван Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Издается с 2001 г.
Научные направления
периодического издания:
— Военные науки
— Право

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Эл 77-4305 от 16.01.2001 г.
Номер ISSN: 2074-1944

Издание включено в систему
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Решением президиума Высшей
аттестационной комиссии при
Минобрнауки России от 26 апреля
2019 г. издание включено в **Пе-
речень рецензируемых научных
изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций на
соискание ученой степени
кандидата наук, ученой степени
доктора наук** по группе научных
специальностей 20.00.00 —
Военные науки
(№ 742 Перечня с 7 мая 2019 г.)

В период с 18 октября 2016 г.
по 26 марта 2019 г. издание было
включено в указанный Перечень по
группе научных специальностей
12.00.00 — Юриспруденция

Главный редактор —
КОРЯКИН
Виктор Михайлович,
доктор юридических наук (20.02.03)
профессор (12.00.03)
e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Ведущий редактор —
ГУСЕЙНОВА
Альбина Джабаровна

Адрес в интернете
<http://www.voennoepраво.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Указатель сокращений	6
Теория и история военного права	
1. Корякин В.М. Военное право как наука	9
2. Скрынник А.М. Система управления вспомогательным флотом и подготовки кадров плавсостава для вспомогательных судов и гаваней ВМС (ВМФ) в СССР: краткий историко-правовой аспект	22
3. Трофимов М.В. Теория защиты прав и законных интересов военных организаций как субъектов финансовых правоотношений с позиций юридической конфликтологии	31
4. Яковец Е.Н. «Пражская весна» как зеркало «цветной революции»	39
Военно-административное право	
5. Захаров П.А. Административно-процессуальные действия в деятельности должностных лиц пограничных органов по проведению административного расследования по делам об административных правонарушениях	47
6. Калашников В.В. Создание военных учебных центров: вопросы совершенствования правового регулирования	57
7. Сердюков С.В., Коростелев А.С. Привлечение военнослужащих к административной ответственности и влияние на это интересов военной службы	64
8. Шеншин В.М. Об усилении уголовной и административной ответственности за незаконный сбыт оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств и о полномочиях Росгвардии в области оборота оружия	71
Военная служба. Социальные гарантии военнослужащих	
9. Бабайцева Е.С., Большакова В.М., Наумов П.Ю. Вопросы исполнения обязанностей военной службы при оказании военнослужащим медицинской помощи или прохождения ими медицинского освидетельствования	78
10. Зайков Д. Е. Отпуск по уходу за ребенком, предоставляемый военнослужащим, не являющимся его родителями	87
11. Харитонов С.С., Миронов В.С. Об актуальности трактовки правовых предписаний в сфере жилищного обеспечения военнослужащих применительно к материалам военно-судебной практики	94
Правовое обеспечение патриотического воспитания граждан	
12. Мартыненко И.Э. Нормативно-правовое обеспечение увековечения памяти погибших в Великой Отечественной войне: опыт Республики Беларусь	101

13. Шербак С.И.	
Гражданское общество и его возможности по формированию патриотизма у молодежи	109
Правовое регулирование трудовых отношений в военных организациях	
14. Ломакина Т.В.	
Актуальные вопросы социального партнерства в воинских частях (военных организациях) Вооруженных Сил Российской Федерации	118
15. Харитонов В.С.	
К вопросу о характеристике работника воинской части как стороны трудового договора	125
Противодействие коррупции в военной организации государства	
16. Богунова А.В.	
О коррупционных рисках, наиболее типичных для военных организаций	130
17. Землин А.И.	
Актуальные вопросы минимизации коррупционных рисков в сфере закупок для нужд Вооруженных Сил Российской Федерации	140
Уголовное право, криминология, уголовный процесс и криминалистика	
18. Андреев А.В., Кулагина П.И., Кайргалиев Д.В.	
Использование специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с повреждением лесных насаждений (ст. 260 УК РФ)	149
19. Борисов А.В.	
Генезис законодательства о преступлениях против несовершеннолетних в Российской Федерации	156
20. Кириллов П.В.	
Категория «активность» в криминологии	161
21. Маликов С.В., Махьянова Р.М.	
Надзорная ситуация как один из главных компонентов разработки и реализации прокурорской тактики	167
22. Роганов С.А., Найман С.А.	
Проблемы применения беспилотных летательных аппаратов с функцией фотографирования, как технико-криминалистическое средство, применяемое для собирания следов преступления	173
23. Субанова Н.В.	
Направление органами государственного контроля (надзора) материалов при выявлении признаков преступления: процессуальные аспекты	177
24. Харитонов С.С., Воробьев А.Г.	
К вопросу квалификации коррупционных преступлений: некоторые аспекты с позиции практики Кассационного военного суда	183
25. Шумилин В. А.	
Некоторые вопросы уголовно-правовой характеристики дезертирства	191
Военные проблемы международного права. Зарубежное военное законодательство	
26. Леонтьев В.Н.	
Правовые основы участия воинского контингента Российской Федерации в составе Коллективных сил оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности	200
27. Тарадонов С.В.	
Проблемы реализации запрета на размещение оружия массового уничтожения в космосе	207

28. Шейренов Б.Ш.

Вооруженные Силы Кыргызской Республики в период острых политических и социальных кризисов в постсоветский период 213

Рецензии на военно-правовые издания

29. Холиков И.В.

История и теория военного права: первое фундаментальное исследование 222

Указатель сокращений

абз. — абзац

БК РФ — Бюджетный кодекс Российской Федерации

ВАК — Высшая аттестационная комиссия

ВВК — военно-врачебная комиссия

ВВО — Восточный военный округ

ВВС — Военно-воздушные силы

ВМС — Военно-морские силы

ВМФ — Военно-Морской Флот

ВУЦ — военно-учебный центр

ГДР — Германская Демократическая Республика

ГЖС — государственный жилищный сертификат

ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации

ГПК РФ — Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

ГПС — Государственная противопожарная служба

гл. — глава

дис. — диссертация

ДУ ВС РФ — Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации

ЕСПЧ — Европейский Суд по правам человека

ЖК РФ — Жилищный кодекс Российской Федерации

ИГП РАН — Институт государства и права Российской академии наук

ИЗиСП — Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

КВ — Космические войска

КоАП РФ — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза

КПЧ — Коммунистическая партия Чехословакии

КСОР — Коллективные силы оперативного реагирования

КЭЧ — квартирно-эксплуатационная часть

ЛК РФ — Лесной кодекс Российской Федерации

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

Минкомсвязи России — Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации

Минобороны России — Министерство обороны Российской Федерации

Минобрнауки России — Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Минэкономразвития России — Министерство экономического развития Российской Федерации

Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации

млн. — миллион

млрд — миллиард

МЧС России — Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО — Организация Североатлантического Договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)

НДФЛ — налог на доходы физических лиц

НИИ — научно-исследовательский институт

НИС — накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих

НК ВМФ — Народный комиссариат Военно-Морского Флота

НК РФ — Налоговый кодекс Российской Федерации

ОАО — открытое акционерное общество

ОДКБ — Организация Договора о коллективной безопасности

ОВД — органы внутренних дел

ООН — Организация Объединенных Наций

ОМУ — оружие массового уничтожения

ООО — общество с ограниченной ответственностью

ОПК — оборонно-промышленный комплекс

п. — пункт

ПВО — противовоздушная оборона

подп. — подпункт

РАН — Российская академия наук

РВСН — Ракетные войска стратегического назначения

РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия

Росгвардия — Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации

Росприроднадзор — Федеральная служба по надзору в сфере природопользования

Росрыболовство — Федеральное агентство по рыболовству

Ростехнадзор — Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору

Роструд — Федеральная служба по труду и занятости

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

руб. — рубль, рублей

СВ — Сухопутные войска

СВР России — Служба внешней разведки Российской Федерации

- СК России** — Следственный комитет Российской Федерации
СК РФ — Семейный кодекс Российской Федерации
СМИ — средства массовой информации
СНК — Совет Народных Комиссаров
СНГ — Содружество Независимых Государств
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ст. — статья
США — Соединенные Штаты Америки
ТК РФ — Трудовой кодекс Российской Федерации
ТОФ — Тихоокеанский флот
тыс. — тысяча
УВС ВС РФ — Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации
УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации
УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации
ФГКУ — федеральное государственное казенное учреждение
ФГУ — федеральное государственное учреждение
ФНС России — Федеральная налоговая служба Российской Федерации
ФПВС — Федерация профсоюзов рабочих и служащих Вооруженных Сил Российской Федерации
ФПС России — Федеральная пограничная служба Российской Федерации
ФСБ России — Федеральная служба безопасности Российской Федерации
ФСИН России — Федеральная служба исполнения наказаний
ФСО России — Федеральная служба охраны Российской Федерации
ФРГ — Федеративная Республика Германия
ЦВО — Центральный военный округ
ЦИК — Центральный исполнительный комитет
ЦК ВКП(б) — Центральный комитет Всероссийской коммунистической партии (большеви́ков)
ЦК КПСС — Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
ч. — часть
ЧССР — Чехословацкая Социалистическая Республика
ШОС — Шанхайская Организация Сотрудничества

Теория и история военного права

Военное право как наука

© Корякин Виктор Михайлович,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Гражданское право, международное частное право и гражданский процесс» Российского университета транспорта (РУТ (МИТ)); профессор Военного университета

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические вопросы, связанные с определением сущности и содержания военного права как отрасли научного знания. Сформулировано определение понятия «военное право как наука», раскрыты предметные области военно-правовой науки, определены ее функции и соотношение с военной наукой. Дан краткий исторический экскурс и показан генезис военного права как науки, показано становление военного права как предмета диссертационных исследований, проанализированы статистические данные о диссертациях по военному праву, защищенных в период 1941—2021 гг., высказаны некоторые соображения относительно перспектив развития военного права как науки.

Ключевые слова: военное право; военная наука; военно-правовая наука; функции науки; диссертационные исследования.

Military law and legal awareness of military personnel

© Koryakin V.M.,

Doctor of Law, Professor, Head of the Department "Civil Law, Private International Law and Civil Procedure" of the Russian University of Transport (RUT (MIIT)); Professor of the Military University

Annotation. The article deals with theoretical issues related to the definition of the essence and content of military law as a branch of scientific knowledge. The definition of the concept of "military law as a science" is formulated, the subject areas of military law science are disclosed, its functions and correlation with military science are determined. A brief historical ex-course is given and the genesis of military law as a science is shown, the formation of military law as a subject of dissertation research is shown, statistical data on dissertations on military law defended in the period 1941—2021 are analyzed, some opinions are expressed regarding the prospects for the development of military law as a science.

Keywords: military law; military science; military-legal science; functions of science; dissertation research.

Военное право (как, впрочем, и иные отрасли юриспруденции) традиционно рассматривается и изучается в трех взаимосвязанных ипостасях (способах бытия): 1) как отрасль права; 2) как наука; 3) как учебная дисциплина.

Военное право как наука представляет собой упорядоченную систему знаний о правовом содержании процессов и явлений, складывающихся в сфере военной деятельности государства, и

изучает правовые нормы и институты военного права как комплексной отрасли отечественной правовой системы, правотворческую и правоприменительную деятельность государства и его институтов по обеспечению обороны страны и военной безопасности Российской Федерации. Являясь органической составной частью юридической науки, военное право одновременно представляет собой относительно самостоятельный

сегмент *военной науки*, под которой понимается система знаний о законах, военно-стратегическом характере войны, путях ее предотвращения, строительстве и подготовке вооруженных сил и страны к войне, способах ведения вооруженной борьбы¹. Военно-юридическая наука изучает правовые аспекты всех структурных элементов военной науки — ее общую теорию, теорию военного искусства, строительства вооруженных сил, воинского обучения и воспитания, вооружения, управления вооруженными, военной экономики и тыла и др.

Военно-правовая наука включает несколько областей научных знаний²:

— *во-первых*, знания о современном состоянии военной организации государства и военного права, способах и закономерностях их функционирования, тенденциях и направлениях развития военного права конкретного государства;

— *во-вторых*, сведения, почерпнутые из исторических памятников, содержащих сведения о ранее существовавших системах военного законодательства, типах и формах военной организации государства;

— *в-третьих*, результаты изучения данных о существующих и функционирующих в современных иностранных государствах (группах государств) системах военного права и военного законодательства;

— *в-четвертых*, данные о становлении и развитии самой военно-правовой науки, правовых доктрин, научных теорий и концепций военного права.

Роль и место военно-юридической науки в государстве и обществе, наиболее полно раскрываются через ее функции и содержание. *Функции науки военного права* — это совокупность основных направлений исследований (теоретических и практических), которые нацелены на изучение юридических явлений в области военной деятельности государства, а также

признание или опровержение новых идей в сфере военного права.

В современной теории права имеются различные интерпретации функций правовой (юридической) науки. Согласно одному из таких подходов выделяются следующие основные функции юридической науки: констатирующая, интерпретационная, прогностическая, эвристическая, методологическая, политическая, практическая, идеологическая, воспитательная³.

Применительно к военно-правовым исследованиям названные функции имеют следующее содержание:

— *констатирующая функция* военно-правовой науки включает в себя выявление, познание, фиксацию государственно-правовых явлений на основе изучения теории военного права и практики его применения, а также других отраслей юридического знания применительно к военной деятельности государства;

— *интерпретационная функция* науки военного права — это объяснение и изучение сущности государственно-правовых явлений, благодаря чему происходит поиск, идентификация, категоризация существенных признаков военного права, форм и способов его воздействия на военное строительство, на обеспечение обороны страны и военной безопасности;

— *прогностическая функция* военно-юридической науки связана с обоснованием перспектив развития государственно-правовых явлений в военной сфере. С помощью этой функции обосновываются своего рода сценарии дальнейшего развития военной организации государства с учетом социальных, политических, правовых, экономических, военных закономерностей и явлений. Данную функцию можно рассматривать в объективном и субъективном смыслах. В первом случае — это идеи, концепции развития науки военного права в целом (то есть на основании исторического опыта и с учетом существующих реалий можно представить прогнозы

¹ Военная энциклопедия : в 8 т. Т. 2. М.: Воениздат, 1994. С. 132.

² Землин А.И., Корякин В.М. Методология военно-правового исследования. Общая часть : учебник. М.: КНОРУС, 2021. С. 10.

³ Славова Н.А. Юридическая наука: понятие, возникновение, развитие, функции и содержание // Вестник Волжского университета имени В.Н. Тагичева. 2019. № 2. Т. 1. С. 23—31.

становления, динамики развития военно-юридической науки). Субъективный уровень прогностической функции заключается в высказываниях, мнениях, позициях отдельных военных ученых-юристов (индивидуальный подход), что находит отражение в их научных статьях, монографиях, диссертациях по военно-правовой проблематике;

— *эвристическая функция* — открытие и исследование новых государственно-правовых явлений в сфере военной деятельности. Данная функция способствует качественному росту научных исследований, получению нового научного знания, выработке гипотез, частных теорий в области военного права;

— *методологическая функция* военно-правовой науки состоит в изучении правовой действительности, что позволяет определить направления, способы, ориентиры научных исследований в области военной юриспруденции. Кроме этого, методологическая функция включает в себя правила, положения и рекомендации для практической деятельности, например, в области правотворчества, которые формируются на основании оценивания эффективности регулирования общественных отношений, что позволяет увидеть недостатки и оперативно устранять пробелы в правовом регулировании общественных отношений в области военной деятельности;

— *политическая функция* науки военного права заключается в формировании научной базы (концепций, научных взглядов) для военно-правовой политики. Научные исследования в области военного права влияют на развитие военной организации государства, совершенствование правовых институтов военной политики, а также определяют место и роль человека в сфере обеспечения военной безопасности государства;

— *практическая функция* — формулирование научно обоснованных рекомендаций, положений, решение отдельных вопросов правового характера, возникающих в повседневной жизнедеятельности Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов. Практичность военно-юридической науки заключается в

том, что каждый человек, причастный к сфере военной деятельности государства (военнослужащий, член его семьи, лицо гражданского персонала, гражданин, уволенный с военной службы, и др.), каждая военная организация (объединение, соединение, воинская часть, военное учреждение и др.) руководствуются определенными нормативными правовыми актами, составляющими военное законодательство, юридическими понятиями, идеями, принципами;

— *идеологическая функция* военно-правовой науки воплощается в разработке идей о военном праве, государственно-правовых явлениях в области оборонной деятельности. Благодаря этой функции создается первооснова взглядов, правовых идей, которые трансформируются в правовые нормы, понятия, концепции. Военная идеология как составная часть и форма проявления идеологии, отражая военную сферу жизни общества, представляет собой теоретические взгляды и идеи, отражающие отношение социальных групп, государства и общества в целом к военной безопасности, войне и другим формам вооруженного насилия, а также к армии как орудию осуществления политики¹. Рассматриваемая функция является самостоятельным элементом системы функций военно-юридической науки, поскольку направлена на установление своеобразных границ и реализацию общих правил, в которых формируются военно-идеологические отношения, что, в свою очередь, помогает военно-юридической науке наиболее эффективно реализовывать свои основные задачи;

— *воспитательная функция* военно-правовой науки направлена на формирование правовой культуры и правосознания военнослужащих и иных категорий граждан, задействованных в оборонной сфере, поскольку наука военного права является феноменом культуры и воспитания. Эта функция влияет на повышение общего уровня культуры в военной организации

¹ Тимошев Р.М. К проблеме формирования военной идеологии // Вестник Военного университета. 2007. № 3. С. 13—20.

государства и направлена на упрочение начал законности и правопорядка в сфере военной деятельности.

Результаты военно-правовых исследований объективируются в различных формах, наиболее значимыми из которых являются диссертации.

Как форма объективации¹ результатов научных исследований, диссертация известна со средних веков, когда в университетах стран, говорящих на немецком языке, стала складываться система публичной защиты обязательных письменных работ (диссертаций) для получения ученых степеней. В XVI—XVII вв. эта система распространилась в других странах. В России вопрос о необходимости публичной защиты диссертаций для подтверждения научной квалификации впервые был поставлен М.В. Ломоносовым, а свое практическое воплощение данная идея нашла 24 июля 1747 г. в связи с утверждением императрицей «Регламента императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге»².

С 1819 г. вступило в действие Положение о производстве в ученые степени. Этот документ не только узаконивал унифицированный, обязательный для всех университетов регламент присуждения ученых степеней, но и определял науки, по которым могли проводиться испытания на ученые степени. Все науки делились на 17 разрядов, среди которых к юридическим относились 4 разряда:

- 1) богословие и право гражданское и каноническое;
- 2) право естественное, частное, публичное и народное, дипломатика;
- 3) право римское;
- 4) право российское публичное, гражданское и уголовное; частное право присоединенных губерний; судопроизводство «ко всем сим частным правилам».

Это был своего рода прообраз того, что сегодня именуется номенклатурой научных специальностей. Основные разделы данного документа были доработаны и уточнены в последующих правовых актах: в Положении об испытаниях на ученые степени 1837 г.; в Положении о производстве в ученые степени 1844 г.; в Положении об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени 1864 г.

К 1917 г. в России насчитывалось уже 55 разрядов наук, в числе которых значились и юридические науки: гражданское право; уголовное право; государственное право; полицейское право; финансовое право; международное право; церковное законоведение; римское право; история русского права³.

Главное отличие диссертации от других разновидностей научных работ состоит в том, что она является научно-квалификационной работой, т.е. по ней делается вывод о научной квалификации автора; она должна быть индивидуальной, свидетельствующей о личном вкладе в науку соискателя — автора данной работы. По качеству диссертации и по способности соискателя публично защитить ее основные научные положения научное сообщество в лице членов диссертационного совета принимает решение о присуждении соискателю ученой степени кандидата или доктора наук.

В Большой советской энциклопедии дано такое определение: «Диссертация (от латинского *dissertatio* — рассуждение, исследование) — научная работа, подготовленная с целью ее публичной защиты для получения ученой степени»⁴. В основу этого определения положено толкование В.И. Даля, сделанное им еще в XIX в.: «Диссертация — небольшое ученое сочинение с целью доказать одно или несколько научных положений. Диссертации пишутся на получение ученых степеней; рас-

¹ Объективация — воплощение, выражение чего-либо в чем-либо объективном, доступном восприятию. (Современный словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1993. С. 418).

² Воропаев И.Г. Порядок присуждения ученых степеней в России и СССР (1802—1995) : дис. ... канд. юрид. наук. Невинномысск, 2000. С. 3.

³ Балеевских Л.С., Муранов А.И. Отечественная история нормативной регламентации номенклатур специальностей научных работников применительно к юриспруденции // Правоведение. 2008. № 5. С. 244—245.

⁴ Большая советская энциклопедия : 3-е изд. / Т. 8. М.: Советская энциклопедия, 1972. С. 312.

суждение, розыскание, розыск, исследование»¹.

В СССР защита диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук и доктора наук была возрождена в 30-е годы прошлого столетия с изданием Постановления СНК СССР от 13 января 1934 г. «Об учёных степенях и званиях». В данном Постановлении впервые было дано определение понятия «учёная степень», под которой понималась «... квалификация данного лица в области определённой научной дисциплины по объёму знаний, степени самостоятельности его научной работы и её научному значению». Законодательное же оформление понятия «учёный» произошло намного раньше — 16 апреля 1862 г.: лиц, получивших учёные степени доктора, магистра, кандидата и действительного студента, предписывалось именовать учёными².

В начальный период своего существования ученые степени по результатам защиты диссертаций присуждались в СССР квалификационными комиссиями, организованными при наркоматах, АН СССР, республиканских и отраслевых академиях наук. Согласно Инструкции о порядке применения Постановления СНК СССР от 13 января 1934 г. «Об ученых степенях и званиях», утвержденной СНК СССР 10 июня 1934 г., присуждение ученых степеней по юридическим наукам производилось Президиумом Коммунистической академии. При этом предусматривалась только одна юридическая специальность — «советское строительство и право».

Спустя несколько лет, Постановлением СНК СССР от 20 марта 1937 г. № 464 «Об ученых степенях и званиях» был определен более широкий перечень отраслей наук, по которым могли присуждаться ученые степени, а право утверждения докторских диссертаций передано Высшей аттестационной комиссии (ВАК).

Первым советским документом, которым вводилась специальная и

подробная регламентация вопросов номенклатуры специальностей научных работников в области юриспруденции, был приказ по Министерству культуры СССР от 12 сентября 1953 г. № 1654 «Об утверждении Перечня специальных дисциплин кандидатских экзаменов по специальностям юридических наук». Согласно данному приказу диссертации могли защищаться по 20 юридическим специальностям.

В период с 1953 г. по 1988 г. было принято еще семь редакций номенклатуры научных специальностей, последовательно сменявших одна другую. С 1962 г. вводятся шифры научных специальностей; юридическим наукам был присвоен общий шифр XII, который писался римскими цифрами и больше не менялся вплоть до 2021 г., за исключением того, что с 1969 г. он стал писаться арабскими цифрами³.

В новейшей истории России — после 1992 г. — номенклатура специальностей научных работников пересматривалась пять раз: в 1995, 2000, 2001, 2009 и 2021 гг. (не считая некоторых т.н. «точечных» дополнений некоторыми новыми специальностями).

Как обоснованно утверждается в научной литературе, суть номенклатуры научных специальностей состоит не в том, чтобы максимально и детальным образом перечислить те или иные науки и их подотрасли, а скорее в том, чтобы выделить определенные блоки, направления научной мысли, которые служат ориентиром, во-первых, для самих диссертантов, а во-вторых, для формирования соответствующих диссертационных советов⁴. Для корректного отнесения результатов научных исследований к той или иной научной специальности следует руководствоваться *паспортом специальности* — документом, в котором сформулирован не только предмет, изучаемый в пределах каждой конкретной научной специальности, но и

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Интернет-версия / <http://slovari.yandex.ru>

² Воропаев И.Г. Указ. соч. С. 23.

³ Балеевских Л.С., Муранов А.И. Указ. соч. С. 250.

⁴ Муранов А.И. Об изменении номенклатуры специальностей научных работников применительно к адвокатуре: не надо так волноваться // Адвокат. 2009. № 8.

очерчена область исследования, а также сделаны разграничения со смежными и сопутствующими специальностями. Паспорт позволяет однозначно определить специальность (специальности), по которой выполнена диссертационная работа.

Военно-юридическая наука развивалась в общем русле отечественной юридической науки. Центром военно-юридической мысли в 30—50-е годы прошлого века являлась Военно-юридическая академия. Для решения задачи подготовки квалифицированных специалистов в области военного права 17 июня 1936 г. Постановлением ЦИК СССР было принято решение о создании при Всесоюзной правовой академии Военно-юридического факультета РККА (датой его создания принято считать 11 мая 1936 г. — издание приказа Народного комиссара обороны СССР № 80). Военно-юридический факультет РККА решал задачи по подготовке квалифицированных военных юристов для армии и флота, а также научных кадров по проведению научных исследований в области военного законодательства. 5 ноября 1939 г. Постановлением Совнаркома СССР принято решение о преобразовании Военно-юридического факультета при Всесоюзной правовой академии в Военно-юридическую академию РККА (приказ Народного комиссара обороны СССР № 47)¹.

В соответствии с распоряжением СНК СССР от 30 июня 1945 г. № 10001-р Совету Военно-юридической академии было предоставлено право приема докторских и кандидатских диссертаций, представления к утверждению учёной степени доктора наук и присуждения на основании защиты диссертации учёной степени кандидата наук по 9 специальностям: уголовное право; уголовный процесс; административное право; советское государственное право; теория государства и права; история государства и права; международное право; криминалистика; гражданское

право. Особенностью данного периода является то, что в рамках указанных специальностей учеными Военно-юридической академии разрабатывались и защищались диссертации не только по военно-правовой проблематике, но и на сугубо «гражданские» темы (см., например: Студеникин С.С. Советская административно-правовая норма и её применение : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВЮА, 1949; Фарберов Н.П. Основные начала государственного строя народных республик Центральной и Юго-Восточной Азии : дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВЮА, 1949; Иванов С.С. Государственно-правовые воззрения Н.Г. Чернышевского : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВЮА, 1952; и др.).

Всего за 10-летний период в Военно-юридической академии было защищено более 65 диссертаций, большинство из которых (более 40) касались различных аспектов военного права. Первой докторской диссертацией по военному праву, подготовленной в Военно-юридической академии, стала научная работа В.М. Чхиквадзе «Военно-уголовное право», успешно защищенная им в 1946 г. Спустя несколько лет докторские диссертации по военному праву защитили сотрудники Военно-юридической академии В.Д. Меньшагин, И.Ф. Побежимов, П.С. Ромашкин².

Учеными Военно-юридической академии была проделана весьма значительная работа по становлению и развитию науки военного права, а также теоретическому обоснованию военного права как комплексной отрасли советской правовой системы. По определению профессора В.М. Чхиквадзе, под военным правом понимается «совокупность военно-юридических норм, регулирующих отношения, возникающие в области устрой-

¹ Википедия — свободная энциклопедия // <http://ru.wikipedia.org/>

² Меньшагин В.Д. Преступления против обороны СССР : дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВЮА, 1951; Побежимов И.Ф. Единичные, воинская дисциплина и законность в Советской Армии (опыт правового исследования) : дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВЮА, 1955; Ромашкин П.С. Преступления против законов и обычаев войны : дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВЮА, 1951.

ства, комплектования, жизни, быта и деятельности войск. Военное право имеет своей задачей изучение армии, ее организации, жизни, быта и деятельности с одной только стороны — со стороны юридической»¹. При этом было установлено, что военное право как специальная отрасль складывается из военно-административного, военно-уголовного и военно-судебного права. «И какие бы юридические отношения, возникающие в армии, мы ни взяли, — пишет В.М. Чхиквадзе, — они непременно будут относиться к одной из этих частей военного права. Конечно, наиболее обширным и объемным по своему содержанию является военно-административное право»². Аналогичных взглядов по поводу сущности и содержания военного права придерживались в тот период Н.А. Виноградов, Л.Н. Гусев, А.Е. Лунев, М.Я. Савицкий, С.С. Студеникин, ряд других ученых.

Однако далеко не все представители научного сообщества того времени поддерживали данную точку зрения. Еще в 1940 г. на первой научной конференции, созванной Военно-юридической академией, произошла оживленная дискуссия о том, какое место занимает военное право в системе социалистического права.

Острая дискуссия по данному вопросу развернулась на заседании ученого совета Всесоюзного института юридических наук Минюста СССР, состоявшемся 25 ноября 1946 г., по рассмотрению упомянутой выше диссертации начальника кафедры военно-уголовного права Военно-юридической академии В.М. Чхиквадзе. Член-корреспондент АН СССР профессор М.С. Строгович, выступая в качестве официального оппонента по указанной диссертации, отметил, что военное право — «... это искусственная и ненужная конструкция, в свое время предложенная Лоренцом Штейном и с тех пор изредка всплывающая на поверхность ...»³.

¹ Чхиквадзе В.М. Военно-уголовное право : Ч. 1, общая. М., 1946. С. 21—22.

² Там же. С. 24—25.

³ Труды Военно-юридической академии Красной Армии. Выпуск VI. М.: ВЮА, 1947. С. 177.

Возражая против данной точки зрения, начальник Военно-юридической академии генерал-майор юстиции Н.Л. Сухов напомнил участникам дискуссии, что спор о военном праве был и между дореволюционными правоведом. И один из них, профессор Н.С. Таганцев, в защиту своей позиции приводил следующий аргумент: «Учреждение военной юридической академии у нас свидетельствует о необходимости для армии иметь юристов, изучивших военное право. ... Но это не создает особой науки или даже самостоятельной ее отрасли, подобно тому, как существование военно-медицинской академии не создает как особых самостоятельных медицинских наук военную патологию, военную фармакологию ...». Н.Л. Сухов отметил, что «не говоря о противоречивости самого этого утверждения, теперь мы можем сказать, что старый профессор ошибся. Не было особых военных медицинских наук, пока их не разработали. А теперь у нас есть военно-полевая хирургия, военно-санитарная тактика и т.п. Так же, пожалуй, обстоит дело и с наукой военного права. Ее не было до тех пор, пока ее не разработали. Ученым-правоведам стоит не пожалеть сил и знаний для выполнения чрезвычайно важной и благородной задачи: помочь военным юристам в их сложной деятельности теоретическими исследованиями и обобщениями, помочь большому делу подготовки военных юристов»⁴.

Однако, в конце концов, возобладала точка зрения противников военного права как науки и как отрасли права. При этом во главу угла были поставлены не столько научные, сколько идеологические мотивы. Так, И.Ф. Побежимов в своей докторской диссертации утверждал, что «... ошибочное выделение военно-правовых дисциплин объективно могло привести к представлению об обособлении, отделении нашей армии от народа, законности в армии от законности в Советском государстве»⁵. И далее: «Искусственное создание самостоятельных «военно-правовых дисциплин», преувеличение специфики пра-

⁴ Там же. С. 178—179.

⁵ Побежимов И.Ф. Указ. соч. С. 11—12.

вового регулирования в жизни и деятельности армии объективно вело к выводам о том, что в условиях советского социалистического государства якобы существует обособленность правового регулирования в армии и флоте от общенародного социалистического правопорядка и что принцип применения административного, уголовного и процессуального законодательства к советским военнослужащим является иными, чем по отношению ко всем остальным гражданам. Все это противоречило началам единой социалистической законности и задачам борьбы за укрепление единого правопорядка в Советском государстве и его Вооруженных Силах»¹.

В итоге на сессии Совета Военно-юридической академии, состоявшейся 12—13 января 1956 г., было принято решение о несостоятельности концепции военного права и его составных частей — военно-уголовного, военно-административного и военно-судебного права, было поставлено под сомнение существование создаваемой многие годы системы военно-юридического образования. Одним из последствий данного решения явилась ликвидация Военно-юридической академии. Директивой Генерального штаба от 19 мая 1956 г. Военно-юридическая академия была расформирована, а из оставшегося профессорско-преподавательского состава всех кафедр был сформирован военно-юридический факультет Военно-политической академии имени В.И. Ленина. Научные исследования по военному праву стали проводиться в рамках данного факультета.

Безусловно, указанные организационные мероприятия не могли не сказаться отрицательно на состоянии диссертационных исследований по военно-правовой проблематике. Так, если в 1950—1956 г. в среднем защищалось по 4—6 диссертаций в год, то в последующие годы вплоть до начала 70-х годов число защищенных диссертаций, в которых рассматривались военно-правовые проблемы, составляло 1—2 в год, а в отдельные годы (1957, 1958, 1961, 1962) — диссертации не защищались

вообще. В течение 10 лет — с 1956 по 1966 г. не было подготовлено ни одной докторской диссертации по военному праву. В специальной литературе указанный период обоснованно именуется как время застоя в сфере научных исследований по военному праву².

Новый этап в истории диссертационных исследований в области военно-юридической науки связан с созданием Военного института Министерства обороны СССР, который был образован 1 августа 1974 г. на базе Военного института иностранных языков. 12 августа того же года в состав Военного института из Военно-политической академии им. В.И. Ленина был передан военно-юридический факультет.

В 1979 г. в Военном институте Министерства обороны СССР создается специализированный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций по юридическим наукам. В этот же период происходит институционализация военного права как самостоятельной научной специальности:³ в 1981 г. в номенклатуре специальностей научных работников (в ее закрытой части «для служебного пользования») впервые появляется научная специальность 20.02.03 — Военное право, военные проблемы международного права. С этого времени диссертационные исследования по военно-правовой проблематике осуществляются с использованием двух подходов: в рамках указанной научной специальности и в рамках отраслевых юридических наук⁴. По утверждению

² Развитие криминалистической науки в процессе подготовки военных юристов в России (1859—2006) : Библиографический указатель / Под ред. С.В. Маликова. М.: ВУ, 2006. С. 24.

³ Научная специальность — это устойчиво сформировавшаяся сфера исследований, включающая определенное количество исследовательских проблем по одной научной дисциплине, включая область ее применения (Шаршунов В.А., Гулько Н.В. Как подготовить и защитить диссертацию: история, опыт, методика и рекомендации // <http://www.aspirinby.org>).

⁴ Военно-юридический энциклопедический словарь / под общ. ред. А.В. Кудашкина, К.В. Фатеева. М.: За права военнослужащих, 2008. С. 81.

¹ Там же. С. 14.

профессора А.А. Толкаченко, в эти годы начало сбываться пророческое пожелание П.И. Романова «подвергнуть военное право всесторонней научной разработке»¹.

С тех пор на протяжении вот уже более 40 лет Военный Краснознаменный институт Министерства обороны СССР (в 1993—1994 гг. Военная академия экономики, финансов и права Вооруженных Сил Российской Федерации), а с 1994 г. — Военный университет Министерства обороны Российской Федерации по праву считается центром военно-правовой науки России. За эти годы в диссертационном совете данной образовательной организации защищено более 350 диссертаций по научной специальности 20.02.03 — Военное право, военные проблемы международного права, в том числе более 30 диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук.

Следует отметить, что в разные годы диссертационные советы по специальности «Военное право, военные проблемы международного права» функционировали в Военно-морской академии, в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, в Московском военном институте ФПС России (с 2003 г. — Московский пограничный институт ФСБ России). В настоящее время в Российской Федерации функционирует единственный диссертационный совет по военному праву — в Военном университете Минобороны России.

Если посмотреть структуру номенклатуры специальностей научных работников, то можно увидеть, что научная специальность «Военное право», относясь к юридическим наукам, т.е. наукам, изучающим право, правовую систему как систему социальных норм, правотворческую и правоприменительную деятельность, одновре-

менно относится к отрасли военно-специальных наук. Тем самым подчеркивается комплексный характер данной научной специальности, связанной с изучением теории и практики правового обеспечения военной деятельности государства и его институтов.

Несомненно, наибольший научный интерес и значимость имеет качественная характеристика защищенных диссертаций по военному праву с точки зрения проблематики рассмотренных в них военно-правовых проблем. Однако богатую пищу для размышления дает также анализ количественных данных о таких диссертациях.

Всего, по нашим подсчетам, за период с 1941 г. по настоящее время по военно-правовой проблематике защищено 1 212 диссертаций (см. табл.).

С точки зрения направленности и предназначения их результатов научные исследования подразделяются на фундаментальные и прикладные.

Под фундаментальными научными исследованиями понимается экспериментальная или теоретическая деятельность, направленная на получение новых знаний об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, окружающей среды²; на обнаружение и изучение основополагающих законов, объектов, явлений (процессов) и свойств природы, общества, мышления и техники³. Итогом проведения фундаментальных исследований в области военного права может быть не только открытие и описание новых, не известных ранее юридической науке законов, явлений или процессов, раскрытие механизмов и закономерностей их протекания, но и познание новых закономерностей, опираясь на уже известные законы и явления.

¹ Романов П.И. Военное право как отрасль советского законодательства, учебная и научная дисциплина // Вопросы теории военного законодательства и практики его применения : сборник научных статей. М., 1974. С. 43; Толкаченко А.А. Современное состояние военно-юридической (военно-правовой) науки и ее роль в укреплении безопасности России // Право и безопасность. 2007. № 3—4.

² Ст. 2 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике».

³ Лукашевич В.К. Анатомия научного метода : учебное пособие. Минск: ООО «Мисанта», 1999.

Количественная характеристика диссертаций по военному праву и военным аспектам иных юридических наук, подготовленных и защищенных в СССР, государствах-членах СНГ и в Российской Федерации в период с 1941 г. по сентябрь 2021 г.

Всего диссертаций	В том числе:	
	По научной специальности «военное право»	По военным аспектам иных юридических наук
Диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук		
110	41	69
Диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук		
1 101	510	591
ИТОГО	1 212	661

Прикладные научные исследования — это исследования, направленные преимущественно на применение новых знаний для достижения практических целей и решения конкретных задач¹. Они имеют своей целью вполне конкретное использование фундаментальных знаний в практической правотворческой и правоприменительной деятельности, обоснование путей использования возможных положительных результатов исследования в практической деятельности. Характерной особенностью таких исследований является возможность прогнозирования с достаточно высокой вероятностью последствий реализации поставленной цели, конечных результатов и их экономической эффективности.

Применительно к диссертационным исследованиям по военно-правовой проблематике к числу фундаментальных научных исследований относятся, конечно же, диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук (всего в период 1981—2021 гг. подготовлена и защищена 41 докторская диссертация по научной специальности «военное право»). Согласно Положению о порядке присуждения ученых степеней, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, диссертация на соискание ученой степени доктора наук должна быть научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором диссер-

тации самостоятельно исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, либо автором диссертации самостоятельно решена важная научная проблема, либо изложены полученные автором диссертации самостоятельно научно обоснованные технические, технологические или иные решения, внедрение которых вносит значительный вклад в развитие страны.

Научная проблема — это комплекс взаимосвязанных теоретических и практических научных задач, «поисковая форма научного знания (возникающий в ходе познания вопрос или целостный комплекс вопросов), посредством которой фиксируется достигнутый уровень изученности объекта и определяется направление дальнейших исследований»². Для своего решения проблема требует значительного углубления существующих представлений на основе результатов фундаментальных исследований.

Анализ тематики докторских диссертаций по военному праву показывает, что примерно половина из них посвящены рассмотрению различных аспектов, связанных с законностью, правопорядком, преступностью, осуществлением правосудия в Вооруженных Силах, юридической ответственностью военнослужащих за правонарушения. Более того, в 50-х — 70-х годах прошлого столетия все докторские диссертации по военному праву были посвящены указанной проблематике (см.

¹ Ст. 2 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике».

² Лукашевич В.К. Указ. соч.

диссертационные исследования Х.М. Ахметшина, А.С. Кобликова, И.Ф. Побежимова, А.А. Тер-Акопова и др.). В 80-е и более поздние годы спектр тематики докторских военно-правовых исследований существенно расширяется: появляются диссертации, посвященные научному анализу военных аспектов государственного (В.Г. Стрекозов, А.Н. Писарев), административного (В.Н. Гречуха, Н.И. Кузнецов, А.В. Кудашкин), международного (И.Н. Арцибасов, И.Ю. Белый, В.В. Кудашкин, И.В. Холиков), финансового (А.И. Землин, А.А. Ялбуганов), гражданского (В.В. Бараненков, Е.А. Свиных, Л.Н. Сморгочкова, А.Н. Сурков), экологического (Г.П. Серов) права, правовых проблем национальной безопасности (Р.М. Гасанов, В.А. Золотарев, А.Н. Строителей, К.В. Фатеев), реализации социального статуса и социальных гарантий военнослужащих (Н.В. Артамонов, В.М. Корякин, Ю.И. Мигачев, В.Н. Старцун), судебной защиты прав военнослужащих (Н.А. Петухов, И.Б. Цымбаренко). Не снижается научный интерес и к традиционной для военного права правоохранительной проблематике (см. докторские диссертации Ф.С. Бражника, А.Ю. Винокурова, Я.Н. Ермоловича, К.С. Лиховидова, С.В. Маликова, А.С. Самойлова, Б.Ф. Старова, А.А. Толкаченко, Ю.Н. Туганова, В.А. Шестака, И.В. Щерблыкиной и др.).

Следует несколько слов сказать и о кандидатских диссертациях по военному праву (по нашим подсчетам, за период 1981—2021 гг. защищены 510 диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук по военному праву). Большинство кандидатских диссертаций носят фундаментально-прикладной характер, т.е. в них наряду с теоретическими положениями, как правило, значительное место отводится выводам и предложениям прикладного, практического характера (главным образом, касающихся принятия новых нормативных правовых актов и внесения изменений и дополнений в действующие).

Согласно Положению о порядке присуждения ученых степеней диссертация на соискание ученой степени кандидата наук

должна быть научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения и разработки, имеющие существенное значение для развития страны. Ключевым квалифицирующим признаком кандидатской диссертации является, таким образом, решение научной задачи, которая в специальной литературе определяется как «... состояние противоречия между достигнутым уровнем в конкретной области научного знания и новыми объективными фактами, полученными на практике и не вписывающимися в существующие и общепринятые стандарты этого уровня»¹. Следует отметить, что в большинстве диссертаций по военному праву, защищенных после 2000 г., имеются авторские формулировки решаемой научной проблемы (в докторских) и научной задачи (в кандидатских), чего не наблюдалось в более ранние годы.

Приведенный выше обзор прошлого и настоящего военно-правовой науки был бы неполным без попытки заглянуть в ее будущее.

40-летняя история существования научной специальности «военное право» показывает ее востребованность для юридической и военной науки, для практики правового обеспечения военного строительства, для целей нормотворческой деятельности, а также научно-методического обеспечения военного образования. За последние годы наметилась объективная тенденция к расширению сферы предмета исследований в области военного права, что обусловлено изменяющимися социально-экономическими и политико-правовыми реалиями, реформированием военной организации государства и возрастанием в ней роли права, новыми угрозами и вызовами для безопасности личности, общества и государства.

В настоящее время осуществляется реформа номенклатуры научных специ-

¹ Шаршунов В.А., Гулько Н.В. Указ. соч.

альностей, основным вектором которой является укрупнение и унификация направлений научных исследований. Приказом Минобрнауки России от 24 февраля 2021 г. № 118 утверждена новая структура номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени. Согласно данному документу группа научных специальностей «Право» включает сегодня пять научных специальностей:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки;

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки;

5.1.4. Уголовно-правовые науки;

5.1.5. Международно-правовые науки.

Напомним, что ранее действовавшая номенклатура включала 15 научных специальностей по группе «Юриспруденция», в рамках которой осуществлялись исследования и по военно-правовой проблематике (всего после 1941 г. защищены 660 таких диссертаций).

Аналогичные изменения, нацеленные на укрупнение и унификацию направлений научных исследований, подготовлены и по разделу номенклатуры «Военные науки». Военно-правовая составляющая военной науки сохранена в новой номенклатуре и именуется «6.3.4. Военное право». Как видим, название специальности стало более лаконичным, утратив прибавку «Военные проблемы международного права». Такой подход представляется вполне разумным и обоснованным, поскольку военные проблемы международного права поглощаются более широким по смыслу понятием «Военное право».

Осуществляемые изменения позволяют с оптимизмом смотреть на будущее военно-правовой науки, которая будет успешно развиваться одновременно в рамках и юридической, и военной науки.

Известный ученый в области военного права и национальной безопасности О.В. Дамаскин выделял следующие обстоятельства, которыми предопределяется потребность дальнейшего развития научных основ правового обеспечения обороны и

безопасности Российской Федерации на современном этапе:

— существенные изменения базовых тенденций военно-политических процессов и новые геополитические реалии, влияющие на состояние национальной безопасности;

— трансформация спектра опасностей и угроз национальной безопасности и несовершенство правовых принципов и механизма правового обеспечения национальной безопасности;

— выявление и прогнозирование последствий негативного воздействия на состояние и развитие обстановки в пограничном пространстве России иностранного присутствия и влияния в странах СНГ;

— неполнота научного правового исследования актуальных проблем теории и практики военного строительства, военно-промышленного комплекса, военной службы в сфере обороны и безопасности, ее правового регулирования и правоприменительной практики, несовершенство методологических и методических аспектов этой деятельности, необходимость научно обоснованных рекомендаций, позволяющих оптимизировать их по основным направлениям деятельности субъектов обеспечения национальной безопасности¹.

Таким образом, у военного права как науки есть будущее, оно будет и впредь обеспечивать научное сопровождение военного строительства в нашей стране.

Библиография

1. Балеевских, Л.С. Отечественная история нормативной регламентации номенклатур специальностей научных работников применительно к юриспруденции / Л.С. Балеевских, А.И. Муранов // Правоведение. — 2008. — № 5. — С. 244—245.

2. Воропаев, И.Г. Порядок присуждения ученых степеней в России и СССР (1802—1995) : дис. ... канд. юрид. наук / И.Г. Беляев. — Невинномысск, 2000.

3. Дамаскин, О.В. Военное право как наука и образование: проблемы и перспективы / О.В. Дамаскин // Современное право. — 2012. — № 7. — С. 54—61.

¹ Дамаскин О.В. Военное право как наука и образование: проблемы и перспективы // Современное право. 2012. № 7. С. 54—61.

4. Землин, А.И. Методология военно-правового исследования. Общая часть : учебник / А.И. Землин, В.М. Корякин. — М.: КНОРУС, 2021.

5. Лукашевич, В.К. Анатомия научного метода : учебное пособие / В.К. Лукашевич. — Минск: ООО «Мисанта», 1999.

6. Развитие криминалистической науки в процессе подготовки военных юристов в России (1859—2006) : Библиографический указатель / Под ред. С.В. Маликова. — М.: ВУ, 2006.

7. Романов, П.И. Военное право как отрасль советского законодательства, учебная и научная дисциплина // Вопросы теории военного законодательства и практики его применения : сборник научных статей / П.И. Романов. — М.,

1974.

8. Славова, Н.А. Юридическая наука: понятие, возникновение, развитие, функции и содержание / Н.А. Славова // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. — 2019. — № 2. — Том 1. — С. 23—31.

9. Тимошев, Р.М. К проблеме формирования военной идеологии / Р.М. Тимошев // Вестник Военного университета. — 2007. — № 3. — С. 13—20.

10. Толкаченко, А.А. Современное состояние военно-юридической (военно-правовой) науки и ее роль в укреплении безопасности России / А.А. Толкаченко // Право и безопасность. — 2007. — № 3—4.

Система управления вспомогательным флотом и подготовки кадров плавсостава для вспомогательных судов и гаваней ВМС (ВМФ) в СССР: краткий историко-правовой аспект

© **Скрынник Анатолий Михайлович**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры процессуального права Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России, член Ассоциации международного морского права

Аннотация. В статье проведен краткий историко-правовой анализ зарождения и развития системы управления вспомогательным флотом ВМС (ВМФ), системы подготовки кадров рядового и командного плавсостава для вспомогательных, гидрографических, аварийно (поисково)-спасательных судов и гаваней ВМС (ВМФ) в СССР. Расставлены поэтапные вехи становления системы подготовки кадров рядового плавсостава: в ремесленных училищах Главного управления трудовых ресурсов для ВМФ; специализированных учебных заведениях ВМС (ВМФ) — школах юнг; школах подготовки рядового плавсостава; мореходных школах. Раскрыта ведущая роль в части подготовки всего спектра подготовки командных кадров плавсостава для вспомогательного флота — мореходного училища ВМС (ВМФ) и Технического училища ВМС (ВМФ).

Ключевые слова: система, управление, рядовой плавсостав, ремесленные училища, школы юнг, школы подготовки рядового плавсостава, мореходные школы, командный плавсостав, мореходное училище ВМС (ВМФ), техническое училище ВМС (ВМФ), вспомогательные суда ВМС (ВМФ), гидрографические суда ВМС (ВМФ), аварийно (поисково)-спасательные суда ВМС (ВМФ).

The system of auxiliary fleet management and training of naval personnel for auxiliary vessels and Naval harbors in the USSR: a brief historical and legal aspect

© **Skrynnik A.M.**, associate Professor of the Department of procedural law of the South Russian Institute of management of the Russian presidential Academy of national economy and public administration, Ph. D. in international (Maritime) law. Europeanlaw

Abstract. The article provides a brief historical and legal analysis of the origin and development of the management system of the auxiliary fleet of the Navy (Navy), the system of training of ordinary and command personnel for auxiliary, hydrographic, emergency (search) and rescue vessels and harbors of the Navy (Navy) in the USSR. Step-by-step milestones of the formation of the system of training of ordinary naval personnel have been set: in vocational schools of the Main Directorate of Labor Resources for the Navy; specialized educational institutions of the Navy – Navy) - jung schools; schools of training of ordinary naval personnel; nautical schools. The leading role in the preparation of the entire range of training of command personnel of naval personnel for the auxiliary fleet – the Naval Navigation School (Navy) and the Naval Technical School (Navy) is revealed.

Keywords: system, management, ordinary naval personnel, vocational schools, jung schools, training schools for ordinary naval personnel, nautical schools, command naval personnel, naval school of the Navy (F), technical school of the Navy (F), auxiliary vessels of the Navy (F), hydrographic vessels of the Navy (F), emergency (search) and rescue vessels of the Navy (F).

Руководство организацией специального и необоронительного строительства объектов и их ремонтом, организация военно-морского хозяйства и снабжения Военно-Морских Сил инвентарем, расходным имуществом и топливом, руководство производственными предприятиями военно-морских портов, общее финансирование и составление финансовых планов, а также вопросами вспомогательного флота в СССР занималось: с 1932 по 1934 гг. — Управление портами Управления Военно-Морских Сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии, с 1935 по 1937 гг. — Отдел портов Управления Военно-Морских Сил Рабоче-Крестьянской Красной армии, а с 1939 по 1940 гг. — Главное управление портами Военно-Морского Флота¹.

Суда вспомогательного флота — основной элемент для пополнения запасов, восстановления технической готовности боевых кораблей, погрузке (выгрузке) и доставке различных видов боеприпасов, вооружения и военной техники в море, пунктах маневренного (временного) базирования (рассредоточения) и в местах их постоянной дислокации.

В декабре 1937 г. решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР Военно-Морской Флот был выделен в самостоятельный Народный комиссариат со своим бюджетом, штатами, планом заказов промышленности и фондами заготовки материальных средств. Быстрый рост ВМФ в период предвоенных пятилеток потребовал развития и укрепления его тыла. Соответственно был создан и самостоятельный, независимый от наркомата обороны тыл ВМФ. Центральным органом управления тылом ВМФ являлось Главное управление портов. Оно осуществляло руководство снабжением общевойсковыми видами материальных средств (топливо, продовольствие, ободно-вещевое и шкиперско-хозяйственное имущество), вспомогательным флотом, автотракторной службой,

кадрами служащих и инспекциями (противопожарной и котлонадзора)².

Во второй половине 30-х годов была проведена реорганизация тыла на флотах и в военно-морских базах. Вместо устаревших военных портов на флотах были созданы военно-морские базы, каждая из которых имела свой тыл. В 1939 г. учреждается должность начальника тыла флота, которому были подчинены службы снабжения основными видами материальных средств, служба технического обеспечения, вспомогательный флот, автомобильный транспорт, квартирно-эксплуатационная служба и некоторые другие. Все довольствующие службы тыла флота имели свои склады и производственные предприятия. В подчинение начальника тыла флота не вошли: медицинская и инженерная службы, органы военных сообщений и некоторые другие по специальным видам снабжения.

Аналогичная структура была принята и для тыла военно-морской базы. Реорганизация позволила укрепить тыл флотов и тыл военно-морских баз. Было достигнуто единообразие их организационной структуры, повысилась оперативность руководства тыловыми частями, подразделениями и учреждениями, стало возможным комплексное решение основных проблем тылового обеспечения сил флота. Тыл флотов превратился в мощную организацию по всестороннему тыловому обеспечению боевых действий кораблей, а военно-морские базы получили полную хозяйственную самостоятельность. Создание самостоятельных органов управления тылом разгружало командование, штабы флотов и баз от решения многих хозяйственных задач, расширяло их возможности по руководству боевой подготовкой, позволяло больше уделять внимания планированию и руководству боевой деятельностью оперативных объединений и соединений.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 января 1939 г. были введены

¹ Российский государственный архив ВМФ. Фонд Р-1547, 590 ед. хранения, крайние даты: 1932—1941 гг. «Главное управление портами Военно-Морского Флота СССР».

² Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне / Коллектив авторов. Воениздат, 1977.

«Текст торжественного и клятвенного обязательства лиц, работающих по вольному найму в частях, учреждениях и заведениях Рабоче-Крестьянской Красной Армии, Рабоче-Крестьянского Военно-Морского Флота и войск пограничной охраны» и Порядок дачи торжественного и клятвенного обязательства этими лицами.

Приказом НК ВМФ СССР от 4 февраля 1940 г. № 70 «О введении Положения о форменном обмундировании вольнонаемному составу плавучих средств военных портов и гидрографических отделов ВМФ» для гражданского (вольнонаемного) состава плавсредств НК ВМФ была установлена форменная одежда¹. Она была схожа с форменной одеждой, установленной в этот период работникам наркомата морского флота СССР.

Циркуляром начальника Главного морского штаба Военно-морского флота от 15 марта 1940 г. № 2791с был сформирован «Отдел плавучих средств и гаваней ВМФ»². Эта дата считается отправной точкой в историко-правовом аспекте главной управленческой деятельности вспомогательного флота как самостоятельной структуры в общей системе военно-морского флота СССР.

В период предвоенных пятилеток значительное пополнение получил вспомогательный флот ВМФ. В начале 1941 г. в его составе имелось 10 наливных и 12 сухогрузных транспортов, 124 буксира, 295 барж и 20 плавкранов, всего 470 судов (без катеров). Специальные вспомогательные суда (плавмастерские, плавдоки, гидрографические и учебные суда имелись в распоряжении ряда довольствующих служб, а соединения подводных лодок и катеров располагали плавучими базами. По количеству, типам судов и их технико-эксплуатационным показателям вспомогательный флот в основном являлся внутрибазовым средством обслуживания кораблей и частей. В апреле 1941 г. было разра-

ботано «Положение о тыле флота», в соответствии с которым признано, что «тылом флота является совокупность органов, осуществляющих материально-техническое обеспечение боевой деятельности кораблей, Военно-Воздушных Сил, береговой обороны и сухопутных частей флота»³.

Определенные изменения были внесены и в организационную структуру тыла ВМФ. В связи с повышением роли центральных органов управления тылом они были существенно усилены. В составе Главного управления портов вместо Управления снабжения было создано два самостоятельных — Управление продовольственного снабжения и Управление вещевого и шхиперско-хозяйственного снабжения. В дальнейшем были расширены и укреплены и другие управления (отделы) Главного управления портов, в частности Управление вспомогательных судов и гаваней, Управление труда и кадров. Одновременно с этим отделы плавсредств и гаваней, труда и кадров были изъяты из подчинения командира главного военного порта и непосредственно подчинены начальнику тыла флота. Аналогичные изменения были произведены в военно-морских базах.

В целях улучшения работы тыла ВМФ в мае 1942 г. Главное управление портов было переименовано в Главное управление тыла ВМФ. Начальником Главного управления тыла — заместителем народного комиссара ВМФ был назначен генерал-полковник береговой службы С.И. Воробьев. В начале войны в систему Наркомата ВМФ была передана Экспедиция подводных работ особого назначения (ЭПРОН). В связи с этим было создано Аварийно-спасательное управление ВМФ, а на всех флотах и флотилиях — аварийно-спасательные службы.

С учетом военного времени, приказом НК ВМФ от 25 сентября 1942 г. № 0824 «О

¹ Степанов А. Вспомогательный флот ВМФ СССР. Униформа и знаки различия. Часть 1: 1921—1945 // Старый Цейхгауз. 2014. № ¾.

² В морях и океанах снабжают всем необходимым // Красная Звезда, 15.03.2021 / redstar.ru

³ Флотоводец: Материалы о жизни и деятельности Наркома Военно-Морского Флота Адмирала Флота Советского Союза Николая Герасимовича Кузнецова / Автор-составитель и редактор Р.В. Кузнецова. М.: Садовое кольцо, 2004.

военизации вольнонаемного состава вспомогательных судов и плавучих средств Военно-Морского Флота» было объявлено для руководства и исполнения постановление Государственного Комитета Обороны № ГОКО № 2311с от 17 сентября 1942 г. № 2311, о военизации вольнонаемного состава вспомогательных судов и плавучих средств Военно-Морского Флота. В соответствии с п. 2 указанного постановления была разработана и утверждена к 1 октября 1942 г. Инструкция о применении дисциплинарного устава Военно-Морского Флота к вольнонаемному составу, подлежащему военизации. Следует отметить, что с 1943 г. были военизированы также морской, речной флот и флот рыбной промышленности СССР. Все эти изменения, а также гибель военизированного личного состава актуализировали проблему укомплектования невоенизированных вспомогательных судов кадрами плавсостава.

До начала Великой Отечественной войны, в системе Государственных трудовых резервов СССР (организована в 1940 г.) были приняты 3 новых типа профессионально-технических учебных заведений: школы фабрично-заводского обучения (ШФЗО), ремесленные училища (РУ) и железнодорожные училища. РУ (срок обучения 2 года) готовили квалифицированных рабочих для промышленности, транспорта, связи и др., а ШФЗО (срок обучения 6 месяцев) — рабочих массовых профессий для угольной, горнорудной, металлургической, нефтяной и пищевой промышленности. Училища комплектовались по призыву (мобилизации), а также за счёт свободного приёма молодёжи, окончившей 7-летнюю общеобразовательную школу, а ШФЗО — начальную школу. Учащиеся находились на полном государственном обеспечении: питание, форменное обмундирование, проживание, обучение¹.

¹ Скрынник А.М. Система учебных заведений по подготовке кадров плавсостава для судов речного, озёрного флота и судов типа «река-море» в Российской империи и СССР: краткий историко-правовой аспект // Океанский менеджмент. 2020. № 4(9). С. 44—53.

Массовая подготовка кадров рядового плавсостава вспомогательного флота на тот период включала: курсовые мероприятия, индивидуально-бригадное ученичество, учебно-курсовые комбинаты, ФЗУ и РУ. Совместным приказом начальника ГУТР при СНК СССР и НК ВМФ СССР от 1942 г., для подготовки рабочих кадров для вспомогательных и портовых судов были созданы Ремесленные училища № 3 и № 31 в г. Владивостоке»².

В апреле 1943 г. произошли изменения в структуре управления вспомогательным флотом — Отдел плавучих средств и гаваней ВМФ СССР был переименован в Управление вспомогательных судов тыла и гаваней Военно-морского флота. Управление вспомогательных судов тыла и гаваней Военно-морского флота являлось центральным органом по руководству эксплуатацией вспомогательных судов и плавсредств тыла, на него было возложено обеспечение кораблей, стоящих в гаванях и на рейдах.

Для подготовки рабочих кадров для вспомогательных и портовых судов Тихоокеанского флота, совместным приказом начальника ГУТР при СНК СССР и НК ВМФ СССР от 28 апреля 1943 г. № 458/144, было создано Ремесленное училище № 2 в г. Владивостоке³.

В 1942 г. приказом НК ВМФ СССР был учрежден институт юнг в Военно-Морском Флоте СССР, а приказом НК ВМФ СССР от 15 июля 1943 г. № 162 был дан старт по организации института юнг для вспомогательных судов и плавучих средств флотов и флотилий и утверждено Положение о них⁴. В 1943 г. были открыты: Архангельская школа юнг вспомога-

² Степанов А. Указ. соч.

³ Красносельцев П.Б. Знаки различия юнг гражданских флотов // vedomstvouniforma.ru/mundir16/junga/index.html

⁴ Архив Приморского края. Фонд Р-570, 1 оп., 15 ед. хр., крайние даты: 1943-1953г.г. Ремесленное училище № 2 плавсостава военно-морских сил Приморского краевого управления трудовых резервов. Юнги Великой Отечественной войны — выпускники трудовых резервов Приморья // randewy.ru/pam/jung.html.

тельного флота Беломорской военной флотилии; Батумская школа юнг вспомогательного флота Черноморского флота и Выборгская школа юнг вспомогательного флота Балтийского флота. В 1947 г. эти школы были передислоцированы в г. Советск (бывший нем. Тильзит) Калининградской области и объединены в одну — Балтийскую школу юнг.

Школы юнг вспомогательного флота наряду с Ремесленными училищами уполномочены были готовить кадры рядового плавсостава, но являлись учебными заведениями закрытого типа.

Опыт ВОВ показал, что все флоты и флотилии должны располагать достаточными силами и средствами вспомогательного флота, автотранспортом и другими подвижными силами и средствами, необходимыми для обеспечения сил флота при рассредоточенном базировании на необорудованном побережье и в открытом море. Весьма важное значение для всестороннего тылового обеспечения сил флотов (флотилий) имеет централизованное (в пределах морского театра военных действий) управление всеми силами и средствами морского транспорта. В отличие от других видов морской транспорт используется непосредственно на театре военных действий, где нет линии фронта. Движение транспортов без охранения или иных мер обороны практически было невозможно. Эту задачу могло решить только командование флотов. Поэтому все морские перевозки на театре военных действий регулировались и организовывались командованием флотов и его тыловыми органами (штабом и отделом военных сообщений). После отмены военизации вспомогательного флота, 16 ноября 1945 г. приказом наркома ВМФ СССР был утвержден Устав вспомогательных судов и плавучих средств Военно-Морского Флота Союза ССР, который стал основным нормативным правовым актом, регулирующим службу вольнонаемного состава на вспомогательных судах плавучих средствах ВМФ.

Вспомогательный флот на конец Великой Отечественной войны состоял из разношерстных судов, оставшихся после

войны и полученных по репарации от немецкого флота. В состав УВСГ входили как военные, так и гражданские специалисты (вольнонаемный состав). Военные специалисты, как правило, готовились в военно-морских учебных заведениях — училищах (высших и средних). В тоже время, многие судоводители и судомеханики вольнонаемного состава, несмотря на огромный жизненный опыт, не имели достаточных знаний для дальнейшей работы на командных должностях на судах обеспечения. Именно поэтому у командования ВМФ возникло предложение создать специализированное учебное заведение, дающее хорошую специальную подготовку.

Исходя из опыта Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и во исполнение постановления Государственного комитета обороны СССР от 24 августа 1945 г. № 9700-сс, Главнокомандующий ВМС СССР 27 апреля 1946 г. подписал приказ № 23 «О формировании мореходного училища Военно-Морских Сил для подготовки командного состава вспомогательных судов ВМС» с дислокацией в городе Ораниенбауме (с 1948 г. г. Ломоносов).

В содержании приказа «О формировании мореходного училища ВМС по подготовке кадров командного состава для вспомогательных судов ВМС» говорилось о том, что, учитывая потребности в командных кадрах специалистов штурманов, механиков и гидротехников для вспомогательных судов и гаваней ВМС и руководствуясь Постановлением Государственного Комитета Обороны № 9700сс от 24 августа 1945 г., сформировать к 1 сентября 1946 г. Мореходное училище ВМС.

Было установлено, что: Мореходное училище является средним техническим учебным заведением ВМС закрытого типа с 4-х летним сроком обучения и должно быть подчинено начальнику Управления Кадров вольнонаемного состава ВМС; укомплектовать штат Мореходного училища руководящим, преподавательским и обслуживающим персоналом и утвердить следующие профили подготовки в Мореходном училище ВМС с контингентом на 1946 г.: а) судоводительская специальность — 50 человек; б) судомеханическая

специальность — 75 человек: судовых паросиловых установок — 50 человек; судовых двигателей внутреннего сгорания (дизелистов) — 25 человек; в) гидротехническая специальность — 25 человек (в дальнейшем была сокращена).

Следует отметить, что в отличие от военно-морских училищ, выпускники Мореходного училища ВМС (ВМФ) помимо учебного диплома о средне-техническом образовании получали в службе капитана морского (рыбного) порта СССР дипломы на морские звания: штурман (капитан) малого плавания; штурман (капитан) дальнего плавания; механик 1, 2, 3-го разряда; электромеханик 1, 2, 3-го разряда и радиоператор 1, 2-го класса (в обиходе, т.н. рабочие дипломы).

Учитывая опыт прошедшей войны (военизацию вспомогательного флота), командование ВМС понимало, что будущие капитаны и судомеханики должны представлять собой резерв, который может быть призван для прохождения военно-морской службы на военных кораблях и базах. С этой целью был поставлен вопрос о включении в состав учебного заведения Военно-морского цикла, который имел право после 6-ти месячной стажировки курсантов ЛМУ ВМС на военных кораблях (катерах) представлять выпускников к воинскому званию офицера запаса — младший техник-лейтенант. В соответствии с постановлением Государственного комитета обороны СССР от 24 августа 1945 г. № 9700-сс в мореходном училище ВМС был создан цикл военно-морской подготовки офицеров запаса ВМС по военно-учетным специальностям, родственным гражданским. В 1952 г. курсанты выпускного курса ЛМУ ВМФ впервые проходили шестимесячную стажировку на военных кораблях Балтийского флота. Стажировкой руководили офицеры Военно-морского цикла. С 1952 г., некоторые выпускники мореходного училища Военно-Морских Сил стали призываться в добровольном порядке в кадры ВМС для прохождения военной службы на младших офицерских должностях.

22 февраля 1947 г. в сформированном мореходном училище Военно-Морских

Сил (МУ ВМС) начался учебный процесс, а 31 октября 1947 г. Военно-морской министр и министр Высшего и среднего специального образования утвердили Устав МУ ВМС.

Начиная с 1951 г., вспомогательный флот ВМС СССР стал постоянно получать квалифицированные командные кадры плавсостава для работы на вспомогательных, гидрографических судах и судах аварийно-спасательной (поисково-спасательной) службы в качестве штурманов (капитанов), механиков (старших механиков), электромехаников (старших электромехаников), а в дальнейшем и радиоспециалистов.

Планом приема в училище на 1952 г., утвержденным заместителем начальника Тыла ВМС, предусматривалась новая специализация — техник-радиотехник. На судах обеспечения ВМС устанавливались радиостанции, радиолокационное и радионавигационное оборудование. Для его эксплуатации и использования требовались специалисты, владеющие знаниями в области радиотехники. С этой целью в училище предполагалось создать радиотехнический отдел, который организационно замыкался на начальника судоводительского отделения. 1 сентября 1953 г. был произведен первый набор и организована группа в составе 28 человек. Срок обучения 4 года позволял подготовить радиоспециалистов высокого уровня.

Директивой ГМШ ВМС от 24 июля 1952 г. при МУ ВМС предусматривалась организация годичных курсов по повышению квалификации командного состава вспомогательных и гидрографических судов ВМС.

В соответствии с Конституцией СССР и в связи с объединением руководства всеми сухопутными, военно-воздушными и военно-морскими силами в Министерство Вооруженных Сил СССР Президиум Верховного Совета СССР Указом от 10 июня 1947 г. ввел новое торжественное и клятвенное обещание лиц, работающих по вольному найму в частях, учреждениях и заведениях Вооружённых сил СССР (отменило Указы Президиума Верховного Совета СССР от 3 января 1939 г.).

Постановлением Совета Министров СССР от 16 января 1952 г. № 219 был утвержден Устав о дисциплине рабочих и служащих вспомогательных судов Военно-Морского флота. Принятие данного нормативного правового акта говорило о том, что на рабочих и служащих вспомогательных судов Военно-Морского флота помимо Кодекса законов о труде РСФСР распространяется дополнительно специальный Устав.

В соответствии с директивой начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР от 7 октября 1965 г. № ОРГ-01-47-105 Мореходное училище ВМС (МУ ВМС) переименовано в Ломоносовское мореходное училище Военно-Морского Флота (ЛМУ ВМФ). На основании директивы начальника Главного штаба ВМФ от 03 октября 1991 г. № 730/1/01281 и во исполнение законодательства Российской Федерации в сфере образования на базе ЛМУ ВМФ с 1 января 1992 г. создан Ломоносовский морской колледж Военно-Морского Флота (ЛМК ВМФ).

На 1991 г. в Ломоносовском мореходном училище ВМФ готовили специалистов командного плавсостава морских судов по направлениям очного образования: а) морское судовождение; б) эксплуатация электрооборудования и автоматики судов (с 1956 г.); в) эксплуатация судовых энергетических установок; г) эксплуатация оборудования радиосвязи и электрорадионавигация судов. По направлениям заочного образования: а) морское судовождение; б) эксплуатация судовых энергетических установок.

Подготовкой кадров плавсостава — техников электромехаников для вспомогательного флота занималось также Техническое училище ВМФ (г. Ломоносов) Главного управления судоремонтных заводов ВМФ (сделало 5 выпусков (1955—1959 гг.) и Вечернее техническое училище ВМФ (г. Кронштадт) Главного управления судоремонтных заводов ВМФ. Они готовили техников-судомехаников, техников-судокорпусостроения, техников по дизельным судовым силовым установкам, техников-электромехаников. В связи с сокращением Технического училища ВМФ с

1959 г. отделение техников-электромехаников было переведено в МУ ВМС.

Постановлением Совета Министров СССР от 30 июня 1952 г. № 2963-1142 «О подготовке специалистов рядового плавсостава для вспомогательных судов и базовых плавучих средств Военно-Морского Флота», вместо школ юнг начали создаваться школы подготовки специалистов рядового плавсостава вспомогательных судов и базовых плавучих средств Военно-Морского Флота. В соответствии с Положением о школах подготовки специалистов рядового плавсостава ВМФ прием в школу производился в добровольном порядке. В школу принимались граждане мужского пола в возрасте от 17 до 19 лет, имеющие неполное среднее и среднее образование, по состоянию здоровья годные к морской службе. Возраст исчисляется на 1 сентября года приема. Кандидаты, рекомендованные приемной комиссией для зачисления в школу, приказом начальника школы зачислялись в число курсантов. В течение второго месяца пребывания в школе курсанты давали «Торжественное клятвенное обязательство лиц, работающих по вольному найму в частях, учреждениях и заведениях Вооруженных Сил СССР». Курсантам, успешно сдавшим выпускные экзамены и показавшим высокую дисциплинированность, в соответствии с их профилем подготовки выдавалось Свидетельство и присваивались следующие специальности: матрос 1 класса, машинист 1 класса, моторист 1 класса, кочегар 1 класса, судовой электрик, радиотелеграфист, электрорадионавигатор. Курсанты, успешно сдавшие экзамены в школе, направлялись на суда вспомогательного флота на срок, установленный учебным планом, для продолжения практической подготовки. Лица, окончившие школу специалистов рядового плавсостава ВМФ, в соответствии с Постановлением Совета Министров Союза ССР от 30 июня 1952 г. № 2963-1142 обязаны были отработать на судах вспомогательного флота ВМФ не менее трех лет. По окончании отработки, они не подлежали призыву на действительную срочную военную службу.

337 школа специалистов рядового плавсостава ВМС (г. Лиепая) была сформирована 1 сентября 1954 г. и зачислена в состав тыла Балтийского флота. Набор учащихся производился на специальности: котельный машинист, рулевой-сигнальщик, судовой электрик, матрос 1-го класса, машинист 1-го класса, моторист 1-го класса. В 1987 г. школу переименовали в мореходную школу ВМФ, сохранив номер 337. В 1991 г. она была расформирована. Находилась по адресу: Латвийская ССР, город Лиепая, ул. Кронштадская, 4.

559 школа специалистов рядового плавсостава ВМС (Иманская) была сформирована 1 сентября 1954 г. и зачислена в состав тыла Краснознамённой Амурской Флотилии. На основании плана набора учащихся в 1954—1955 гг. по приказу командующего флотилией был произведён набор учащихся на специальности матросов, мотористов и машинистов общей численностью 218 человек. Спустя 10 лет, 1 июля 1964 г. школу перевели в г. Владивосток, где в 1973 г. она была переименована в 185-ю школу специалистов рядового плавсостава ВМФ. В 1987 г. школу переименовали в мореходную школу ВМФ, сохранив номер 185. В 2004 г. она была расформирована. За период с 1955 по 2004 гг. из стен этой школы было выпущено 16 000 специалистов рядового плавсостава. В 1982 г. в соревнованиях в честь 50-летия Краснознамённого Тихоокеанского флота школа была награждена грамотой командующего ТОФ и медалью. Находилась по адресу: г. Владивосток, ул. Снеговая, 39.

561 школа специалистов рядового плавсостава ВМС (г. Выборг, 1954—1960 гг.) была сформирована на базе расформированной и переведенной в г. Тильзит (г. Советск, Калининградской области) Выборгской школы юнг ВМС. Она давала не только начальную морскую подготовку, но и соответствующую специальность, здесь готовили машинистов, радистов, электриков, мотористов и кочегаров. В 1960 г. она была передислоцирована в г. Кронштадт и переименована в 42 школу специалистов рядового плавсостава ВМФ (с 1987 г. — мореходная школа ВМФ). 42 мореходная школа ВМФ располагалась в г.

Кронштадт на улице Зосимова, 3. В 2009 г. она была расформирована.

В марте 1963 г. Управление вспомогательных судов тыла и гаваней Военно-морского флота было преобразовано в Управление вспомогательного флота и аварийно-спасательной службы ВМФ (УВФиАСС ВМФ СССР). В 1979 г. аварийно-спасательная служба была выведена из подчинения тылу ВМФ и объединена с существовавшей начиная с 1967 г. Поисково-спасательной службой ВМФ. Новая единая служба получила наименование Поисково-спасательная служба ВМФ СССР.

С 2012 г. Служба вспомогательного флота входит в состав Департамента транспортного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации. Вспомогательный флот — неотъемлемая часть корабельного состава Военно-морского флота, без которого невозможно выполнение боевых задач, стоящих перед ВМФ.

В составе вспомогательного флота ВМФ Российской Федерации сегодня более 450 судов различных классов, в том числе свыше 230 морских и 220 рейдовых. Численность судового состава на флотах пропорциональна количеству корабельного состава, определяется сложившейся системой базирования флотов. За 81 год вспомогательный флот значительно обновился. Только за последнее десятилетие в его состав поступило более 100 новых современных судов, таких как ледокол «Илья Муромец», судно тылового обеспечения «Эльбрус», самоходные плавучие краны грузоподъёмностью 150 тонн, буксиры, танкеры и др.

Ежегодно судами вспомогательного флота перевозится более одного миллиона тонн грузов и свыше 70 000 человек, выполняется более 12 000 буксировок, обеспечивается жизнедеятельность не менее 100 пунктов дислокации сил флота, около 160 пунктов арктического и зимовочного завоза.

Краткий вывод. За более чем 80-ти летний период существования в структуре Военно-Морского Флота СССР самостоятельного органа управления вспомогательным флотом всегда остро стоял вопрос

подготовки кадров рядового и командного плавсостава. С этой задачей ВМФ СССР справился путем создания сети и системы специальных учебных заведений по подготовке кадров.

Однако, в настоящее время система подготовки кадров рядового плавсостава для вспомогательного флота, разрушена. Нуждается в корректировке система подготовки кадров командного состава. С учетом отмены военно-морской подготовки в морском колледже ВМФ и призыва на срочную военную службу выпускников, отток оптимистически заряженной для работы во вспомогательном флоте молодежи неизбежен, если не принять соответствующих стабилизирующих мер.

Библиография

1. Скрынник, А.М. Система подготовки инженерно-технических кадров для судостроения (кораблестроения) и судоремонта (ремонта

кораблей и катеров) в СССР: краткий историко-правовой аспект / А.М. Скрынник // Океанский менеджмент. — 2021. — № 2(11). — С. 8—18.

2. Скрынник, А.М. Система учебных заведений по подготовке кадров плавсостава для судов речного, озерного флота и судов типа «река-море» в Российской империи и СССР: краткий историко-правовой аспект / А.М. Скрынник // Океанский менеджмент. — 2020. — № 4(9). — С. 44—53.

3. Степанов, А. Вспомогательный флот ВМФ СССР. Uniforma и знаки различия. Часть 1 : 1921—1945 / А. Степанов // Старый Цейхгауз. 2014. № 3/4.

4. Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне // Коллектив авторов. Воениздат, 1977.

5. Флотоводец: Материалы о жизни и деятельности Наркома Военно-Морского Флота Адмирала Флота Советского Союза Николая Герасимовича Кузнецова / Автор-составитель и редактор Р.В. Кузнецова. — М.: Садовое кольцо, 2004. — 352 с. .

Теория защиты прав и законных интересов военных организаций как субъектов финансовых правоотношений с позиций юридической конфликтологии

© Трофимов Максим Владимирович,
кандидат юридических наук, сотрудник Центра
исследования проблем российского права
«Эквитас»

Аннотация. В статье на основе достижений теории юридической конфликтологии предпринята попытка сформулировать научный подход, который может быть положен в основу деятельности военных организаций по защите их прав и законных интересов во взаимоотношениях с государственными органами, наделенными властными полномочиями в финансовой сфере, и иными лицами в финансовых правоотношениях.

Ключевые слова: военные организации, финансово-правовое положение военных организаций, конфликтологический подход, защита прав и законных интересов органов военных организаций.

The theory of protection of the rights and legitimate interests of military organizations as subjects of financial legal relations from the standpoint legal conflict resolution

© Trofimov M.V.,
candidate of legal sciences, employee of the center
of research of problems Russian Law Equitas

Annotation. In the article, based on the achievements of the theory of legal conflictology, an attempt is made to formulate a scientific approach that can be used as the basis for the activities of military organizations to protect their rights and legitimate interests in relations with state bodies vested with power in the financial sphere, and other persons in financial legal relations.

Key words: military organizations, financial and legal status of military organizations, conflictological approach, protection of the rights and legitimate interests of military organizations.

Военные организации, как правило, наделяются финансовой правосубъектностью (то есть открывают лицевые счета в органах Федерального казначейства) и соответственно могут являться субъектами финансовых правоотношений. Определенной спецификой обладает Минобороны России, где значительное количество воинских частей не имеет лицевых счетов в органах Федерального казначейства, поэтому в финансовых правоотношениях участвуют управления (отделы) финансового обеспечения Минобороны России по субъектам Российской Федерации и феде-

рального казенного учреждения «Единый расчетный центр Министерства обороны Российской Федерации»¹. Данная научная

¹ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 9 марта 2017 г. № 150 «Об утверждении Порядка организации деятельности управлений (отделов) финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по военным округам, субъектам Российской Федерации и федерального казенного учреждения «Единый расчетный центр Министерства обороны Российской Федерации» и их взаимодействия с органами военного управления, воинскими частями и организациями Вооруженных Сил Российской Федерации при осуществ-

статья направлена на раскрытие особенностей защиты прав законных интересов военных организаций, наделенных финансовой правосубъектностью и полномочиями вступать в финансовые правоотношения.

Традиционно в юридической литературе меры защиты прав и законных интересов субъектов права рассматриваются в качестве юридической гарантии реализации правового статуса¹. Такой подход в своей основе сводится к тому, что государство обеспечивает возможность субъекту права самому либо с помощью органов публичной власти защитить свои права и законные интересы. По нашему мнению, этот подход (назовем его применительно к данной работе традиционным) не вполне применим к военным организациям — субъектам финансовых правоотношений. Дело в том, что военные организации, как правило, сами являются органами власти, хотя и занимают в финансовых правоотношениях юридически подчиненное положение. Их взаимоотношения с государственными органами, наделенными властными полномочиями в финансовой сфере (финансовыми и налоговыми органами, органами государственных внебюджетных фондов), строятся внутри системы органов публичной власти, то есть носят внутриорганизационный характер. Такие взаимоотношения должны позиционироваться как отношения партнерства (или взаимодействия), ориентированные на достижение общезначимой цели — обеспечение обороноспособности и безопасности государства.

Под социальным взаимодействием понимается совместное действие двух или более индивидов (групп, организаций), в ходе чего достигается соотносительность по смыслу и взаимная коррекция их поведения. Процессы взаимодействия приводят в конечном итоге к закреплению и упорядочению существующих отношений либо к коренному преобразованию этих отноше-

ний². Одним из типов социального взаимодействия является конфликт (от лат. *conflictus* — столкновение), то есть противоборство сторон, обусловленное противоречием позиций, взглядов, интересов. Правовой конфликт как разновидность социального представляет собой противоборство субъектов права с противными (противоположными) интересами, возникающее в связи с созданием, реализацией, применением, изменением, нарушением либо толкованием права³. По нашему мнению, рассмотрение мер защиты прав и законных интересов военных организаций в финансовых правоотношениях с позиций юридической конфликтологии является наиболее перспективным с учетом специфики их правового положения как органов власти.

Прежде чем перейти к рассмотрению финансово-правового конфликта с участием военных организаций, необходимо определиться с соотношением правовых категорий «права» и «законные интересы». В общетеоретическом плане можно согласиться с Н.В. Витруком, по мнению которого «социальные интересы, будучи опосредованы правом, приобретают качество юридически значимых интересов и выступают либо в форме субъективных прав или юридических обязанностей, либо в форме охраняемых законом интересов или просто законных интересов»⁴. Правовой категорией, отражающей специфику прав и обязанностей государственного органа, является термин «полномочия». Следовательно, под законными интересами военных организаций следует понимать те из них, которые не нашли своего прямого выражения и закрепления в юридических правах и обязанностях (полномочиях), но подлежат правовой защите. Основные права и обязанности (полномочия) военных организаций в финансовой сфере закреплены в гл.

лении финансового обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации».

¹ Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 314—326.

² Большая российская энциклопедия. Взаимодействие социальное // URL: <https://bigenc.ru/sociology/text/1911696> (дата обращения 29.07.2021).

³ Ненашев М.М. Юридические предпосылки спора о праве // Журнал российского права. 2007. № 8. С. 28—37.

⁴ Витрук Н.В. Указ. соч. С. 240—246.

18 БК РФ «Полномочия участников бюджетного процесса», гл. 3 НК РФ «Налогоплательщики и плательщики сборов, плательщики страховых взносов. Налоговые агенты». В качестве примера законных интересов возможно указать на своевременное и бесперебойное выделение финансовых средств в объемах, позволяющих эффективно выполнить возложенные на Минобороны России задачи по обеспечению обороноспособности государства.

Наиболее обстоятельно теория финансово-правового конфликта изложена в работе Ю.А. Крохиной¹. Под финансово-правовым конфликтом понимается конфликтное финансовое правоотношение, участники которого имеют разные интересы и находятся в состоянии противоборства относительно их реализации. Как указывает Ю.А. Крохина, в зависимости от мотивации можно выделить конфликт интересов и когнитивный конфликт. Объектом конфликта интересов выступает стремление одного субъекта овладеть финансовыми средствами вопреки желанию другой стороны. Данный вид финансово-правового конфликта с участием военных организаций чаще всего встречается в бюджетных правоотношениях и возникает с Минфином России в случае недофинансирования, недофинансирования, сокращения финансирования (далее — недофинансирование) деятельности военных организаций без соответствующей отмены необеспеченных расходных обязательств.

Когнитивный финансово-правовой конфликт имеет место в случае спора о праве (то есть только в тех сферах общественных отношений, в которых права и обязанности субъектов урегулированы позитивным правом). Указанный вид финансово-правового конфликта с участием военных организаций характерен для налоговых правоотношений и возникает с налоговыми органами, органами государственных внебюджетных фондов в ситуации, когда требования налогового законо-

дательства противоречат требованиям законодательства о государственной тайне, которыми в первую очередь руководствуются военные организации. Когнитивный финансово-правовой конфликт может иметь место в бюджетных правоотношениях при взаимодействии с органами финансового контроля, в частности, по поводу доступа к финансовой документации военной организации. По нашему мнению, обозначенные финансово-правовые конфликты являются наиболее существенными и распространенными, а выработка научно обоснованных способов и предложений по их урегулированию представляется наиболее значимой с точки зрения интересов обеспечения обороноспособности и безопасности государства.

Традиционный подход предлагает военным организациям использовать такие меры защиты прав и законных интересов как обжалование действий (бездействия) властного субъекта в административном или судебном порядке, самозащиту либо обращение к Президенту Российской Федерации².

Рассмотрим возможности применения военными организациями этих мер в случае возникновения обозначенных выше финансово-правовых конфликтов.

Вправе ли военная организация в случае недофинансирования обжаловать действия (бездействие) государства (Минфина России) в административном или судебном порядке? Ранее данный вопрос решался в бюджетном законодательстве однозначно. Военная организация как получатель бюджетных средств была наделена правами на своевременное получение и использование бюджетных средств, а также компенсацию в размере недофинансирования в соответствии с судебным актом (ст. ст. 163, 238 БК РФ). Соответственно, в рассматриваемой ситуации возникал спор о праве, который законодатель предписывал разрешать

¹ Крохина Ю.А. Юридический конфликт в финансовой сфере: причины, сущность и процедуры преодоления // Журнал российского права. 2003. № 9. С. 68—76.

² Чуева А.С., Иваненко И.Н. К вопросу о способах защиты прав субъектов финансово-правовых отношений // Электронный научный журнал. 2015. № 1 (1). С. 376—382. См. об этом также: Туганов Ю.Н., Павлушов Н.Ю. Финансово-правовой статус федеральных казенных учреждений военной организации государства : монография. М., 2016.

путем обжалования в судебном порядке. Однако с 1 января 2008 г. указанные статьи утратили силу.

В настоящее время п. 7 ст. 161, п. 10 ст. 242.3 БК РФ урегулирован порядок действий при недостаточности лимитов бюджетных обязательств, доведенных военной организации, при наличии неисполненного судебного акта по предъявленному к военной организации иску кредитором (то есть внешней по отношению к системе публичной власти стороной — организацией либо физическим лицом). В этом случае по обязательствам военной организации отвечает Российская Федерация в лице главного распорядителя бюджетных средств (например, Минобороны России). Однако вопрос, что делать в случае недофинансирования деятельности военной организации при сохранении необеспеченных расходных обязательств остается открытым. Если денежные средства на командировки, закупки вооружения и военной техники и т.д. не будут выделены в достаточном объеме, вряд ли возможно освобождение военных организаций от необходимости решения задач по обеспечению обороноспособности и безопасности государства.

Теоретическое осмысление вопроса о возможности существования спора в отношениях между публично-правовым образованием и получателем бюджетных средств (казенным учреждением) в связи с недофинансированием последнего содержится в работе В.А. Ильина. Автор пришел к выводу, что такие отношения не могут находиться в состоянии спора, поскольку «бюджетное правоотношение имеет денежно-распорядительный характер. Такие отношения организуются публичным субъектом в односторонне-властном порядке»¹. Тот же вывод следует, если рассматривать их как гражданско-правовые отношения между собственником (Российская Федерация) и субъектом права оперативного управления (военная организация). Как утверждает В.А. Ильин,

¹ См. подробно: Ильин В.А. Разрешение судами споров, возникающих по поводу распределения бюджетных средств. М., 2011. С. 34—40.

отношения по поводу финансирования между публично-правовым образованием и казенным учреждением не носят обязательственно-правового характера, а использование вещно-правовых способов защиты законных интересов казенного учреждения противоречит природе права собственности. По нашему мнению, в финансовых правоотношениях военные организации юридически не отделимы от государства², поэтому доводы В.А. Ильина следует признать обоснованными, а возможность обжалования военными организациями в административном либо судебном порядке действий государства (Минфина России, Федерального казначейства) по поводу распределения бюджетных средств является недопустимой.

Вправе ли военная организация в случае недофинансирования применять меры самозащиты? В литературе под самозащитой понимают «совершение управомоченным лицом дозволенных законом действий фактического порядка, направленных на охрану его личных или имущественных прав и интересов»³. По всей видимости самозащитой в данном случае может являться отказ от исполнения необеспеченных расходных обязательств. Полагаем, что недофинансирование не может быть признано обстоятельством, исключаящим деятельность военных организаций по обеспечению обороноспособности и безопасности государства. Отсутствие финансирования может затрагивать исполнение обязательств перед внешней стороной — налоговым органом (уплата налогов, страховых взносов), юридическим либо физическим лицом (закупки товаров, работ, услуг, возмещение вреда), военнослужащим (денежное содержание). В этом случае отказ военной организации от исполнения отдельных обязательств может быть признан правомерным, если ею приняты исчерпывающие усилия для получения

² См. подробно: Трофимов М.В. Теоретические основы финансовой правосубъектности военных организаций // Военное право. 2017. № 6. С. 99—109.

³ Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1992. С. 109.

финансирования¹. Однако, по нашему мнению, говорить в данном случае об обеспечении принципа законности не приходится, поскольку не соблюдаются права и интересы другой стороны.

Вправе ли Минобороны России в случае недофинансирования обратиться к Президенту Российской Федерации? Очевидно, при таком подходе конфликт разрешается «с позиции силы» (по отношению к Минфину России). С точки зрения конфликтологии «при подходе с позиции силы другую сторону вынуждают сделать то, что она не сделала бы при отсутствии такого воздействия на нее. Данный подход применяется в условиях экстремальности, опасности, срочности, при неэффективности других подходов. Он оправдан, если высока значимость результата и незначимы существующие между сторонами отношения»².

В случае возникновения когнитивного финансово-правового конфликта нас интересует вопрос: вправе ли военная организация обжаловать действия (бездействие) налоговых органов, органов государственных внебюджетных фондов, финансовых органов, противоречащие законодательству о государственной тайне, в административном или судебном порядке? Автору не удалось найти такую практику, хотя соответствующее право за военными организациями закрепляет, в частности, налоговое законодательство (ст. 21, раздел VII НК РФ). По всей видимости, это связано с тем, что механизм защиты прав и законных интересов путем обжалования действий (бездействия) государственных органов и их должностных лиц очевидно ориентирован на частных субъектов и не учитывает правовую природу военных организаций как элемента системы органов публичной власти.

¹ О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров с участием государственных и муниципальных учреждений, связанных с применением статьи 120 Гражданского кодекса Российской Федерации : п. 8 : постановление Пленума ВАС России от 22 июня 2006 г. № 21.

² Купцова О.В. Теоретико-правовые аспекты разрешения юридических конфликтов // Экономика и право. 2018. № 11 (92). С. 144—146.

Вправе ли военная организация в случае возникновения когнитивного финансово-правового конфликта применять меры самозащиты? Так, согласно подп. 11 п. 1 ст. 21 НК РФ налогоплательщик имеет право не выполнять неправомерные акты и требования налоговых органов, иных уполномоченных органов и их должностных лиц, не соответствующие НК РФ или иным федеральным законам. По нашему мнению, самозащита прав не является надлежащим способом обеспечения принципа законности, поскольку не предполагает соблюдение в данном конкретном случае налогового законодательства военными организациями.

Вправе ли Минобороны России в случае возникновения когнитивного финансово-правового конфликта обратиться к Президенту Российской Федерации либо в иной конституционный орган? Как представляется, такой способ защиты прав может применяться в исключительных случаях, при неэффективности других правовых средств.

Можно констатировать, что традиционный научный подход и действующее правовое регулирование не вполне адекватны потребностям обеспечения защиты прав и законных интересов военных организаций как субъектов финансовых правоотношений. В этой связи использование конфликтологического подхода содержит очевидные методологические преимущества, поскольку предусматривает расширенный спектр правовых средств (процедур) разрешения финансово-правовых конфликтов. Отметим, что конфликтологический подход не отбрасывает традиционный, а лишь учитывает ограниченность его применимости. Так, с позиций юридической конфликтологии привлечение третьей стороны (обжалование) не всегда является оптимальным способом разрешения финансово-правового конфликта.

По нашему мнению, что в целях защиты прав и законных интересов военных организаций в финансовых правоотношениях в зависимости от ситуации возможно применение следующих правовых средств (процедур) разрешения финансово-правовых конфликтов:

1. *Разрешение конфликта самими участниками (переговоры)*. Данная процедура предполагает заключение соглашения между государственными органами, наделенными властными полномочиями в финансовой сфере, и военными организациями. Соглашения как метод урегулирования конфликта исследовала, в частности, И.А. Степанова. По ее утверждению, соглашения направлены на изменение общего порядка урегулирования конфликта, который возник или может возникнуть из конкретного материального правоотношения сторон, при этом они порождают процессуальные последствия, ввиду использования метода, согласованного сторонами¹. И.А. Степанова сформулировала преимущества соглашения, которые применимы к военным организациям: 1) сохранение существующих партнерских отношений; 2) конфиденциальность (предотвращение огласки спора); 3) оперативность разрешения конфликта ввиду простоты процедуры, отсутствия жестких организационных и процессуальных рамок².

В целом, переговоры являются эффективным способом урегулирования финансово-правовых конфликтов с участием военных организаций, однако их существенным недостатком следует признать ориентированность на приоритет интересов сторон. С точки зрения конфликтологии «подход с позиции интересов базируется на учете желаний, потребностей субъектов противоборства в процессе проведения переговоров»³, что не всегда учитывает необходимость обеспечения принципа законности.

С позиции теории права использование переговоров ограничено приоритетом императивного метода регулирования финансовых отношений. Именно по этой причине переговоры не применяются в бюджетных правоотношениях для разре-

шения правового конфликта, касающегося выделения бюджетных средств на обеспечение обороноспособности и безопасности государства. Целесообразно согласиться с Ю.А. Крохиной в том, что приоритетное значение должны иметь «юридизированные средства разрешения финансово-правовых конфликтов»⁴, особенности и порядок применения которых должны детализироваться финансовым законодательством.

2. *Согласительные процедуры*. В научной юридической литературе под правовой согласительной процедурой понимают «регламентированные процессуальной нормой права взаимосвязанные, последовательные и упорядоченные действия, направленные на достижение соглашения по тому или иному правовому вопросу тех субъектов права, для которых решение этого вопроса входит в их совместную компетенцию либо является основой их взаимодействия»⁵. Согласительные процедуры широко применяются в бюджетных правоотношениях для разрешения конфликта интересов, вытекающего из стремления военных организаций к своевременному и бесперебойному выделению бюджетных средств, с одной стороны, и стремления Минфина России и главного распорядителя бюджетных средств (например, Минобороны России) к экономии бюджетных средств, с другой стороны. Так, например, согласно п. 15 Порядка формирования и представления главными распорядителями средств федерального бюджета обоснований бюджетных ассигнований⁶ в случае наличия замечаний к обоснованиям или распределению бюджетных ассигнований Минфин России направляет Минобороны России информацию об отклонении обоснований бюджет-

¹ Степанова И.А. Соглашения об альтернативных методах урегулирования конфликтов: правовая природа и преимущества заключения // Право в современном мире. 2018. № 3 (48). С. 53—59.

² Там же. С. 55-56.

³ Купцова О.В. Теоретико-правовые аспекты разрешения юридических конфликтов // Экономика и право. 2018. № 11 (92). С. 144—146.

⁴ Крохина Ю.А. Указ. соч.

⁵ Сороколетова М.А. Согласительные процедуры и процедура медиации : анализ и соотношение понятий // Евразийский союз ученых (ЕСУ). № 1 (22). 2016. Юридические науки. С. 74—75.

⁶ О Порядке формирования и представления главными распорядителями средств федерального бюджета обоснований бюджетных ассигнований : приказ Минфина России от 31 декабря 2016 г. № 261н.

ных ассигнований с указанием причин (замечаний) отклонения. Минобороны России обеспечивает внесение изменений в обоснования бюджетных ассигнований.

В налоговых правоотношениях предусмотрено использование согласительных процедур при проведении налогового мониторинга (ст. 105.30, 105.31 НК РФ), под который военные организации не подпадают.

По нашему мнению, согласительные процедуры в отличие от переговоров ориентированы на приоритет права, а потому являются более предпочтительным средством разрешения финансово-правового конфликта. Целесообразно расширение сферы их применения на налоговые правоотношения с участием военных организаций путем закрепления соответствующих процедур в налоговом законодательстве. Вместе с тем важнейшей предпосылкой эффективности согласительных процедур является клиентоориентированность. Это означает, что отношения военных организаций с государственными органами, наделенными властными полномочиями в финансовой сфере, должны основываться не на субординации, а носить характер партнерства, ориентированного на поиски решения, которое удовлетворило бы обе стороны, с опорой на нормы права.

3. Привлечение третьей стороны (обжалование в административном или судебном порядке). Данное правовое средство не должно применяться военными организациями при взаимодействии с государственными органами, обладающими властными полномочиями в финансовой сфере, однако может быть эффективным в отношениях с частными субъектами, когда становится очевидным, что достичь консенсуса не удастся. Такая ситуация может возникнуть при осуществлении военной организацией полномочий администратора доходов бюджета (например, взыскание задолженности по платежам в бюджет, штрафов в соответствии с ч. 2 ст. 160.1 БК РФ). Возможно взыскание с виновных лиц в судебном порядке сумм дебиторской задолженности, образовавшейся в результате нанесения вреда имуществу, закрепленному за военными организациями; аварий,

пожаров, хищений; невозвращения авансовых платежей, неуплаты штрафов за нарушение контрактов на поставку товаров (работ, услуг) для нужд обеспечения обороноспособности и безопасности государства.

4. Обращение к Президенту Российской Федерации либо в иной конституционный орган (Правительство Российской Федерации, Совет безопасности Российской Федерации). Это правовое средство не должно применяться военными организациями в отношениях с частными субъектами, однако может быть эффективным при взаимодействии с государственными органами, обладающими властными полномочиями в финансовой сфере. Его применение допустимо в исключительных случаях, в условиях опасности, при неэффективности других подходов, если высока значимость результата.

5. Законотворческая коррекция конфликтующих правовых норм. Это правовое средство, по нашему мнению, позволяет обеспечить максимальную защиту прав и законных интересов военных организаций как субъектов финансовых правоотношений, поскольку является наиболее справедливым, предполагает уважение интересов другой стороны конфликта, а также всестороннее обеспечение принципа законности. Наиболее эффективным представляется закрепление особенностей финансово-правового положения военных организаций в бюджетном и налоговом законодательстве. Это позволит устранить противоречия между требованиями финансового законодательства и требованиями законодательства о государственной тайне.

Например, решение на законодательном уровне проблемы необеспеченных расходных обязательств позволит существенно повысить уровень защиты законных интересов военных организаций в случае недофинансирования деятельности по обеспечению обороноспособности и безопасности государства. По нашему мнению, возможными способами решения проблемы могло бы стать: 1) предварительное деление расходных обязательств на необеспеченные, частично или полностью обеспечиваемые на случай сокраще-

ния финансирования; 2) в случае сокращения расходов на обеспечение обороноспособности и безопасности государства: а) отмена необеспеченных расходных обязательств; б) расширение полномочий Минобороны России по определению порядка, условий и объемов финансирования соответствующих расходов. При этом полностью обеспечиваемые расходные обязательства должны быть установлены на том уровне, на котором они в любом случае будут профинансированы с учетом возможного падения доходов бюджета.

Вышеизложенное позволяет выделить основные предложения по совершенствованию теории и практики защиты прав и законных интересов субъектов финансовых правоотношений с учетом интересов обеспечения обороноспособности и безопасности государства. Они заключаются в доктринальной разработке правовых средств (процедур) защиты прав и законных интересов военных организаций с позиций юридической конфликтологии и последующем правовом закреплении условий и последовательности их применения. В целях защиты прав и законных интересов военных организаций в зависимости от характера финансово-правового конфликта возможно применение следующих правовых средств (процедур): разрешение конфликта самими участниками (переговоры, заключение соглашения); согласительные процедуры; привлечение третьей стороны (обжалование в административном или судебном порядке); обращение к Президенту Российской Федерации либо в иной конституционный орган; законотворческая коррекция конфликтующих правовых норм. Обозначенные правовые средства (процедуры) разрешения финансово-правовых конфликтов должны использоваться в тесной взаимосвязи, дополнять друг друга, расширяя тем самым возможности механизма преодоления конфликтной ситуации, при этом позволяя защитить права и законные интересы военных организаций в финансовых правоотношениях,

что на практике будет способствовать повышению эффективности обеспечения обороноспособности и безопасности государства.

Библиография

1. Анализ бюджетной задолженности в Российской Федерации. Способы погашения и методы профилактики ее возникновения / С. Баткибеков, А. Золотарева и др. — М., 2003. — 337 с.
2. Витрук, Н.В. Общая теория правового положения личности / Н.В. Витрук. — М., 2008. — 448 с.
3. Грибанов, В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / В.П. Грибанов. — М., 1992. — 207 с.
4. Ильин, В.А. Разрешение судами споров, возникающих по поводу распределения бюджетных средств / В.А. Ильин. — М., 2011. — 200 с.
5. Крохина, Ю.А. Юридический конфликт в финансовой сфере: причины, сущность и процедуры преодоления / Ю.А. Крохина // Журнал российского права. — 2003. — № 9. — С. 68—76.
6. Купцова, О.В. Теоретико-правовые аспекты разрешения юридических конфликтов / О.В. Купцова // Экономика и право. — 2018. — № 11 (92). — С. 144—146.
7. Ненашев, М.М. Юридические предпосылки спора о праве / М.М. Ненашев // Журнал российского права. — 2007. — № 8. — С. 28—37.
8. Сороколетова, М.А. Согласительные процедуры и процедура медиации : анализ и соотношение понятий / М.А. Сороколетова // Евразийский союз ученых (ЕСУ). — 2016. — № 1 (22). — Юридические науки. — С. 74—75.
9. Степанова, И.А. Соглашения об альтернативных методах урегулирования конфликтов: правовая природа и преимущества заключения / И.А. Степанова // Право в современном мире. — 2018. — № 3 (48). — С. 53—59.
10. Трофимов, М.В. Теоретические основы финансовой правосубъектности военных организаций / М.В. Трофимов // Военное право. — 2017. — № 6. — С. 99—109.
11. Туганов, Ю.Н. Финансово-правовой статус федеральных казенных учреждений военной организации государства : монография / Ю.Н. Туганов, Н.Ю. Павлушов. — М., 2016. — 124 с.
12. Чуева, А.С. К вопросу о способах защиты прав субъектов финансово-правовых отношений / А.С. Чуева, И.Н. Иваненко // Электронный научный журнал. — 2015. — № 1 (1). — С. 376—382.

«Пражская весна» как зеркало «цветной революции»

© Яковец Евгений Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
ведущий научный сотрудник Центра
исследования проблем российского права «Экви-
тас»

Аннотация. В статье анализируются события «пражской весны», в результате которых в Чехословакию были введены войска государств-участников Организации Варшавского договора. Дается оценка степени вмешательства во внутренние дела этой страны блока НАТО. Проводится аналогия чехословацких событий 1968 г. со сценариями «цветных революций», инициированных странами Запада в последующие периоды. Рассматриваются причины, вследствие которых советские военнослужащие, принимавшие участие в этих событиях, не имеют статуса ветеранов боевых действий. Говорится о целесообразности использования отдельных положений «доктрины Брежнева» применительно к современным условиям.

Ключевые слова: «социализм с человеческим лицом»; дестабилизация обстановки; массовые протесты; вмешательство стран НАТО; подготовка шпионов и диверсантов; операция «Дунай»; боевые действия; «доктрина Брежнева».

"Prague Spring" as a mirror of the "color revolution"

© Yakovets E.N.,
a leading researcher at the Center for the Study of
Problems of Russian Law "Equitas", Doctor of Law,
Professor, Honored Lawyer of the Russian Federa-
tion

Abstract. The article analyzes the events of the "Prague Spring", as a result of which the troops of the States parties to the Warsaw Treaty Organization were introduced into Czechoslovakia. The assessment of the degree of interference in the internal affairs of this country of the NATO bloc is given. An analogy is drawn between the Czechoslovak events of 1968 and the scenarios of "color revolutions" initiated by Western countries in subsequent periods. The reasons why the Soviet servicemen who took part in these events do not have the status of participants in hostilities are considered. It is said about the expediency of using certain provisions of the "Brezhnev doctrine" in relation to modern conditions.

Keywords: "socialism with a human face"; destabilization of the situation; mass protests; intervention of NATO countries; training of spies and saboteurs; Operation Danube; military operations; "the Brezhnev doctrine".

В августе 1968 г. на долю Чехословакии выпали нелёгкие испытания. Историческая оценка тех событий, которые называют «пражской весной», весьма неоднозначна как в нашей стране, так и за рубежом. Наиболее распространённой в современный период является следующая точка зрения: «В государствах Восточной Европы усилилось стремление освободиться от опеки со стороны СССР, добиться самостоятельности в проведении внутренней и

внешней политики. В 1968 г. чехословацкие руководители предприняли попытку «обновления социализма» путём демократизации общества, внедрения рыночных начал в экономику, переориентации внешней политики на страны Запада. Деятельность лидеров ЧССР была расценена коллективным руководством Организации Варшавского договора (ОВД) как «контрреволюция». В ночь с 20 на 21 августа 1968 г. в Чехословакию вошли войска Со-

ветского Союза, Польши, ГДР, Болгарии и Венгрии»¹.

В советской историографии эти события трактовались с иных позиций. Например, авторы «Истории внешней политики СССР», рассматривая чехословацкие события, отмечают, что речь в данном случае идёт о политическом кризисе, спровоцированном международной империалистической реакцией. Эти силы, прикрываясь псевдосоциалистическими лозунгами, вносили раскол в Коммунистическую партию Чехословакии (КПЧ), расшатывали устои социалистического строя в этой стране, подрывали её союзнические связи с Советским Союзом и другими социалистическими странами, ослабляя интернациональные отношения в мировом коммунистическом движении².

Вторая позиция, если изъять из неё свойственные советской эпохе идеологические штампы, является более объективной. С этой точки зрения, по крайней мере, легче разобраться в том, что же произошло в 1991 г. в самом Советском Союзе, как нашим геополитическим противникам удалось превратить Украину в «анти-Россию», почему непримиримым врагом нашей страны стала Грузия, что из себя представляла «арабская весна» на Ближнем Востоке и т.д. Сегодня сценарии проведения «цветных революций» уже достаточно хорошо апробированы и, как правило, позволяют Западу добиваться намеченных целей, а тогда, в 1968 г., эти политтехнологии ещё только зарождались...

Начинались те события обыденно. В январе 1968 г. на Пленуме ЦК КПЧ к руководству партией и страной пришёл А. Дубчек, который долгое время проживал в СССР, свободно владел русским языком и пользовался доверием со стороны советского руководства.

В социалистической Чехословакии ещё до этого назревали демократические перемены. Впрочем, конечно же, не они

явились причиной ввода союзных войск в Чехословакию, а совсем другие события, на которые страны-члены ОВД не могли закрывать глаза. А. Дубчек попал под влияние лиц, которые, прикрываясь откровенной демагогией, под лозунгом построения «социализма с человеческим лицом», на деле приступили к разрушению ЧССР. Кстати, в нашей стране подобные призывы, запущенные в оборот с «лёгкой руки» М.С. Горбачёва и имевшие в своё время широкую популярность в обществе, как известно, также ни к чему хорошему не привели.

После указанного Пленума началась целенаправленная дискредитация правительства ЧССР и откровенная травля приверженцев его курса. Оппозиционеры повели психологическую атаку на компартию и силовые структуры, защищавшие конституционные устои страны. Началась скрытая подготовка смены государственного строя. В СМИ появились призывы лишить КПЧ руководящей роли в определении экономических и политических приоритетов развития страны, объявить последнюю преступной организацией, запретить её деятельность. Разжигались национальные противоречия между чехами и словаками.

По всей стране «как грибы после дождя» стали появляться различные политические организации, основной целью которых была компрометация всего положительного, что было достигнуто руководством страны в послевоенный период. В их рядах было немало бывших уголовников, государственных преступников, недобитых нацистов, представителей реакционного духовенства и др.

На определённом этапе развития кризиса контрреволюция сбросила маску радетеля «социализма с человеческим лицом» и открыто выступила против конституционного строя. Начались многотысячные демонстрации и забастовки на предприятиях. В страну для выступлений с лекциями был приглашён известный американский советолог З. Бжезинский, который изложил свою стратегию либерализации страны, призвав

¹ Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. С. 591.

² История внешней политики СССР. 1917—1985 гг. В 2-х томах. Т. 2 (1945—1985 гг.). М.: Наука, 1986. С. 307–308.

к уничтожению КПЧ, изгнанию коммунистов со всех государственных постов, разгону органов безопасности и правопорядка.

В это время страны НАТО активно прорабатывали возможные сценарии отторжения ЧССР от социалистического содружества. На Западе начал функционировать специальный наблюдательный Центр, который именовался «Штабом ударной группы». В нём трудились более 300 офицеров западных спецслужб. Трижды за сутки этот Центр выдавал информацию об обстановке в ЧССР руководству Североатлантического блока. Показательно высказывание одного из представителей этого Центра, появившееся уже после преодоления кризиса: «Хотя из-за ввода войск Варшавского договора в Чехословакию и заключения Московского соглашения особый центр так и не решил поставленных перед ним задач, его деятельность всё же представляет собой ценный опыт, который можно использовать в будущем»¹. И этот опыт действительно пригодился Западу, спустя два десятилетия, — в ходе разрушения по тем же лекалам самого СССР и стран народной демократии в ходе горбачёвской «перестройки».

Однако вернёмся в 1968 г., когда Западная Германия и Австрия развернули на своей территории центры по подготовке шпионов и диверсантов для дальнейшей заброски в Чехословакию. В эту страну завозилось большое количество оружия и боеприпасов, поскольку её государственная граница на западном направлении была фактически открыта. Только за первую половину 1968 г. границу пересекли более 368 тыс. «туристов» из ФРГ². Многочисленных визитёров западных спецслужб, которых задерживали на территории Чехословакии, органы безопасности практически сразу же

освобождали³. В западногерманской прессе всё чаще стали появляться публикации, намекавшие на скорое возвращение ФРГ Судетской области Чехословакии.

Военно-политическое руководство стран-участниц ОВД внимательно следило за происходившими событиями и пыталось довести свою оценку ситуации до сведения первых лиц Чехословакии. Было организовано несколько встреч высшего руководства СССР и других стран Варшавского Договора в Праге, Дрездене и Варшаве. Во второй декаде июля на последней такой встрече в Чиерне-над-Тисой А. Дубчеку было заявлено, что в случае отказа от реализации комплекса мер, направленных на пресечение деструктивных действий оппозиции и внешних сил, в ЧССР будут введены войска ОВД. Однако последний не только не предпринял никаких мер по нормализации обстановки в стране, но и не довел это предупреждение до сведения членов ЦК КПЧ и правительства Чехословакии.

У руководителей государств-участников ОВД не оставалось иного выбора: отторжение ЧССР от Варшавского Договора и вовлечение её в орбиту политического влияния НАТО создавали угрозу нанесения Североатлантическим блоком флангового удара по группировке войск содружества в ГДР, Польше и Венгрии. Вероятный противник получал также выход к государственной границе Советского Союза⁴.

На основании обращения группы партийных и государственных деятелей ЧССР к правительствам СССР и других государств-участников ОВД с просьбой об оказании интернациональной помощи 16 августа 1968 г. на расширенном заседании Политбюро ЦК КПСС было принято

¹ Масловский Л. Чехословакия должна быть благодарна СССР за 1968 год: история «пражской весны» // НОВОРУСМИР. 2017. 21 ноября // URL: <http://novorusmir.ru/archives/32745> (дата обращения: 11.07.2021).

² Панов В. Они шли на войну... // Военное обозрение. 2013. 4 сентября.

³ Подавление «Пражской весны» было единственным возможным решением // Экспресс-газета. 2018. 21 августа.

⁴ Масловский Л. Чехословакия должна быть благодарна СССР за 1968 год: история «пражской весны» // НОВОРУСМИР. 2017. 21 ноября // URL: <http://novorusmir.ru/archives/32745> (дата обращения: 11.07.2021).

решение о вводе войск в Чехословакию. 18 августа оно было одобрено на совещании руководителей государств-участников Организации Варшавского Договора в Москве¹.

Наступало время решительных действий, и в 22 часа 15 мин. 20 августа последовал сигнал: «Влтава-666» — вперед! В час ночи 21 августа части и соединения армий ОВД перешли государственную границу ЧССР. Так началась операция «Дунай», положившая конец «пражской весне», которая стоила жизни примерно сотне советских военнослужащих. Открытой конфронтации с местным населением наши воины старались не допускать. В ходе общения с людьми они в доступной форме пытались объяснить причины появления в Чехословакии союзных войск. Однако общий язык с гражданами этой страны удавалось найти далеко не всегда и тогда всё же приходилось прибегать к ответным мерам.

В первые же дни после ввода войск государств-членов ОВД из множества тайников мятежниками было извлечено несколько тысяч автоматов, сотни пулемётов и гранатометов. Имелись у них даже миномёты и другое тяжёлое вооружение. Всё это было готово к применению².

О напряжённости обстановки, царившей в Чехословакии, свидетельствуют строки одного из донесений: «Экипаж танка 64 мсп 55 мсд (старшина сверхсрочной службы Андреев Ю.И., младший сержант Махотин Е.Н. и рядовой Казарик П.Д.) на пути движения встретили организованную контрреволюционными элементами толпу молодёжи и детей. Стремясь избежать жертв со стороны местного населения, они приняли решение на обход его, во время

которого танк опрокинулся. Экипаж погиб»³.

Жёсткая установка «не стрелять по митингующим» порой ставила советских военнослужащих в крайне невыгодное положение. Уверенные в полной безнаказанности, «молодые демократы» кидали в советских солдат камни и бутылки с зажигательной смесью, оскорбляли их, плевали им в лицо. Стоявшего в карауле у памятника советским воинам-освободителям Ю. Земкова кто-то из толпы, жаждущей осквернить этот монумент, ударил в грудь трёхгранным штыком. Его товарищи вскинули автоматы, но выполняя приказ, стрелять не стали...

В отличие от военнослужащих Советской Армии, их союзники — немцы, болгары, венгры и поляки — не были связаны приказами о неприменении оружия. Они действовали порой весьма жёстко и, не задумываясь, стреляли на поражение⁴. Сегодня участие войск стран-союзниц в операции «Дунай» их представителями замалчивается. Некоторые из них даже вовсе отрицают ввод в Чехословакию своих вооружённых сил⁵. Однако советские ветераны, участвовавшие в тех событиях, достаточно хорошо помнят своих бывших «братьев по оружию».

Достаточно распространено мнение, что «пражская весна» без вмешательства со стороны государств-членов ОВД принесла бы стране процветание. Однако современный опыт подобных «цветных революций» свидетельствует об обратном: подобные процессы гораздо чаще несут крушение государственных устоев и

¹ Ввод войск стран-участниц Варшавского договора в Чехословакию в 1968 году // РИА Новости. 2018. 20 августа.

² К событиям в Чехословакии. Факты, документы, свидетельства прессы и очевидцев. М.: Пресс-группа советских журналистов, 1968. С. 121–123.

³ «Пражская весна» 1968 года: воспоминания наших солдат // Назад в СССР // URL: <https://back-in-ussr.com/2016/08/prazhskaya-vesna-1968-goda-vospominaniya-nashih-soldat.html> (дата обращения: 10.07.2021).

⁴ Подавление «Пражской весны» было единственным возможным решением // Экспресс-газета. 2018. 21 августа.

⁵ Ханнес Ш. (Hannes Schwenger). Почему армия ГДР не вторглась в Чехословакию с другими «братскими» государствами // ИНОСМИ.RU. 2018. 16 августа // URL: <https://inosmi.ru/politic/20180816/243011754.html> (дата обращения: 18.07.2021).

деградацию экономики, нежели нечто положительное¹. Как известно, через двадцать лет после «пражской весны», в период краха мировой системы социализма Чехословакия всё же прошла через новую «бархатную революцию», которая завершилась новым разделом страны на Чехию и Словакию. Сегодня многие люди там живут за чертой бедности — они не ожидали, что события после «бархатной революции» 1989 г. приведут к этому. Около 38 % чехов старше 40 лет считают, что при правлении коммунистов их жизнь была лучше. Среди людей с более низким уровнем образования этот показатель составляет 52 %².

Таким образом, можно заключить, что ввод в Чехословакию войск государств-членов Организации Варшавского договора в августе 1968 г. явился вынужденной мерой, направленной на сохранение единства стран социалистического содружества и предупреждение выхода войск НАТО к государственной границе СССР. Советские военнослужащие не являлись оккупантами и не вели себя как захватчики. Они защищали геополитическое пространство своей страны, которое на законной международно-правовой основе было сформировано по итогам Второй Мировой войны. Поставленные армии задачи были выполнены с минимальными потерями. В той конкретной обстановке Правительство СССР и других стран народной демократии приняли единственно верное решение.

По мнению ветеранов, бывших участников операции «Дунай», до сих пор остаются неурегулированными некоторые правовые вопросы, связанные с их участием в данных событиях. Приказом министра обороны СССР Маршала Советского Союза А.А. Гречко от 17 октября 1968 г. № 242 им была объявлена благодарность за выполнение интернационального долга, и они первыми были названы

«воинами-интернационалистами». Однако эти люди не имеют статуса участников боевых действий, поскольку в Перечень государств, городов, территорий и периодов ведения боевых действий с участием граждан Российской Федерации, утверждённый приказом министра обороны СССР от 5 июля 1990 г. № 220, Чехословакия, в отличие от Венгрии, где в 1956 г. происходили аналогичные события, не вошла.

Группа учёных, проанализировав доступные для изучения материалы, после встреч с непосредственными участниками чехословацких событий, пришла к выводу, что в 1968 г. в Чехословакии была проведена великолепно спланированная и безупречно реализованная войсками боевая операция, в ходе которой велись именно *боевые действия*.

Несколько раз вносились на этот счёт соответствующие законопроекты в Государственную Думу. В ходе их рассмотрения депутаты приходили к выводу, что законодательное решение вопроса о внесении дополнений в указанный Перечень, являющийся в настоящее время Приложением к Федеральному закону «О ветеранах», возможно только при условии подтверждения фактов ведения боевых действий на территории Чехословакии в 1968 г. Министерством обороны Российской Федерации.

Генеральный штаб Вооружённых Сил Российской Федерации факт участия военнослужащих Вооружённых Сил СССР в боевых действиях в Чехословакии в 1968 г. напрямую не подтверждает, уточняя, что в период политического кризиса в этой стране советские военнослужащие участвовали не в боевых действиях, а лишь в отдельных *боевых столкновениях*³.

Однако боевые столкновения бывают по своей сути разными и порой ничем не отличаются от боевых действий. Так, например, боевое столкновение значительных отрядов (масс войск), может решать участь целой операции или кампа-

¹ Сидорчик А. «Дунай»-1968. Чем на самом деле было «советское вторжение» в Чехословакию // Аргументы и факты. 2018. 29 августа.

² Тридцать лет «бархатной революции»: почему чехи вновь выходят на улицы? // Немецкая волна. 2019. 16 ноября.

³ Панов В. Они шли на войну... // Военное обозрение. 2013. 4 сентября.

нии. В этом случае оно будет именоваться сражением¹.

Скорее всего причина здесь в другом. Упомянутый выше Перечень формировался в период «перестроечной» политики Горбачёва, который, рассуждая о чехословацких событиях, вначале давал им вполне адекватную оценку², но затем, 4 декабря 1989 г., в ходе встречи руководителей Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Советского Союза, проходившей в Москве, заявил, что ввод войск пяти государств ОВД в Чехословакию явился вмешательством во внутренние дела суверенного государства и должен быть осуждён³. В тот период, как уже отмечалось, в Чехословакии происходила очередная «бархатная революция», и руководство соцстран, в том числе и СССР, коллективно каялось перед Западом в ошибочности данного шага. Этот политический «кульбит» в один момент превратил всех участников чехословацких событий — от рядового до генерала — в оккупантов, изгоев и вообще «душителей демократии». И когда, наконец, в СССР обнародовали Перечень стран, где в «необъявленных» войнах и вооружённых конфликтах принимали участие и погибали советские военнослужащие, Чехословакии в нём, естественно, не оказалось.

В постсоветский период, в 2006 и 2007 гг., Президент Российской Федерации В.В. Путин в ходе встреч с чешским руководством заявил, что Россия может взять моральную ответственность за вторжение стран Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г., но ни в коем случае не возъ-

мёт на себя юридической ответственности⁴.

С учётом сформированной в этом вопросе парадигмы можно заключить, что Чехословакия пока не будет фигурировать в Перечне государств, городов, территорий и периодов ведения боевых действий с участием граждан Российской Федерации. Впрочем, с учётом отнесения Чехии к категории недружественных Российской Федерации государств⁵, позиция руководства России на этот счёт может измениться. Правда, бывших участников операции «Дунай» с каждым годом становится всё меньше и меньше...

Помимо прочего автор данной статьи полагает необходимым обратить внимание на те обстоятельства, в силу которых Советский Союз вынужден был занимать жёсткую, бескомпромиссную позицию в вопросах защиты своих союзников (даже таких ненадёжных, как Чехословакия), поскольку они весьма актуальны в нынешней международной обстановке. Как известно, 12 ноября 1968 г. в ходе выступления на V съезде Польской объединённой рабочей партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев сформулировал принципы, в соответствии с которыми СССР получал право защищать завоевания социализма, включая применение вооружённых сил, во всех союзных ему государствах. Советский лидер откровенно предупредил своих геополитических противников о том, что при появлении слабых звеньев в единой цепи государств социалистического фронта и возникновении угрозы делу социализма в той или иной стране, это станет не только проблемой народа данной страны, но и общей проблемой, заботой всего социалистического содружества⁶.

Западной прессой концепция взаимоотношений СССР с союзниками была названа «доктриной Брежнева» или

¹ Сражение // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907 // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/96709/ Сражение (дата обращения: 25.07.2021).

² Горбачёв М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1987. С. 39.

³ Попов А. Чехословакия-1968 г. Рассказ очевидца // Newsland. 2016. 8 октября // URL: <https://newsland.com/community/14/content/chekhoslovaquia-1968g-rasskaz-ochevidtsa/5498356> (дата обращения: 15.07.2021).

⁴ Панов В. Они шли на войну... // Военное обозрение. 2013. 4 сентября.

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 мая 2021 г. № 1230-р // Российская газета. 2021. 14 мая.

⁶ Брежнев Л.И. Речь на V Съезде Польской объединённой рабочей партии. 12 ноября 1968 г. М.: Политиздат, 1968. 22 с.

«доктриной ограниченного суверенитета социалистических стран». Позже эта концепция обрела ещё более радикальное содержание: советское руководство заявило о своём праве защищать завоевания социализма не только там, где они уже утвердились, но и в странах, только избирающих путь социализма¹. Это означало, в первую очередь, безоговорочную возможность сохранения нашей страной своего геополитического пространства, что вполне закономерно для любой великой мировой державы.

В значительной степени позиция Л.И. Брежнева оказалась верной: многие антиконституционные процессы в социалистических и развивающихся странах в рассматриваемый период инспирировались западными спецслужбами, что можно было квалифицировать как вмешательство во внутренние дела этих государств.

Активное противодействие деструктивным *внешним угрозам*, посягающим на суверенитет союзников той или мировой державы, является вполне адекватной реакцией с её стороны. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в п. 5 Устава НАТО, который предусматривает в аналогичных ситуациях ответные радикальные меры², вполне соответствующие по своему содержанию духу и логике «доктрины Брежнева». В связи с этим данную «доктрину» без идеологических наслоений той эпохи с полным основанием можно адаптировать к современным условиям для использования её подходов в тех случаях, когда нашим союзникам угрожает насильственное свержение законной власти, инспирированное из-за рубежа, как это было недавно в Белоруссии. Следует отметить, что ныне действующий Устав

Организации Договора о коллективной безопасности чётких предписаний на этот счёт не содержит³.

В заключение хотелось бы сказать вот о чём. В настоящее время коллективный Запад, как это уже ни раз бывало в истории, в очередной раз пытается задуть Россию всевозможными санкциями, окружить «санитарными кордонами», запугать военной силой. Однако попытки уничтожить нашу страну как физически, так и морально, всегда заканчивались неудачей. Поэтому нашей дипломатии не следует расходовать лишнюю энергию для проникновения в душу откровенным недоброжелателям России, убеждая их в своей правоте относительно банальных истин. Как отмечал знаменитый российский писатель-сатирик В.М. Коклюшкин, «в политике доказывать противнику то, что он и сам знает, — по меньшей мере смешно. По большей — чревато»⁴. Важно в этой ситуации использовать надёжные и оправдавшие себя на практике активные меры информационного противодействия, основанные на объективном анализе исторических событий, против которого наши оппоненты оказываются бессильны.

Следует ещё помнить о том, что наряду с перевёртышами и откровенными недоброжелателями России среди граждан государств, являвшихся в прошлом нашими союзниками, до сих пор есть люди (находящиеся, правда, в меньшинстве), которые относятся к нашей стране с симпатией и готовы многое для неё сделать. Для них Россия по-прежнему остаётся оплотом духовности, справедливости и порядочности в межгосударственных, гуманитарных и межличностных отношениях.

Библиография

1. Горбачёв, М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира / М.С. Горбачёв. — М.: Политиздат, 1987. — 270 с.

¹ Чураков Д.О. Тенденции развития внешней политики СССР в постсталинские десятилетия // Слово. 2009. 6 сентября // URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/41345.php> (дата обращения: 18.06.2021).

² Североатлантический пакт (Вашингтон. 4 апреля 1949 г.). Ст. 5 // URL: <https://base.garant.ru/2541116/5633a92d35b966c2ba2f1e859e7bdd69/> (дата обращения: 07.06.2021).

³ Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г. // Официальный сайт ОДКБ // URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (дата обращения: 06.07.2021).

⁴ Коклюшкин В. Гляди веселей! // Аргументы и факты. 2014. 11 ноября.

2. История внешней политики СССР. 1917—1985 гг. В 2-х томах. Т. 2 (1945—1985 гг.). — М.: Наука, 1986. — 694 с.

3. Масловский, Л. Чехословакия должна быть благодарна СССР за 1968 год: история «пражской весны» / Л. Масловский // НОВОРУСМИР. 2017. 21 ноября // URL: <http://novorusmir.ru/archives/32745> (дата обращения: 11.07.2021).

4. Орлов, А.С. История России. 2-е изд., перераб. и доп. / А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Геор-

гиева, Т.А. Сивохина. — М.: Изд-во «Проспект», 2011. — 680 с.

5. Сидорчик, А. «Дунай»-1968. Чем на самом деле было «советское вторжение» в Чехословакию / А. Сидорчик // Аргументы и факты. 2018. 29 августа.

6. Чураков, Д.О. Тенденции развития внешней политики СССР в послесталинские десятилетия / Д.О. Чураков // Слово. 2009. 6 сентября // URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/41345.php> (дата обращения: 18.06.2021).

Военно-административное право

Административно-процессуальные действия в деятельности должностных лиц пограничных органов по проведению административного расследования по делам об административных правонарушениях

© Захаров Петр Александрович,
сотрудник центра исследования проблем
русского права «Эквитас»

Аннотация. В настоящей статье на основе анализа различных теоретико-правовых источников и отдельных судебных актов предпринимается попытка уточнить условия диагностирования административного расследования в деятельности должностных лиц пограничных органов при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административно-процессуальное действие; мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении; административное расследование; пограничные органы.

Administrative procedural actions in the activities of officials of border authorities in the conduct of an administrative investigation in cases of administrative offenses

© Zakharov P. A.,
employee of the center of research of problems
Russian Law Equitas

Annotation. In this article, based on the analysis of various theoretical and legal sources and individual judicial acts, an attempt is made to clarify the conditions for diagnosing an administrative investigation in the activities of officials of border agencies in the implementation of proceedings in cases of administrative offenses.

Key words: administrative procedural action; a measure of ensuring the proceedings in a case of an administrative offense; administrative investigation, border authorities.

Центральное место в деятельности должностных лиц пограничных органов по проведению административного расследования занимают процессуальные действия, составляя ее ядро.

На сегодняшний день в административно-правовой науке сформировалось огромное разнообразие подходов к пониманию сущности административного расследования. Однако, как показывают наблюдения, независимо от предлагаемого определения административного расследования практически неизменным остается представление ученых о нем как о совокупности

процессуальных (административно-процессуальных) действий¹. Из

¹ Арзуманян А. А. Административное расследование : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2010; Булгаков А. Н. Административное расследование правонарушений в области обеспечения безопасности дорожного движения : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017; Гулягин А. Ю. Особенности правоохранительной деятельности в сфере административной юрисдикции : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015; Зрелов А. П. Административное расследование нарушений законодательства в области налогов и сборов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005; Калюжный Ю. Н. Административное расследование в механизме производства по делам об административных

содержания ст. 28.7 КоАП РФ видно, что законодатель считает так же. По пути признания административного расследования комплексом процессуальных действий последовала и практика. Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», административное расследование определяется, прежде всего, как комплекс процессуальных действий.

Соглашаясь с данной позицией лишь отчасти, полагаем, что отождествление административного расследования сугубо с совокупностью процессуальных действий не совсем правильно, поскольку в таком случае административное расследование утрачивает собственную форму, лишаясь специфики целей, задач и функций. Процессуальные действия, проводимые в ходе административного расследования, очевидно, не являются хаотичной массой, они составляют комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных процессуальных действий¹, срастающихся в единый, слаженный процесс.

В том, что процессуальные действия буквально пронизывают производство по делам об административных правонарушениях, нет никаких сомнений. Как считает А.П. Шергин, «производство по делам об административных правонарушениях включает в себя ряд процессуальных действий, точнее их совокупностей, именуемых в правовой теории стадиями

административного процесса»². Любая стадия производства по делу аналогично всему административному производству представляет собой совокупность процессуальных действий должностных лиц органов государственной власти³. Поэтому административное расследование, включенное в стадию возбуждения дела об административном правонарушении, не является исключением из общего правила. Выполнение процессуальных действий в рамках административного расследования предполагает соблюдение субъектами административной юрисдикции порядка их совершения, обеспечивающего законность производства по делу. Процессуальные действия — инструмент познания всех обстоятельств совершенного административного правонарушения⁴, их первоочередная задача — обнаружение и закрепление доказательств.

Не любые, между тем, административно-процессуальные действия образуют административное расследование. Наилучшим образом это иллюстрируют судебные органы, нередко отменяющие постановления по делам об административных правонарушениях, так или иначе связанные с вопросами проведения административного расследования, по причине нарушения правил о подсудности⁵. Так, по ряду дел об административных правонарушениях Верховный Суд Российской Федерации признавал незаконными отдельные решения районных судов только на том основании, что они рассматривали дела об административных правонарушениях, в которых совокупность осуществленных процессуальных действий не образовывала административное расследование. Как указывает суд высшей инстанции, определив, что административное

правонарушениях : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005; Пятикова Е. А. Административное расследование по делам о нарушениях таможенных правил : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009; Туганов Ю.Н. Доказательства по делам об административных правонарушениях с участием военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2014. № 6 (204). С. 15—21.

¹ Шевченко О. А. Возбуждение и административное расследование дел об административных правонарушениях в области дорожного движения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 26.

² Шергин А. П. Административная юрисдикция. М., 1979. С. 90.

³ Шевченко О. А. Указ. соч. С. 13.

⁴ Арзуманян А. А. Указ. соч. С. 10.

⁵ См. напр.: Туганов Ю.Н. Обеспечение права военнослужащего на защиту по делам об административных правонарушениях (по материалам судебной практики) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2012. № 5 (179). С. 61-66.

расследование по делу фактически не проводилось, «... судья районного суда на стадии принятия дела к своему производству не дал надлежащей оценки ... обстоятельствам, связанным с соблюдением подсудности ... дела, приняв его к своему производству, вопрос о передаче дела мировому судье ... исследован не был»¹. Напомним, что разрешение дела с нарушением правил подсудности не отвечает требованию справедливого правосудия, поскольку суд, не уполномоченный на рассмотрение того или иного конкретного дела, не является, по смыслу ч. 1 ст. 46 и ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации, законным судом, а принятые в результате такого рассмотрения судебные акты не обеспечивают гарантии прав и свобод в сфере правосудия.

В системе действующего правового регулирования от того, проводилось ли административное расследование, зависит, кто будет рассматривать соответствующее дело об административном правонарушении. Дела, по которым проводилось административное расследование, подлежат рассмотрению исключительно городским (районным) судом (ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ). Если административное расследование не проводилось, судья районного суда при подготовке дела к рассмотрению обязан передать его мировому судье на основании п. 5 ч. 1 ст. 29.4 КоАП². Дело об административном правонарушении также подлежит передаче из районного суда в мировой, если будет обнаружена попытка провести административное расследование правонарушения, не относящегося к отрасли законодательства, указанной в ст. 28.7 КоАП РФ. Так формируется конкуренция полномочий между районным

и мировым судом по рассмотрению дела об административном правонарушении, по которому заявлено, что административное расследование проводилось. Однако, диагностирование административного расследования — вопрос, разрешаемый с трудом даже среди квалифицированных специалистов права, к которым мы относим судей³ (не говоря об уровне подготовки основной массы военнослужащих пограничных органов, уполномоченных на проведение административного расследования), так как установление факта события административного расследования подчинено тому, какие непосредственно процессуальные действия проводились, в каком объеме и сколько времени на это было потрачено. Все перечисленные признаки носят оценочный (неопределенный) характер.

В соответствии со ст. 28.7 КоАП РФ можно понять только то, что административное расследование проводится после выявления ограниченного круга административных правонарушений, выяснение обстоятельств которых сопровождается выполнением экспертизы и иных процессуальных действий, требующих значительных временных затрат. Решение о проведении административного расследования принимается должностным лицом, уполномоченным составлять протокол об административном правонарушении, в виде определения, немедленно после выявления факта совершения административного правонарушения. Тезис о выражении административного расследования в продолжительном выполнении той или иной группы процессуальных действий аналогичным образом воспроизводится Верховным судом Российской Федерации в сформулированном им определении административного расследования.

Какие затраты времени следует считать значительными, ни в КоАП РФ, ни в вышеупомянутом постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации не раскрывается, что

¹ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 5-АД17-108; Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 3 июля 2020 г. № 3-АД20-3.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

³ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2020 г. № 86-АД20-3.

составляет основную причину, по которой так сложно разграничить, было ли проведено административное расследование фактически или нет. По замыслу законодателя и суда процессуальными действиями, требующими значительных временных затрат, признаются: проведение экспертизы, установление потерпевших, свидетелей, допросы лиц, проживающих в другой местности. В остальной части какие-либо разъяснения законодателя и судебного органа последней инстанции отсутствуют. Состав (перечень) процессуальных действий, образующих административное расследование, не определен. Не совсем понятно также, что вообще представляет собой процессуальное (административно-процессуальное) действие. В отличие от уголовно-процессуального законодательства¹, КоАП РФ не содержит легальной дефиниции процессуального действия. Это ведет к тому, что некоторые ученые начинают включать в состав административного расследования действия непроцессуального организационного (организационно-технического) характера². Нет ясности и в том, включают ли процессуальные действия в себя действия по применению мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях или принимаемые должностным лицом, осуществляющим производство, решения, оформляемые соответствующими процессуальными документами. Без этого нельзя представить адекватное уяснение понятия административного расследования, содержание которого базируется на процессуальных действиях.

С учетом существующей неопределенности в части нормативных

оснований и условий, при которых тот или иной комплекс процессуальных действий может быть назван административным расследованием, на практике возможны три наиболее распространенные негативные типовые ситуации:

— первая: административное расследование проведено в целях выяснения обстоятельств административного правонарушения, не затрагивающего одну из областей правоотношений, перечисленных в ст. 28.7 КоАП РФ. При направлении такого дела должностным лицом в судебные органы, его разрешение отнесено к компетенции мирового суда;

— вторая: комплекс процессуальных действий, проведенных по делу об административном правонарушении, не свидетельствует о состоявшемся административном расследовании. Иными словами, их недостаточно для констатации производства по делу об административном правонарушении в форме административного расследования, несмотря на наличие в деле соответствующего определения о проведении административного расследования. Как и в первом случае, дело подлежит рассмотрению мировым судом;

— третья ситуация возникает тогда, когда действий по делу выполнено достаточно для того, чтобы их совокупность признать административным расследованием, однако определение о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования не выносилось. Несмотря на отсутствие в деле процессуального документа, обуславливающего административное расследование, разрешение такого дела по существу согласно последней судебной практике возлагается на районный суд, так как отсутствие в деле определения о проведении административного расследования не исключает возможность выяснения в каждом конкретном деле, было ли административное расследование проведено или нет³.

¹ Согласно п. 32 ст. 5 УПК РФ процессуальное действие — следственное, судебное или иное действие, предусмотренное данным Кодексом.

² Филоненко О. В. Возбуждение и административное расследование милицией дел об административных правонарушениях в сфере оборота алкогольной продукции : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. С. 118; Клоков Е. А. Административное расследование в органах внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 60, 65.

³ Решение Московского городского суда от 6 июня 2019 г. по делу № 7-6103/2019.

Таким образом, представляется уместной и своевременной попытка анализа специальной юридической литературы и законодательства по данной тематике с целью поиска ответа на вопрос: какие именно процессуальные действия и при каких условиях образуют административное расследование.

Во-первых, как уже говорилось, по замыслу законодателя процессуальные действия в составе административного расследования должны требовать значительных временных затрат. Несмотря на пространность формулировки «значительные временные затраты», ряд ученых включают ее в предлагаемые ими понятия административного расследования. Е.А. Пятикова в своей диссертации сочла возможным рассматривать административное расследование в качестве «...комплекса процессуальных действий в рамках производства по делу об административном правонарушении, требующих значительных временных затрат...»¹. В основу понятия административного расследования, предложенного Ю.Н. Калюжным, также положена деятельность «... по проведению экспертизы или других требующих значительных временных затрат процессуальных действий...»². Подобный подход использован и А.П. Зреловым³.

С подобными дефинициями согласиться нельзя. Кроме прочего при их прочтении непонятно, только ли процессуальные действия, требующие значительных временных затрат, формируют административное расследование, или административное расследование может состоять как из процессуальных действий, требующих значительных временных затрат, так и из процессуальных действий, которые не требуют значительных временных затрат. Отвечая на данный вопрос, укажем, что и те, и другие процессуальные действия однозначно наличествуют в каждом административном расследовании.

Изучение специальной юридической литературы и некоторых нормоположений позволяет предложить уход в понятиях административного расследования от расплывчатой формулировки «комплекс процессуальных действий, требующих значительных временных затрат» с заменой ее на «комплекс процессуальных действий, на проведение и оформление результатов которых требуется более двух суток». К такому выводу подталкивает конструкция и анализ ст. 28.5 КоАП РФ. Согласно последовательному изложению ее частей, протокол составляется по формуле: 1. «немедленно» → 2. «в течение двух суток» → 3. «по окончании административного расследования». В связи с этим мы поддерживаем точку зрения А.А. Арзуманяна, согласно которой процессуальным условием, необходимым для назначения и проведения административного расследования, должна быть невозможность установления обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела об административном правонарушении в срок, установленный ч. 2 ст. 28.5 КоАП РФ для составления протокола об административном правонарушении, то есть двое суток⁴.

Однако, и в этом случае, нет гарантии того, что выход должностного лица за пределы двух суток будет связан исключительно с объективными причинами. Практический опыт автора свидетельствует о случаях произвольного применения в пограничных органах административного расследования с целью изменения подсудности административного дела. Бывало, после принятия решения о проведении административного расследования ряд процессуальных мероприятий искусственно пополнялся должностным лицом явно излишними действиями, совершение которых намеренно растягивалось на период, значительно превышающий двое суток, чем обеспечивалась лишь видимость проведения административного расследования. Проблема злоупотребления административным усмотрением в

¹ Пятикова Е. А. Указ. соч. С. 13, 36.

² Калюжный Ю. Н. Указ. соч. С. 10.

³ Зрелов А. П. Указ. соч. С. 8.

⁴ Арзуманян А. А. Указ. соч. С. 9, 54.

применении механизмов административного расследования распространена не только в пограничных органах¹.

В список процессуальных действий, требующих временных затрат, превышающих двое суток, и могущих на этом основании стать причиной проведения административного расследования, учеными, как правило, включаются: проведение экспертизы (ст. 26.4. КоАП РФ), направление поручения по делу об административном правонарушении (ст. 26.9. КоАП РФ), направление запроса по делу об административном правонарушении (ст. 26.9. КоАП РФ), истребование сведений (ст. 26.10. КоАП РФ)², осмотр принадлежащих юридическому лицу помещений, территорий, находящихся там вещей и документов (ст. 27.8 КоАП РФ); изъятие вещей и документов, оценка их стоимости (ст. 27.10 и 27.11 КоАП РФ)³ взятие проб и образцов (ст. 26.5 КоАП РФ), фотографирование или фиксирование иным способом вещественных доказательств (ст. 26.6 КоАП РФ), привлечение специалиста для участия в деле (ст. 25.8 КоАП РФ)⁴. При обращении к административному расследованию должностные лица пограничных органов сталкиваются с указанными процессуальными действиями практически ежедневно.

В данный список следует добавить досмотр транспортного средства (ст. 27.9 КоАП РФ), наиболее часто применяемый в деятельности должностных лиц пограничных органов.

Кроме того, есть ряд действий, проводимых должностными лицами пограничных органов в ходе административного расследования, но с точки зрения законодательства не являющихся процессуальными. Например, осмотр предметов и документов (изъятых рыбной продукции, различных технических средств, электронных носителей информации, промысловой и судовой документации и т.д.). По нашему мнению,

указанным действием давно пора пополнить гл. 26 КоАП РФ⁵.

Несмотря на отнесение к участникам производства по делу об административном правонарушении специалиста (ст. 25.8 КоАП РФ), порядок фиксации в деле содействия специалиста в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств, в законе толком не раскрывается. В связи с этим в практической деятельности встречаются несуществующие в КоАП РФ определения о назначении специалиста, протоколы объяснения специалиста. Убедиться в наличии пробела можно, взглянув на гл. 26 КоАП РФ в целом, не предусматривающую объяснения специалиста в качестве отдельного доказательства, и ст. 26.2, 26.3 КоАП РФ, в частности.

Не лишним было бы предусмотреть в арсенале пограничных органов осмотр места совершения административного правонарушения, образчиком которого должна стать интеграция положений ныне действующих ст. 28.1.1 КоАП РФ (протокол осмотра места совершения административного правонарушения) и 27.8 КоАП РФ (осмотр принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся там вещей).

Анализ, между тем, показывает, что создать универсальный перечень процессуальных действий, который подходил бы для каждого случая проведения административного расследования, вряд ли возможно. Очевидно, что проведение одного и того же процессуального действия или их группы, за исключением экспертизы, в зависимости от конкретных обстоятельств дела может потребовать значительных временных затрат, а может и нет. Сложно при этом назвать административным

¹ Зрелов А. П. Указ. соч. С. 64.

² Там же. С. 8.

³ Пятикова Е. А. Указ. соч. С. 25.

⁴ Калюжный Ю. Н. Указ. соч. С. 35.

⁵ Некоторые направления совершенствования КоАП РФ предложены в статье: Аулов В.К., Туганов Ю.Н. Проекты нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: краткий обзор подходов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 7 (276). С. 21—25.

расследованием выяснение обстоятельств правонарушения при помощи одного запроса (поручения) или истребования сведений, несмотря на то, что именно эти действия каждое в отдельности требуют срока, превышающего двое суток. Так, поручение или запрос подлежат исполнению не позднее чем в пятидневный срок со дня получения указанного поручения либо запроса (ст. 26.9 КоАП РФ), а истребуемые сведения направляются в трехдневный срок со дня получения определения (ст. 26.10 КоАП РФ).

Чтобы снизить уровень энтропии относительно процессуальных действий, притязающих в совокупности на организацию административного расследования, предлагается деление процессуальных действий на две подгруппы:

1) процессуальные действия, безусловно требующие каждое в отдельности временных затрат, превышающих двое суток (экспертиза, поручение, запрос, истребование сведений);

2) процессуальные действия, затраты на проведение которых превышают двое суток только при их совокупном исполнении (все остальные).

В силу нормативно установленных особенностей исполнения первой категории процессуальных действий они с большей вероятностью, чем вторая группа, будут признаны судом, рассматривающим дело по существу административным расследованием.

Второе условие, предъявляемое к процессуальным действиям, претендующим называться в своей совокупности административным расследованием, состоит в том, что процессуальные действия должны быть направлены исключительно на выяснение обстоятельств административного правонарушения, в частности, на обнаружение, фиксирование и процессуальное оформление доказательств по делу. По верному замечанию А.П. Зрелова, основанием для проведения административного расследования является недостаточность информации обо всех обстоятельствах, подлежащих выяснению по делу об административном правонару-

шении, предусмотренных ст. 26.1. КоАП РФ¹. Поэтому, например, уведомление лица о времени и месте составления протокола об административном правонарушении хотя и занимает много времени, но не является основанием для назначения административного расследования.

Не может служить оправданием назначения административного расследования и составление протокола об административном правонарушении, признаваемое в науке процессуальным действием², при том, что на подготовку и составление некоторых протоколов об административных правонарушениях может затрачиваться действительно немало времени. Одна из особенностей протокола об административном правонарушении, составляемого по результатам административного расследования, состоит в том, что его функция заключается, главным образом, в обобщении, систематизации и изложении уже имеющихся к моменту его составления данных, собранных в ходе расследования. Такой протокол сам по себе фактически не устанавливает никаких дополнительных обстоятельств, поскольку их установление, исходя из ст. 26.2 КоАП РФ, допускается иными протоколами, предусмотренными КоАП РФ: объяснениями лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, свидетелей, заключениями экспертов и другими. В то же время функция протокола об административном правонарушении, составляемого немедленно на месте совершения административного правонарушения, дополняется обнаружением и фиксацией обстоятельств совершенного правонарушения. При данной форме производства по делу объяснения лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правона-

¹ Зрелов А. П. Указ. соч. С. 8.

² Попугаев Ю. И. Содержание и оптимизация правового регулирования стадии возбуждения дела об административном правонарушении // Административное право и процесс. 2015. № 4. С. 14—19; Шевченко О. А. Указ. соч. С. 99.

рушении, показания свидетелей чаще отражаются в протоколе об административном правонарушении, а не в отдельном документе, приобщенном к делу (ч. 2 ст. 26.3 КоАП РФ).

По аналогичным причинам с осторожностью следует подходить к построению административного расследования на основании таких процессуальных действий как: вынесение определения о возбуждении дела об административном правонарушении при необходимости проведения административного расследования (п. 4 ч. 4 ст. 28.1, ч. 2 ст. 28.7 КоАП РФ); доставление (ст. 27.2 КоАП РФ); административное задержание (ст. 27.3 КоАП РФ), задержание судна, доставленного в порт Российской Федерации (ст. 27.13.1 КоАП РФ); арест товаров, транспортных средств и иных вещей (ст. 27.14 КоАП РФ); арест судна, доставленного в порт Российской Федерации (ст. 27.14.1 КоАП РФ); направление протокола (постановления прокурора) об административном правонарушении для рассмотрения дела об административном правонарушении (ст. 28.8 КоАП РФ); прекращение производства по делу об административном правонарушении до передачи дела на рассмотрение (ч. 6 ст. 28.7, ст. 28.9 КоАП РФ). Хотя на практике доставление судна в порт и его задержание используются крайне редко если не предвидится проведение экспертизы.

Третье условие для проведения процессуальных действий, формирующих собой административное расследование, выражает зависимость проведения административного расследования от области правоотношений, затрагиваемой совершенным административным правонарушением. Для пограничных органов проведение административных расследований характерно по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды и природопользования (чаще всего ч. 2 ст. 8.17, ч. 2 ст. 8.37 КоАП РФ). С уяснением этого основания для проведения административного расследования сложностей среди пограничных органов, как

правило, не возникает. По этой причине одним из вариантов устранения неопределенности, связанной с основанием проведения административного расследования, может стать закрепление на законодательном уровне конкретных составов административных правонарушений, по которым в обязательном порядке производство по делу ведется в форме административного расследования, независимо от того, сколько времени уйдет на расследование правонарушения. Для этого, естественно, потребуется более четкое разграничение административного расследования от конкурирующей в настоящее время с ней обычной формой производства по делу об административном правонарушении (ч. 2 ст. 28.5 КоАП РФ).

Мы не видим, например, препятствий для закрепления на законодательном уровне обязательного проведения административного расследования по делам об административных правонарушениях, возбуждаемым должностными лицами пограничных органов по ч. 2 ст. 8.17 КоАП РФ. Квалификация правонарушения по данной статье предполагает наличие изъятых или арестованных водных биоресурсов для установления вида, количества и массы которых необходимы специальные познания, а для расчета административного штрафа также стоимость водных биоресурсов, то есть временных затрат, превышающих двое суток.

Примером императивной связи между характером правонарушения и формой производства по делу служит родственная уголовно-правовая отрасль¹, где каждая форма производства предварительного расследования (дознание или предварительное следствие) обслуживает конкретный перечень преступлений. Независимо от того, сколько времени потребуется на расследование того или иного преступления, соответствующая ему процессуальная форма будет обязательной. В этом отношении позитивным сдвигом считаем наметившийся в последние годы переход законодателя от областей

¹ Ст. 151 УПК РФ.

нарушаемых правоотношений, по которым возможно проведение административного расследования, к конкретным составам административных правонарушений (6.1.1, 7.27, 20.6.1 КоАП РФ). Подобная персонафикация административного расследования делает его применение более гибким и эффективным. Аргументация проста. При выделении целых областей правоотношений в них неизбежно просачиваются составы правонарушений, вовсе не нуждающиеся в применении административного расследования. И наоборот, выявление отдельных правонарушений в областях законодательства, не попавших в перечень ст. 28.7 КоАП РФ, с большой очевидностью может потребовать проведения административного расследования.

Согласно четвертому, заключительному, условию, процессуальные действия, образующие административное расследование, проводятся только в рамках возбужденного дела об административном правонарушении на стадии возбуждения дела об административном правонарушении (гл. 28 КоАП РФ), что связано с требованием п. 4 ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ выносить определение о возбуждении дела об административном правонарушении при необходимости проведения административного расследования. Смысл данного условия направлен на предупреждение тех случаев, когда вынесению определения о возбуждении дела и проведении административного расследования предшествует проверка сообщения об административном правонарушении. Решение о проведении административного расследования не следует обосновывать выполненными до возбуждения дела мероприятиями и собранными доказательствами.

Наше небольшое исследование выявило ко всему прочему взаимосвязь процессуальных действий и действий по применению мер обеспечения как отношение целого и части, где целое — административно-процессуальные действия, а часть — действия по применению мер обеспечения производства по делу. Объединенные общими целями, правовой

основой, пространственно-временными характеристиками¹, но различные по приему, способу и форме реализации², процессуальные действия и действия по применению мер обеспечения производства по делу неразрывно связаны между собой как взаимодополняющие и обуславливающие друг друга в едином процессе деятельности должностных лиц пограничных органов по проведению административного расследования.

Несмотря на то, что проанализированные признаки (условия) нельзя признать исчерпывающими, они представляются нам достаточными для распознавания в той или иной группе процессуальных действий административного расследования, проведенного по делу об административном правонарушении. В целом же процессуальные действия в деятельности должностных лиц пограничных органов по проведению административного расследования составляют ее важнейший элемент не только с точки зрения теории административного права, но и практики. Надеемся, что предложенный перечень условий идентификации административного расследования и, как следствие, правомерного отнесения дела к подсудности того или иного суда, помогут неопытным правоприменителям правильно толковать понятие административного расследования, предложенного Верховным Судом Российской Федерации, обходя пробельные зоны КоАП РФ с наименьшими потерями.

Библиография

1. Арзуманян, А. А. Административное расследование : дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Арзуманян. — Ростов-на-Дону, 2010. — 208 с.

¹ Соколов А. Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в системе мер административного принуждения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2013. С. 25—27.

² Булгаков А. Н. Понятие и система административно-процессуальных действий при расследовании правонарушений в сфере безопасности дорожного движения // Вестник Краснодарского университета МВД России 2016. № 4 (34). С. 91—94.

2. Аулов, В.К. Проекты нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: краткий обзор подходов / В.К. Аулов, Ю.Н. Туганов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 7 (276). — С. 21—25.

3. Булгаков, А. Н. Понятие и система административно-процессуальных действий при расследовании правонарушений в сфере безопасности дорожного движения / А. Н. Булгаков // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2016. — № 4 (34).

4. Гулягин, А. Ю. Особенности правоохранительной деятельности в сфере административной юрисдикции : дис. ... д-ра юрид. наук / А. Ю. Гулягин. — М., 2015. — 441 с.

5. Зрелов, А. П. Административное расследование нарушений законодательства в области налогов и сборов : дис. ... канд. юрид. наук / А. П. Зрелов. — М., 2005. — 229 с.

6. Калюжный, Ю. Н. Административное расследование в механизме производства по делам об административных правонарушениях: дис. ... канд. юрид. наук / Ю. Н. Калюжный. — М., 2005. — 233 с.

7. Клоков, Е. А. Административное расследование в органах внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук / Е. А. Клоков. — Омск, 2005. — 188 с.

8. Попугаев, Ю. И. Содержание и оптимизация правового регулирования стадии возбуждения дела об административном правонарушении / Ю. И. Попугаев // Административное право и процесс. — 2015. — № 4.

9. Пятикова, Е. А. Административное расследование по делам о нарушениях таможенных правил : дис. ... канд. юрид. наук / Е. А. Пятикова. — М., 2009. — 220 с.

10. Соколов, А. Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в системе мер административного принуждения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. Ю. Соколов. — Саратов, 2013. — 53 с.

11. Туганов, Ю. Н. Обеспечение права военнослужащего на защиту по делам об административных правонарушениях (по материалам судебной практики) / Ю.Н. Туганов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2012. — № 5 (179). — С. 61—66.

12. Туганов, Ю.Н. Доказательства по делам об административных правонарушениях с участием военнослужащих / Ю.Н. Туганов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2014. — № 6 (204). — С. 15—21.

13. Филоненко, О. В. Возбуждение и административное расследование милицией дел об административных правонарушениях в сфере оборота алкогольной продукции : дис. ... канд. юрид. наук / О. В. Филоненко. — Омск, 2003. — 201 с.

14. Шевченко, О. А. Возбуждение и административное расследование дел об административных правонарушениях в области дорожного движения : дис. ... канд. юрид. наук / О. А. Шевченко. — М., 2015. — 171 с.

Создание военных учебных центров: вопросы совершенствования правового регулирования

© Калашников Валерий Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции

Аннотация. Предметом настоящей статьи являются полномочия различных органов по созданию военных учебных центров в гражданских вузах. Проанализирована статистика создания таких центров, дано разъяснение новаций нормативного регулирования их деятельности, выявлены некоторые проблемы правового регулирования деятельности военно-учебных центров и показаны пути их решения.

Ключевые слова: создание военного учебного центра, подготовка офицеров запаса и кадра в гражданских вузах.

Creation of military training centers: issues of improving legal regulation

© Kalashnikov V.V.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Colonel of Justice

Annotation. The subject of this article is the powers of various bodies to create military training centers in civilian universities. The statistics of the creation of such centers are analyzed, an explanation of the innovations in the regulatory regulation of their activities is given, some problems of the legal regulation of the activities of military training centers are identified and ways of solving them are shown.

Key words: creation of a military training center, training of reserve officers and personnel in civilian universities.

Актуальность поставленного вопроса обусловлена проявлением в последние годы большой активности законодателя в вопросах военной подготовки в гражданских вузах. Это продиктовано различными причинами, прежде всего связанными с обеспечением оборонной безопасности государства, изменением характера внешних и внутренних угроз, необходимостью воспитания молодежи и развития проектов военно-патриотической направленности, развития её активной жизненной позиции и препятствования оттока из регионов.¹

¹ См. подробнее: Корякин В.М., Харитонов В.С. О правовых основах учебных сборов при подготовке граждан к военной службе // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 10 (267). С. 82—85; Харитонов В.С. О некоторых аспектах функционирования добровольной подготовки граждан к военной службе // Военное право. 2019. № 2 (54). С. 147—149; Харитонов В.С. О статусе военнослужащих — работников военных

В апреле текущего года в своем Послании Федеральному Собранию Президент России вновь подчеркнул: «Особое внимание уделить развитию военного образования, сделать это как на основе военно-учебных заведений, так и на базе военных учебных центров при гражданских вузах».

Вспомним, что 20 августа этого года исполнилось 95 лет военной подготовки в гражданских высших учебных заведениях². Как сказал Министр обороны Россий-

учебных центров в контексте обеспечения законности решений об их материальном обеспечении // Военно-юридический журнал. 2019. № 6. С. 8—11, и др.

² Постановлением Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 20 августа 1926 г. «Об утверждении Положения о порядке прохождения высшей допризывной военной подготовки и действительной военной службы в рабоче-

ской Федерации на Всероссийской научно-практической конференции, посвященной этому юбилею, «... сегодня одной из наших задач является создание во всех вузах страны центров военной подготовки. Для этого ректорам вузов предстоит большая работа. Ответственность лежит и на губернаторах, ведь для них эта инициатива тоже должна быть значима и выгодна»¹. В рамках конференции была принята декларация, в соответствии с которой приоритетным направлением признано считать расширение доступности военного обучения для студенческой молодежи путем создания военных учебных центров².

Таким образом, в настоящее время в первую очередь перед вузами и их учредителями — Минобороны России, Минобрнауки России стоит задача реализовать необходимые мероприятия по созданию военных учебных центров (ВУЦ) и предоставить возможность всем студентам пройти обучение по программе военной подготовки. По мнению С.К. Шойгу, «студенты вузов должны самостоятельно выбирать, каким образом исполнить конституционный долг по защите Отечества, — пройти службу по призыву, контракту либо без отрыва от учёбы освоить военную специальность»³.

Учитывая перспективность развития данного направления, у многих ректоров вузов возникает вопрос: как создается ВУЦ и как он осуществляет свою деятельность? Заинтересованность вуза в создании ВУЦ связана в первую очередь с увеличе-

нием ежегодного набора. Не секрет, что для большинства абитуриентов мужского пола определяющим при выборе вуза является наличие организованной военной подготовки.

Как отмечалось Министром обороны России на одной из коллегий Минобороны России «к нам постоянно обращаются депутаты Государственной Думы, члены Совета Федерации, руководители федеральных органов исполнительной власти, представители различных общественных организаций с просьбами открыть военные кафедры в гражданских учебных заведениях», объяснив это тем, что «военные кафедры значительно повышают престиж, статус и конкурентоспособность образовательных организаций». Поэтому важно, чтобы решение об их создании принималось коллегиально. Такой подход позволяет сделать выбор учебных заведений более объективным»⁴.

Вопрос расширения военной подготовки не теряет актуальности еще с 2013 г. в связи с Посланием Президента России Федеральному Собранию, в котором он предложил дать возможность всем студентам пройти в ходе учебы и последующего военного сбора воинскую подготовку и получить военную специальность. В процессе реализации данного Послания в последующем было дополнительно открыто 28 новых ВУЦ, принято 10 федеральных законов, 25 указов Президента Российской Федерации, 28 постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации, более 10 приказов Министра обороны России. За несколько лет были созданы ВУЦ: при Московской академии След-

крестьянской красной армии гражданами, обучающимися в высших учебных заведениях и техникумах и окончившими их» была введена в высших учебных заведениях и техникумах высшая допризывная военная подготовка.

¹ Официальный сайт Минобрнауки России https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=33332.

² С Декларацией и материалами по итогам Всероссийской научно-практической конференции «Военная подготовка студентов — новые возможности и перспективы» (30 апреля 2021 г., КВЦ «Патриот») можно ознакомиться на официальном сайте Минобороны России <https://stat.mil.ru/files/files/declaration.pdf> и парка «Патриот» <http://www.patriot-expo.ru/4103/>.

³ Официальный сайт Минобороны России, https://function.mil.ru/news_page

⁴ Официальный сайт Минобороны <https://function.mil.ru>. Заседание Коллегии Министерства обороны России от 27.03.2017 г. ранее федеральным законом от 3.08.2018 № 309-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования военной подготовки студентов федеральных государственных образовательных организаций высшего образования» взамен существующих видов структурных подразделений военной подготовки в вузах — учебных военных центров, факультетов военного обучения (военных кафедр), единых структурных подразделений — военных учебных центров.

ственного комитета России, Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина, Российской таможенной академии, Санкт-Петербургской академии Следственного комитета России, Юго-Западном государственном университете, Крымском федеральном университете им. В.И. Вернадского, Севастопольском государственном университете, Северо-Кавказском федеральном университете, Тувинском государственном университете, Сибирском федеральном университете и др. Таким образом, в результате проведенной работы военная подготовка организована пока только в 104 вузах, при этом успешно функционирует 96 ВУЦ, в них обучается около 60 тыс. студентов¹.

Военная подготовка является составной частью основной образовательной программы, определяемой в соответствии с установленными Минобороны России квалификационными требованиями, предъявляемыми к военно-профессиональной подготовке выпускников по соответствующим специальностям и специализациям². Её сущность заключается в том, что изучение гражданами учебных дисциплин по программе военной подготовки проводится на базе знаний, получаемых ими в ходе освоения специальных дисциплин по образовательной программе методом военного дня специалитета или магистратуры; сержантов, старшин запаса, солдат, матросов запаса — на базе знаний, получаемых в ходе освоения специальных дисциплин по образовательным программам бакалавриата или специалитета.

В настоящее время существуют две формы военной подготовки обучающихся

в государственных образовательных организациях высшего образования (далее вузах): первая — по программе военной подготовки для прохождения военной службы по контракту на воинских должностях, подлежащих замещению офицерами, после получения высшего образования и вторая — для подготовки запаса.

Непосредственно организация деятельности ВУЦ регулируется совместным приказом Министра обороны Российской Федерации и Минобрнауки России от 13 февраля 2020 г. № 66/212 «Об установлении Порядка замещения должностей работников военного учебного центра при федеральной государственной образовательной организации высшего образования, Перечня отчетных документов, а также документов, которые разрабатываются и ведутся в военном учебном центре при федеральной государственной образовательной организации высшего образования, документов по планированию, организации проведения образовательной деятельности, учету граждан, проходящих военную подготовку, учету и обслуживанию военной техники, Порядка контроля организации деятельности военных учебных центров при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования и проведения военной подготовки», приказом Министра обороны Российской Федерации от 26 августа 2020 г. № 400 «Об определении Порядка приема и обучения граждан Российской Федерации в военных учебных центрах при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования».

Как справедливо отмечает С.М. Фильков, «принципиальная сложность военной подготовки в гражданских вузах заключается во множестве социальных, материальных, военных, педагогических, политических и других системных составляющих, объединяемых в общую совокупность, которая является интегрированной частью системы высшего образования, в том числе военного»³. По мнению С.К. Шойгу, «са-

¹ Красная звезда, <http://redstar.ru/> 26.08.2020/ Система военного образования развивается динамично.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 1 октября 2007 г. № 629 «Об исчислении размера подлежащих возмещению средств федерального бюджета, затраченных на военную подготовку граждан Российской Федерации в военных учебных центрах при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования по программам военной подготовки для прохождения военной службы по контракту на воинских должностях, подлежащих замещению офицерами».

³ Фильков С.М. Проблемы реформирования системы военной подготовки в гражданских вузах Рос-

мое главное заключается в том, что, имея за плечами подготовку по военно-учётной специальности, юноши начинают трудовую деятельность сразу после окончания вуза, без перерыва на службу в армии. Это снижает отток молодёжи из регионов, подстёгивает профессиональную самореализацию и способствует решению кадровых задач на предприятиях оборонной промышленности и реального сектора экономики»¹.

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 3 июля 2019 г. № 848 «Об утверждении Положения о военных учебных центрах при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» ВУЦ создается при федеральной государственной образовательной организации высшего образования в целях обучения граждан Российской Федерации, обучающихся в образовательной организации по очной форме обучения по программам военной подготовки.

В соответствии с подп. 21 п. 10 Положения о Минобороны России, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082 Министр обороны Российской Федерации представляет в установленном порядке предложения по созданию, реорганизации и ликвидации ВУЦ при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования, а также предложения о порядке подготовки граждан по военно-учетным специальностям, представляет в Правительство Российской Федерации проекты положений о ВУЦ.

Рассмотрение вопросов о создании при конкретном вузе ВУЦ осуществляется Коллегией Минобороны России. Коллегия образована в соответствии с Положением о Минобороны России для рассмотрения наиболее важных вопросов деятельности Минобороны. В состав Коллегии по долж-

ности входят Министр обороны Российской Федерации (председатель Коллегии), его заместители, главнокомандующие видами Вооруженных Сил. Количество членов Коллегии и ее состав (кроме лиц, входящих в нее по должности) утверждаются Президентом России по представлению Министра обороны Российской Федерации. По мнению статс-секретаря — заместителя Министра обороны Российской Федерации Н.А. Панкова данный вопрос следует рассматривать и на коллегии Минобрнауки России².

В соответствии со п.13 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» решение о создании ВУЦ при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования принимает Правительство России.

В настоящее время Перечень создаваемых военных учебных центров при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования содержится в приложении к распоряжению Правительства Российской Федерации от 13 марта 2019 г. № 427-р «О военных учебных центрах при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования».

Методические рекомендации по организации деятельности военных учебных центров при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования, утвержденные статс-секретарем — заместителем Министра обороны Российской Федерации 19 февраля 2021 г., содержат форму Соглашения между губернатором, Правительством Российской Федерации и Минобороны России.

Сотрудничество в соответствии с Соглашением предполагает долгосрочное взаимодействие сторон, направленное на совместную деятельность в области подготовки мобилизационного людского ресурса, организацию обмена передовым опытом в области военной подготовки граждан, создание условий для привлечения наиболее подготовленных специалистов к участию в организации и осуществлении

сии // Право и управление. XXI век. 2008. № 1(6). С. 62—66.

¹ Новости КВЦ «ПАТРИОТ» <http://www.patriot-expro.ru/4102/>

² Там же.

военной подготовки, а также проведение совместного обсуждения актуальных вопросов в сфере подготовки военных специалистов в интересах обороны страны и безопасности государства.

Целью сотрудничества является использование потенциала Сторон и дальнейшее совершенствование координации деятельности Сторон при планировании и выполнении мобилизационного людского ресурса в интересах обороны страны и безопасности государства.

Главными задачами при создании ВУЦ являются: создание учебно-материальной базы, подбор кандидатов для замещения должностей преподавательского состава, размещение ВУЦ, которое должно обеспечивать их изолированное расположение от других подразделений вуза, возможность организации и поддержания внутреннего порядка в соответствии с требованиями общевоинских уставов Вооруженных Сил России.

По мнению автора, в настоящее время одним из препятствий массового открытия ВУЦ при вузах является ограниченное количество граждан, привлекаемых к военной подготовке, а также ограниченное количество военнослужащих, направляемых в вузы для прохождения военной службы не на воинских должностях. Кроме того, следует учитывать и то, что расширение военной подготовки сокращает призывной ресурс.

Дело в том, что в соответствии с п. 12 Положения замещение должностей профессорско-преподавательского состава ВУЦ производится в соответствии с его штатным расписанием военнослужащими, направленными в установленном порядке в образовательную организацию, и офицерами запаса. Направление военнослужащих в образовательную организацию для замещения должностей преподавательского состава осуществляется с их согласия на основании приказа Министра обороны Российской Федерации¹.

¹ В настоящее время количество военнослужащих, направляемых на должности профессорско-преподавательского состава, ограничено Указом Президента Российской Федерации от 9 января 2017 г. № 24.

Ранее в структурах военной подготовки должности профессорско-преподавательского состава в основном замещались военнослужащими, однако Указом Президента Российской Федерации от 26 июля 2008 г. № 1001 «О перечне федеральных государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования, при которых созданы учебные военные центры и факультеты военного обучения (военные кафедры) и в которые военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, могут направляться не на воинские должности» было ограничено количество вузов, при которых созданы структуры военной подготовки и в которые военнослужащие, проходящие службу по контракту, могут направляться не на воинские должности, а также была установлена ограниченная численность должностей, которые могут замещаться полковниками².

Как указывается в п. 4 ст. 42 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» федеральными законами и нормативными правовыми актами Президента России могут быть установлены другие случаи прохождения военнослужащим военной службы не на воинских должностях. В соответствии подп. 19 п. 4 ст. 4 Федерального закона «Об обороне» к полномочиям Президента России в области обороны входит установление перечня организаций, осуществляющих деятельность в интересах обороны страны и безопасности государства, и федеральных государственных образовательных организаций высшего образования, в которые военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, могут направляться не на воинские должности, а также общее количество военнослужащих, направляемых не на воинские должности в каждые из указанных организаций.

В соответствии с п. 4 Положения количество граждан, проходящих военную подготовку, устанавливается Минобрнауки

² Калашников В.В. Проблемы правового регулирования деятельности работников военно-учебного центра // Военное право. 2020. № 1 (59). С. 89—96.

России и федеральным органом исполнительной власти (федеральным государственным органом), осуществляющим полномочия учредителя образовательной организации, на основании предложений Минобороны России.

В соответствии с 4. Положения Минобороны России ежегодно определяет потребность в гражданах, привлекаемых к военной подготовке в ВУЦ, и направляет в Минобрнауки и федеральные органы исполнительной власти (федеральные государственные органы), осуществляющие полномочия учредителя образовательных организаций, соответствующие предложения.

Количество граждан, проходящих военную подготовку, устанавливается Минобрнауки России и федеральным органом исполнительной власти (федеральным государственным органом), осуществляющим полномочия учредителя образовательной организации, на основании предложений Минобороны России, при этом учитывая «... особую связанную с материнством социальную роль женщины в обществе»¹, а также п. 5 ст. 17 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», количество граждан женского пола, подлежащих приему в военный учебный центр, не должно превышать 10 % (в законодательстве не закреплено) от общего количества граждан, предлагаемого к обучению по военно-учетной специальности и включается в заявки для обучения по тем военно-учетным специальностям, по которым допускается замещение штатных воинских должностей указанной категорией военнослужащих.

Военная подготовка осуществляется в добровольном порядке на основании заключаемого между гражданином и Минобороны России договора об обучении в ВУЦ по программе военной подготовки для прохождения военной службы по кон-

тракту на воинских должностях, подлежащих замещению офицерами, и о дальнейшем прохождении военной службы по контракту после получения высшего образования или договора об обучении в ВУЦ по программе военной подготовки офицеров запаса, программе военной подготовки сержантов, старшин запаса либо программе военной подготовки солдат, матросов запаса по форме, определяемой Минобороны России.

В заключение необходимо отметить, что деятельность ВУЦ осуществляется в интересах обеспечения обороны и безопасности страны, является важным элементом системы подготовки и накопления профессионального и хорошо обученного мобилизационного людского ресурса как важнейшего условия поддержания обороноспособности государств и осуществляется за счет бюджетных средств². В связи с этим, по мнению автора, создание ВУЦ должно осуществляться на конкурсной основе не только с учетом заинтересованности студентов в создании при их вузе ВУЦ, но и на основе глубокого анализа потребности государства в специалистах того или иного профиля подготовки как применительно к заявкам органов военного управления, так и с учетом современных вызовов и угроз.

Законодателем должен быть выработан механизм создания ВУЦ на основе конкурса с определением потребности в специалистах того или иного профиля, на основе глубокого анализа потребности государства в специалистах исключительно исходя из современных вызовов и угроз, мотивации студентов, а также коли-

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2009 г. № 187-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина К.А...».

² В 2020 г. затраты на обучение граждан в военном учебном центре в год по программе военной подготовки офицеров для прохождения военной службы по контракту на воинских должностях, подлежащих замещению офицерами, в среднем составляют 98 126 руб., см. приказ Министра обороны Российской Федерации «Об утверждении Общих требований к определению нормативных затрат на оказание государственных услуг в сфере национальной обороны, применяемых при расчете объема субсидии на финансовое обеспечение выполнения государственного задания на оказание государственных услуг государственным учреждением» от 14 ноября 2015 г. № 688.

чества ежегодного набора вуза. При этом должны учитывать региональная потребность с целью расширения военной подготовки, так как в настоящее время во многих регионах (многие из которых являются приграничными) она отсутствует.

Учитывая, что отбор студентов в ВУЦ осуществляется на конкурсной основе, то предоставление возможности всем студентам пройти обучение в ВУЦ считается возможным и целесообразным. Студенты должны готовиться к поступлению в ВУЦ заранее и иметь физическую подготовленность и высокий бал по учебе, успешно пройти профессиональный психологический отбор, при этом для достижения эффективного результата должна учитываться их мотивация и направленность.

Библиография

1. Калашников, В.В. Проблемы правового регулирования деятельности работников военно-учебного центра / В.В. Калашников // Военное право. — 2020. — № 1(59). — С. 89—96.

2. Корзун, А.В. О повышении эффективности использования потенциала федеральных государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования в интересах обеспечения обороны и безопасности страны / А.В. Корзун, С.В. Иванов, К.С. Крюков // Динамика систем, механизмов и машин, Омский государственный технический университет. — 2012. — № 5. — С. 30—32.

3. Корякин, В.М. О правовых основах учебных сборов при подготовке граждан к военной службе / В.М. Корякин, В.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 10 (267). — С. 82—85.

4. Фильков, С.М. Проблемы реформирования системы военной подготовки в гражданских вузах России / С.М. Фильков // Право и управление. XXI век. — 2008. — № 1(6). — С. 62—66.

5. Харитонов, В.С. О некоторых аспектах функционирования добровольной подготовки граждан к военной службе / В.С. Харитонов // Военное право. — 2019. — № 2 (54). — С. 147—149.

6. Харитонов, С.С. О статусе военнослужащих – работников военных учебных центров – в контексте обеспечения законности решений об их материальном обеспечении / С.С. Харитонов // Военно-юридический журнал. — 2019. — № 6. — С. 8—11.

Привлечение военнослужащих к административной ответственности и влияние на это интересов военной службы

© Сердюков Сергей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент военного учебного центра Российского государственного университета правосудия, судья 3-го окружного военного суда в отставке
© Коростелев Алексей Сергеевич,
судья Одинцовского гарнизонного военного суда

Аннотация. Статья посвящена особенностям процедуры привлечения военнослужащих к административной ответственности в судебном порядке. Проанализирована роль командования воинских частей в рассмотрении дел об административных правонарушениях, совершаемых военнослужащими и влияние интересов военной службы на вид и размер административного наказания. Осуществлен критический анализ действующего правового регулирования данных вопросов, приведено обоснование вывода о необходимости внесения изменений в КоАП РФ в части, касающейся участия в судебном производстве по данной категории дел командования воинской части.

Ключевые слова: интересы военной службы, административная ответственность, военнослужащие, командир воинской части.

Bringing military personnel to administrative responsibility and the influence of the interests of military service on this procedure.

© Serdyukov S.V.,
PhD in Law, Associate Professor at the Military Training Center of the Russian State University of Justice, retired judge of the 3 district military court
© Korostelev A.S.,
judge of the Odintsovo garrison military court

Annotation. The article is devoted to the peculiarities of the procedure for bringing military personnel to administrative responsibility in court. The role of the command of military units in the consideration of cases of administrative offenses committed by servicemen and the influence of the interests of military service on administrative punishment is analyzed. A critical analysis of the current legal regulation of these issues is carried out, the rationale for the conclusion about the need to amend the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in terms of the command of a military unit and its participation in court proceedings in this category of cases is provided.

Key words: Interests of military service, administrative responsibility, servicemen, commander of a military unit.

В рамках настоящей публикации речь пойдет о специфике процедуры привлечения военнослужащих к административной ответственности, а именно о рассмотрении дел об административных правонарушениях, перечисленных в ч. 1 ст. 23.1 КоАП РФ, то есть подлежащих рассмотрению судьями военных судов.

В соответствии с УВС ВС РФ военнослужащие независимо от воинского звания и занимаемой должности равны перед законом и могут привлекаться к дисциплинарной, административной, материальной, гражданско-правовой и уголовной ответственности в зависимости от характера и

тяжести совершенного ими правонарушения.

При этом в ст. 28 названного Устава предусмотрено, что за административные правонарушения военнослужащие несут дисциплинарную ответственность в соответствии с ДУ ВС РФ, за исключением правонарушений, за которые они несут ответственность на общих основаниях. Перечень таких правонарушений установлен ст. 2.5 КоАП РФ¹.

Помимо специфичной деликтоспособности военнослужащих действующим законодательством установлен прямой запрет применения к ним отдельных видов административных наказаний. Так из содержания гл. 3 КоАП РФ следует, что к военнослужащим не могут быть применены наказания в виде административного ареста и исправительных работ, а на военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, также не может быть наложен административный штраф.

Обособление военнослужащих от иных субъектов административных правонарушений является необходимой мерой, которая продиктована особым правовым статусом данной категории государственных служащих².

В силу ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» на военнослужащих возлагаются обязанности по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, которые связаны с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе с риском для жизни. В связи с особым характером обязанностей, возложенных на военнослужащих, им предоставляются социальные гарантии и компенсации.

Важность задач, решаемых военнослужащими в рамках своей служебной де-

ятельности, является очевидной и не вызывает никаких сомнений. При этом следует понимать, что для военнослужащих профессиональные обязанности выходят на первый план, а выполнение ими государственных задач не должно становиться невозможным ни при каких обстоятельствах.

В этом можно проследить логику законодателя, которая сводится к тому, что полномочие по привлечению военнослужащих к ответственности за ряд проступков передано соответствующим командирам для разрешения данных вопросов с учетом интересов военной службы. Ровно по той же причине законом закреплен запрет на применение к военнослужащим административного ареста и исправительных работ, ведь их реализация фактически делает невозможным надлежащее исполнение обязанностей военной службы на период отбытия наказания, то есть влечет за собой причинение ущерба интересам военной службы³.

Под интересами военной службы следует в первую очередь понимать поддержание боевой готовности воинских подразделений и эффективное выполнении стоящих перед ними задач.

Стратегией национальной безопасности, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, определено, что национальная безопасность представляет собой состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета, независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны

Таким образом, интересы военной службы во многом определяют политику государства, ведь от них напрямую зависит его национальная безопасность.

¹ См. подробнее: Фатеев К.В., Харитонов С.С., Шанхаев С.В. Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: комментарии и судебная практика. М.: За права военнослужащих, 2011.

² Тихалева Е.Ю. О привлечении военнослужащих к административной ответственности // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 4.

³ Ивенин А.Э. О некоторых вопросах административной ответственности военнослужащих // Юридический мир. 2012. № 4. С. 25—27.

Стоит отметить, что в силу ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ дела об административных правонарушениях (указанных в ч. 1 данной статьи), совершенных военнослужащими и гражданами, призванными на военные сборы, рассматриваются исключительно судьями гарнизонных военных судов.

Фактически законодатель напрямую связывает судьбу каждого военнослужащего с военным ведомством и интересами военной службы. В контексте данного исследования это означает, что правоприменитель, разрешая вопрос о привлечении указанной категории лиц к ответственности должен среди прочего учитывать данные публичные интересы.

Вместе с тем, по нашему мнению, действующее законодательство об административных правонарушениях не в полной мере отвечает этой задаче.

Так, в силу ч. 2 ст. 4.1 КоАП РФ при назначении административного наказания физическому лицу учитываются характер совершенного им административного правонарушения, личность виновного, его имущественное положение, обстоятельства, смягчающие административную ответственность, и обстоятельства, отягчающие административную ответственность. Данный перечень является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию.

Здесь хотелось бы отметить, что основной проблемой КоАП РФ остается его безальтернативность, которая делает невозможным индивидуальный подход к каждому делу. Эта проблема уже неоднократно поднималась на страницах научных журналов и в целом заслуживает отдельного исследования¹.

КоАП РФ предоставляет правоприменителю минимум возможностей для индивидуализации наказания и значительно проигрывает в сравнении с тем же уголовным законодательством.

В настоящий момент ни одним нормативно-правовым актом не предусмотрено даже извещение командования о произ-

водстве в отношении военнослужащих дел об административных правонарушениях, не говоря уже о привлечении командиров к участию в таких производствах. То есть, при сложившейся практике командование воинских частей не принимает никакого участия в рассмотрении дел об административных правонарушениях, совершаемых военнослужащими, что является большим упущением, по мнению авторов настоящей статьи.

В первую очередь участие командира воинской части либо его представителя в производстве по делу об административном правонарушении положительно влияло бы на организацию в войсках воспитательной работы.

Так, в подавляющем большинстве аналитических справок военных судов по вопросам правопорядка и соблюдения режима законности в Вооруженных Силах России среди одной из главных причин совершения военнослужащими правонарушений выделяется ненадлежащее исполнение командирами (начальниками) своих обязанностей, предусмотренных ст. 75, 78—80, 144, 145 УВС ВС РФ, по укреплению воинской дисциплины и правопорядка, а также профилактике правонарушений среди подчиненного личного состава.

Как показывает практика, рассмотрение отдельных дел об административных правонарушениях в присутствии личного состава исключительно положительно влияет на правопорядок в подразделениях. Взаимодействуя по данным вопросам с гарнизонными военными судами, командование имело бы возможность чаще проводить в расположении воинских частей выездные судебные заседания.

Не стоит забывать и о том, что в силу ст. 24.1 КоАП РФ одной из задач производства по делам об административных правонарушениях является выявление причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений. По многим делам об административных правонарушениях пояснения командира воинской части или его представителя могли бы способствовать установлению данных обстоятельств.

¹ Морозова Н.А. Безальтернативные административные санкции // Журнал российского права. 2019. № 3.

Более того, участие в производстве по делу командира воинской части сильно упростило бы организацию судебного разбирательства. Так, на командира могла бы быть возложена функция по извещению лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, а также по его доставлению в суд в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 25.1 КоАП РФ.

К слову, последнее предложение не является новеллой в области военного права, ведь в силу ч. 3 ст. 8 Федерального закона «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста» именно на командира воинской части возложена обязанность обеспечить явку в суд военнослужащего, в отношении которого ведется производство по материалам о грубом дисциплинарном проступке.

Также на командование воинских частей было бы целесообразно возложить обязанность и по обеспечению явки в суд свидетелей и потерпевших, проходящих военную службу.

Здесь уместно упомянуть, что в силу ч. 5 ст. 188 УПК РФ именно через командование воинских частей осуществляется вызов для допроса свидетелей и потерпевших, являющихся военнослужащими.

Также следует отметить, что ни КоАП РФ, ни Инструкция по делопроизводству в военных судах не предусматривают направление в адрес командиров воинских частей копий постановлений о назначении военнослужащим административных наказаний.

Фактически, командир воинской части остается в неведении о привлечении подчиненного ему военнослужащего к административной ответственности, что также представляется неправильным. К примеру, военнослужащий, лишенный права управления транспортным средством и умолчавший об этом, при определенных обстоятельствах может быть допущен к управлению военной техникой, что в свою очередь повлечет за собой негативные по-

следствия для командования¹. Будучи уведомленным о лишении военнослужащего специального права, командование воинской части в описанном случае будет иметь возможность заблаговременно заменить водителя, то есть предотвратить потенциально возможное правонарушение.

Не стоит забывать, что в силу ч. 3 ст. 32 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» условия контракта о прохождении военной службы включают в себя обязанность военнослужащего добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. То есть, совершение административного правонарушения военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, в некоторых случаях может свидетельствовать о нарушении им условий этого контракта, что в свою очередь может повлечь его увольнение с военной службы.

Вместе с тем, сложившаяся практика позволяет военнослужащим, признанным виновными в совершении административных правонарушений, при определенных обстоятельствах избежать вышеуказанных негативных последствий. Командиры же воинских частей, которые напрямую отвечают за работу с кадрами и воспитание личного состава, будучи неосведомленными, не поднимают вопрос о благонадежности таких военнослужащих и не ставят его на обсуждение соответствующих аттестационных комиссий, как того требует ч. 2.2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

Как уже было сказано выше, при назначении административного наказания наряду с прочими обстоятельствами учитывается личность виновного. Данное понятие в юридической науке устоялось довольно давно и охватывает не только общие признаки субъекта административного правонарушения, такие как возраст и дееспособность, но и прочие признаки,

¹ Кондратьев С.М. Механизм дисциплинарной и административной ответственности военнослужащих // Военное право. 2015. № 3.

определяющие специфичность его правового статуса, к примеру: особенности трудовой деятельности, служебное положение, прошлое противоправное поведение и т.п.¹

С учетом вышеизложенного представляется, что командир воинской части, участвуя в производстве по делу об административном правонарушении, мог бы давать характеристику служебной деятельности и личным качествам военнослужащих, представлять их служебные карточки и в исключительных случаях, обусловленных служебной необходимостью, ходатайствовать о снисхождении при назначении наказания.

Порой судьи военных судов при назначении военнослужащим административных наказаний не учитывают ни мнение командования воинской части, ни в целом интересы военной службы, а исходят исключительно из установленных по делу обстоятельств. Следует пояснить, что авторы настоящей статьи не утверждают, что такой подход является неправильным, а лишь указывают на то, что в некоторых случаях наряду с обстоятельствами дела и личностью военнослужащего было бы оправдано учесть и служебные интересы, направленные на обеспечение национальной безопасности.

Представим себе ситуацию, когда военнослужащий, проходящий военную службу по контракту на должности водителя, пребывая в отпуске и управляя своим личным транспортом, не сориентировался в дорожной обстановке и выехал на дорогу с односторонним движением, по которой двигался во встречном направлении. За совершение данного правонарушения военнослужащему будет грозить наказание в виде административного штрафа в размере пяти тысяч рублей, либо лишение права управления транспортными средствами на срок до шести месяцев. Предположим, что данный военнослужащий задействован командованием в выполнении важных служебных задач, сопряженных с управле-

нием тяжелой бронетехникой, в связи с чем командир воинской части обращается в суд с ходатайством о назначении его подчиненному наказания, не связанного с лишением права управления транспортными средствами, указав при этом, что такое наказание поставит под удар указанные задачи и негативно скажется на интересах военной службы.

В описанном случае ничего не мешает судье наряду с прочими обстоятельствами принять во внимание при назначении военнослужащему наказания ходатайство командира воинской части. Напротив, по мнению авторов настоящей статьи, следует законодательно закрепить обязанность правоприменителя учитывать такие ходатайства при разрешении дел об административных правонарушениях и давать им оценку в тексте своего постановления.

Однако бывают и другие ситуации, когда санкция статьи КоАП РФ не дает правоприменителю альтернатив при выборе вида наказания.

Как уже было сказано ранее, проблемой действующего законодательства об административных правонарушениях является его безальтернативность. В сравнении с уголовным правом, КоАП РФ предоставляет очень немного возможностей для индивидуализации наказания (данной проблеме мы уделим внимание в следующей публикации, которая связана с исследуемой проблемой).

Так, в силу ч. 2.2 ст. 4.1 КоАП РФ при наличии исключительных обстоятельств, связанных с характером совершенного административного правонарушения и его последствиями, личностью и имущественным положением привлекаемого к административной ответственности физического лица, судья может назначить наказание в виде административного штрафа в размере менее минимального размера административного штрафа, предусмотренного санкцией соответствующей статьи.

В свою очередь, ч. 1 ст. 64 УК РФ предусмотрено, что при наличии исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других

¹ Матвеев С.В. Субъекты ответственности за совершение административных правонарушений // Советское государство и право. 1990. № 5. С. 80—85.

обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, может быть назначено ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, или суд может назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрен этой статьей, или не применить дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного.

То есть в отличие от уголовного законодательства, КоАП РФ не допускает назначения виновному лицу более мягкого вида наказания, чем предусмотрено санкцией соответствующей статьи¹.

Показательным является пример из практики Одинцовского гарнизонного военного суда. Так, согласно постановлению судьи от 22 марта 2021 г. военнослужащая Е. управляя своим личным транспортным средством, совершила столкновение с припаркованным автомобилем, после чего в нарушение п. 2.5 Правил дорожного движения Российской Федерации покинула место происшествия, чем совершила правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ. В судебном заседании Е. вину признала, пояснив при этом, что, прождав владельца пострадавшего автомобиля несколько часов, она все же уехала с места происшествия для выполнения неотложной служебной задачи. Командир воинской части, в которой Е. проходит военную службу, в своем письменном обращении просил не лишать Е. права управления транспортными средствами, поскольку это сделает невозможным ее своевременное прибытие к месту службы, а также исполнение некоторых должностных обязанностей.

Рассмотрев данное дело по существу, оценив все установленные обстоятельства, а также просьбу командира воинской части, судья счел возможным назначить Е. минимально возможное наказание, предусмотренное за данное правонарушение, но

все же постановил лишить ее права управления транспортным средством сроком на один год².

В описанном случае, судья в силу положений КоАП РФ придя к выводу о виновности Е. в совершении административного правонарушения, не имел возможности назначить ей иное наказание, поскольку санкция ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ никаких альтернатив лишению специального права не предусматривает.

Резюмируя все вышесказанное, авторы статьи приходят к выводу о необходимости внесения в КоАП РФ соответствующих изменений, которые бы позволили командирам воинских частей полноправно участвовать в судебных разбирательствах по делам об административных правонарушениях, возбужденным в отношении военнослужащих. Такие изменения положительно сказались бы на правопорядке в воинских подразделениях, предоставили бы командирам больше возможностей в организации своей повседневной деятельности (в том числе воспитательной работы, контроле за подчиненными и т.д.), а также упростили бы процедуру подготовки дел об административных правонарушениях к судебному разбирательству.

Что же касается вопроса о необходимости изменения действующего законодательства в части, касающейся индивидуализации наказания по делам об административных правонарушениях, который был рассмотрен в настоящей статье, то он будет более подробно рассмотрен в последующих публикациях авторов на данную тему.

Библиография

1. Ивенин, А.Э. О некоторых вопросах административной ответственности военнослужащих / А.Э. Ивенин // Юридический мир. — 2012. — № 4. — С. 25—27.
2. Кондратьев, С.М. Механизм дисциплинарной и административной ответственности военнослужащих / С.М. Кондратьев // Военное право. — 2015. — № 3.
3. Матвеев, С.В. Субъекты ответственности за совершение административных правонарушений

¹ Сердюков С.В. Необходимость внесения изменений в КоАП РФ в части, касающейся индивидуализации назначения наказания военнослужащим за совершенные ими административные правонарушения // Военное право. 2021. № 4. С. 141—146.

² Постановление судьи Одинцовского гарнизонного военного суда от 22 марта 2021 г. по делу об административном правонарушении № 5-11/2021

/ С.В. Кондратьев // Советское государство и право. — 1990. — № 5. — С. 80—85.

4. Морозова, Н.А. Безальтернативные административные санкции / Н.А. Морозова // Журнал российского права. — 2019. — № 3. — С. 129—138.

5. Сердюков, С.В. Необходимость внесения изменений в КоАП РФ в части, касающейся индивидуализации назначения наказания военнослужащим за совершенные ими административные правонарушения / С.В. Сердюков // Военное право. — 2021. — № 4. — С. 141—146.

6. Тихалева, Е.Ю. О привлечении военнослужащих к административной ответственности / Е.Ю. Тихалева // Вестник Омской юридической академии. — 2017. — № 4. — С. 94—98.

7. Фатеев, К.В. Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: комментарии и судебная практика / К.В. Фатеев, С.С. Харитонов, С.В. Шанхаев. — М.: За права военнослужащих, 2011. — 336 с.

Об усилении уголовной и административной ответственности за незаконный сбыт оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств и о полномочиях Росгвардии в области оборота оружия

© Шеншин Виктор Михайлович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России; доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, член Национальной ассоциации административистов

Аннотация. В представленной статье рассмотрены некоторые особенности повышения уровня защиты охраняемых уголовным и административным законом прав и свобод человека и гражданина, общественного порядка и общественной безопасности, предупреждения преступлений и административных правонарушений, связанных с незаконным оборотом оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Отмечается, что Росгвардия в своей деятельности по контролю за оборотом оружия ориентируется на главный социальный запрос – обеспечение безопасных условий оборота оружия и соблюдение баланса между частными, публичными и коммерческими интересами.

Ключевые слова: административная ответственность; войска национальной гвардии; оборот оружия; Росгвардия; уголовная ответственность.

On strengthening criminal and administrative responsibility for the illegal sale of weapons, their main parts, ammunition, explosives and explosive devices and on the powers of the Rosgvardiya in the field of arms trafficking

© Shenshin V.M.,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia; Associate Professor of the Department of Criminal Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, member of the National Association of Administrativists

Abstract. The article presents some features of increasing the level of protection of human and civil rights and freedoms protected by criminal law, public order and public safety, prevention of crimes related to illegal trafficking in weapons, their main parts, ammunition, explosives and explosive devices. It is noted that the Rosgvardiya in its activities to control the circulation of weapons is guided by the main social demand – ensuring safe conditions for the circulation of weapons and maintaining a balance between private, public and commercial interests.

Keywords: administrative responsibility; national guard troops; arms trafficking; criminal liability.

По состоянию на 2020 г. в России насчитывалось 3,7 млн. граждан, получивших разрешение на хранение и ношение оружия, у которых в пользовании находилось свыше 6,5 млн. единиц оружия.

Оборот оружия из года в год остается на одном уровне, отмечается даже некоторое сокращение граждан, владеющих оружием. Среднее количество оружия на одного владельца составляет 2 единицы. Теряет свою актуальность владение газовым оружием постольку, поскольку в гражданском обороте появляются современные модели, в том числе и огнестрельного оружия ограниченного поражения.

Приведенным доводам вторит и недавно утвержденная Президентом Российской Федерации Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, в которой достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение такой задачи, как выявление и пресечение преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ.

И хотя система контроля за оборотом оружия в России достаточно эффективна¹, следует отметить, что Росгвардией осуществляются некоторые нормативно-правовые и информационно-технологические проекты, позволяющие упростить контрольные механизмы в отношении владельцев оружия и максимально повысить уровень безопасности оборота гражданского оружия.

Акцентируем внимание читателей на том, что приказом Росгвардии от 14 января 2020 г. № 8 изменена периодичность про-

ведения проверки обеспечения условий хранения (сохранности) оружия в отношении граждан — владельцев оружия. Вместо сплошных ежегодных проверок обеспечения условий хранения (сохранности) оружия у граждан предусмотрено проведение проверок с периодичностью один раз в пять лет².

Одновременно в целях пресечения преступлений, административных правонарушений и противоправных действий руководители территориальных органов Росгвардии вправе самостоятельно определить периодичность проведения указанных проверок, оформив соответствующее письменное мотивированное решение.

Кроме того, данным приказом детализованы и уточнены процедуры проводимых проверочных мероприятий в отношении оружия, находящегося во владении (пользовании) юридических лиц. В частности, разделены процедуры, осуществляемые при обследовании помещений, предназначенных для хранения оружия, и другие проверочные мероприятия.

Процедура обследования помещений, проводимая перед выдачей, продлением срока действия или переоформлением разрешительных документов, предусматривает проведение полного комплекса проверочных мероприятий, в том числе по оценке соответствия обязательных требований, предъявляемых к техническим средствам охраны и иным средствам защиты, инженерному и техническому оборудованию.

При проведении проверки обеспечения условий хранения (сохранности) оружия у юридических лиц (один раз в полугодие) их подтверждение не требуется, поскольку они уже подтверждались в ходе обследования помещений.

Отметим, что основным предметом проверки обеспечения условий хранения (сохранности) оружия у юридических лиц, проводимой один раз в полугодие, является установление факта наличия (отсутствия) оружия и патронов, соответствия

¹ Назарова И.С., Шеншин В.М. Об особенностях оборота некоторых видов оружия // Право в Вооруженных Силах военно-правовое обозрение. 2019. № 6 (263). С. 32—37; Шеншин В.М. О некоторых вопросах межведомственного взаимодействия МВД России и Росгвардии при осуществлении контрольно-надзорной деятельности за оборотом оружия // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 4 (49). С. 109—114.

² Шеншин В.М. Применение механизма «регуляторной гильотины» при реформировании контрольно-надзорной деятельности Росгвардии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. 2021. № 1. С. 178—186.

(несоответствия) их количества сведениям номерного учета и учетной документации, наличия (отсутствия) книг учета, а также исправность (неисправность) названных технических средств охраны и иных средств защиты, инженерного и технического оборудования.

Кроме того, приказом регламентированы процедуры по регистрации приобретенного гражданином охотничьего метательного стрелкового оружия (луков и арбалетов) и отдельных моделей боевого холодного клинкового оружия (кортиков), имеющих у граждан, уволенных из государственной военизированной организации после 1 июля 2017 г. с правом ношения военной формы, а также дополнительно уточняются процедуры, связанные с регистрацией газовых пистолетов, револьверов, сигнального оружия, холодного клинкового оружия, предназначенного для ношения с национальными костюмами народов России или казачьей формой, перерегистрацией оружия в связи с дарением, продажей или наследованием.

В 2021 г. произошел ряд резонансных событий, связанных с применением гражданами оружия, что, конечно же, послужило основанием для внесения законодателем изменений в законодательство, регулирующее оборот оружия.

11 мая 2021 г. Президент Российской Федерации поручил директору Росгвардии разработать новое положение о видах оружия, находящегося в гражданском обороте и у населения на руках, который уже 14 мая 2021 г. рассказал о том, каким образом планируется ужесточение гражданского оборота оружия. В частности, им предложены следующие меры: выдача медицинских справок должна осуществляться государственными учреждениями, частные клиники прекратят осуществление данного вида деятельности; претенденты на получение оружия должны будут проходить психологическое тестирование; ужесточение условий оборота оружия; выдачу полуавтоматического, гладкоствольного оружия необходимо осуществлять только по прошествии пяти лет использования обычного гладкоствольного оружия; прохождение заявителями на получение охот-

ничьего билета «курса молодого бойца», на котором их обучат правилам владения оружием и правилам охоты; усиление контроля к технической оснащенности школ¹.

Сделаем акцент на изменениях, внесенных в законодательство в области оборота оружия. Так, в соответствии с Федеральным законом от 2 июля 2021 г. № 313-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и статьи 79 и 91.1 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» внесены изменения в Федеральный закон «Об оружии» в который включена статья, затрагивающая проведение медицинского освидетельствования на наличие противопоказаний к владению оружием. Установлено, что только государственные или муниципальные медицинские организации уполномочены на проведение такого освидетельствования граждан для оформления заключений о праве на владение оружием. Пройти психиатрическое освидетельствование и химико-токсикологические исследования на наличие в организме запрещенных препаратов физические лица смогут по месту жительства (пребывания).

При отсутствии противопоказаний медицинские организации должны сформировать два заключения:

- об отсутствии противопоказаний к владению оружием;
- об отсутствии в организме наркотических средств, психотропных веществ и их метаболитов.

После этого информация должна передаваться Росгвардии, о чем сообщат гражданину и выдадут выписку о результатах (по его просьбе).

В случае выявления во время медицинского осмотра, освидетельствования или при оказании медицинской помощи у гражданина заболевания, при котором запрещается иметь оружие, медицинская организация обязана оформить сообщение о необходимости

¹ Со стенограммой совещания можно ознакомиться на официальном сайте Президента РФ (<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/65566>).

пройти внеочередное медицинское освидетельствование и об аннулировании действующего заключения (при наличии). Об этом уведомляют владельца оружия и направляют сообщение в Росгвардию.

При этом заключение и сообщение подлежат оформлению в электронном виде, они должны быть заверены усиленной квалифицированной электронной подписью медицинского работника и медицинской организации. После чего все документы подлежат размещению в Единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ).

Стоит напомнить, что в соответствии с Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» на войска национальной гвардии возложена задача по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства России в области оборота оружия¹.

Как видим, войска национальной гвардии наделены соответствующими полномочиями в области оборота оружия, которые в определенной степени изменены.

Статистические данные, представленные МВД России и ФСБ России за 2018—2020 гг., позволяют увидеть, что за указанный период из незаконного оборота изъято свыше 67 тыс. единиц огнестрельного оружия, 3,3 млн. боеприпасов, 14 тыс. взрывных устройств, около 16 тонн взрывчатых веществ, выявлено и ликвидировано более 500 подпольных мастерских по изготовлению, переделке оружия, изготовлению взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также боеприпасов. Зарегистрировано свыше 130 тыс. преступлений, квалифицированных по статьям 222, 222¹, 223, 223¹, 226¹ УК РФ.

¹ Гонтаренко И.А., Шеншин В.М. Особенности осуществления федерального государственного контроля (надзора) в сфере оборота оружия войсками национальной гвардии // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 10. С. 10—17; Назарова И.С., Шеншин В.М. К вопросу нормативно-правового регулирования контроля (надзора) в сфере оборота оружия // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 12 (269). С. 19—25.

Анализ статистики показывает, что налицо рост нелегального распространения огнестрельного оружия, изготовленного путем переделки из гражданского оружия: сигнального, газового, ограниченного поражения, списанного (охлажденного или учебного). Более 60 % изъятого в результате проведенных оперативно-розыскных мероприятий оружия является гражданским, переоборудованным в боевые аналоги.

Акцентируем внимание на том, что поступающая информация свидетельствует о возникновении нового вида устойчивой методики обезличенного, массового и неконтролируемого распространения предметов вооружения по всей территории России с использованием «Интернет», что представляет потенциальную угрозу национальной безопасности. Около 70 % зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, совершено с использованием ресурсов сети «Интернет», что обусловлено возможностью дистанционно и анонимно координировать незаконные операции, в том числе из-за рубежа.

Неснижающийся спрос на оружие и боеприпасы свидетельствует о пренебрежении субъектами, совершающими уголовно-правовые деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 222 УК РФ, наказания. При этом сбыт огнестрельного оружия в отличие от приобретения, передачи, хранения, перевозки и ношения характеризуется повышенной степенью общественной опасности и способствует нелегальному распространению оружия.

До 12 июля 2021 г. уголовным законом разграничения крупнокалиберного огнестрельного оружия от иного (стрелкового) огнестрельного оружия не осуществлялось. Хотя, явно, что у крупнокалиберного огнестрельного оружия имеется повышенное поражающее воздействие, по сравнению с иными видами стрелкового огнестрельного оружия. Боеприпасы к такому виду оружия фактически следует относить к взрывным устройствам. Соответственно, нахождение такого оружия в незаконном обороте характеризуется повышенной степенью общественной опасности. Право-

применительная практика МВД России показывает, что деяния, связанные с незаконным оборотом боеприпасов к крупнокалиберному огнестрельному оружию, квалифицируются по ч. 1 ст. 222 УК РФ, также как деяния, связанные с незаконным оборотом иных боеприпасов (патронов) к огнестрельному оружию.

МВД России в последние годы фиксирует значительный спрос на пневматическое оружие с дульной энергией от 3 до 7,5 Дж (более 50 тыс. единиц в месяц). Для приобретения указанного вида оружия не требуется получения соответствующей лицензии. Вместе с тем интерес отдельных граждан к указанному виду оружия в большей степени обусловлен возможностью внесения относительно несложных механических изменений, позволяющих в десятки раз повысить его поражающие свойства до значений, сравнимых с характеристиками огнестрельного оружия. В половине случаев противоправного применения пневматического оружия в отношении граждан, их имущества, а также животных фиксировалось применение пневматического оружия с дульной энергией свыше 25 Дж. Однако только в каждом десятом преступлении виновные лица привлекались к уголовной ответственности за хулиганство, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

В настоящее время за незаконные изготовление и продажу пневматического оружия с дульной энергией свыше 7,5 Дж предусмотрена лишь административная ответственность в виде незначительного штрафа, не оказывающего должного воздействия на правонарушителей¹.

Указанные факты легли в основу внесения законодателем изменений в уголовный закон, а также в КоАП РФ.

Так, Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 281-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» усилена уголовная ответственность за незаконный сбыт оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

В частности, установлено, что незаконный сбыт огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов к нему (за исключением крупнокалиберного огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему, гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, его основных частей и патронов к нему, огнестрельного оружия ограниченного поражения, его основных частей и патронов к нему), наказывается лишением свободы на срок от 5 до 8 лет со штрафом в размере до 100 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 6 месяцев либо без такового.

Незаконный сбыт газового оружия (за исключением механических распылителей, аэрозольных и других устройств, снаряженных слезоточивыми или раздражающими веществами), а также пневматического оружия с дульной энергией свыше 7,5 Дж теперь наказывается обязательными работами на срок до 480 часов, либо исправительными работами на срок от 1 года до 2 лет, либо ограничением свободы на срок до 2 лет, либо принудительными работами на срок до 2 лет, либо арестом на срок от 3 до 6 месяцев, либо лишением свободы на срок до 4 лет со штрафом в размере до 80 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 6 месяцев или без такового.

Незаконный сбыт взрывчатых веществ или взрывных устройств повлечет за собой лишение свободы на срок от 8 до 11 лет со штрафом в размере от 100 тыс. до 200 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 6 месяцев до 1 года.

¹ Шеншин В.М. Нормативно-правовое регулирование деятельности подразделений лицензионно-разрешительной работы территориальных органов Росгвардии в сфере оборота оружия. — Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России; Северо-Западный Филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия». Белгород: ООО «Эпицентр», 2020.

Незаконный сбыт крупнокалиберного огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему предусматривает лишение свободы на срок от 7 до 10 лет со штрафом в размере от 200 тыс. до 300 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 6 месяцев до 1 года либо без такового.

Также увеличены санкции за незаконное изготовление оружия, незаконное изготовление взрывчатых веществ, незаконные изготовление, переделку или ремонт взрывных устройств.

Помимо усиления уголовной ответственности произошло повышение и административной ответственности. Так, в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2021 г. № 232-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», вступившим в силу с 9 июля 2021 г., разграничена ответственность за нарушение отдельных правил оборота оружия и незаконный оборот; увеличен срок давности привлечения к ответственности.

Указанным Федеральным законом введен новый состав: нарушение правил приобретения или передачи оружия и патронов к нему, по которому на должностных лиц налагается административный штраф от 10 тыс. до 30 тыс. руб., на юридических лиц от 30 тыс. до 100 тыс. руб. либо приостановление деятельности на срок до 30 суток.

В отдельную статью выделен весь незаконный оборот: изготовление, приобретение, продажа, передача, хранение, перевозка оружия и т.д. Должностные лица понесут ответственность в виде наложения на них административного штрафа в размере от 10 тыс. до 50 тыс. руб. или дисквалификацию на срок от 6 месяцев до 3 лет, юридические лица от 300 тыс. до 500 тыс. руб. или приостановка деятельности на срок до 60 суток. Характерной особенностью при этом выступает тот факт, что и у должностных лиц, и у

юридических лиц могут конфисковать оружие и патроны.

Помимо этого, установлены нюансы определения незаконного оборота, к которому, например, следует относить действия, которые запрещены или не предусмотрены законодательством.

Введена административная ответственность за нарушение правил перевозки (транспортирования) или использования оружия, если в результате его, к примеру, потеряли или уничтожили. В указанном контексте должностные лица будут уплачивать административный штраф в размере от 20 тыс. до 50 тыс. руб. или дисквалифицироваться на срок от 6 месяцев до 3 лет, юридические лица от 300 тыс. до 500 тыс. руб. либо приостановление деятельности на срок до 60 суток. Дополнительно могут применить конфискацию.

Срок давности для привлечения к ответственности за нарушения законодательства об оружии увеличили до 1 года, до этого такой срок составлял 2 месяца, а если дело рассматривает судья — 3 месяца.

Нарушение требований законодательства об оружии участником собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования, религиозного обряда и церемонии, культурно-развлекательного, спортивного и иного публичного мероприятия, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, повлечет наложение штрафа на граждан в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей с конфискацией оружия и патронов к нему или без таковой либо лишение права на приобретение и хранение или хранение и ношение оружия на срок от одного года до трех лет с конфискацией оружия и патронов к нему или без таковой.

Участие в деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории России ее деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации, либо нарушение запретов, установленных Федеральным

законом «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, повлечет для должностных лиц — работников аппаратов избирательных комиссий дисквалификацию сроком на 1 год.

Таким образом, усиление уголовной ответственности должно оказать превентивное воздействие на потенциальных субъектов, собирающихся совершить уголовно-правовые деяния, предусмотренные ст. 222, 222¹, 223, 223¹, 226¹ УК РФ, позволит сократить число подпольных мастерских по изготовлению взрывчатых веществ и взрывных устройств и, как следствие, минимизировать их поступление в незаконный оборот в интересах террористических, экстремистских и националистических организаций, а также преступных сообществ.

Внесенные изменения и дополнения в уголовный закон предоставляют дополнительные полномочия правоохранительным органам в сфере противодействия терроризму, экстремизму, а также организованной преступности.

Ожидается существенное сокращение количества оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, находящихся в незаконном обороте, что значительно повышает эффективность превентивной функции УК РФ и укрепления общественного порядка.

В то же время данные законодательные изменения получили неоднозначную оценку военных юристов¹.

В заключении отметим, что Росгвардия в своей деятельности по контролю за оборотом оружия ориентируется на главный социальный запрос — обеспечение безопасных условий оборота оружия и со-

блюдение баланса между частными, публичными и коммерческими интересами.

Библиография

1. Гонтаренко, И.А. Особенности осуществления федерального государственного контроля (надзора) в сфере оборота оружия войсками национальной гвардии / И.А. Гонтаренко, В.М. Шеншин // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2018. — № 10. — С. 10—17.

2. Назарова, И.С. К вопросу нормативно-правового регулирования контроля (надзора) в сфере оборота оружия / И.С. Назарова, В.М. Шеншин // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2019. — № 12 (269). — С. 19—25.

3. Назарова, И.С. Об особенностях оборота некоторых видов оружия / И.С. Назарова, В.М. Шеншин // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2019. — № 6 (263). — С. 32—37.

4. Харитонов, С.С. Уголовная ответственность за незаконный оборот оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: не любые изменения к лучшему / С.С. Харитонов, С.Н. Шарапов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2021. — № 3 (284). — С. 36—45.

5. Шеншин, В.М. Нормативно-правовое регулирование деятельности подразделений лицензионно-разрешительной работы территориальных органов Росгвардии в сфере оборота оружия. — Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России; Северо-Западный Филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия». — Белгород: ООО «Эпицентр», 2020. — 80 с.

6. Шеншин, В.М. О некоторых вопросах межведомственного взаимодействия МВД России и Росгвардии при осуществлении контрольно-надзорной деятельности за оборотом оружия / В.М. Шеншин // *Вестник Санкт-Петербургской юридической академии*. — 2020. — № 4 (49). — С. 109—114.

7. Шеншин, В.М. Применение механизма «регуляторной гильотины» при реформировании контрольно-надзорной деятельности Росгвардии / В.М. Шеншин // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. — 2021. — № 1. — С. 178—186.

¹ Харитонов С.С., Шарапов С.Н. Уголовная ответственность за незаконный оборот оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: не любые изменения к лучшему // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. 2021. № 3 (284). С. 36—45

Вопросы исполнения обязанностей военной службы при оказании военнослужащим медицинской помощи или прохождения ими медицинского освидетельствования

© **Бабайцева Евгения Сергеевна**,
подполковник юстиции, адъюнкт 25 кафедры
Военного университета Министерства обороны
Российской Федерации

© **Большакова Валентина Михайловна**,
кандидат юридических наук, доцент, доцент ка-
федры конституционного и административного
права Нижегородского института управления –
филиала ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

© **Наумов Петр Юрьевич**,
кандидат педагогических наук, помощник
начальника ФГКУЗ «Центр военно-врачебной
экспертизы войск национальной гвардии
Российской Федерации» по правовой работе

Аннотация. В качестве предмета исследования в статье выступают положения федерального законодательства, регулирующие исполнение военнослужащими обязанностей военной службы при оказании им медицинской помощи, нахождении на лечении, следовании к месту лечения и обратно, а также прохождении медицинского освидетельствования. Осуществлен сравнительный анализ указанных правовых норм с нормами, регламентирующими иные виды государственной службы (службы в органах внутренних дел, органах принудительного исполнения, таможенных органах и др.). На основании изучения литературы и нормативных правовых актов предлагается уточнить положения подп. «з» п. 1 ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

Ключевые слова: федеральная государственная служба; военная служба; лечение; исполнение обязанностей военной службы; медицинское обследование и освидетельствование; военно-врачебная экспертиза; гарантии и компенсации; разъяснения; применение права.

Issues of performing the duties of military service when providing medical care to military personnel or passing a medical examination by them

© **Babaytseva E.S.**,
Lieutenant Colonel of Justice, Associate Professor of
the 25 Department of the Military University of the
Ministry of Defense of the Russian Federation

© **Bolshakova V.M.**,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Constitutional and
Administrative Law of the Nizhny Novgorod
Institute of Management-branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy and
Public Administration

© Naumov P.Y.,

Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant to the head of the Federal State Institution "Center for Military Medical Examination of the National Guard Troops of the Russian Federation" for legal work

Annotation. The subject of the research in the article is the provisions of the federal legislation regulating the performance of military service duties by military personnel when providing them with medical care, being treated, following to the place of treatment and back, as well as passing a medical examination. A comparative analysis of these legal norms with the norms regulating other types of public service (services in internal affairs bodies, enforcement bodies, customs authorities, etc.) was carried out. Based on the study of the literature and regulatory legal acts, it is proposed to clarify the provisions of the sub-item. "z" item 1 of Article 37 of the Federal Law "On Military duty and military service".

Keywords: federal state service; military service; treatment; performance of military service duties; medical examination and examination; military-medical examination; guarantees and compensations; explanations; application of law.

Социальность как высшая форма сознательного взаимодействия людей является важной ценностью, качеством личности и ориентиром для построения государственной политики. На уровне основного закона страны определено, что российское государство признается правовым и социальным, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека¹. Одной из форм социальности является законодательное усмотрение обязанностей и предназначения должностных лиц, выполняющих государственно-значимые, т.е. публичные функции.

Случаи, когда военнослужащие считаются исполняющими обязанности военной службы, имеют большое значение как для государственной военной организации, так и для самого военнослужащего. Это имеет острую социальную значимость, поскольку, с одной стороны, законодательно закрепленный конкретный перечень этих случаев позволяет регулировать и определять, когда именно военнослужащий выполняет поставленные перед ним задачи (или действует в интересах личности, общества и государства), а когда его деятельность с этим не связана. С другой стороны, определение этих случаев соответствует общему требованию к норме права

— её конкретности, формальности и недопущении юридико-лингвистической неопределенности.

Вопрос привлечения военнослужащих к исполнению обязанностей военной службы также является важным с точки зрения нормативного правового регулирования и правоприменительной деятельности. Это связано с тем, что от того, исполняет военнослужащий обязанности военной службы или нет, при совершении юридически значимых действий зависят объем его прав, обязанностей и полномочий, объем предоставляемых государством гарантий и компенсаций, а также определения меры ответственности за допущенные правонарушения². В некоторых случаях исполнение обязанностей военной службы является обстоятельством, отягчающим ответственность³ или обстоятельством, исключающим ответственность⁴.

Актуальность изучения вопросов исполнения обязанностей военной службы подтверждается также тем обстоятельством, что мониторинг применения п. 1

¹ Большакова В.М. Конституционная основа стратегических задач муниципальной службы // Власть. 2018. Т. 26. № 9. С. 48—50.

² Большакова В.М., Наумов П.Ю., Шматков Р.Н. Исполнение обязанностей военной службы военнослужащими или выполнение ими служебных обязанностей? К анализу нормативного правового регулирования // Право в Вооруженных Силах—военно-правовое обозрение. 2021. № 7 (288). С. 20—26.

³ Ст. 82 ДУ ВС РФ.

⁴ П. 1 ст. 28.3 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и ст. 8 УВС ВС РФ в целях выявления проблемных вопросов, связанных с определением факта исполнения обязанностей военной службы в момент смерти при решении вопроса о праве членов семей погибших (умерших) военнослужащих на представление социальных гарантий и компенсаций включено в План работы Межведомственной рабочей группы по совершенствованию порядка прохождения военной службы военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, на 2021—2022 гг. Ответственными за реализацию указанного мониторинга назначены соответствующие федеральные органы исполнительной власти, где законом предусмотрена военная служба¹. Вопросы исполнения обязанностей военной службы военнослужащими и специфика нормативного правового регулирования этих случаев находится в поле зрения теоретиков и практиков военного права (А.И. Землин², В.М. Корякин³, А.В. Кудашкин⁴, Д.С. Чукин⁵, К.В. Фатеев⁶, И.В. Холиков⁷ и др.⁸).

Согласно п. 2 ст. 26 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащий считается исполняющим обязанности военной службы в случаях, предусмотренных Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе».

В соответствии с п. 1 ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, считается исполняющими обязанности военной службы в случаях: а) участия в боевых действиях, выполнения задач в условиях чрезвычайного или военного положения, вооруженных конфликтов, а также участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности либо пресечению международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации; б) исполнения должностных обязанностей; в) несения боевого дежурства, боевой службы, службы в гарнизонном наряде, исполнения обязанностей в составе суточного наряда; г) участия в учениях или походах кораблей; д) выполнения приказа или распоряжения, отданных командиром

¹ План утвержден руководителем Межведомственной рабочей группы — статс-секретарем — заместителем Министра обороны Российской Федерации 25 декабря 2020 г.

² Землин, А.И., Докучаев О.В., Емельянова А.И. Правовая работа в военных организациях / под ред. А.И. Землина. М.: Военный университет, 2011; Землин А.И. О генезисе и перспективах развития военной администрации // Вестник военного права. 2016. № 3. С. 39—46.

³ Корякин В.М., Глухов Е.А. О вмешательстве командования в частную жизнь подчиненных (на примере предупреждения дорожно-транспортных происшествий с участием военнослужащих) // Военное право. 2017. № 3 (43). С. 38—48.

⁴ Кудашкин А.В., Фатеев К.В. Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих» (постатейный) / 4-е изд., перераб. и доп. М.: За права военнослужащих, 2005.

⁵ Чукин Д.С. Критерии правомерности обоснованного риска как обстоятельства, исключаящего преступность деяния в условиях военной службы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 6. С. 69—76.

⁶ Корякин В.М., Кудашкин А.В., Фатеев К.В. Военно-административное право (военная администрация) : учебник. М.: За права военнослужащих, 2008.

⁷ Холиков И.В., Бабайцева Е.С. Некоторые вопросы правового регулирования медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2020. № 2 (60). С. 78—86; Холиков И.В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала : монография. М.: ГВКГ им. Н.Н. Бурденко, 2002. С. 161.

⁸ Асеев А.Г., Большакова В.М., Наумова Л.Ю. Установленные сферы деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: комплексный подход к законодательным пробелам нормативного правового регулирования // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 1(270). С. 83—89; Бабайцева Е.С. Система нормативных правовых актов в сфере медицинского обеспечения военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2021. № 1 (65). С. 121—129; Большакова В.М., Наумов П.Ю., Енгибарян Г.В., Лаптев А.А. Реализация мер правовой и социальной защиты военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей: к проблеме правового регулирования соответствующих обязанностей федеральных судов общей юрисдикции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 5(286). С. 83—91.

(начальником); е) нахождения на территории воинской части в течение установленного распорядком дня служебного времени или в другое время, если это вызвано служебной необходимостью; ж) нахождения в служебной командировке; з) нахождения на лечении, следования к месту лечения и обратно; и) следования к месту военной службы и обратно; к) прохождения военных сборов; л) нахождения в плену (за исключением случаев добровольной сдачи в плен), в положении заложника или интернированного; м) безвестного отсутствия — до признания военнослужащего в установленном законом порядке безвестно отсутствующим или объявления его умершим; н) защиты жизни, здоровья, чести и достоинства личности; о) оказания помощи органам внутренних дел, другим правоохранительным органам по защите прав и свобод человека и гражданина, охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности; п) участия в предотвращении и ликвидации последствий стихийных бедствий, аварий и катастроф; р) совершения иных действий, признанных судом, совершенными в интересах личности, общества и государства. Аналогичные нормы закреплены в ст. 8 УВС ВС РФ.

В действовавшем ранее, а ныне отменном УВС ВС РФ 1993 г., в ст. 7 были конкретно определены случаи, когда именно военнослужащие не признаются исполняющими обязанности военной службы (добровольно приведшие себя в состояние наркотического или токсического опьянения; совершающие предусмотренные уголовным законодательством общественно опасные деяния; совершающие самоубийство или покушение на самоубийство, если указанные действия не были вызваны болезненным состоянием или доведением до самоубийства; при нахождении вне расположения воинской части на отдыхе, в увольнении или отпуске, а также при самовольном нахождении вне расположения воинской части или установленного за пределами воинской части места службы, за исключением случаев нахождения в плену, в положении заложника или интернированного, иных действий, признанных судом, совершенными

в интересах общества и государства).

В настоящее время подобная норма закреплена в п. 2 ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», где указано, что военнослужащий или гражданин, проходящий военные сборы, не признается погибшим (умершим), получившим увечье (ранение, травму, контузию) или заболевание при исполнении обязанностей военной службы, если это явилось следствием: а) самовольного нахождения вне расположения воинской части или установленного за пределами воинской части места военной службы, за исключением случаев, предусмотренных подп. «л», «м», «н», «о», «п» и «р» п. 1 данной статьи; б) добровольного приведения себя в состояние опьянения; в) совершения им деяния, признанного в установленном порядке общественно опасным. Указанный перечень имеется и в ст. 8 УВС ВС РФ.

Верховный Суд Российской Федерации, пользуясь правом, предоставленным ему ст. 126 Конституции Российской Федерации в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8¹ в целях обеспечения единства практики применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих, по поводу случаев исполнения обязанностей военной службы дал соответствующие разъяснения. Так, в п. 30 указанного Постановления определено, что право на предоставление социальных гарантий и компенсаций членам семей военнослужащих непосредственно вытекает из факта исполнения военнослужащими обязанностей военной службы. В п. 31 Постановления разъяснено, что разрешая споры, связанные с предоставлением членам семьи указанных лиц социальных гарантий и компенсаций, судам следует проверять, наступила ли гибель (смерть) военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, при исполнении ими обя-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих».

занностей военной службы, принимая во внимание то, что при обстоятельствах, перечисленных в п. 2 ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» (например, совершение ими деяния, признанного в установленном порядке общественно опасным), военнослужащие или граждане, призванные на военные сборы, не признаются погибшими (умершими), получившими увечье или заболевание при исполнении обязанностей военной службы.

Как видно из анализа вышеприведенных нормативных правовых актов в их системной связи с разъясняющими позициями Верховного Суда Российской Федерации одним из случаев, когда военнослужащий, гражданин, проходящий военные сборы, и гражданин, пребывающий в мобилизационном людском резерве, считается исполняющими обязанности военной службы является нахождение на лечении, следования к месту лечения и обратно (подп. «з» п. 1 ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»).

Чтобы установить, в каких именно случаях военнослужащий находится на лечении, необходимо выяснить, что такое лечение, а для понимания того, что следует понимать под лечением, необходимо обратиться к изучению законодательства об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации.

В ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» приведены основные понятия законодательства в сфере здравоохранения. Так, под лечением понимается комплекс медицинских вмешательств, выполняемых по назначению медицинского работника, целью которых является устранение или облегчение проявлений заболевания или заболеваний либо состояний пациента, восстановление или улучшение его здоровья, трудоспособности и качества жизни. В этой же статье дано определение понятия медицинского вмешательства как выполняемого медицинским работником и иным работником, имеющим право на осуществление медицинской деятельности, по от-

ношению к пациенту, затрагивающие физическое или психическое состояние человека и имеющие профилактическую, исследовательскую, диагностическую, лечебную, реабилитационную направленность виды медицинских обследований и (или) медицинских манипуляций, а также искусственное прерывание беременности. Под медицинской помощью в свою очередь понимается комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг.

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь военнослужащих, особенности реализации этого права и порядок оказания медицинской помощи в лечебных, лечебно-поликлинических и профилактических ведомственных медицинских организациях, медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения установлены ст. 16 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», ст. 25 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», ст. 17.1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», ст. 28 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» и др. нормативных правовых актах¹.

Вопросы медицинского обеспечения армии и иных вооруженных формирований с древнейших времен носили важнейший характер, поскольку солдаты и офицеры, входящие в состав вооруженных сил, предназначены для участия в боевых действиях, войнах и вооруженных конфликтах, участие в которых неизбежно связано с гибелью и ранениями личного состава. В связи с этим, от уровня, скорости оказания и качества оказываемой ме-

¹ Наумова Л.Ю., Наумов П.Ю., Пятилышнова О.М., Гибизов А.С. Особенности правового регулирования возмещения расходов за оказание услуг военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации высокотехнологичной медицинской помощи // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 10 (267). С. 77—82.

дицинской помощи зависит не только то, насколько быстро раненые и больные вернутся в строй. Качественная и своевременная медицинская помощь оказывает позитивное влияние на боевой дух своей армии и подрывает моральное состояние противника¹.

Одним из основных принципов построения и функционирования системы государственной службы является единство правовых и организационных основ государственной службы, предполагающее законодательное закрепление единого подхода к организации государственной службы. Реализация принципов построения и функционирования системы государственной службы обеспечивается федеральными законами о видах государственной службы. Указанными федеральными законами могут быть предусмотрены также другие принципы построения и функционирования видов государственной службы, учитывающие их особенности².

Следовательно, для понимания социального значения подп. «з» п. 1 ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» необходимо рассмотреть его в системной взаимосвязи с остальными видами государственной службы в Российской Федерации.

Так, сотрудник органов внутренних дел независимо от места нахождения и времени суток считается выполняющим служебные обязанности в случае, если он: 1) совершает действия по предупреждению и пресечению правонарушений, оказанию помощи лицам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни или здоровья, иные действия в интересах общества и государства; 2) следует к месту службы, командирования, медицинского освидетельствования

(обследования) или лечения и обратно; 3) находится на лечении в медицинской организации в связи с увечьем или иным повреждением здоровья (заболеванием), полученными при выполнении служебных обязанностей; 4) захвачен и содержится в качестве заложника; 5) участвует в сборах, учениях, соревнованиях или других служебных мероприятиях (ч. 3 ст. 68 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Сотрудник уголовно-исполнительной системы Российской Федерации независимо от места нахождения и времени суток считается исполняющим служебные обязанности в случае, если он: 1) совершает действия по предупреждению и пресечению правонарушений, оказанию помощи лицам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни или здоровья, иные действия в интересах общества и государства; 2) следует к месту службы, командирования, медицинского освидетельствования или лечения и обратно; 3) находится на лечении в медицинской организации в связи с увечьем или иным повреждением здоровья (заболеванием), полученными при исполнении служебных обязанностей; 4) захвачен и содержится в качестве заложника; 5) участвует в сборах, учениях, соревнованиях или других служебных мероприятиях (ч. 3 ст. 70 Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»).

Сотрудник органов принудительного исполнения Российской Федерации независимо от места нахождения и времени суток считается исполняющим служебные обязанности в случае, если он: 1) совершает действия по предупреждению и пресечению правонарушений, оказанию помощи лицам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни или здоровья, иные действия в ин-

¹ Большакова В.М., Енгибарян Г.В., Наумов П.Ю. Медицинское обеспечение как особый вид обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов: комментарий к статье 17.1 Федерального закона «Об обороне» от 31 мая 1996 года. // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 2 (283). С. 30—37.

² Ч. 1 и 2 ст. 3 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации».

тересах общества и государства; 2) следует к месту службы, командирования, медицинского освидетельствования или лечения и обратно; 3) находится на лечении в медицинской организации в связи с увечьем или иным повреждением здоровья (заболеванием), полученными при исполнении служебных обязанностей; 4) захвачен и содержится в качестве заложника; 5) участвует в сборах, учениях, соревнованиях или других служебных мероприятиях (ч. 3 ст. 66 Федерального закона от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Обязанности сотрудника таможенного органа по занимаемой должности определяются должностной инструкцией. Порядок разработки и утверждения должностных инструкций устанавливается руководителем Федеральной таможенной службы. Исполнением сотрудником таможенного органа своих должностных обязанностей также являются: 1) участие в сборах, учениях, соревнованиях и других служебных мероприятиях, проводимых в соответствии с планами, утвержденными начальником таможенного органа; 2) действия по защите жизни, здоровья, чести и достоинства личности, а также обеспечение собственной безопасности в связи с исполнением должностных обязанностей; 3) нахождение в положении заложника в связи с исполнением должностных обязанностей; 4) следование к месту службы и обратно, нахождение в служебной командировке; 5) нахождение на лечении, следование к месту лечения и обратно (ч. 2 и 3 ст. 42 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации»).

Поскольку в некоторых из указанных нормативных правовых актов приводится понятие «медицинское освидетельствование», необходимо проанализировать его объем и содержание. Понятие медицинского освидетельствования приводится в ч. 1 ст. 65 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», где под медицинским освиде-

тельствованием лица понимается совокупность методов медицинского осмотра и медицинских исследований, направленных на подтверждение такого состояния здоровья человека, которое влечет за собой наступление юридически значимых последствий. В указанной статье также приводятся виды медицинского освидетельствования и условия его проведения.

Медицинское освидетельствование помимо иных видов проводится в отношении военнослужащих при проведении военно-врачебной экспертизы, для проведения которой они направляются уполномоченными на то должностными лицами, в соответствии с Положением о военно-врачебной экспертизе¹ и изданными в его развитие ведомственными приказами. Например, вопросы организации и проведения медицинского освидетельствования специалистов авиационного персонала государственной авиации врачебно-летными комиссиями регулируется федеральными авиационными правилами медицинского обеспечения полетов государственной авиации, утвержденными приказом Министра обороны Российской Федерации от 27 апреля 2009 г. № 265². При этом в вопросах медицинского освидетельствования специалистов авиационного персонала государственной авиации по-прежнему отмечается пробельность и коллизийность³. Подп. «г» п. 3 Положения о военно-врачебной экспертизе установлено, что на военно-врачебную комиссию возла-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565 «Об утверждении Положения о военно-врачебной экспертизе».

² Холиков И.В., Вовкодав В.С. Законодательное обеспечение медицинского освидетельствования специалистов авиационного персонала государственной авиации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. № 7 (264), 2019. С. 41.

³ См. подробнее: Дамаскин О.В., Холиков И.В. Проблемные вопросы правовой регламентации врачебно-летней экспертизы в России // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2018. № 3 (162). С. 10—13; Холиков И.В., Вовкодав В.С. Человеческий фактор безопасности полётов: военно-правовые аспекты // Военное право. 2017. № 6 (46). С. 177—179.

гается в том числе, определение причинной связи увечий, заболеваний у военнослужащих, а также увечий, заболеваний, приведших к смерти военнослужащих. В соответствии с п. 4 указанного Положения военно-врачебная экспертиза предусматривает проведение медицинского обследования и медицинского освидетельствования.

Таким образом, исходя из анализа научной литературы и нормативных правовых актов, регулирующих иные виды государственной службы в Российской Федерации, следует отметить, что подп. «з» п. 1 ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» можно уточнить и изложить в следующей редакции: «з) при оказании медицинской помощи, следования к месту лечения или медицинского освидетельствования и обратно».

Библиография

1. Асеев, А.Г. Установленные сферы деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: комплексный подход к законодательным пробелам нормативного правового регулирования / А.Г. Асеев, В.М. Большакова, Л.Ю. Наумова [и др.] // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2020. — № 1 (270). — С. 83—89.
2. Бабайцева, Е.С. Система нормативных правовых актов в сфере медицинского обеспечения военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации / Е.С. Бабайцева // *Военное право.* — 2021. — № 1 (65). — С. 121—129.
3. Большакова, В.М. Медицинское обеспечение как особый вид обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов: комментарий к статье 17.1 Федерального закона «Об обороне» от 31 мая 1996 года / В.М. Большакова, Г.В. Енгибарян, П.Ю. Наумов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2021. — № 2 (283). — С. 30—37.
4. Большакова, В.М. Исполнение обязанностей военной службы военнослужащими или выполнение ими служебных обязанностей? К анализу нормативного правового регулирования / В.М. Большакова, П.Ю. Наумов, Р.Н. Шматков // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2021. — № 7 (288). — С. 20—26.
5. Большакова, В.М. Реализация мер правовой и социальной защиты военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей: к проблеме правового регулирования соответствующих обязанностей федеральных судов общей юрисдикции / В.М. Большакова, П.Ю. Наумов, Г.В. Енгибарян, А.А. Лаптев // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2021. — № 5(286). — С. 83—91.
6. Большакова, В.М. Конституционная основа стратегических задач муниципальной службы / В.М. Большакова // *Власть.* — 2018. — Т. 26. — №9. — С. 48—50.
7. Дамаскин, О.В. Проблемные вопросы правовой регламентации врачебно-летней экспертизы в России / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // *Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы.* — 2018. — № 3 (162). — С. 10—13.
8. Землин, А.И. О генезисе и перспективах развития военной администрации / А.И. Землин // *Вестник военного права.* — 2016. — № 3. — С. 39—46.
9. Корякин, В.М. Военно-административное право (военная администрация) : учебник / В.М. Корякин, А.В. Кудашкин, К.В. Фатеев. — М.: «За права военнослужащих», 2008. — 620 с.
10. Корякин, В.М. О вмешательстве командования в частную жизнь подчиненных (на примере предупреждения дорожно-транспортных происшествий с участием военнослужащих) / В.М. Корякин, Е.А. Глухов // *Военное право.* — 2017. — № 3 (43). — С. 38—48.
11. Кудашкин, А.В. Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих» (постатейный); 4-е изд., перераб. и доп. / А.В. Кудашкин, К.В. Фатеев. — М.: За права военнослужащих, 2005. — 752 с.
12. Наумова, Л.Ю. Особенности правового регулирования возмещения расходов за оказание услуг военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации высокотехнологичной медицинской помощи / Л.Ю. Наумова, П.Ю. Наумов, О.М. Пятилышнова, А.С. Гибизов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2019. — № 10 (267). — С. 77—82.
13. Правовая работа в военных организациях / А.И. Землин, О.В. Докучаев, А.И. Емельянова [и др.]; Под ред. А.И. Землина. — М.: Военный университет, 2011. — 152 с.
14. Холиков, И.В. Законодательное обеспеч-

печение медицинского освидетельствования специалистов авиационного персонала государственной авиации / И.В. Холиков, В.С. Вовкодав // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. — 2019. — № 7 (264). — С. 38—44.

15. Холиков, И.В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала : монография / И.В. Холиков. — М.: ГВКГ им. Н.Н. Бурденко, 2002.

16. Холиков, И.В. Некоторые вопросы правового регулирования медицинского обеспечения войск национальной гвардии Россий-

ской Федерации / И.В. Холиков, Е.С. Бабайцева // Военное право. — 2020. — № 2 (60). — С. 78—86.

17. Холиков, И.В. Человеческий фактор безопасности полётов: военно-правовые аспекты / И.В. Холиков, В.С. Вовкодав // Военное право. — 2017. — № 6 (46). — С. 177—179.

18. Чукин, Д.С. Критерии правомерности обоснованного риска как обстоятельства, исключающего преступность деяния в условиях военной службы / Д.С. Чукин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 6. — С. 69—76.

Отпуск по уходу за ребенком, предоставляемый военнослужащим, не являющимся его родителями

© Зайков Денис Евгеньевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Гражданское право, международное частное
право и гражданский процесс» Юридического
института Российского университета транспорта

Аннотация. В статье рассматривается проблема предоставления отпуска по уходу за ребенком военнослужащим женского пола, не являющимся матерью (усыновителем) ребенка. Отсутствие правового регулирования указанного вопроса, противоречивая правоприменительная и судебная практика актуализируют необходимость разрешения рассматриваемой проблемы в законодательном порядке. Автор предлагает регламентировать указанные отношения по аналогии с порядком, установленным для сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: военнослужащие женского пола, бабушка, отпуск по уходу за ребенком, материнское попечение.

Parental leave granted to military personnel who are not his parents

© Zaikov D.E.,

Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Civil Law, Private International Law
and Civil Procedure of the Law Institute of the
Russian University of Transport

Annotation. The article deals with the problem of granting parental leave to female servicemen who are not the mother (adoptive parent) of a child. The lack of legal regulation of this issue, contradictory law enforcement and judicial practice actualize the need to resolve the problem under consideration in the legislative order. The author suggests regulating these relations by analogy with the procedure established for employees of internal affairs bodies.

Key words: female military personnel, grandmother, parental leave, maternal care.

Военнослужащие, как и иные граждане, являются активными участниками различных правоотношений — семейных, налоговых, гражданских, земельных, жилищных и др. Вместе с тем, специфика правового статуса военнослужащих обуславливает определенные особенности такого участия, заключающиеся в основном в наличии отдельных ограничений их соответствующих прав и свобод.

Лица, несущие военную службу, выполняют конституционно значимые функции, чем предопределяется их специальный правовой статус, обусловленный необходимостью выполнения ими долга и обязанности гражданина Российской Федерации по защите Отечества. Федераль-

ный законодатель, определяя специальный правовой статус военнослужащих, вправе в рамках своей дискреции устанавливать для них как ограничения в части реализации гражданских прав и свобод, так и особые обязанности, обусловленные задачами, принципами организации и функционирования военной службы, а также специфическим характером деятельности лиц, проходящих военную службу.

Поступая на военную службу по контракту, гражданин реализует право на свободное распоряжение своими способностями к труду и тем самым добровольно приступает к осуществлению такой профессиональной деятельности, занятие которой предполагает, во-первых, наличие

определенных ограничений его прав и свобод, свойственных данной разновидности государственной службы, а во-вторых, исполнение обязанностей по обеспечению обороны страны и безопасности государства. Соответственно, военнослужащий обязуется подчиняться требованиям закона, ограничивающим его права и свободы, а также возлагающим на него особые публично-правовые обязанности¹.

Одним из показательных примеров подобного является ограничение прав военнослужащих мужского пола, вытекающих из семейных отношений. В частности, отсутствие у них права на предоставление отпуска по уходу за ребенком².

В соответствии с п. 9 ст. 10 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (далее — Закон о статусе военнослужащих) военнослужащие женского пола и военнослужащие, воспитывающие детей без отца (матери), пользуются социальными гарантиями и компенсациями в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами об охране семьи, материнства и детства.

Анализ данного положения приводит к выводу о том, что все категории военнослужащих женского пола без исключений обладают соответствующими правами. Военнослужащие мужского пола такими правами наделяются только в случае воспитания детей без матери.

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2009 г. № 187-О-О.

² См., напр.: Стренина Е.А. Возможно ли предоставление военнослужащему мужского пола отпуска по уходу за ребенком? // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2006. № 7. С. 16—17, Гаврюшенко П.И., Монахов А.А. Положения российского законодательства, препятствующие предоставлению отпуска по уходу за ребенком военнослужащим мужского пола, проходящим военную службу по контракту, не являются дискриминационными и не препятствуют им в осуществлении права на воспитание своих детей // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2009. № 11. С. 57—58, Зайков Д.Е. Отпуск по уходу за ребенком для военнослужащих мужского пола: быть или не быть? // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2011. № 5. С. 7—12.

С учетом п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих», в силу которого нормы трудового законодательства могут применяться к правоотношениям, связанным с прохождением военной службы, лишь в случаях, когда об этом имеется прямое указание в законе, указанные выводы представляются обоснованными. Однако конкретное правовое регулирование отдельных вопросов реализации военнослужащими своих прав в сфере семейных отношений вносит в них существенную коррективу.

В соответствии с п. 13 ст. 11 Закона о статусе военнослужащих военнослужащим женского пола предоставляются отпуск по беременности и родам, а также отпуск по уходу за ребенком в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. В силу п. 5 ст. 32 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащему женского пола по его желанию предоставляется отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет.

Отсутствие упоминания в указанных правовых нормах о военнослужащих мужского пола исключает наличие у них права на отпуск по уходу за ребенком даже в случае его воспитания без матери. Соответствующая позиция, несмотря на наличие отдельных, ставящих ее под сомнение обстоятельств³, является преобладающей в судебной практике⁴.

³ См., напр.: Постановление Европейского Суда по правам человека (Большая Палата) от 22 марта 2012 г. Дело «Konstantin Markin v. Russia» (жалоба № 30078/06).

⁴ См., напр.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2009 г. № 187-О-О; Апелляционное определение Восточно-Сибирского окружного военного суда от 6 февраля 2014 г. по делу № 33-56/2014; Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Московского окружного военного суда от 21 апреля 2016 г. по делу № 33а-569/2016.

При этом если предоставление отпуска по уходу за ребенком военнослужащему женского пола — матери ребенка вопросов не вызывает, то наличие права на такой отпуск у иных категорий военнослужащих женского пола остается открытым и в правоприменительной практике решается неоднозначно.

Вышеприведенные положения, предусматривающие особенности реализации военнослужащими права на отпуск по уходу за ребенком, не конкретизируют степень родства военнослужащего женского пола и ребенка, в связи с уходом за которым предоставляется соответствующий отпуск. Именно это обстоятельство и создает предпосылки для неоднозначного определения перечня категорий военнослужащих женского пола, обладающих правом на отпуск по уходу за ребенком.

Кроме того, п. 9 ст. 10 Закона о статусе военнослужащих, предусматривая распространение на военнослужащих женского пола социальных гарантий и компенсаций в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами об охране семьи, материнства и детства без каких-либо ограничений, обуславливает применение в указанной ситуации ст. 256 ТК РФ. Согласно указанной норме права по заявлению женщины ей предоставляется отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет. Отпуск по уходу за ребенком может быть использован полностью или по частям также отцом ребенка, бабушкой, дедом, другим родственником или опекуном, фактически осуществляющим уход за ребенком.

Таким образом, закон прямо предусматривает возможность предоставления отпуска по уходу за ребенком не только его родителям, но и неограниченному кругу лиц, который с учетом специфики правового регулирования рассматриваемых отношений, состоит исключительно из военнослужащих женского пола. Предоставление отпуска по уходу за ребенком не зависит от степени родства и совместного проживания указанного лица с родителями

(родителем) ребенка¹. Единственное требование, которое предъявляет трудовое законодательство к такому лицу, — осуществление фактического ухода за ребенком.

На практике в качестве таких военнослужащих наиболее часто выступают бабушки ребенка, реже — тети.

Судебная практика по вопросу законности предоставления отпуска по уходу за ребенком военнослужащим женского пола, не являющимся его матерью, различна.

Так, Судебная коллегия по административным делам Северо-Кавказского окружного военного суда в апелляционном определении от 15 марта 2017 г. по делу № 33а-400/2017 указала:

«В соответствии с п. 9 ст. 10 Закона о статусе военнослужащих военнослужащие женского пола пользуются социальными гарантиями и компенсациями в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами об охране семьи, материнства и детства.

Данное законоположение является по своему характеру отсылочной нормой, применяется только в системной связи с другими положениями Закона статусе военнослужащих и нормами иных нормативных правовых актов.

Согласно п. 13 ст. 11 Закона о статусе военнослужащих и п. 5 ст. 32 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащим женского пола предоставляются отпуск по беременности и родам, а также отпуск по уходу за ребенком в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ. По смыслу вышеприведенных положений законодательства воспользоваться правом на отпуск по уходу за ребенком могут лишь те военнослужащие женского пола, которые в силу ст. 255 ТК РФ имеют право и на отпуск по беременности и родам на основании выданного им в установленном порядке листка нетрудо-

¹ Абз. 2 п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2014 г. № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 1).

способности, то есть, женщины, воспитывающие родных или усыновленных детей.

Норма же абз. 2 ст. 256 ТК РФ, предусматривающая, что отпуска по уходу за ребенком могут быть использованы полностью или по частям не только матерью ребенка, но и родственником или опекуном, фактически осуществляющим уход за ним, на военнослужащих, в том числе женского пола, не распространяется, поскольку прямого указания о том, что являющиеся военнослужащими отец ребенка, его бабушка, дед либо другой родственник имеют право на предоставление этого вида отпуска, федеральный закон не содержит.

Таким образом, военнослужащей женского пола в предоставлении отпуска по уходу за ее внуком до достижения им возраста трех лет отказано на законных основаниях, так как действующим законодательством не предусмотрено предоставление такого отпуска военнослужащим женского пола, не являющихся родителями (усыновителями) детей»¹.

Московский окружной военный суд, занимая аналогичную позицию, подчеркивал, что, устанавливая право на отпуск по уходу за ребенком в порядке исключения только военнослужащим женского пола, воспитывающим родных или усыновленных детей, законодатель исходил из весьма ограниченного участия женщин в осуществлении военной службы и особой, связанной с материнством социальной роли женщины в обществе, что согласуется с положением ч. 1 ст. 38 Конституции Российской Федерации².

Указанная позиция, несмотря на ее распространение, основана на достаточно вольном и ограниченном, телеологическом толковании рассматриваемых норм права, что значительно снижает основательность

такого подхода и создает предпосылки для ее опровержения.

Например, Московский окружной военный суд в Обзоре судебной практики гарнизонных военных судов Московского окружного военного суда по гражданским делам за второе полугодие 2014 г., в целом поддерживая вышеуказанные постулаты, изменил свою точку зрения и пришел к иным выводам:

«Закон о статусе военнослужащих предусматривает в качестве гарантии и льготы при прохождении военной службы отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, который предоставляется военнослужащим женского пола в связи с их материнством.

Указания на то, что данная льгота распространяется на других родственников ребенка, являющихся военнослужащими женского пола, проходящими военную службу по контракту, даже в случае воспитания ребенка без матери, действующее законодательство, регулирующее порядок прохождения военной службы, не содержит.

При этом в силу ст. 11 ТК РФ, согласно которой трудовое законодательство и иные акты, содержащие нормы трудового права, на военнослужащих при исполнении ими обязанностей военной службы не распространяются (если в установленном ТК РФ порядке они одновременно не выступают в качестве работодателей или их представителей), положения ст. 256 ТК РФ в отношении военнослужащих не применяются.

Вместе с тем ст. 38 Конституции Российской Федерации, ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ), а также общепризнанными принципами и нормами международного права, в частности ст. 3 Конвенции о правах ребенка, одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. и вступившей в силу в силу для СССР 15 сентября 1990 г., установлены гарантии прав и законных интересов детей.

В силу указанных правовых норм, материнство и детство, семья находятся под защитой государства, которое обязано обеспечить ребенку защиту и заботу, не-

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Северо-Кавказского окружного военного суда от 15 марта 2017 г. по делу № 33а-400/2017.

² Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского окружного военного суда от 21 июня 2012 г. по делу № 33А-429.

обходимые для его благополучия и развития, принимая во внимание права и обязанности его родителей, опекунов или других лиц, несущих за него ответственность по закону, и с этой целью государство должно принимать все соответствующие законодательные и административные меры.

Согласно п. 1 ст. 4 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» целями государственной политики в интересах детей являются осуществление прав детей, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, недопущение их дискриминации, упрочение основных гарантий прав и законных интересов детей, а также восстановление их прав в случаях нарушений.

Помимо этого, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2013 г. № 19-П отмечается, что обеспечение благополучного и защищенного детства как конституционно признаваемая обязанность государства, вытекающая из Конституции Российской Федерации, требует разработки и проведения эффективной правовой политики в этой области, направленной на недопущение дискриминации несовершеннолетних, упрочение гарантий их прав и законных интересов, а также восстановление этих прав в случаях их нарушения, формирование правовых основ гарантий прав ребёнка, защиту детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие.

Из материалов дела следует, что отец ребенка является военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, и в силу закона отпуск по уходу за ребенком ему предоставлен быть не может. Фактический уход за внуком ввиду смерти его матери осуществляет заявитель (бабушка ребенка). Сведений о том, что имеются иные лица, кроме заявителя, которые могли бы осуществлять надлежащий уход за ребенком, материалы дела не содержат.

Исходя из приведенных выше норм и обстоятельств дела, при отсутствии прямого указания в нормативных актах, регули-

рующих порядок прохождения военной службы, на предоставление отпуска по уходу за ребенком военнослужащей женского пола, являющейся его бабушкой, и невозможности предоставления такого отпуска в силу закона отцу ребенка, в целях защиты его интересов суду при разрешении настоящего гражданского дела надлежало руководствоваться конституционными нормами и нормами международного права.

Следовательно, отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет может быть предоставлен военнослужащей женского пола — бабушке ребенка в том случае, если она фактически осуществляет уход за ним, и в силу закона или иных объективных обстоятельств, этот отпуск не может быть предоставлен родителям ребенка».

Данный подход, когда основу решения суда составляют не конкретные правовые нормы, а основополагающие принципы права и положения Конституции Российской Федерации, безусловно, заслуживает внимания и поддержки, так как тем самым реализуется сама сущность правового государства и обеспечивается действительная судебная защита прав и свобод гражданина.

Стоит указать, что у судов имела место и более упрощенная позиция, в силу которой отпуск по уходу за ребенком военнослужащей женского пола, не являющейся его матерью (усыновителем), предоставлен быть может, однако при условии соблюдения требований, установленных абз. 3 п. 19 Постановления Пленума ВС РФ № 1: заявитель фактически осуществляет уход за ребенком и искомый отпуск не предоставлен матери ребенка¹.

Таким образом, действующее правовое регулирование не содержит нормативного решения проблемы предоставления отпуска по уходу за ребенком военнослужащему женского пола, не являющемуся его матерью (усыновителем). Несмотря на это, ин-

¹ См., напр.: Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Северо-Кавказского окружного военного суда от 9 декабря 2015 г. по делу № 33а-2773/2015.

тересы ребенка в указанной ситуации должны быть в безусловном приоритете. Перед законодателем стоит задача урегулировать данную ситуацию в целях как недопущения нарушения прав военнослужащих на отпуск по уходу за ребенком, так и исключения возможности злоупотребления указанным правом с их стороны.

В свете рассматриваемой проблемы интерес представляет специфика правового регулирования предоставления отпуска по уходу за ребенком в иных силовых структурах.

Так, ранее действовавшая редакция ч. 8 ст. 56 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о службе в ОВД) предусматривала, что сотрудникам органов внутренних дел женского пола предоставляется отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет в порядке, установленном трудовым законодательством¹.

Данное положение в правоприменительной и судебной практике также толковалось неоднозначно, что приводило к судебным спорам².

Вместе с тем, в 2019 г. ч. 8 ст. 56 Закона о службе в ОВД была скорректирована — сотруднику органов внутренних дел женского пола, являющемуся матерью (усыновителем), предоставляется отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет в порядке, установленном трудовым законодательством. Указанный отпуск может быть предоставлен сотруднику, являющемуся отцом (усыновителем), опекуном, бабушкой, дедом и фак-

тически осуществляющему уход за ребенком, только в случае отсутствия материнского попечения по объективным причинам (смерть матери, лишение ее родительских прав, длительное пребывание в медицинской организации и другие причины) на период отсутствия материнского попечения³.

Указанная редакция данного положения в наибольшей степени отвечает специфике регламентируемых отношений, при этом она привела к исключению имевшихся пробелов в правовом регулировании и обеспечению баланс публичных и личных семейных интересов сотрудников органов внутренних дел. Установление закрытого перечня лиц, имеющих право на отпуск по уходу за ребенком, позволило, с одной стороны, ограничить круг лиц, наделенных указанным правом⁴, а с другой — обеспечить возможность реализации права на отпуск по уходу за ребенком его близкими родственниками⁵ при условии отсутствия материнского попечения. При этом ограничение срока отпуска по уходу за ребенком периодом отсутствия материнского попечения также видится обоснованным.

Как представляется, анализ практики применения ч. 8 ст. 56 Закона о службе в ОВД с учетом специфики правового статуса военнослужащих и особенностей про-

¹ Стоит указать, что данная норма права предусматривала и право сотрудника органов внутренних дел, являющегося отцом ребенка, на предоставление отпуска по уходу за ним, но при условии, что воспитание осуществляется отцом без матери (в случае ее смерти, лишения ее родительских прав, длительного пребывания в лечебном учреждении и в других случаях отсутствия материнского попечения по объективным причинам).

² См., напр.: Определение Московского городского суда от 28 июля 2017 г. по делу № 4г/8-7969.

³ См.: ст. 1 Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 318-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁴ Сотрудники органов внутренних дел реализуют публичные полномочия, защищая от преступных и иных противоправных посягательств практически все категории физических и юридических лиц. Отсутствие сотрудников на службе, введенное в систему, негативно сказывается на защите прав и свобод указанных лиц. Соответствующие положения обусловлены необходимостью создания условий для эффективной профессиональной деятельности сотрудников (Пояснительная записка к проекту федерального закона № 735185-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Гарант»).

⁵ Вопрос об обоснованности подобного перечня лиц, конечно, дискуссионный.

хождения военной службы может быть использован для разработки и внесения изменений в п. 9 ст. 10 и п. 13 ст. 11 Закона о статусе военнослужащих в целях разрешения проблемы предоставления отпуска по уходу за ребенком военнослужащему женского пола, не являющемуся его матерью (усыновителем).

Библиография

1. Гаврюшенко, П.И. Положения российского законодательства, препятствующие предоставлению отпуска по уходу за ребенком военнослужащим мужского пола, проходящим военную службу по контракту, не являются

дискриминационными и не препятствуют им в осуществлении права на воспитание своих детей / П.И. Гаврюшенко, А.А. Монахов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2009. — № 11. — С. 57—58.

2. Зайков, Д. Е. Отпуск по уходу за ребенком для военнослужащих мужского пола: быть или не быть? / Д.Е. Зайков // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2011. — № 5. — С. 7—12.

3. Стренина, Е.А. Возможно ли предоставление военнослужащему мужского пола отпуска по уходу за ребенком? / Е.А. Стренина // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2006. — № 7. — С. 16—17.

Об актуальности трактовки правовых предписаний в сфере жилищного обеспечения военнослужащих применительно к материалам военно-судебной практики

© Харитонов Станислав Станиславович,
кандидат юридических наук, профессор

© Миронов Владимир Сергеевич,
кандидат юридических наук, начальник учебной части — заместитель начальника кафедры военно-юридической подготовки Военного учебного центра при Российском государственном университете правосудия

Аннотация. В статье с ссылкой на судебные решения военных судов в сфере жилищного обеспечения военнослужащих представлены правовые подходы относительно разрешения спорных ситуаций в указанной сфере.

Ключевые слова: военные суды, судебная практика, жилищное обеспечение военнослужащих.

On the relevance of the interpretation of legal regulations in the field of housing for military personnel in relation to the materials of military judicial practice

© Kharitonov S.S.,
candidate of legal sciences, professor

© Mironov V.S.,
candidate of legal sciences, head of the training unit — deputy head of the department of military-legal training at the Military Training Center at the Russian State University of Justice

Resume. The article with reference to court decisions of military courts in the field of housing for military personnel presents legal approaches to resolving disputes in this area.

Key words: military courts, judicial practice, housing for military personnel.

Многочисленность законов в государстве есть то же, что большое число лекарей: признак болезни и бессилия.

Вольтер

Обеспечение военнослужащих и членов их семей жилыми помещениями по установленным нормам является одним из приоритетных направлений социальной политики, проводимой руководством страны и военного ведомства. И это не случайно, поскольку желание и возможность иметь свой домашний очаг является не только жизненной потребностью человека,

но и закреплено в Конституции России (ст. 40).

Порядок получения (приобретения) жилья военнослужащими регулируется нормативными актами, среди которых базовыми являются ЖК РФ и Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих». В последние годы расширились формы обеспечения жилыми

помещениями военнослужащих, и это привело к значительному увеличению числа нормативных актов, описывающих реализацию той или иной формы, с постоянными изменениями правовых норм, что в свою очередь влечет увеличение числа судебных дел, связанных с реализацией жилищных прав военнослужащих и характеризующихся повышенной сложностью для их рассмотрения, о чем не раз отмечали в своих научных публикациях военные юристы¹.

Поскольку складывающаяся судебная практика в области жилищного обеспечения военнослужащих, особенно на уровне высшей судебной инстанции, позволяет и воинским должностным лицам, и военнослужащим, вовлеченным в решение жилищных проблем, понимать перспективы обращения в военный суд, то обратимся к нескольким распространенным ситуациям, которые становятся предметом спора.

Первая касается возможности постановки на жилищный учет военнослужащего, который был до поступления в военную образовательную организацию зарегистрирован в квартире с родителями, в приватизации этой квартиры участия не принимал, и в дальнейшем после окончания обучения уехал к месту службы, спус-

тя несколько лет снялся с регистрационного учета по адресу этой квартиры.

Итак, решением гарнизонного военного суда, оставленным без изменения апелляционным определением флотского военного суда, А. отказано в удовлетворении административного искового заявления, в котором он просил признать незаконным решение жилищной комиссии Пограничного управления ФСБ России по Приморскому краю от 25 марта 2019 г. об уменьшении общей площади жилого помещения для расчета жилищной субсидии на 14,42 кв. м — $\frac{1}{4}$ доли общей площади жилого помещения, ранее предоставленного ему из государственного жилищного фонда.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе административного истца, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации судебные акты отменила, указав в обоснование следующее.

Из материалов дела следует, что А. в августе 1997 г. поступил в военно-учебное заведение, дислоцированное в г. Хабаровске, по окончании которого он с августа 2002 г. по декабрь 2018 г. проходил военную службу в воинских частях, дислоцированных в городах Дальнереченске и Уссурийске Приморского края. Решением органа местного самоуправления г. Хабаровска от 22 января 1988 г. матери А. распределено жилое помещение общей площадью 57,7 кв. м, где А. был зарегистрирован с 25 марта 1988 г. вместе с матерью и двумя братьями. Фактически А. в квартире не вселялся.

В июле 2009 г. А. отказался от участия в приватизации указанной квартиры, после чего в сентябре того же года квартира была передана администрацией г. Хабаровска в собственность матери А. В июле 2011 г. А. снялся с регистрационного учета из указанного жилого помещения.

Решением жилкомиссии от 26 марта 2018 г. А. в составе семьи из 4 человек (он и трое детей) включены в список нуждающихся в жилом помещении в форме предоставления жилищной субсидии. Супруга А. является участником НИС.

¹ См. подробнее: Корякин В.М., Кудашкин А.В. Жилищное обеспечение военнослужащих: понятие, формы, гарантии // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 10 (243). С. 57—72; Кудашкин А.В., Харитонов В.С. Обеспечение жилыми помещениями бывших военнослужащих Украины (на примерах судебной практики) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 7 (276). С. 62—67; Свиных Е.А. Опасные заблуждения участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 3 (260). С. 54—64; Туганов Ю.Н., Харитонов В.С. О некоторых вопросах жилищного обеспечения военнослужащих, являющихся членами семей военнослужащих // Военно-юридический журнал. 2020. № 10. С. 7—9; Фатеев К.В. О некоторых проблемах злоупотребления правом на предоставление жилого помещения военнослужащему в период военной службы и его правовых последствиях // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2010. № 5. С. 31—35, и др.

Приказом воинского должностного лица от 5 декабря 2018 г. А. уволен с военной службы по истечении срока контракта.

Решением жилкомиссии от 25 марта 2019 г. учтено предоставленное ему ранее государством жилое помещение в г. Хабаровске, в связи с чем общая площадь жилого помещения для расчета жилищной субсидии уменьшена на 14,42 кв. м (57,7 кв. м : 4 = 14,42 кв. м).

Признавая законным решение жилищной комиссии, суды исходили из того, что отказ А. от участия в приватизации квартиры в пользу своей матери свидетельствует о приобретении им бессрочного права пользования жилым помещением как члена семьи собственника, а последующее снятие с регистрационного учета — о распоряжении этим помещением. В связи с этим предоставление А. жилищной субсидии без учета доли этого жилого помещения привело бы к сверхнормативному обеспечению его жильем.

Такой вывод судов основан на неправильном истолковании закона.

Право на жилищную субсидию установлено п. 1, 16 ст. 15 Закона о статусе военнослужащих. Утверждение порядка расчета жилищной субсидии возложено на Правительство Российской Федерации, которое постановлением от 3 февраля 2014 г. № 76 утвердило Правила расчета субсидии для приобретения или строительства жилого помещения (жилых помещений), предоставляемой военнослужащим-гражданам Российской Федерации и иным лицам в соответствии с Федеральным законом «О статусе военнослужащих». В соответствии с п. 3 и 4 названных Правил установленный норматив общей площади жилого помещения при расчете размера жилищной субсидии уменьшается на общую площадь жилых помещений, принадлежащих военнослужащему и (или) членам его семьи на праве собственности. Согласно п. 1 ст. 31 ЖК РФ к членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника

Из изложенного следует, что при предоставлении жилищной субсидии подлежит учету общая площадь жилых помещений, принадлежащая военнослужащему и (или) членам его семьи на праве собственности, с которыми такой военнослужащий совместно проживает.

Между тем, признавая А. членом семьи собственника жилого помещения своей матери, суды оставили без внимания, что после поступления в августе 1997 г. в вуз он никогда не вселялся в квартиру, полученную в январе 1988 г. его матерью от местного органа самоуправления. На момент регистрации в марте 1988 г. в этой квартире он в ней не проживал, а после окончания

вуза убыл из г. Хабаровска для прохождения военной службы в Приморский край, где проходил военную службу вплоть до своего увольнения в запас.

Эти обстоятельства имеют существенное значение для дела.

В соответствии с абзацем одиннадцатым п. 1 ст. 15 Закона о статусе военнослужащих за военнослужащими, обеспечиваемыми служебными жилыми помещениями, на первые пять лет военной службы по контракту (не считая времени обучения в военных профессиональных образовательных организациях или военных образовательных организациях высшего образования) сохраняется право на жилые помещения, занимаемые ими до поступления на военную службу; они не могут быть сняты с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях по месту жительства до призыва (поступления) на военную службу.

Содержание названной нормы закона указывает на то, что за такими военнослужащими сохраняются жилые помещения, в которых они проживали до поступления на военную службу по контракту либо до поступления в вузы, лишь на первые пять лет военной службы. Аналогичные правила установлены для курсантов вузов, которые в период обучения реализовали право на жилище в качестве членов семьи своих родителей.

О сохранении за ними права на эти жилые помещения на более длительный

срок законодательство о воинской обязанности и военной службе указаний не содержит, а по общему правилу, в силу п. 1 ст. 31 ЖК РФ, обязательным условием отнесения супруга собственника жилого помещения, а также его детей и родителей к членам семьи собственника жилого помещения является их совместное проживание.

Поскольку по истечении пятилетнего срока после окончания вуза А. в квартиру, полученную его матерью от местного органа самоуправления, не вселился ввиду прохождения военной службы в других населенных пунктах, законных оснований для продолжения отнесения А. к члену семьи нанимателя, а с сентября 2009 г. собственника жилого помещения не имелось.

Сохранение А. в период военной службы регистрации в указанной квартире, — с учетом невселения в эту квартиру, отсутствия ведения общего хозяйства с матерью, — не может свидетельствовать об отнесении его к члену семьи собственника жилого помещения.

Что касается дачи А. согласия на приватизацию квартиры своей матери, то данное обстоятельство могло иметь юридическое значение в случае его фактического проживания в жилом помещении после дачи такого согласия, поскольку согласно ч. 2 и 4 ст. 69 ЖК РФ (до 1 марта 2005 г. — ст. 53 ЖК РСФСР) равные права с нанимателем жилого помещения по договору социального найма в государственном и муниципальном жилищном фонде, в том числе право пользования этим помещением, имеют члены семьи нанимателя и бывшие члены семьи нанимателя, продолжающие проживать в занимаемом жилом помещении.

С учетом прохождения военной службы в других населенных пунктах не усматривается в действиях А., связанных с невселением в жилое помещение, принадлежащего на праве собственности его матери, признаков злоупотребления правом. При таких данных распространение на А. ограничений для получения жилищной субсидии, а именно отнесение его к членам семьи собственника жилого помещения, нарушает его права.

На основании изложенного Судебная коллегия отменила обжалуемые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав на необходимость учета установленных по делу обстоятельств, правильного применения норм материального права и оценки вопроса обеспеченности А. и членов его семьи жилым помещением применительно к учетной норме в г. Хабаровске с учетом ранее предоставленного жилья с использованием ГЖС¹.

Похожая ситуация сложилась и у военнослужащего К. Отец К. в период его обучения в военном вузе получил на семью, включая и К., жилье по ГЖС, которое в дальнейшем продал.

Сам К. в квартиру отца не вселялся и не был в нем зарегистрирован, после окончания вуза уехал к месту службы. Жилищный орган расценил факт предоставления отцу К. ГЖС как реализацию К. своего права на обеспечение жильем от военного ведомства и в связи с невозможностью сдать предоставленные 18 кв. м площади (долю его участия в ГЖС) принял решение о снятии К. с жилищного учета.

Гарнизонный военный суд признавая незаконным решение жилищного органа, исходя из того, что у К., поступившего на военную службу до приобретения его отцом в единоличную собственность квартиры на средства от реализации ГЖС, и с учетом того, что он в это жилое помещение не вселялся, право на указанное жилое помещение не сохранилось вне зависимости от его волеизъявления.

Суд апелляционной инстанции занял сторону жилищного органа, полагая, что государство, обеспечив отца К. ГЖС, в том числе с учетом самого К., выполнило перед последним свои жилищные обязательства, в связи с чем он права на повторное обеспечение жильем от государства не имеет.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное опре-

¹ Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 14 мая 2020 г. № 228-КА20-3 по заявлению А.

деление окружного военного суда и оставила в силе решение гарнизонного военного суда, обосновав это тем, что поскольку военнослужащий при учебе в ВВУЗе и после его окончания не вселялся в приобретенную отцом по ГЖС квартиру, то отсутствуют и основания для учета этой квартиры при постановке военнослужащего на учет нуждающихся в жилых помещениях¹.

Вторая проблема, также имеющая широкое распространение, — постановка на учет для получения жилья членов семьи военнослужащего, которые не проживают вместе с военнослужащим по объективным причинам. Показателен следующий пример из судебной практики одного из окружных военных судов.

Решением жилищного органа Д., проходящий военную службу в ст. С., принят на учет нуждающихся в избранном месте жительства г. М. В принятии на данный учет его супруги и троих несовершеннолетних детей отказано, поскольку они проживают отдельно от истца в г. Б.

Данный отказ Д. оспорил в судебном порядке. Решением гарнизонного военного суда в удовлетворении заявленных требований отказано. В апелляционном порядке решение суда отменено. При этом окружной военный суд исходил из следующего.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих», гарантированное ст. 15 Закона о статусе военнослужащих право военнослужащих и совместно проживающих с ними членов их семей на обеспечение жилыми помещениями в форме предоставления денежных средств за счет средств федерального бюджета на приобретение или строительство жилых помещений либо предоставления жилых помещений должно реализовываться в порядке и на условиях, установленных феде-

ральными законами и иными нормативными правовыми актами России.

Согласно материалам дела, Д. заключил первый контракт о прохождении военной службы после 1 января 1998 г. В январе 2016 г. он вновь поступил на военную службу по контракту, которую проходил в воинской части, дислоцированной в ст. С. 28 марта 2019 г. ВВК он признан ограниченно годным к военной службе, в связи с чем подал рапорт об увольнении с военной службы по состоянию здоровья. Его общая продолжительность военной службы составляла более 10 лет.

25 июля 2019 г. Д. обратился в жилищный орган с заявлением о принятии на жилищный учет его и членов семьи: супруги и троих детей, проживающих на условиях найма в г. Б., для обеспечения жильем в избранном месте жительства г. М. Решением начальника жилищного органа Д. принят на учет нуждающихся в жилых помещениях по избранному месту жительства, а в принятии на данный учет его супруги и детей отказано в связи с тем, что они проживают отдельно от Д. в г. Б. и не являются членами семьи Д. как нанимателя жилого помещения.

В суде апелляционной инстанции Д. пояснил, что после поступления на военную службу в 2016 г. он не перевез семью в ст. С., так как там не имелось возможности для занятия спортом старшего сына, дочь в силу особенностей психического развития тяжело перенесла бы смену места жительства. Кроме того, в 2018 г. у них в семье родился сын, переезд с которым к новому месту жительства был бы затруднен. В период службы он предпринимал меры для перевода по службе в воинскую часть, дислоцированную в г. Б. Раздельное проживание с семьей имело вынужденный характер.

При таких обстоятельствах следует прийти к выводу, что проживание супруги и несовершеннолетних детей Д., то есть лиц, указанных в п. 5 ст. 2 Закона о статусе военнослужащих, в месте жительства Д. до поступления его на военную службу не является препятствием для принятия их в качестве членов семьи военнослужащего на учет нуждающихся в жилом помещении по

¹ Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 16 июля 2020 г. № 222-КА20-10 по заявлению К.

избранному после увольнения с военной службы месту жительства.

При этом о наличии у членов семьи Д. такого права свидетельствуют установленные в ходе судебного разбирательства факты сохранения брачных отношений между Д. и его супругой, ведение общего бюджета, необеспеченностью по месту дислокации воинской части, в которой он проходит военную службу, служебным жилым помещением для проживания семьи. Кроме того, апелляция инстанция учитывала, что воинская часть, в которой проходил службу Д., дислоцирована на постоянной основе на территории К. Республики. В связи с этим на основании постановления Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2004 г. № 65 Д. имеет право пользоваться дополнительными социальными гарантиями, в том числе при проживании членов семьи в другом субъекте России.

Из вышеизложенного следует, что проживание Д. в последнее время отдельно от членов семьи было связано не с прекращением семейных отношений, а с обстоятельствами прохождения им военной службы. Поэтому данное обстоятельство не может являться препятствием для принятия на жилищный учет его супруги и детей.

Другими словами, вынужденный характер раздельного проживания военнослужащего и членов его семьи не является препятствием для принятия указанных лиц на жилищный учет для обеспечения жильем по избранному месту жительства¹.

Третье затруднение в понимании и трактовке сторонами жилищного спора правовых предписаний касается суждений применительно к намеренному ухудшению жилищных условий с тем, чтобы искусственно создать ситуацию нуждаемости в жилье.

Опять-таки обратимся к примеру из военно-судебной практики.

Судом апелляционной инстанции установлено, что сержант Л. проходил военную службу по контракту в воинской части в сельском поселении А. Мурманской обл., с октября 1994 г. До 21 апреля 2017 г. Л. проживал и был постоянно зарегистрирован в жилом доме, находящемся в г. В. Мурманской обл., общей площадью 53,8 кв.м., собственником которой являлась его мать. В этом доме, помимо истца, были зарегистрированы и проживали еще 6 человек, включая его двоих несовершеннолетних детей.

21 апреля 2017 г. Л. снялся с регистрационного учета в этом жилом помещении и был зарегистрирован в сельском поселении А. при воинской части.

Решением жилищного органа от 28 марта 2018 г. Л. принят на учет нуждающихся в получении жилого помещения по месту прохождения военной службы с формой обеспечения жилищная субсидия.

В дальнейшем решениями жилищного органа от 24 марта 2020 г. в Единый реестр военнослужащих, принятых на учет нуждающихся в жилых помещениях, внесены сведения об уменьшении общей площади предоставляемого Л. жилого помещения на 7,69 кв.м.; от 25 марта 2020 г. — о предоставлении Л. жилищной субсидии с учетом уменьшения для расчета площади жилья на 7,69 кв.м. После этого решением жилищного органа Л. снят с учета нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых для постоянного проживания.

Признавая оспариваемые решения уполномоченных органов незаконными в части размера полагающейся Л. жилищной субсидии, гарнизонный военный суд исходил из того, что в июле 2018 г. в вышеуказанный жилой дом в сельском поселении А. был вселен еще один человек. По этой причине суд посчитал, что Л., добровольно ухудшая свои жилищные условия, распорядился приходящимися на него 6,72 кв. м. (53,8 / 8 чел.), а не 7,69 кв. м. (53,8 кв. м. / 7 чел.), как это расценил жилищный орган.

Между тем такой вывод суда противоречил нормам материального права и установленным по делу обстоятельствам.

¹ См.: Справка о судебной практике по делам, связанным с реализацией права военнослужащих на жилище, за 2020 г., утверждена постановлением президиума Южного окружного военного суда 23 марта 2021 г. № 8 URL: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&id=303 (дата обращения 20.08.2021).

Согласно п. 3 и 4 Правил расчета субсидии для приобретения или строительства жилого помещения (жилых помещений), предоставляемой военнослужащим-гражданам Российской Федерации и иным лицам в соответствии с Федеральным законом «О статусе военнослужащих», утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 3 февраля 2014 г. № 76, на одиноко проживающего военнослужащего норматив общей площади жилого помещения установлен в размере 33 кв. м общей площади жилого помещения, который подлежит уменьшению на общую площадь жилых помещений, на которую в результате совершенных военнослужащим действий уменьшился размер занимаемых (имеющихся) жилых помещений. Такое уменьшение производится в течение 5 лет со дня совершения указанных действий или гражданско-правовых сделок.

Аналогичного содержания положения содержатся и в ст. 53 и 57 ЖК РФ.

С учетом положений перечисленных норм, поскольку в результате снятия с регистрационного учета в доме своей матери Л. юридически закрепил утрату права пользования этим жилым помещением с апреля 2017 г., размер норматива полагающегося ему жилого помещения (жилищной субсидии) подлежал уменьшению на приходящуюся на него долю жилого помещения именно на этот момент. Последующее вселение в указанное жилое помещение еще одного человека на размер полагающегося Л. жилого помещения и как следствие — жилищной субсидии, вопреки выводу гарнизонного военного суда, не влиял, поскольку Л. к этому времени не обладал правом пользования домом.

То есть последствия намеренного ухудшения военнослужащим жилищных условий при определении размера полагающегося ему жилого помещения либо жилищной субсидии оцениваются на момент возникновения спорных правоотношений.

Приведенные выше примеры судебных решений по жилищным спорам с участием военнослужащих показывают, что острота трактовки правового регулирования этой сферы отношений не снижается. В значительной мере это обусловлено противоречивостью и многообразием нормативной правовой базы, что, в свою очередь, актуализирует необходимость ее совершенствования.

Библиография

1. Корякин, В.М. Жилищное обеспечение военнослужащих: понятие, формы, гарантии // В.М. Корякин, А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2017. — № 10 (243). — С. 57—72.
2. Кудашкин, А.В. Обеспечение жильем помещениями бывших военнослужащих Украины (на примерах судебной практики) / А.В. Кудашкин, В.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 7 (276). — С. 62—67.
3. Свиных, Е.А. Опасные заблуждения участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих / Е.А. Свиных // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 3 (260). — С. 54—64.
4. Туганов, Ю.Н. О некоторых вопросах жилищного обеспечения военнослужащих, являющихся членами семей военнослужащих / Ю.Н. Туганов, В.С. Харитонов // Военно-юридический журнал. — 2020. — № 10. — С. 7—9.
5. Фатеев, К.В. О некоторых проблемах злоупотребления правом на предоставление жилого помещения военнослужащему в период военной службы и его правовых последствиях / К.В. Фатеев // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2010. — № 5. — С. 31—35.

Правовое обеспечение патриотического воспитания граждан

Нормативно-правовое обеспечение увековечения памяти погибших в Великой Отечественной войне: опыт Республики Беларусь

© Мартыненко Игорь Эдуардович,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского права и
процесса учреждения образования «Гродненский
государственный университет имени Янки
Купалы» (Республика Беларусь),

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы правовой защиты военно-исторического наследия, произведен анализ нового законодательства Республики Беларусь, опыт установления которого может быть полезен и учтен при организации противодействия преступлениям в данной сфере. Цель статьи — раскрыть содержание новых нормативных правовых актов, принятых для увековечения памяти погибших в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: законодательство об охране объектов военно-исторического наследия; увековечение памяти; охрана памятников истории и культуры; надругательство над памятником защитникам Отечества.

Legislative regulation of perpetuating the memory of those who died in the Great Patriotic War: the experience of the Republic of Belarus

© Martynenka I.E.,
doctor of law, Professor, head of the Department of
civil law and procedure, Yanka Kupala Grodno state
University (Republic of Belarus)

Annotation. The article deals with the current problems of legal protection of military-historical heritage, analyzes the new legislation of the Republic of Belarus, the experience of establishing which can be useful and taken into account when organizing counteraction to crimes in this area. The purpose of the article is to reveal the content of new normative legal acts adopted to perpetuate the memory of those who died in the Great Patriotic War.

Keywords: legislation on the protection of objects of military-historical heritage; perpetuation of memory; protection of historical and cultural monuments; abuse of the monument to the defenders of the Fatherland.

Республика Беларусь относится к числу государств, наиболее пострадавших в годы Великой Отечественной войны. Людские потери на этой территории (боевые потери Красной Армии, партизан и подпольщиков, а также военнопленные в лагерях, мирные граждане, истребленные немецко-фашистскими захватчиками) составили более 3 млн. человек. Сведения о

473 тыс. погибших увековечены и внесены в паспорта воинских захоронений, автоматизированный банк данных «Книга Памяти Республики Беларусь», нанесены на надмогильные мемориальные плиты. Более 1,7 млн. захороненных числятся как неизвестные. В годы Великой Отечественной войны на территории Беларуси погибло и пропало без вести около 200 тыс. ино-

странных военнослужащих (немцев и их союзников), при этом в немецких архивах документально засвидетельствована гибель примерно 153 тыс. человек¹.

Понимая важность сохранения для настоящего и будущих поколений памятников военной истории², в Республике Беларусь сформирована система законодательства, учитывающая современные угрозы военно-историческому наследию, которая включает: Государственную программу «Увековечение памяти о погибших при защите Отечества» на 2021—2025 годы, утвержденную постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26 февраля 2021 г. № 117³; Положение об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 24 марта 2016 г. № 109; Инструкцию о порядке государственного учета, переноса воинских захоронений и захоронений жертв войн, регистрации захоронений иностранных военнослужащих на территории Республики Беларусь и ведения автоматизированных банков данных, утвержденную постановлением Министерства обороны Республики Беларусь от 9 августа 2016 г. № 17; Инструкцию об организации и проведении полевых поисковых работ, утвержденную постановлением Министерства обороны Республики Беларусь от 21 января 2017 г. № 70; Инструкцию о порядке проведения полевых поисковых работ с участием членов общественных объединений и граждан, утвержденную постановле-

¹ Такие данные приводятся в технико-экономическом обосновании (ранее действовавшей) Государственной программы на 2015—2020 годы по увековечению погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 4 июня 2014 г. № 534.

² Яшкова Т.В. Сохраним историческую память о погибших при защите Отечества // Военно-исторический журнал. 2018. № 2. С. 55—59.

³ О Государственной программе «Увековечение памяти о погибших при защите Отечества» на 2021—2025 годы: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 26 февраля 2021 г. № 117 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 04.03.2021, 5/48842.

нием Министерства обороны Республики Беларусь от 7 августа 2017 № 16.

Кроме того, на объекты военно-исторического наследия, которые признаны охраняемыми законом памятниками — историко-культурными ценностями, распространяются положения законодательства об охране историко-культурного наследия, а именно Кодекса Республики Беларусь о культуре (вступил в силу 3 февраля 2017 г.⁴). Например, в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь включены воинские захоронения на территории Брестской области — 210, Витебской области — 234, Гомельской области — 305, Гродненской области — 79, Могилёвской области — 115, Минской области и г. Минске — 135⁵.

В стране осуществляются меры по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн, а именно:

1) воинов и партизан, погибших в ходе военных действий, партизанской борьбы или при выполнении боевых задач, а также ветеранов войн;

2) умерших от ран, контузий, увечий или заболеваний, полученных при выполнении боевых задач;

3) пропавших без вести в ходе военных действий или при выполнении других боевых задач;

4) жертв войн — лиц, погибших (умерших) в плену, где они оказались в силу сложившейся боевой обстановки, но не изменивших Родине;

5) мест боевых действий, вошедших в историю Отечества как символ героизма, мужества и стойкости народа.

Основными формами увековечения памяти о погибших при защите Отечества являются: во-первых, государственный

⁴ Кодекс Рэспублікі Беларусь аб культуры: Кодекс Рэспублікі Беларусь от 20 июля 2016 года // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 02.08.2016. — 2/2412.

⁵ Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь // Официальный сайт Министерства культуры республики Беларусь. Режим доступа: [http://gossписок.gov.by/\(X\(1\)S\(coexwfgof3ipiyakuvuj0dx\)\)/?AspxAutoDetectCookieSupport=1/](http://gossписок.gov.by/(X(1)S(coexwfgof3ipiyakuvuj0dx))/?AspxAutoDetectCookieSupport=1/). Дата доступа: 03.08.2021.

учет, обустройство и содержание воинских захоронений; во-вторых, внесение данных о погибших при защите Отечества, местах их захоронения в автоматизированный банк данных «Книга Памяти Республики Беларусь», районные (областные) автоматизированные банки данных «Книга Памяти»; в-третьих, создание музеев, в том числе мемориальных комплексов, установка памятников и памятных знаков в соответствии с законодательством о культуре; в-четвертых, распространение в средствах массовой информации информационных сообщений и (или) материалов о погибших при защите Отечества, создание произведений искусства и литературы, организация выставок, посвященных их подвигам; в-пятых, присвоение имен погибших при защите Отечества географическим объектам и организациям в соответствии с законодательными актами о наименованиях географических объектов; в-шестых, зачисление погибших при защите Отечества навечно в списки подразделений воинских частей, военных учебных заведений в соответствии с законодательными актами об обороне.

Воинские захоронения и захоронения жертв войн подлежат государственному учету. Первичный учет захоронений погибших в ходе войн ведется местными исполнительными и распорядительными органами, а воинских захоронений, находящихся на территориях иностранных государств, — дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями Республики Беларусь.

Государственный учет захоронений погибших в ходе войн ведется Министерством обороны.

Инвентаризация захоронений погибших в ходе войн проводится в соответствии с законодательством в области погребения и похоронного дела. Особенности инвентаризации захоронений погибших в ходе войн устанавливаются Министерством обороны по согласованию с Министерством жилищно-коммунального хозяйства.

В случае обнаружения останков погибших в ходе войн лица, их обнаружившие, обязаны информировать об этом

местный исполнительный и распорядительный орган для принятия мер в соответствии с Положением об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 24 марта 2016 г. № 109, а также приостанавливать работы (если останки погибших в ходе войн были обнаружены при их проведении) до завершения полевых поисковых работ.

Обустройство захоронений погибших в ходе войн, обнаруженных при проведении полевых поисковых работ, производится в местах нахождения останков или иных местах, определяемых решением местного исполнительного и распорядительного органа базового территориального уровня.

Для обеспечения сохранности захоронений погибших в ходе войн местными исполнительными и распорядительными органами устанавливаются охранные зоны (границы захоронения), зоны охраны ландшафта (если границы захоронения не обозначены).

Обеспечение сохранности захоронений погибших в ходе войн, включенных в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь, регулируется законодательством о культуре (Кодексом Республики Беларусь о культуре)¹.

Документами государственного учета являются:

- паспорт воинского захоронения (захоронения жертв войн);
- сводные ведомости учета воинских захоронений и захоронений жертв войн.

Символом, определяющим государственную принадлежность и учет воинского захоронения (захоронения жертв войн) в Республике Беларусь, является государственный знак.

¹ О возможности применения белорусского опыта кодификации законодательства об охране историко-культурного наследия см.: Головизнин А.В. Кодификация как приоритетная форма совершенствования законодательства о культуре в Российской Федерации // Культура: управление, экономика, право. 2018. № 2. С. 35—40.

Захоронения иностранных военнослужащих на территории Республики Беларусь подлежат регистрации. Регистрация проводится посредством составления карточки захоронения иностранных военнослужащих в местном исполнительном и распорядительном органе базового территориального уровня по установленной в этой же Инструкции форме. Первый ее экземпляр хранится в местном исполнительном и распорядительном органе базового территориального уровня, второй экземпляр направляется в уполномоченную организацию.

Присвоение регистрационного номера захоронения иностранных военнослужащих осуществляется в уполномоченной организации.

В Республике Беларусь ведутся следующие автоматизированные банки данных (далее — АБД): АБД «Книга Памяти Республики Беларусь»; районные (областные) АБД «Книга Памяти».

На практике архивно-исследовательские работы проводятся государственными органами, государственными и иными организациями, общественными объединениями и гражданами. Архивно-исследовательские работы — составная часть поисковой работы, связанная с изучением архивных документов и других информационных источников для установления данных о погибших при защите Отечества и жертвах войн, местах их захоронения.

Полевые поисковые работы проводятся специализированной поисковой воинской частью во взаимодействии с местными исполнительными и распорядительными органами, военными комиссариатами. Общее руководство поисковой воинской частью осуществляет начальник Управления по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Вооруженных Сил Республики Беларусь.

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 30 ноября 1994 г. № 231 «Об улучшении работы по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн» был сформирован 52-й отдельный специализированный поисковый батальон,

включавший 3 специализированные поисковые роты с местами дислокации в г. Минске, Витебске и Гродно. В связи с мероприятиями по реформированию Вооруженных Сил, а также в целях совершенствования системы управления поисковым батальоном в 2002 г. произошли организационно-штатные преобразования, в результате которых в составе 52 отдельного специализированного поискового батальона остались 2 специализированные поисковые роты с пунктом постоянной дислокации в г. Минске.

Организационно-штатная структура батальона позволяет автономную одновременную работу четырьмя специализированными поисковыми взводами¹. Поисковая воинская часть состоит из: управления; специализированных поисковых рот (специализированных поисковых взводов, взвода обеспечения); рекогносцировочных поисковых групп. Специализированные поисковые роты (специализированные поисковые взводы), рекогносцировочные поисковые группы могут выполнять поставленные задачи на территории Республики Беларусь автономно. Поисковая воинская часть комплектуется военнослужащими по военно-учетным специальностям и гражданским персоналом Вооруженных Сил Республики Беларусь, имеющим высшее историческое образование.

Основными задачами поисковой воинской части, согласно требованиям, являются: планирование, организация и проведение поисковых работ, связанных с увековечением памяти защитников Отечества и жертв войн, погибших (умерших), пропавших без вести в годы войн; организация взаимодействия с руководителями и другими уполномоченными должностными лицами местных исполнительных и распорядительных, правоохранительных органов, военных комиссариатов в районах проведения поисковых работ; установление контактов с должностными лицами

¹ Шумский В.В. Военно-историческое наследие как составная часть историко-культурного наследия // Законность и правопорядок. 2012. № 2. С. 28—34.

архивных учреждений и музеев, общественных объединений и гражданами в интересах выявления мест неучтенных воинских захоронений, установления имен павших защитников Отечества и жертв войн.

Как следует из официальных данных Министерства обороны Республики Беларусь, в ходе проведения полевых поисковых работ за период с 1995 по 2020 гг. личным составом специализированной поисковой воинской части (52 оспб) отработано 2 582 поисковых объектов по областям Республики Беларусь¹.

К раскопкам на местности, где проходили боевые действия, а также мест неучтенных воинских захоронений допускается личный состав воинских формирований, прошедший курс специальной подготовки, обученный порядку и правилам обнаружения и обезвреживания (уничтожения) взрывоопасных предметов на уровне специалистов инженерных войск, закончивших учебное подразделение Вооруженных Сил Республики Беларусь.

Законом запрещаются: извлечение останков из братских могил и других учтенных воинских захоронений для перезахоронения (в исключительных случаях это может производиться местными исполнительными и распорядительными органами по решению облисполкомов и Минского горисполкома, согласованному с Министерством обороны и местными учреждениями санитарно-эпидемиологической службы); проведение поисковой работы на местности (в том числе на болотах, в реках, озерах и т.п.), где проходили боевые действия, а также вскрытие воинских захоронений лицами, не уполномоченными на то Министерством обороны.

Новым законодательством предусматривается возможность участия членов общественных объединений и граждан в полевых поисковых работах, которые прово-

дит личный состав специализированной поисковой воинской части. Так, согласно требованиям Инструкции о порядке проведения полевых поисковых работ с участием членов общественных объединений и граждан, утвержденной Постановлением Министерства обороны Республики Беларусь 7 августа 2017 г. № 16, совместные полевые поисковые работы проводятся, как правило, на неучтенных воинских захоронениях, сведения о которых были получены по результатам архивно-исследовательских работ представителей соответствующих общественных объединений (граждан).

Совместные полевые поисковые работы проводятся только на поисковых объектах, включенных в план проведения полевых поисковых работ специализированной поисковой воинской части, который утверждает руководитель уполномоченной организации Вооруженных Сил Республики

Важным направлением является установление ответственности за нарушения законодательства об охране военно-исторического наследия.

Так, в ст. 346 Уголовного кодекса Республики Беларусь установлена ответственность за надругательство над историко-культурными ценностями (такowymi являются памятники защитникам Отечества и жертвам войн). Своей сутью надругательство (в уголовном законодательстве других стран — вандализм) имеет сознательное осквернение, поругание, унижение мест и зданий, которые в сознании людей ассоциируются как святое, исключительно ценное, памятное. Целью надругательства является умышленное искажение смыслового содержания памятника как формы увековечения подвига советского народа в Великой Отечественной войне.

Объектом данного преступления (ст. 346 УК Беларуси) являются общественный порядок и общественная нравственность. Предметами являются: историко-культурные ценности (ч. 1 ст. 346 УК Беларуси); особо ценные материальные историко-культурные ценности (ч. 2 ст. 346 УК Беларуси), т.е. вновь выявленные объекты, которые могут иметь международное

¹ Официальный сайт Министерства обороны Республики Беларусь. Управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Вооруженных Сил. Режим доступа: http://www.mil.by/ru/forces/structure/nach_guir/upzobjv/poisk/index.php. Дата доступа: 20.08.2021 г.

или национальное значение; памятники защитникам Отечества (ч. 2 ст. 346 УК Беларуси).

Объективную сторону данного преступления составляют действия, связанные с осквернением памятных зданий и сооружений; глумление, циничное и оскорбительное отношение к историко-культурным ценностям.

Под осквернением обычно понимают учинение непристойных по содержанию, оскорбительных и циничных по форме надписей, рисунков, символов и знаков. К действиям, запрещенным ст. 346 УК, относятся: нанесение надписей либо изображений нецензурного содержания или циничного характера на историко-культурных ценностях, наклеивание листовок, плакатов или иных носителей графической информации, пропагандирующих антиобщественные идеалы и антисоциальные ценности, оскорбляющие человеческое достоинство.

Состав данного преступления — формальный, т.е. преступление признается оконченным с момента надругательства (осквернения) над историко-культурными ценностями, памятниками истории и культуры. Памятники обливают краской, разрисовывают, на них учиняют непристойные либо унижающие человеческое достоинство надписи.

С субъективной стороны данное преступление совершается с прямым умыслом, т.е. виновный сознает, что совершает надругательство (оскверняет) над памятниками истории и культуры и желает этого. Мотивы преступления могут быть разными. По бессмысленности действий надругательство над историческими памятниками схоже с хулиганством.

Так, 27-летний житель г. Минска, будучи в состоянии алкогольного опьянения, находясь на территории монумента Победы, из хулиганских побуждений, управляя автомобилем «Mercedes-Benz S300», заехал на территорию памятника защитникам Отечества — монумента Победы, ввел автомобиль в управляемый занос, проехав на нем по территории монумента Победы не менее трех кругов вокруг своей оси. Будучи застигнутым в момент совершения

этих действий сотрудниками органов внутренних дел, обвиняемый на требования о прекращении противоправных действий не реагировал, демонстративно неоднократно нарушил обязательные для исполнения правила дорожного движения, после чего скрылся с места совершения преступления на вышеуказанном автомобиле. Действия обвиняемого квалифицированы по ч. 1 ст. 339 УК (хулиганство) и ч. 2 ст. 346 УК Беларуси (надругательство над особо ценной материальной историко-культурной ценностью)¹.

Однако эти два преступления различаются по своим целям, т.е. по направленности преступных действий и способам их достижения: общественная опасность надругательства состоит в том, что преступник посягает на неповторимые объекты материальной культуры, демонстрируя тем самым свою ненависть к цивилизации.

Анализ уголовных дел, материалов проверок и сообщений о фактах вандализма свидетельствует, что осквернение воинских мемориалов из националистических побуждений приурочивается к памятным датам (начало Великой Отечественной войны, День Победы и др.). В основном такие преступления совершают молодежные группы антисоциальной направленности, ведомые лидерами непризнанных политических организаций. Форма выражения надругательства в данном случае, как правило, одна — использование фашистской символики.

Надругательство над историко-культурными ценностями влечет ответственность по ст. 346 УК Республики Беларусь только в том случае, если при совершении этих действий объекты (памятники) не были разрушены, уничтожены или повреждены. При наступлении указанных выше последствий все действия следует квалифицировать по ст. 344 УК Республики Беларусь. Субъект преступления — общий.

¹ Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=47295#doc>. — Дата доступа: 09.08.2021.

Для правильного применения данной уголовно-правовой нормы необходимо хорошо владеть понятийным аппаратом, а именно понимать, что памятники устанавливаются в честь увековечения погибших при защите Отечества, т.е. тех лиц, которые находились в составе вооруженных сил, других войск и воинских формирований, органов и организаций, погибших (умерших) или пропавших без вести в ходе войн и вооруженных конфликтов при исполнении воинского (гражданского) долга по защите Отечества и его интересов, при оказании вооруженного и иных форм сопротивления противнику, а также военнопленных, не утративших своей чести и достоинства, не изменивших Родине. Применительно к исследуемому периоду — это мемориальные и другие сооружения, памятники, мемориалы, памятные места, территории и объекты, связанные с событиями Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, расположенные на территориях государств-участников Содружества Независимых Государств. И вот в случае совершения надругательства над такими объектами на территории Беларуси наступает уголовная ответственность по ст. 346 УК.

Следующий пример, оценка которого актуальна в год 80-летия начала Великой Ответственной войны, весьма показателен.

Гр Н. изготовил графическое изображение, на котором, публично демонстрируя нацистское приветствие, сфотографировался на фоне надписи «Плошча перамогі» и мемориального комплекса в честь советских воинов, партизан и подпольщиков, являвшейся историко-культурной ценностью, включенной в государственный список. Затем, используя глобальную компьютерную сеть Интернет, разместил указанное графическое изображение в открытом доступе. Согласно выводам эксперта, упомянутое выше фотоизображение содержит символ, который может отражать политические взгляды человека, разместившего его для всеобщего обозрения; фотоизображение молодого человека, одетого в одежду, присущую сторонникам неонацистского

движения, содержит демонстрацию жеста, что являлось знаком приветствия у нацистов¹, а в настоящее время — у неонацистов.

Следует отметить, что ежегодно в стране выявляется порядка 2—3 подобных фактов, которые решительно пресекаются как правоохранительными органами, так и гражданами. В ранее действовавшем КоАП в ст. 19.7 была установлена ответственность за нарушение порядка вскрытия воинских захоронений либо проведения поисковых работ. Всего за период 2016—2019 гг. по этой статье рассмотрено 5 дел, по которым принято решение о наложении взыскания². В новом КоАП данная норма фактически воспроизводится без изменений, практика ее применения продолжает формироваться.

Новым является установление уголовной ответственности за нарушения законодательства, направленного на недопущение реабилитации нацизма.

Так, с учетом складывающейся общественно-политической обстановки 26 мая 2021 г. принят закон «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности»³. В этой связи для надлежащей уголовно-правовой охраны отношений, связанных с противодействием современным вызовам и угрозам, соответствующие дополнения внесены и в Уголовный закон. Введена самостоятельная норма об уголовной ответственности за реабилитацию нацизма — ст. 130-1 УК Республики Беларусь.

При анализе данной нормы и прогнозировании сложностей в практике ее применения, следует исходить из того, что нацизм по своей сути направлен сразу на несколько объектов уголовно-правовой охраны и затрагивает интересы личности,

¹ Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь от 14.01.2020 по делу № 02ау-3/2020 г.

² Архив ИЦ УВД Гродненского облисполкома за 2021 г. Дело № 54/4271 от 03.03.2021.

³ Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности: Закон республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № № 112-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 08.06.2021, 2/2832.

общества, государства. Основной объект данного преступления — это отношения по обеспечению мира и безопасности человечества, сохранению исторической памяти народов мира о фактах совершения в годы Второй мировой войны международно-правовых преступлений против мира и безопасности человечества нацистами, осужденных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, а также по сохранению исторической памяти о деятельности СССР в годы Второй мировой войны и его значительной и решающей роли в победе над фашизмом.

Факты, которые были установлены приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных преступников европейских стран оси, представляют собой итоговые решения Нюрнбергского военного трибунала, осудившего нацизм как преступную систему и идеологию (Левандовская М.Г. Реабилитация нацизма как преступление // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12. С. 158).

Криминализованы также пропаганда, публичное демонстрирование, изготовление и распространение нацистской символики и атрибутики (ст. 341-1 УК Республики Беларусь), ответственности будут подлежать лица, совершившие такие деяния неоднократно. Деяние признается совершенным лицом неоднократно, если это лицо дважды в течение одного года подвергалось административному взысканию за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 19.10 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (вступил в силу 1 марта 2021 г.), и в течение года после наложения второго административного

взыскания за такие деяния вновь их совершило.

Таким образом, можно говорить, о том, что в 2016—2021 гг. в Республике Беларусь завершилось формирование нового законодательства об увековечении памяти погибших защитников Отечества и жертв войн. Этот опыт может быть полезен другим странам СНГ. Более того, в некоторых учреждениях образования (Белорусский государственный университет, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы) юридического и исторического профиля введена дисциплина специализации «Правовая охрана историко-культурного наследия», в рамках которой изучается новое законодательство об охране военно-исторического наследия в рамках первой и второй ступеней (магистратура) высшего образования. Будущие юристы в результате овладеют не только основами законодательства, но и навыками пресечения и расследования преступлений в данной сфере.

Библиография

1. Головизнин, А.В. Кодификация как приоритетная форма совершенствования законодательства о культуре в Российской Федерации // А.В. Головизнин // Культура: управление, экономика, право. — 2018. — № 2. — С. 35-40.
2. Левандовская, М.Г. Реабилитация нацизма как преступление / М.Г. Левандовская // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 12. — С. 155—162.
3. Шумский, В.В. Военно-историческое наследие как составная часть историко-культурного наследия / В.В. Шумский // Законность и правопорядок. — 2012. — № 2. — С. 28—34.
4. Яшкова, Т.В. Сохраним историческую память о погибших при защите Отечества / Т.В. Яшкова // Военно-исторический журнал. — 2018. — №2. — С. 55—59.

Гражданское общество и его возможности по формированию патриотизма у молодежи

© Щербак Сергей Иванович,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье представлена авторская точка зрения на активизацию деятельности институтов гражданского общества в интересах патриотического воспитания молодежи.

Ключевые слова: гражданское общество; государство; национальная безопасность; патриотическое воспитание; молодежь.

Civil society and its opportunities for the formation of patriotism among young people

© Shcherbak S. I.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Abstract. The article presents the author's point of view on the activation of the activities of civil society institutions in the interests of patriotic education of young people.

Key words: civil society; the state; national security; patriotic education; youth.

1 сентября 2021 г. — это дата начала осуществления во всех образовательных организациях Российской Федерации качественно нового образовательного процесса. С начала нового учебного года начинают реализовываться требования обновленной в 2020 г. Конституции Российской Федерации и Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» о подлинном соединении воспитания и обучения.

В частности, ч. 4 вновь введенной ст. 67.1 Конституции Российской Федерации предусматривает, что государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим.

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» дополнен статьей 12.1, устанавливающей общие требования к организации воспитания обучающихся. Образовательная программа образовательной организации дополняется рабочей про-

граммой воспитания и календарным планом воспитательной работы, на основе которых будет осуществляться воспитание обучающихся. Предусмотрено привлечение к разработке учебно-методической документации воспитания представителей заказчика подготовки и обучающихся.

Воспитание — чрезвычайно сложный, многогранный и постоянно изменяющийся процесс в соответствии с развивающейся социально-политической обстановкой. Над достижением его конечного результата думали выдающиеся умы в прошлом, но, оказывается, не менее актуальные задачи предстоит решать нашим современникам. Озабочены состоянием воспитания органы власти, и, даже, казалось бы, непрофильные. Директор ФСБ России А.В. Бортников в 2018 г. констатировал, что государство упустило «трудных подростков», которые попадают под влияние радикалов, а в итоге это приводит к гибели людей. «С этим надо что-то делать. Времени у нас нет. Надо принимать соответствующие меры»¹. А.В. Бортников сообщил, что ФСБ России подготовила для ру-

¹ <https://www.kommersant.ru/daily> 2018-11-08 (дата обращения 09.07.2021).

ководства страны предложения по борьбе с радикализмом среди молодежи. Соглашаясь с необходимостью предпринять меры, надо полагать, что радикализм молодежи возникает по причине дефицита должного воспитания. И принимать меры следует не только ФСБ России, но и, в первую очередь, другим органам публичной власти, компетентным в области воспитания, а также широкой общественности.

В последнее время законопроектная деятельность, преимущественно на федеральном уровне, отражает политику власти в области воспитания молодежи, и обращает внимание на некоторые тенденции¹. В частности, по мнению автора, государство пытается расширить круг субъектов, которые могут повысить качество воспитания молодежи, и прежде всего, патриотического. О необходимости патриотического воспитания молодежи говорят многие, но реализовать эту задачу крайне затруднительно.

Президент Российской Федерации В.В. Путин, в мае 2018 г. отвечая на вопрос о том, в чем состоит российская национальная идея, ответил: «в патриотизме, думаю, тут ничего другого не может быть. Но патриотизм не должен быть квасным, затхлым и кислым». По его мнению, «патриотизм заключается в том, чтобы посвятить себя развитию страны, ее движению вперед. Это совсем не значит, что нужно все время хвататься только за наше героическое прошлое, нужно смотреть в наше не менее героическое и успешное будущее, и в этом залог успеха»². Следовательно, отвечающим за воспитание нужно найти то, за что нужно «хвататься», реализуя воспитательные цели.

В новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (далее — Стратегия), утвержденной Указом Пре-

зидента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, патриотизм, наряду с другими традиционными российскими духовно-нравственными ценностями³, призван объединять нашу многонациональную и многоконфессиональную страну. Также Стратегия в п. 22 указывает перспективу и вселяет оптимизм — сохранение российской самобытности, культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и патриотическое воспитание граждан будут способствовать дальнейшему развитию демократического устройства Российской Федерации и ее открытости миру.

Патриотическое воспитание представляет собой систематическую и целенаправленную деятельность органов государственной власти, институтов гражданского общества и семьи по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины. Так определена сущность патриотического воспитания в Постановлении Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016—2020 годы».

Реализовывать положения Конституции Российской Федерации и Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» о соединении воспитания и обучения будут также и в интересах обеспечения безопасности государства и обороны страны. Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 1999 г. № 1441 «Об утверждении Положе-

¹ Харитонов В.С. О необходимости правового закрепления определения военно-патриотического воспитания граждан России // Военное право. 2016. № 4 (40). С. 121—122.

² Патриотизм – «это и есть национальная идея» [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/2636647> (дата обращения 19.07.2021).

³ К другим традиционным российским духовно-нравственным ценностям отнесены: жизнь, достоинство, права и свободы человека, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России (п. 91 Стратегии).

ния о подготовке граждан Российской Федерации к военной службе» определено, что составной частью обязательной подготовки граждан к военной службе является военно-патриотическое воспитание. Оно организуется органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления совместно с Министерством обороны Российской Федерации и иными федеральными органами исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная служба. Непосредственная реализация осуществляется практически во всех общеобразовательных организациях их администрациями, с участием общественных и религиозных объединений, деятельность которых разрешена на территории Российской Федерации.

Представляется, что воспитание патриотизма у молодежи возможно при условии, что в обществе, в котором она растет и развивается, сложится система массовых положительных примеров (не только героических) надлежащего поведения в обществе, на которых она (молодежь) будет воспитываться. Учителей, воспитателей, обучающихся негативному общественному поведению, чуждой массовой культуре, экстремизму — нет, а деструктивное влияние на определенную часть молодежи происходит. Значит, проблема не в учителях, призванных обучать патриотизму, вернее — в не в их отсутствии. К другим условиям, повышающим эффективность воспитательного процесса, следует отнести участие в ней самых широких кругов: семьи, школы, общественных организаций, всего гражданского общества. Патриотическое воспитание граждан не мыслимо без осознания гражданином обязанностей по защите Отечества, сохранению и сбережению его ценностей. Представляется, что формирование этого сознания будет неполным, несостоятельным без участия гражданского общества. Участие его представителей в патриотическом воспитании будет обеспечивать гармоничное и сбалансированное развитие подрастающего поколения в его личных интересах, интересах общества и государства. Поэтому вполне обоснованы тревоги, волнения и критика

тех, кто прочитал новые Федеральные государственные образовательные стандарты, принятые в 2021 г. (далее — ФГОС 2021)¹ для школы. Очевидно, что силами только школьной администрации и учителей их положения, связанные с реализацией программы воспитания, в практику не воплотить.

В последнее время государство начинает движение в направлении гражданского общества с целью привлечения его к решению важных государственно-политических задач, например, обеспечению национальной безопасности, противодействию экстремизму, и др. Полагаем, что без участия широких слоев гражданского общества невозможно качественно решить задачу, определенную в п. 93 Стратегии: «духовно-нравственное и патриотическое воспитание граждан на исторических и современных примерах, развитие коллективных начал российского общества, поддержка социально значимых инициатив, в том числе благотворительных проектов, добровольческого движения».

К сожалению, обуздание социальных протестов — задача чрезвычайно сложная, длительная, с неопределенным и негарантированным успехом. Привлечение гражданского общества к разрешению сложных социальных проблем — наиболее приемлемый путь. Однако, он будет успешным при наличии самого гражданского общества — развитого, зрелого и авторитетного.

В 90-е годы XX в. начались и до сих пор ведутся поиски гражданского общества или причин его отсутствия в России, среднего класса, как его основы. На одно из условий отнесения людей к среднему классу указал В.В. Путин. «Только граждане своей собственной страны вправе определять, в чем их общественный интерес. Сильное, свободное, самостоятельное гражданское общество по определению национально ориентированно и суверенно, оно прорастает из толщи народной жиз-

¹ Официальный интернет-портал правовой информации. 2021. 05.07. Номер опубликования: 0001202107050028.

ни»¹, — обозначил свою точку зрения Президент Российской Федерации, выступая пленарной сессии международного клуба «Валдай».

Очевидно, что общество в целом не является простой совокупностью индивидов. Это сложная социальная система, продукт взаимодействия людей, определенная организация их жизни, связанная, прежде всего, с производством, обменом и потреблением жизненных благ. Это динамическая система, объединяемая семейными узами, групповыми, сословными, классовыми, национальными, конфессиональными, но в первую очередь, экономическими отношениями. Это такая общность индивидов, где действуют уже не биологические, а социальные законы. Ядром этой системы может и должно быть гражданское общество, как общество с развитыми экономическими, политическими, правовыми и культурными отношениями между людьми, относительно независимое от государства, но взаимодействующее с ним². К основным его характеристикам относятся следующие:

— это общество людей высокого социального, культурного, морального и экономического статуса, создающих вместе с государством развитые общественные отношения;

— гражданское общество представляет собой единое, солидарное сообщество, состоящее из множества индивидов, обладающих развитой степенью гражданственности;

— гражданское общество само создает сложную общественную структуру, которая включает в себя хозяйственные, экономические, этнические, религиозные и правовые отношения;

— условием возникновения гражданского общества является появление у значительной части граждан общества достаточной экономической самостоятельности и независимости от государства;

— важной характеристикой гражданского общества является достижение высокого уровня самоорганизации и саморегуляции общества;

— реальное гражданское общество организуется после разделения сфер влияния между государством и гражданином посредством общественного договора. Сужение власти государства осуществляется через введение неотъемлемых прав человека;

— это подлинная активная деятельность всех демократических институтов и реальность существования правового государства.

Если государство, с подачи Томаса Гоббса, аллегорически называют Левиафаном, то гражданское общество можно сравнить со сказочным Богатырем. Все объяснения политологов в условиях слабого гражданского общества по сути, подобны сказке, со всеми ее чудесами в виде спасения слабых (спящей царевны), восстановления справедливости (умерщвления Кощея) и др. Известны былинные примеры, когда Богатырь приходил на помощь слабому государству (Илья Муромец).

В некоторых общественных системах гражданское общество помогает государству решать значительную часть общественных и государственных проблем, например, путем проведения референдумов (Швейцария). За неудачные решения общество само несет ответственность и страдает материально (платит налоги). Там, где такие системы не складываются, государство вынуждено подменять собой гражданское общество, используя народных представителей, и выборы, как средство их кооптации. В условиях неразвитого гражданского общества и слабого государства вместе этим двум системам работать трудно, поскольку они используют разные формы и методы решения социальных проблем. Кто-то должен уступить. По логике это должно сделать государство, но в условиях нестабильного или слабого гражданского общества дефицит государственной власти может нести угрозу самому обществу. Следовательно, только при условии сильного гражданского общества

¹ В.В. Путин о гражданском обществе / <https://ria.ru/> 22.10.2020 (дата обращения 21.07.2021).

² Поздняков А.И. Основы теории национальной безопасности. Курс лекций: электронное научное издание // Альманах «Пространство и время». Т. 2. Вып. 1. 2013.

оно вправе выдвигать и реализовывать свои инициативы. Но беда в том, что признать факт реальной силы у гражданского общества может только сильное государство. Признав такой факт, оно должно поделиться с гражданским обществом своим правом влиять на людей и общественные процессы. Государство станет слабее. Такое состояние не опасно в условиях благоприятного внешнего окружения и отсутствия внутренних угроз. При их наличии опасность возникает не только для государства, но и для гражданского общества. Эти сложности и заставляют государство с недоверием и опасением подходить к сотрудничеству с ослабленным гражданским обществом. На первый взгляд кажется, что чем сильнее государство, тем слабее гражданское общество, и наоборот. А нужен баланс сил. Он возможен только в условиях сильного государства и сильного гражданского общества.

О необходимости гражданского общества с ностальгией говорят все политологи демократического толка¹, и полагают, что государство тоже должно быть заинтересовано в нем. Вместе с тем, приходится признать тот факт, что широкая общественность мало чего о нем знает и участвовать в его деятельности не готова по причине отсутствия осознанной общественно значимой цели. В связи с этим перманентно раздаются призывы к государству создать единую государственную идеологию.

Оценивая значимость гражданского общества в юридическом смысле, следует отметить, что оно является важной гарантией реализации положений Конституции Российской Федерации, содержащихся во второй статье, о том, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Контролировать исполнение государством этой обязанности может и вправе только гражданское

общество. Без его существования это конституционное положение превращается в юридическую фикцию. Представителю власти, как и любому человеку, в силу его интереса, непринято самому по доброй воле избирать себе контролера, и претерпевать его указующие предписания и обязательные распоряжения. В то же время сила гражданского общества может быть очевидной, ею трудно управлять, и с ней чиновнику приходится считаться. Эта противоречивость интересов является одной из причин низкой активности гражданского общества в России. Всем известно, чего может натворить Джин, выпущенный из бутылки, не знающий реалий современной жизни.

Правы авторы монографии, которые утверждают, что «государство заинтересовано в развитии институтов гражданского общества и в эффективном с ними взаимодействии»². Они объясняют, что «в настоящее время это обусловлено потребностями модернизации государственного управления, борьбой с коррупцией, повышением качества реализации государственных функций и оказания государственных услуг». Сильному гражданскому обществу по плечу и более масштабные задачи.

Отмечая 80-ю годовщину со дня начала Великой Отечественной войны, ради исторической правды, следует вспомнить о подвиге народов СССР, поднявшихся на борьбу с немецким фашизмом. Конечно, были отдельные негативные случаи уклонения от нее, но здоровые силы советского общества мобилизовались и победили фашизм, жертвуя собой ради победы над врагом. Это и есть самое сильное доказательство существования гражданского общества в советское время. Коммунистическая партия в советском государстве выполняла его роль. История знает и другие

¹ См., например, Волкова Н.В., Гусева Л.А. Гражданская активность как зеркало политических, духовных и культурных ценностей общества // Научное обозрение. 2014. № 1. С. 79–86.

² Андрианов М.С., Боголюбов С.А., Бут Н.Д., Добрецов Д.Г., Ермакова К.П. и др. Законность: теория и практика : монография (отв. ред. д.ю.н., проф. Ю.А. Тихомиров, д.ю.н. Н.В. Субанова). Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М.: Юридическая фирма «Контракт», 2017.

примеры, когда гражданское общество или его представители также восполняют дефицит государственной власти. В латиноамериканских государствах в XX в. существовала практика пугчей и установления военной хунты. Несомненно, в данном случае имеет место узурпация власти, ее незаконный захват. Этот пример скорее показывает факт проявления квазигражданского общества.

Таким образом, мы вправе заявить, что гражданское общество в сложных ситуациях может даже заменять собой государственную власть, подстраховывать государственные органы в трудную минуту.

Причин и условий появления и активизации гражданского общества может быть много. Политологи по-разному оценивают факт его зарождения или наличия в том или ином государстве. Применительно к России они полагают, что медленное формирование гражданского общества предопределено исторически. По их мнению, российское общество не готово самоорганизовываться из-за советского прошлого, атомизировавшего социальную среду и не дававшего обществу определенных степеней свободы подняться до уровня самоорганизации и самостоятельного развития во всех сферах, не связанных с государством. Во-вторых, население страны не испытывает социальной ответственности и подвергнуто кризису самоидентификации личности, отдельных социальных групп и общества в целом. В-третьих, народ не готов к самоорганизации и саморазвитию, поскольку не имеет должного уровня образования и культуры¹. Вместе с тем, в историю России вписаны подвиги лучших представителей народа, которые в трудные для государства и общества времена, объединившись проявляют свои высокие качества во благо общества и государства (изгнание из Москвы Лжедмитрия и поляков в 1613 г.; Отечественная война 1812 г.; Великая Отече-

ственная война; строительство социализма в СССР и др.).

Случается, наступают времена, когда гражданское общество ослабевает, утрачивает свой потенциал, и не в состоянии выполнять важные для общества задачи. Возможно, что еще не возникла реальная потребность в использовании его силы. С учетом наших знаний о гражданском обществе приходится констатировать, что его сила, возможности и условия возрождения (активизации) до конца не познаны.

Деревенский уклад в России, в силу его первичности по отношению к городскому, в своей культуре содержит больше проявлений существования, может примитивного, но все же, гражданского общества — деревенской общины. В сфере воспитания молодежи традиционные деревенские устои более адаптированы к решению этой задачи. Так, например, попытка детей совершить шалость (выкурить сигарету) находила мгновенную негативную реакцию со стороны любых взрослых. Всякое рукоприложение с их стороны родителями ребенка воспринималось с пониманием и одобрением, поскольку содействовало воспитанию молодого члена общества и вело к предотвращению пожаров — самого страшного бедствия, исключая войну. Очевидно, что наличие общего интереса скрепляло общество, выдвигало лидеров, которые вели за собой сознательную часть общества.

Представляется, что одной из проблем современности является отсутствие в российском законодательстве нормативного закрепления понятий «гражданское общество» и «институты гражданского общества», и вообще неоправданно редки упоминания о нем. Действующее законодательство к институтам гражданского общества относит только адвокатуру, которая, согласно ст. 3 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63 «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Отрадно заметить, что ч. 1 ст. 114 Конституции Российской Федерации Законом Российской Федерации о

¹ Грудцына Л.Ю., Лагуткин А.В. Роль информации в управлении гражданским обществом: философские и правовые аспекты // Журнал российского права. 2014. № 10.

поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ дополнена пунктом «е.1», суть которого заключается в том, что Правительство Российской Федерации «осуществляет меры по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечивает их участие в выработке и проведении государственной политики».

Развиваются конституционные положения в Стратегии национальной безопасности. В ней предусмотрено повышение роли гражданского общества в обеспечении национальной безопасности. Отметим, что в тексте предыдущей Стратегии (2015) активная роль гражданского общества не предусматривалась. П. 25 Стратегии уточняет, что с учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в Российской Федерации и в мире, ее национальными интересами на современном этапе, наряду с другими, являются «развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества». В п. 47 и 57 уточняется, что одной из задач обеспечения государственной, общественной и информационной безопасности являются развитие институтов гражданского общества, развитие взаимодействия институтов гражданского общества и населения с органами публичной власти в решении вопросов, которые могут вызвать рост социальной напряженности. В п. 93 Стратегии определены задачи по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. Представляется, что без участия гражданского общества невозможно духовно-нравственное и патриотическое воспитание граждан на исторических и современных примерах, развитие коллективных начал российского общества, поддержка социально значимых инициатив, в том числе благотворительных проектов, добровольческого движения.

Молодежная среда, в силу ее радикализма и желаний быстрых перемен в своей жизни и жизни общества, довольно часто

впадает в экстремизм. С учетом этого Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.¹, определяет основные задачи государственной политики в сфере противодействия экстремизму, среди них встречаются те, которые предусматривают участие гражданского общества в этой важной деятельности, посредством воспитания молодежи. Например:

— своевременное реагирование органов государственной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества на возникновение конфликтных и предконфликтных ситуаций;

— использование потенциала институтов гражданского общества, в том числе ветеранских и молодежных организаций, в целях воспитания граждан в духе патриотизма, обеспечения единства российского народа.

Специалисты отмечают, что гражданское общество в общественно-правовой сфере может выполнять ряд функций. Одна из них — функция социализации, которая направлена на привитие индивидам ценностей взаимного уважения, общежития, солидарности, ответственности, справедливости².

Молодые, не имеющие жизненного опыта, люди, сами того не осознавая, могут разделять и выражать не свойственные им взгляды, подчас довольно радикальные, экстремистские. Надлежащее воспитание в семье, школе не всегда бывает эффективным. В отсутствие устойчивых ориентиров воспитательного процесса, только при активной позиции гражданского общества, заинтересованного в устойчивости и прочности государства, возможно создание системы патриотического воспитания. При этом гражданское общество не имеет прямых меркантильных интересов, участвуя в этом процессе, не мечтает получить награду, а

¹ Утверждена Президентом Российской Федерации 28 ноября 2014 г. № Пр-2753.

² Курячая М.М. Гражданская активность как фактор формирования и развития гражданского общества с современной России // Государство и право. 2021. № 5. С. 111.

действует исключительно бескорыстно. Членам гражданского общества, как говорил всем известный киногерой, — «за державу обидно!». В этом плане гражданское общество имеет преимущество перед государством. От имени государства действует чиновник, стремящийся соблюдать и показывать формальную сторону воспитания, и редко интересующийся его содержанием. Гражданское общество ежедневно сталкивается с результатами работы чиновника, и его представители могут влиять, и на чиновника, и на результаты его работы — поведение воспитуемых. Следовательно, оно имеет моральный интерес, и имеет возможности его достичь.

Понятно, что для того, чтобы гражданское общество заработало, его надо создать. М.М. Курячая полагает, что «развитие гражданского общества невозможно без гражданской активности как личной потребности каждого или большинства индивидов, аккумулируемой через пользующихся их доверием общественные институты. Основу формирования такой потребности составляют, с одной стороны, экономическая самостоятельность большинства населения, а с другой — осознанное отношение к государству как гаранту безопасности и социальной стабильности в обществе»¹. К поискам средств активизации гражданского общества в интересах патриотического воспитания молодежи обращаются многие авторы². Военнослужащие, как социальная группа, могут претендовать на участие в формировании основ гражданского общества, но только после увольнения с военной службы.

Военнослужащие, ушедшие в запас или отставку, продолжают активную деятельность в гражданской жизни.

Появляются предложения их житейскую мудрость, педагогический опыт, выдержку и силу характера использовать в деле патриотического воспитания молодежи, выступая от имени гражданского общества. Для этого им необходимо стать экономически самостоятельными и независимыми. Сейчас военные пенсионеры своим материальным обеспечением формально обязаны государству³. Проблема заключается в том, чтобы найти средства, казалось бы, на более высокое материальное обеспечение военных пенсионеров, независимое от государства. На самом деле эти деньги косвенным образом пойдут на патриотическое воспитание молодежи. Осталось продумать финансовый механизм.

Таким может быть первый шаг российского государства по содействию гражданскому обществу и развитию его институтов с учетом современных условий.

Сила гражданского общества применительно к его участию в осуществлении патриотического воспитания молодежи заключается в его возможностях. К ним относятся:

- массовость (вхождение в состав гражданского общества широкого круга индивидов);
- высокая степень гражданственности и прямая заинтересованность членов гражданского общества в успешном развитии общества и государства;
- наличие у членов гражданского общества прав гражданина Российской Федерации, в том числе права на участие в выборах и занятии государственных и муниципальных должностей;
- наличие общих интересов у членов гражданского общества и возможность создавать общественные организации для реализации общественных интересов;

¹ Там же. С. 112.

² См., например: Авакян С.А. Слово «власть» не должно пугать // Закон. 2020. № 12; Орлова В.А. Особенности становления гражданского общества в России // PolitBook. 2012. № 2; Никитина Е.В. Особенности и основные этапы становления гражданского общества в России // Власть. 2010. № 12; и др.

³ Ссылаясь на Маргарет Тэтчер, некоторые специалисты приводят ее мысль о том, что у государства нет своих денег, а оно распоряжается деньгами налогоплательщиков.

— возможность членом гражданского общества оказывать влияние на положение дел в обществе и государстве;

— авторитет представителей гражданского общества, и их способность влиять на подрастающее поколение;

— относительная экономическая независимость членом гражданского общества от государства и их самодостаточность;

— государство вынуждено считаться с мнением гражданского общества в силу выше перечисленных возможностей.

Таким образом, гражданское общество имеет интерес и потенциальные возможности оказывать позитивное влияние на патриотическое воспитание молодежи в Российской Федерации. Важно убрать внутренние и надуманные противоречия, стоящие на пути развития и начала деятельности гражданского общества в России.

В этой связи представляется важным не противопоставлять гражданское общество государству, поскольку, как уже отмечалось ранее, существование и развитие

гражданского общества немислимо вне сложной системы общественных отношений и без участия государства. Государство и гражданское общество взаимосвязаны и взаимозависимы. Современному государству все сложнее реагировать на множество общественных запросов, что приводит к обострению социальных конфликтов. Решить эту проблему могут лишь эффективные обратные связи и взаимодействие с развитым гражданским обществом.

Библиография

1. Поздняков, А.И. Основы теории национальной безопасности : Курс лекций / А.И. Поздняков // Пространство и время. — Т. 2. — Вып. 1. — 2013.
2. Курычая, М.М. Гражданская активность как фактор формирования и развития гражданского общества с современной России / М.М. Курычая // Государство и право. — 2021. — № 5.
3. Харитонов, С.С. О необходимости правового закрепления определения военно-патриотического воспитания граждан России / С.С. Харитонов // Военное право. — 2016. — № 4 (40). — С. 121—122.

Правовое регулирование трудовых отношений в военных организациях

Актуальные вопросы социального партнерства в воинских частях (военных организациях) Вооруженных Сил Российской Федерации

© Ломакина Татьяна Вячеславовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного (государственного) и международного права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В рамках настоящей статьи изучены вопросы, касающиеся организации социального партнерства в Вооруженных Силах Российской Федерации на основании подписанного его сторонами Отраслевого соглашения между Профессиональным союзом гражданского персонала Вооруженных Сил России и Министерством обороны Российской Федерации на 2020—2022 годы, а также взаимодействию в области трудоустройства и занятости гражданского персонала, соблюдения трудового законодательства, обеспечения здоровых и безопасных условий труда, социальной защиты работников. Исследуется практический опыт выполнения подписанного соглашения на уровне Вооруженных Сил Российской Федерации и заключенных коллективных договоров в воинских частях (военных организациях).

Ключевые слова: гражданский персонал Вооруженных Сил Российской Федерации, профессиональные союзы в Вооруженных Силах, социальное партнерство, коллективные договоры и соглашения, охрана труда, социальная защита гражданского персонала.

Current issues of social partnership in military units (military organizations) Armed Forces of the Russian Federation

© Lomakina T. V.,
Associate Professor, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Departments of constitutional Law (State) and international Military University Law Ministry of Defense Russian Federation

Annotation. This article examines issues related to the organization of social partnership in the Armed Forces of the Russian Federation on the basis of the Industry Agreement signed by its parties between the Professional Union of Civil Personnel of the Armed Forces of Russia and the Ministry of Defense of the Russian Federation for 2020—2022, as well as cooperation in the field of employment and employment of civilian personnel, compliance with labor legislation, ensuring healthy and safe working conditions, and social protection of employees. The article examines the practical experience of the implementation of the signed agreement at the level of the Armed Forces of the Russian Federation and the collective agreements concluded in military units (military organizations).

Keywords: civil personnel of the Armed Forces of the Russian Federation, trade unions in the Armed Forces of the Russian Federation, social partnership, collective agreements and agreements, labor protection, social protection of civilian personnel.

В соответствии со ст. 3 Конституции Российской Федерации профсоюзы создаются для защиты прав и законных интересов своих членов, вследствие чего являют-

ся важнейшей стороной в общественных отношениях.

Исторический опыт XX в. наглядно продемонстрировал роль и значение ин-

ституты социального партнерства в этом вопросе.

Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» в ст. 1 дает законодательное определение общественных отношений, составляющих предмет его регулирования. Ими являются общественные отношения, возникающие в связи с реализацией гражданами конституционного права на объединение, созданием, деятельностью, реорганизацией и (или) ликвидацией профессиональных союзов, их объединений (ассоциаций), первичных профсоюзных организаций, иных профсоюзных организаций, объединений (ассоциаций) организаций профсоюзов.

О значимости роли профсоюзов в общественно-политической жизни страны говорил и Президент Российской Федерации В.В. Путин при подписании Генерального соглашения между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством России на 2021—2023 годы. Глава государства отметил, что «уважение к человеку труда, социальное партнерство, экономическая солидарность — важнейшие принципы, которые мы заложили в обновленную Конституцию. И нужно, чтобы эти положения Конституции работали на уровне каждого района, региона, отрасли, города, в конкретных трудовых коллективах и предприятиях»¹.

В указанном Соглашении, который затрагивает интересы более 70 млн. работников, предусмотрен ряд мер в сфере здравоохранения, соцзащиты, пенсионного, жилищного обеспечения, планируется ввести социальный вычет по НДФЛ для малоимущих работников (с учетом семейной нагрузки) в размере прожиточного минимума трудоспособного населения в соответствующем регионе за каждый месяц налогового периода. Предусмотрены и другие меры, которые

должны обеспечивать полную занятость и достойный труд для всех.

Вопросы социального партнерства в Вооруженных Силах Российской Федерации являлись предметом исследования и научного анализа как на уровне диссертационных исследований, так и на страницах научных периодических изданий².

В настоящей статье будут проанализированы проблемы, возникающие у профессиональных союзов, которые действуют в Вооруженных Силах Российской Федерации при взаимодействии с командованием воинских частей (организаций).

Немного касаясь предыстории вопроса деятельности профсоюзов в Вооруженных Силах, следует отметить, что в СССР профорганизации Минобороны обычно «прикрепляли» к отраслевым профсоюзам. В Российской Федерации стали создаваться военные профсоюзы. Этот процесс практически не координировался, и в результате в Минобороны России были созданы шесть профсоюзов: Сухопутных войск (СВ), Военно-воздушных сил и Противовоздушной обороны (ВВС и ПВО), Военно-морского флота (ВМФ), Ракетных войск стратегического назначения и Космических войск (РВСН и КВ), Военных и специализированных строительных организаций и Минобороны России. Возникла ситуация: работодатель — Минобороны — один, а организаций, защищающих инте-

¹ Сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56741> (дата обращения: 20.05.2021).

² Мажуга Е.Ю. Правовое регулирование участия гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации в социально-партнерских правоотношениях : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Голенко Е.Н., Ковалев В.И. Трудовой кодекс Российской Федерации: научно-практический комментарий (для командиров воинских частей, профсоюзных работников и гражданского персонала). М.: За права военнослужащих, 2004; Ковалев В.И. Все о труде гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации : справ. пособие. М., 2008; Мажуга Е.Ю. Досудебное разрешение индивидуальных трудовых споров в условиях Вооруженных Сил Российской Федерации // Российский военно-правовой сборник № 9: Военное право в XXI веке. М.: За права военнослужащих, 2007. С. 278—280; Ковалев В.И. Актуальные вопросы социального партнерства в Вооруженных Силах Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2011. № 12 (174). С. 55—57.

рессы и трудовые права значительной части гражданского персонала Вооруженных Сил, — несколько.

Практика показала, что только при наличии коллективного договора можно реально влиять на решения военного командования, которые затрагивают интересы гражданского персонала в сфере труда и социальных отношений. В соответствии с положениями ст. 20 ТК РФ полномочия работодателя осуществляет командир или начальник соответствующей воинской части или организации Вооруженных Сил Российской Федерации, которому предоставлено право заключения, изменения, расторжения трудовых договоров с работниками. Лица, осуществляющие от имени Минобороны России полномочия работодателя, определены приказом Министра обороны Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 3910. Вряд ли перечисленные в этом приказе должностные лица, начиная от статс-секретаря-заместителя Министра обороны Российской Федерации и заканчивая командирами (руководителями) воинских частей, будут заключать с работниками несколько коллективных договоров.

Поэтому в 1990 г. была создана Федерация профсоюзов рабочих и служащих Вооруженных Сил Российской Федерации (ФПВС), в которую вошли все шесть профсоюзов. Однако ее создание не привело к единству действий по вопросам защиты трудовых прав и интересов как членов военных профсоюзов, так и всего гражданского персонала Минобороны России.

Результатом реформирования профессиональных союзов гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации стало объединение трех военных профсоюзов. Так, профсоюз рабочих и служащих ВМФ России и профсоюз гражданского персонала РВСН и Космических войск влились в профсоюз гражданского персонала Вооруженных сил России.

Делегаты V Съезда Профсоюза гражданского персонала Сухопутных войск — профсоюза Армии России, который прошел в 2010 г., приняли постановление «О вступлении в Федерацию независимых профсоюзов России» и решение о пере-

именовании указанного Профсоюза в «Профсоюз гражданского персонала Вооруженных Сил России».

На данный момент времени профсоюз гражданского персонала Вооруженных сил России насчитывает 10 территориальных, 4 межрегиональные, 3 областные (краевые) профсоюзные организации, Объединенный комитет профсоюза воинских частей и учреждений Вооруженных Сил Российской Федерации (в Приднестровье)¹, которые действуют в практически во всех субъектах Российской Федерации, во всех военных округах — в воинских частях, военно-учебных заведениях, учреждениях, организациях, на предприятиях Минобороны России.

В декабре 2019 г. Профсоюзом гражданского персонала Вооруженных Сил России и Министром обороны Российской Федерации было утверждено (соответственно 24 и 27 декабря 2019 г.) Отраслевое соглашение между Профессиональным союзом гражданского персонала Вооруженных Сил России и Министерством обороны Российской Федерации на 2020—2022 годы². Соглашение — достаточно объемный документ. В него включены семь разделов: Общие положения, Социальное партнерство и координация действий Сторон Соглашения, Обязательства Министерства обороны, Молодежная политика, Гарантии деятельности Профсоюза, Обязательства Профсоюза и Контроль за выполнением Соглашения и ответственность за его нарушение или невыполнение.

Отдельные положения соглашения имеют прямое действие, другие требуют закрепления в коллективных договорах, локальных нормативных актах, трудовых договорах работников.

Ведение коллективных переговоров по подготовке, заключению, внесению изменений и дополнений в Соглашение, организация контроля за его выполнением и

¹ Профсоюз ВС России: [Электронный ресурс]. URL: <https://psvsrf.ru/organizations> (Дата обращения 20.05.2021)

² Федерация независимых профсоюзов России: [Электронный ресурс]. URL: <https://fnpr.ru/upload/iblock/49c/49cc746a03fd48efb5e69348bc326360.pdf> (Дата обращения 20.05.2021)

подведение итогов, толкование и разъяснение его положений, а также рассмотрение конфликтных ситуаций и разногласий по коллективным договорам (соглашениям), заключенным на его основе, возлагаются на Комиссию по регулированию социально-трудовых отношений, образованную в Минобороны России в соответствии с приказом Министра обороны Российской Федерации от 21 июля 2010 г. № 1012.

Помимо вышеназванных федеральных законов, приказов Министра обороны Российской Федерации вопросы взаимодействия с Профсоюзом гражданского персонала и профсоюзными организациями в Вооруженных Силах Российской Федерации регламентируются:

— приказом Министра обороны Российской Федерации от 4 июня 1996 г. № 215 «О совершенствовании отношений с профсоюзами, объединяющими лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации» (далее — приказ Минобороны России 1996 г. № 215);

— приказом Министра обороны Российской Федерации от 20 февраля 2013 г. № 139 «О мерах по улучшению взаимодействия с Профсоюзом гражданского персонала Вооруженных Сил России» (далее — приказ Минобороны России 2013 г. № 139).

В соответствии с пунктами 64 и 68 Отраслевого соглашения Минобороны России создает условия и содействует реализации прав Профсоюза гражданского персонала в воинских частях (военных организациях). Вместе с тем в настоящее время отдельные командиры (начальники) соединений (воинских частей, организаций) допускают нарушения Отраслевого соглашения, в том числе по причине отсутствия юристов в войсках¹, что оказывает негативное влияние на морально-психологический климат в трудовых коллективах воинских частей, ведет к увеличению количества обращений работников в различные инстанции, суды, росту

увольнений и, соответственно, некомплекта гражданского персонала.

Как следует из обращения председателя Профсоюза Вооруженных Сил России от 14 декабря 2020 г. № 5/370 к заместителю Министра обороны Российской Федерации — начальнику Главного военно-политического управления Вооруженных Сил Российской Федерации А.В. Картополову по нарушениям положений Отраслевого соглашения между Профессиональным союзом гражданского персонала Вооруженных Сил России и Министерством обороны Российской Федерации на 2020—2022 годы, нарушения трудового законодательства при выполнении указанного соглашения имеют распространенный характер. Можно выделить следующие группы нарушений.

Во-первых, многие командиры воинских частей и руководители военных организаций полагают, что профсоюзы — это орган противодействия, а не социальный партнёр, который содействует в выполнении общих целей и задач (повышения уровня боеготовности войск). В связи с этим в нарушение требований приказа Минобороны России от 2013 г. № 139 ход выполнения в воинских частях заключенных соглашений и коллективных договоров, вопросов обеспечения социальной защиты гражданского персонала на военных советах (служебных совещаниях) с участием представителей Профсоюза не реже одного раза в год не рассматривается, на письменные обращения по этим вопросам не отвечают. Представители профсоюза не включаются, как того требует ст. 82 ТК РФ в аттестационные комиссии, не учитывается мнение профсоюзов при издании приказов командования, касающихся денежных выплат (стимулирующих, компенсационных (приложение № 2 к приказу Министра обороны Российской Федерации от 18 сентября 2019 г. № 545²), за работу, выполняемую в условиях, отклоняющихся от нор-

¹ Харитонов С.С. И все же — нужны или не нужны армии военные юристы? // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2009. № 5 (143). С. 95—96.

² Приказ Министра обороны Российской Федерации от 18 сентября 2019 г. № 545 «О системе оплаты труда гражданского персонала (работников) воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации».

мальных) и в других случаях, предусмотренных ТК РФ (ст. 74, 82).

Проекты правовых актов и решений, затрагивающих социально-экономические права и интересы гражданского персонала, до их подписания в профсоюзные органы, а проекты нормативных правовых актов Минобороны России по вопросам социально-трудовых и связанных с ними экономических отношений — в Комиссию по регулированию социально-трудовых отношений не направляются (п. 11, 43, 45 Отраслевого соглашения).

Вторую группу нарушений Отраслевого соглашения, составляют различные нарушения трудового законодательства по вопросам оплаты труда гражданского персонала. Это касается и оплаты труда за совмещение должностей (профессий), оплаты за работу в тяжелых и вредных условиях труда, оплаты труда за классное руководство педагогическим работникам и другие¹.

Как следует из п. 49. Отраслевого соглашения, гражданскому персоналу при совмещении профессий (должностей), расширении зон обслуживания, увеличении объема работы или исполнении обязанностей временно отсутствующего работника без освобождения от работы, определенной трудовым договором, производится доплата за счет и в пределах

¹ Вопросы выплат компенсационного и стимулирующего характера гражданскому персоналу воинских частей рассматривались в работах: Ковалев В.И. Новая система оплаты труда гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2009. № 1. С. 27—28; Ковалев В.И., Ломакина Т.В. Оплата труда гражданского персонала. Комментарии и разъяснения. М.: За права военнослужащих, 2009; Ковалев В.И. Актуальные вопросы оплаты труда гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2011. № 4; Ковалев В.И. Совместительство, совмещение, перевод, перемещение работника, временное замещение // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2010. № 5; Ломакина Т.В. Актуальные вопросы работы по совместительству гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 6. С. 57—63.

экономии фонда оплаты труда гражданского персонала данной воинской части. Однако на практике во многих случаях ее или просто нет, или же её хватает для производства указанных выплат на несколько месяцев. Экономия средств, в пределах которой может осуществляться компенсационная выплата за совмещение, исчисляется как разница между плановым фондом оплаты труда на соответствующий квартал и фактическими выплатами, произведенными за этот же период с учетом свободных остатков средств (включая наличность в кассах) после осуществления всех полагающихся выплат. Истребовать на дополнительные выплаты средства сверх установленных лимитов нельзя. Распределение этой экономии осуществляется централизованно и производится от Минобороны России вниз до командующих объединениями, командирами соединений, которые осуществляют это для непосредственно подчиненных воинских частей и организаций Вооруженных Сил.

Многие финансовые работники вводят гражданский персонал в заблуждение или умышленно недоговаривают по поводу источников формирования и использования экономии фонда оплаты труда гражданского персонала, заявляя, что экономии по этому фонду нет. Однако, это не так.

Один источник существовал всегда и формируется в самой воинской части за счет вакантных должностей, временной нетрудоспособности работников и прочих экономий в течении года и рассчитывается по требованию командира воинской части, а в дальнейшем по его же приказу и выплачивается в качестве компенсационных и стимулирующих выплат гражданскому персоналу.

Второй источник формируется за счет экономии бюджета по выделенному фонду оплаты труда гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации в связи с организационно штатными мероприятиями (т.е. за счет сокращения численности гражданского персонала Вооруженных Сил) и распределяется в объединения, соединения и воинские части

по решению указанных в приказе воинских должностных лиц. В этом случае все зависит от наличия выделенного конкретной воинской части лимита и расчетной суммы, определенной Министром обороны для стимулирования гражданского персонала на текущий квартал.

По опыту прошедшего года, в соединения и воинские части лимиты по этой экономии практически не поступали и выплаты гражданскому персоналу не производились. В соответствии с директивой заместителя Министра обороны Российской Федерации Т.В. Шевцовой от 12 февраля 2020 г. № ДЗ-1 командиры (начальники) воинских частей (организаций) должны обеспечить выплату заработной платы гражданскому персоналу в пределах утвержденных контрольных сумм фондов заработной платы.

Исходя из этого, командиры (начальники) воинских частей (организаций) не вправе принимать решения о привлечении работников к совмещению в случае отсутствия экономии фонда заработной платы или ее необеспеченности контрольными суммами (лимитами бюджетных обязательств). Учитывая изложенное, решение вопросов по установлению сроков, в течение которого работник будет выполнять дополнительную работу, ее объем и размер компенсационной выплаты за совмещение, должен осуществляться на локальном уровне социального партнерства, то есть в рамках системы взаимоотношений между командиром (руководителем) воинской части (организации) и работниками, а также первичной профсоюзной организацией, в пределах бюджетных ассигнований, выделенных воинской части (организации) на оплату труда гражданского персонала.

При изложенных обстоятельствах следует прийти к выводу, что компенсационная надбавка за совмещение должностей (профессий) в воинских частях не является гарантированной, поскольку выплачивается только при условии экономии фонда оплаты труда. Однако, выполненная дополнительная работа при совмещении подлежит оплате.

Сложившееся положение в вопросах социального партнерства в Вооруженных Силах вызвало необходимость дополнительного правового регулирования взаимодействия его сторон. 25 марта 2021 г. в войска направлено разработанное в Главном военно-политическом управлении Вооруженных Сил Российской Федерации Методическое пособие командирам воинских частей (руководителям организаций) по порядку взаимодействия с Профессиональным союзом гражданского персонала Вооруженных Сил России¹. Следует отметить, что в указанном пособии детально со ссылкой на нормативные правовые акты, приказы Минобороны России изложены правовые основы взаимодействия командиров (начальников) воинских частей (организаций) с Профсоюзом и профсоюзными организациями, случаи обязательности учета мнения выборного органа профсоюзной организации, участие представителей Профсоюза в комиссиях, создаваемых в воинских частях, а также в проводимых проверках, перечислены случаи обязательного уведомления профсоюзов и особенности привлечения членов Профсоюза к дисциплинарной ответственности.

Проведенный автором анализ роли профсоюзов в Вооруженных Силах Российской Федерации подтвердил их актуальность как социального института, который обладает ресурсом, позволяющим обеспечивать баланс интересов между различными сторонами социального партнерства, содействовать укреплению боеготовности и боеспособности Вооруженных Сил Российской Федерации.

Библиография

1. Голенко, Е.Н. Трудовой кодекс Российской Федерации. Научно-практический комментарий (для командиров воинских частей, профсоюзных работников и гражданского персонала) /

¹ Указания заместителя Министра обороны Российской Федерации — начальника Главного военно-политического управления Вооруженных Сил Российской Федерации, генерал-полковника Картополова А. В. о взаимодействии с Профсоюзом гражданского персонала Вооруженных Сил России. (Электронный ресурс). URL: <https://psvsrf.ru/documents/materials> (дата обращения 15.05.2021).

Е.Н. Голенко, В.И. Ковалев. — М.: За права военнослужащих, 2004.

2. Ковалев, В.И. Актуальные вопросы оплаты труда гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации / В.И. Ковалев // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2011. — № 4.

3. Ковалев, В.И. Актуальные вопросы социального партнерства в Вооруженных Силах Российской Федерации / В.И. Ковалев // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2011. — № 12 (174). — С. 55—57.

4. Ковалев, В.И. Все о труде гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации : справ. пособие / В.И. Ковалев. — М.: За права военнослужащих, 2008.

5. Ковалев, В.И. Новая система оплаты труда гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации / В.И. Ковалев // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2009. — № 1. — С. 27—28.

6. Ковалев, В.И. Оплата труда гражданского персонала. Комментарии и разъяснения / В.И. Ковалев, Т.В. Ломакина. — М.: За права военнослужащих, 2009.

7. Ковалев, В.И. Совместительство, совмещение, перевод, перемещение работника, временное замещение / В.И. Ковалев // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2010. — № 5. — С. 33—35.

8. Ломакина, Т.В. Актуальные вопросы работы по совместительству гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации / Т.В. Ломакина // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 6. — С. 57—63.

9. Мажуга, Е.Ю. Досудебное разрешение индивидуальных трудовых споров в условиях Вооруженных Сил Российской Федерации / Е.Ю. Мажуга // Российский военно-правовой сборник № 9: Военное право в XXI веке. — М.: За права военнослужащих, 2007. — С. 278—280.

10. Мажуга, Е.Ю. Правовое регулирование участия гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации в социально-партнерских правоотношениях : дис. ... канд. юрид. наук / Е.Ю. Мажуга. — М., 2006.

11. Харитонов, С.С. И все же — нужны или не нужны армии военные юристы? / С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2009. — № 5 (143). — С. 95—96.

К вопросу о характеристике работника воинской части как стороны трудового договора

© Харитонов Вячеслав Станиславович,
студент юридического факультета
Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация. В статье дан краткий анализ трудовой правоспособности и трудовой правосубъектности работника воинской части, основных прав и обязанностей работника.

Ключевые слова: гражданский персонал воинских частей, работник, трудовое право, трудовой договор, трудовые отношения.

On the question of the characteristics of an employee of a military unit as a party to an employment contract

© Kharitonov V.S.,
student of the law faculty of the All-Russian State
University of Justice (RPA of the Ministry of Justice
of Russia)

Resume. The article provides a brief analysis of the labor capacity and labor personality of an employee of a military unit, the basic rights and obligations of an employee.

Key words: civilian personnel of military units, employee, labor law, labor contract, labor relations.

Хорошо известно, что гражданский персонал федеральных органов, в которых предусмотрено прохождение военной службы, вносит значительный вклад в успешное выполнение стоящими перед ними задач.

В то же время очевидно, что работники в воинских частях и организациях Вооруженных Сил Российской Федерации выполняют, как правило, вспомогательные функции по обеспечению повседневной деятельности армии и флота, поддержанию их боеготовности и боеспособности. Они заняты работами по медицинскому и бытовому обслуживанию войск, их материально-техническому обеспечению, принимают участие в ремонтно-строительных, культурно-досуговых работах и других видах обеспечения. В соответствии со ст. 12 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» к личному составу Вооруженных Сил Российской Федерации вместе с военнослужащими и федеральными государственными гражданскими

служащими, относятся и работники воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации, которые трудятся в целях обеспечения выполнения ими возложенных на них задач.

В соответствии с положениями ст. 20 ТК РФ полномочия работодателя осуществляет командир соответствующей воинской части, которому предоставлено право заключения, изменения, расторжения трудовых договоров с работниками¹.

Законодательство определяет трудовой договор как двустороннее соглашение, заключаемое между работником и работодателем. Поэтому понимание командирами и кадровыми органами места работника в соглашении позволяет избежать нарушений Закона, поскольку командир в основном выстраивает отношения с военнослужащими в ином порядке, определенным

¹ <https://recrut.mil.ru/career/civil.htm>.
Дата обращения 18.08.2021

военным, а не трудовым законодательством¹.

Итак, согласно ч. 2 ст. 20 ТК РФ работником признается физическое лицо, вступившее в трудовые отношения с работодателем.

При рассмотрении трудовой правоспособности работника необходимо различать его статус и статус гражданина, поскольку последний, не обладая трудовыми правами и обязанностями, уже участвует в отношениях, регулируемых трудовым правом, в частности в процессе поиска работы и трудоустройства. Вместе с тем, правовой статус гражданина-соискателя в большей степени образуется не трудовыми, а конституционными гарантиями в сфере труда (гарантии материальной поддержки граждан в период безработицы, гарантии обеспечения занятости безработных граждан, запрет принудительного труда и т.д.²). Вместе с тем, несмотря на внешнюю противопоставленность, статус гражданина и статус работника находятся в диалектической связи, когда первый существует как таковой только на основе последнего.

Например, собственно трудовые гарантии в части обязательных условий трудового договора реализуются только на основе конституционной гарантии в сфере труда: «Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы» (ч. 3 ст. 37)³.

¹ См. подробнее: Ковалев В.И. Актуальные вопросы соблюдения трудовых прав гражданского персонала в воинских частях, казенных и бюджетных учреждениях, подведомственных Министерству обороны Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2011. № 11 (173). С. 79—84; Ковалев В.И. Актуальные проблемы применения трудового законодательства в воинских частях и иных организациях Министерства обороны Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2011. № 2 (164). С. 96—99, и др.

² Конституция Российской Федерации.

³ Там же.

Возникновение трудовой правосубъектности у наемного работника законодательством связано с возрастным критерием — минимальным возрастом для самостоятельного трудоустройства, который, согласно ТК РФ, составляет 16 лет. Однако законодательство допускает возникновение трудовых отношений и с лицами более младшего возраста (ст. 63 ТК РФ). Например, с лицами, имеющими общее образование и достигшими возраста 15 лет, могут заключать трудовой договор для выполнения легкого труда, не причиняющего вреда их здоровью. Лицам до 14 лет, при том что они не наделены правом самостоятельно осуществлять свою правоспособность, закон позволяет, при наличии у них достаточных физических и умственных способностей, осуществлять трудовую деятельность в сфере искусства: цирковые номера, театральные постановки, кино съемки и т.д.⁴, для чего необходимо получить согласие родителя (опекуна), который подписывает трудовой договор за малолетнего⁵.

Принято выделять материальное (фактическая, физическая способность к труду) и формальное (достижение возраста и наличие вменяемого состояния) условия трудовой правосубъектности. По мнению Е.Б. Хохлова, материальный критерий определяется системой интеллектуальных и волевых факторов, которые обеспечивают лицу возможность осознать смысл осуществления им действий и руководить ими для достижения поставленной цели⁶. Формальное условие, на взгляд указанного выше автора, связано с признанием способности лица к участию в трудовых правоотношениях со стороны внешнего правового авторитета, государственных органов⁷.

Вышеописанные условия относятся к общей правосубъектности. В случае если

⁴ Ильясов М.-С.З. Права несовершеннолетних работников и работодателей в Российской Федерации // Вестн. Моск. ун-та МВД России, 2016. № 7.

⁵ Васильева В.Н. Особенности трудового договора несовершеннолетних актеров театра и кино: проблемы и пути решения // Вопросы рос. юстиции. 2020. № 6. С. 282.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

стороной трудового договора является иностранный гражданин или лицо без гражданства (ст. 11 ТК РФ), для которых установлены специальные требования при приеме на работу, они обладают специальной трудовой правосубъектностью.

Законодательством предусмотрена возможность ограничения трудовой правосубъектности, объем которой может быть ограничен только в силу решения суда, например, в случае применения к гражданину уголовно-правовых мер в виде лишения свободы, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью либо административного наказания — дисквалификации.

Трудовой договор, являясь особой формой сделки, вместе с тем, несет в себе ряд гражданско-правовых правомочий, которые свойственны всем договорам. Соответственно работник как сторона трудового договора обладает¹:

- правом на получение обусловленной договором оплаты труда, а также получение дополнительных выплат и компенсаций (имущественный признак)²;
- свободой волеизъявления на заключение трудового договора;
- свободой выбора работодателя;
- свободой в определении условий трудового договора;
- свободой расторжения договора.

Данные правомочия являются дальнейшим развитием конституционного принципа свободы труда (ст. 37), т.е. реализации своей способности к труду путем ее предложения работодателям. Вместе с тем, свобода труда в этом понимании на практике не является абсолютной, поскольку потребность в рабочей силе и уровень заработной платы не являются неизменными, а подвержены рыночным колебаниям. В связи с этим трудоустроенный работник, как указывают С.П. Марченко и Е.Б. Хохлов, «далеко не всегда может от-

казаться от реализации своей трудоспособности и тем самым подождать более выгодной для себя конъюнктуры»³, в отличие от работодателя. В теории трудового права это обстоятельство нашло отражение в виде понятия слабой стороны трудового договора и его приоритетной защиты.

Например, с работника нельзя взыскать упущенную выгоду (ст. 238 ТК РФ), материальная ответственность ограничена прямым действительным ущербом, т.е. реальным уменьшением наличного имущества и последующими затратами работодателя на его повторное приобретение или восстановление (в том числе имущества третьих лиц, если им был причинен ущерб). Таким образом, с провинившегося работника нельзя взыскивать убытки, судебные расходы, штрафы в пользу контрагентов и т. п.

Вместе с тем, в судебной практике можно обнаружить отдельные проявления формально-юридического, «цивилистического» подхода к оценке взаимоотношений сторон трудовых отношений, который рассматривает стороны трудового договора как равносильных субъектов экономического общения. В своем Особом мнении судья Конституционного Суда Российской Федерации К.В. Арановский негативно оценивает понятие слабой стороны⁴. По его мнению, чрезмерно широкое понимание «слабой стороны» договора нарушает права потерпевших от действий работника, лишает работодателя законно полученной части прибыли, который вынужден терпеть потери из-за уравнительного подхода законодателя, что в целом приводит к противоречию с принципом формально-юридического равенства субъектов трудовых отношений, т. е. к ущербу ценностям, провозглашенным в Конституции России.

³ Трудовое право России : учеб. / под ред. С.П. Маврина, Е.Б. Хохлова. М., 2002. С. 50.

⁴ Определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 16 дек. 2010 г. № 1650-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «Банк ВТБ 24» на нарушение конституционных прав и свобод положением абзаца второй части третьей статьи 445 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 397 Трудового кодекса Российской Федерации».

¹ Трудовое право России : учеб. / отв. ред. : заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Ю.П. Орловский и доктор юридических наук А.Ф. Нуртдинова. М.: КОНТРАКТ ; ИНФРА-М. 2008. С. 14.

² Там же.

Основные права и обязанности работника перечислены в ст. 21 ТК РФ и могут быть обозначены как личные (индивидуальные) и как коллективные.

К первым можно отнести такие юридически значимые волевые действия, которые осуществляются конкретным лицом без обязательного участия прочих лиц и организаций: подписание трудового договора и выход из него, ведение переговоров с работодателем. К личным правам относятся также ряд гарантий, например, на получение оплаты труда в установленные законодательством и трудовым договором сроки и порядке, соблюдение времени отдыха и фактическая возможность выполнять работу, предусмотренную соглашением, пользоваться мерами защиты, установленными законодательством об обязательном страховании, обеспечиваться за счет работодателя необходимыми средствами защиты (ст. 221 ТК РФ) и т. д.

Коллективные права и обязанности работников вытекают из их профсоюзной деятельности и участия в управлении организацией.

В свою очередь, к личным обязанностям относятся соблюдение установленных законодательством о труде и локальными актами правил внутреннего распорядка, требований охраны труда (ст. 214 ТК РФ) и норм труда в тех случаях, когда это зависит от работника, содержать в сохранности переданное ему работодателем имущество для осуществления трудовой деятельности, информировать работодателя о происшествиях на работе, предоставлять информацию о своем здоровье в установленном законодательством порядке (медицинские осмотры, в том числе внеплановые).

Среди гарантий, полагающихся работнику как особому субъекту экономических отношений, ТК РФ предоставляет возможность уменьшения материальной ответственности или вообще освобождения от нее (ст. 250 ТК РФ). Данным правомочием наделяются органы по рассмотрению трудовых споров. При рассмотрении возможности применения указанной нормы учитываются форма и степень вины, текущий уровень достатка работника, наличие на

иждивении детей, является ли он стороной — должником исполнительного производства и другие обстоятельства.

Существуют в трудовом законодательстве положения, делающие невозможным привлечение работника к материальной ответственности в принципе, а именно обстоятельства непреодолимой силы, состояние необходимой обороны, виновные действия работодателя, результировавшие во вредные для него самого последствия, принятие решений в условиях нормального хозяйственного риска и пр.

Вместе с тем следует заметить, что отсутствие в трудовом законодательстве дефиниций данных понятий приводило к проблемам в правоприменительной практике, в результате чего Верховный Суд Российской Федерации был вынужден самостоятельно восполнять этот пробел¹. Так, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2006 г. № 52 под нормальным хозяйственным риском понимаются такие действия работника, которые соответствуют современным знаниям и опыту, где поставленная цель не могла быть достигнута иначе, в сочетании с добросовестными действиями по выполнению своих должностных обязанностей, в том числе путем принятия меры для сохранения имущества.

В заключение подчеркнем, что гражданский персонал, являясь частью личного состава воинских частей и организаций армии и флота, вносит значительный вклад в обеспечение постоянной боевой и мобилизационной готовности Вооруженных Сил Российской Федерации. Для успешного решения этой задачи обеспечение защиты законных прав и интересов гражданского персонала, содействие формированию цивилизованных и справедливых социально-трудовых отношений в воинских частях является важной задачей соответствующих воинских должностных лиц.

¹ Постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 16 нояб. 2006 г. № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю».

Библиография

1. Васильева, В.Н. Особенности трудового договора несовершеннолетних актеров театра и кино: проблемы и пути решения / В.Н. Васильев // Вопросы российской юстиции. — 2020. — № 6. — С. 280—290.
 2. Ильясов, М.-С.З. Права несовершеннолетних работников и работодателей в Российской Федерации / М.-С.З. Ильясов // Вестник Московского университета МВД России. — 2016. — № 7. — С. 143—147.
 3. Ковалев, В.И. Актуальные вопросы соблюдения трудовых прав гражданского персонала в воинских частях, казенных и бюджетных учреждениях, подведомственных Министерству обороны Российской Федерации / В.И. Ковалев // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2011. — № 11 (173). — С. 79—84.
 4. Ковалев, В.И. Актуальные проблемы применения трудового законодательства в воинских частях и иных организациях Министерства обороны Российской Федерации / В.И. Ковалев // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2011. — № 2 (164). — С. 96—99.
 5. Трудовое право России : учеб. / под ред. С.П. Маврина, Е.Б. Хохлова. — М., 2002. — 212 с.
 6. Трудовое право России : учеб. / отв. ред. заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Ю.П. Орловский и доктор юридических наук А.Ф. Нуртдинова. — М.: КОНТРАКТ ; ИНФРА-М. 2008. — 608 с.
-

Противодействие коррупции в военной организации государства

О коррупционных рисках, наиболее типичных для военных организаций

© **Богунова Анастасия Андреевна**,
научный сотрудник Центра правовых исследований «Эквитас»

Аннотация. В статье раскрыты коррупционные риски, наиболее типичные для военных организаций. На основании статистических данных о коррупционной преступности раскрыто содержание коррупционных рисков, осуществлена их классификация, выявлены особенности проявления рисков в сфере обороны страны и обеспечения военной безопасности государства. Сформулированы некоторые предложения о минимизации коррупционных рисков в военной организации государства.

Ключевые слова: военные организации, коррупция, коррупционная преступность, противодействие коррупции, коррупционные риски, коррупционные ситуации.

Corruption risks most typical for military organizations

© **Bogunova A.A.**,
researcher, Centre for legal studies

Annotation. The article reveals the corruption risks that are most typical for military organizations. On the basis of statistical data on corruption crime, the content of corruption risks is disclosed, their classification is carried out, the peculiarities of the manifestation of risks in the sphere of national defense and ensuring the military security of the state are revealed. Some proposals on minimizing corruption risks in the military organization of the state are formulated.

Keywords: military organizations, corruption, corruption crime, the effect of corruption, corruption risks, corruption situations.

Коррупция — одно из древнейших явлений в системе общественных отношений, «такое же древнее явление, как и социальный порядок, управляющий жизнью людей...»¹. Естественно, что в ходе исторического процесса это явление постоянно трансформируется и видоизменяется, по мере усложнения политических и экономических порядков возникают новые формы его проявлений. На сегодняшний день коррупция является одной из самых острых глобальных проблем современности.

В целях реализации Национальной стратегии противодействия коррупции, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г.

№ 460, приказом Министра обороны Российской Федерации от 16 марта 2021 г. № 160 утвержден План противодействия коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации на 2021—2023 годы, который ориентирует руководство органов военного управления на повышение эффективности работы по выявлению возможных коррупционных рисков, систематизации таких рисков и выработке мер, направленных на устранение причин и условий их возникновения.

Согласно статистическим данным, ситуация с состоянием коррупционной преступности в военных организациях остается сложной и требует усилий по подавлению в первую очередь должностных (слу-

¹ Анतिकоррупционная политика / под ред. Г.А. Сатарова. М.: Фонд ИНДЕМ; РА «СПАС», 2004. С. 5.

жебных) преступлений, на что обращали внимание военные юристы¹.

Так, в Российской Федерации только за период с 2017 г. по сентябрь 2019 г. за совершение преступлений коррупционной направленности были осуждены почти 32 тыс. человек. Из них около 10 % являлись сотрудниками правоохранительных органов².

В 2020 г. из 10 879 должностных лиц, совершивших преступления коррупционной направленности, 17,4 % составили лица, занимающие должности в правоохранительных органах (1 897 человек), 12,3 % — в Вооруженных Силах Российской Федерации; пресечена преступная деятельность 10 высших офицеров Вооруженных Сил и Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, 22 руководителей территориальных подразделений правоохранительных органов. Ущерб от коррупционных преступлений в 2020 г. составил 58,4 млрд. руб.³

Справедливости ради отметим, что преступления коррупционной направленности нередки и в армиях других государств⁴.

¹ См., например: Харитонов С.С., Бахарев А.В., Козлов Т.Л. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции на военной службе: методические рекомендации. М.: Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Научн.-исслед. ин-т, 2011; Изотов Д.М., Харитонов С.С. О некоторых вопросах применения военными судами законодательства о наложении ареста на имущество виновных при совершении ими коррупционных преступлений // Военно-юридический журнал. 2021. № 5. С. 8—12, и др.

² В ОПК зафиксировано 90 тыс. нарушений закона [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4186717> (дата обращения: 15.12.2019).

³ Лидерами по коррупции в России в 2020 году оказались силовики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newsru.com/russia/24apr2021/genproc.html> (дата обращения: 24.06.2021).

⁴ Харитонов В.С. Противодействие коррупции в армии США: теория и реальное состояние дел в свете некоторых американских социологических исследований // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 1 (270). С. 71—76.

В целях устранения имеющихся недостатков, повышения эффективности воспитательного процесса, предупреждения в служебных коллективах негативных проявлений руководством Минобороны России⁵ принято решение о принятии дополнительных организационных мер по совершенствованию предупредительно-профилактической работы с личным составом, усилению действенности контроля за служебным поведением сотрудников.

Для организации эффективного целенаправленного противодействия коррупции, выработки и реализации адекватных результативных мер по её профилактике необходимо иметь не только представление об основных формах, типах коррупционных проявлений, но и об основных (типичных) коррупционных рисках различных видов⁶.

Так, А.В. Скобелина⁷ в зависимости от субъектного состава выделяет несколько уровней коррупции в системе органов внутренних дел, которые, по мнению автора, могут встречаться и в военных организациях.

1. Коррупция среди рядового состава и коррупция среди начальствующего состава.

Коррупция среди рядовых сотрудников в системе органов внутренних дел, по мнению А.А. Тирских⁸, является наиболее распространенной и поэтому очень опасной, так как потерпевшими становятся, как правило, обычные люди, не склонные к

⁵ План противодействия коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации на 2021—2023 годы: приказ Министра обороны Российской Федерации от 16 марта 2021 г. № 160.

⁶ Понятие и характеристика коррупционных рисков в деятельности государственных служащих [Электронный ресурс]. URL: <http://pandia.ru/text/78/361/700.php> (дата обращения: 05.01.2017).

⁷ Скобелина А.В. Предупреждение коррупции в ОВД: курс лекций. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2012. С. 31—42.

⁸ Тирских А.А. Региональная криминологическая характеристика коррупции в органах внутренних дел: По материалам Восточно-Сибирского региона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. С. 7.

нарушению законов¹, которые рассматривают сотрудников органов внутренних дел не только в качестве работников правоохранительных органов, но и как представителей государства. Поэтому, сталкиваясь с фактами поборов, вымогательства взяток со стороны коррумпированных сотрудников органов внутренних дел, граждане неизбежно проецируют свое негативное отношение не только на правоохранительные органы, но и на всю власть в целом, тем самым формируется негативное отношение к государственным институтам, разрушается вера в справедливость, закон и порядок.

Коррупция среди начальствующего состава не менее опасна, так как она связана с наличием у лиц начальствующего состава:

- более высокого должностного положения в системе органов внутренних дел;
- возможности отдавать приказы рядовым сотрудникам;
- значительного объема полномочий;
- определенного опыта работы в правоохранительных органах и знания законодательства.

Это позволяет коррупционерам осуществлять свою противоправную деятельность на высоком интеллектуальном уровне и довольно длительный период времени².

2. Систематическая и эпизодическая коррупция (зависит от периодичности совершения коррупционных актов).

Сущность систематической коррупции проявляется:

- в длительности и устойчивости коррупционных связей между сотрудниками органов внутренних дел и гражданами либо юридическими лицами;
- предполагает наличие высокой степени межличностного общения между коррупционером и коррумпирующим лицом;
- коррупционные связи осуществляются на постоянной основе.

Эпизодическая коррупция представляет собой:

- отдельные деяния коррупционного характера, периодически совершаемые сотрудниками в целях личного обогащения;
- не предполагает межличностные коррупционные связи сотрудников с гражданами либо юридическими лицами;
- контакты ограничиваются одним случаем, в ходе которого сотрудник органов внутренних дел, получив от гражданина либо юридического лица определенное вознаграждение за коррупционную услугу, больше с ним не встречается.

3. Горизонтальная и вертикальная коррупция (зависят от направленности коррупционных актов; определяют направленность коррупционных отношений).

При горизонтальной коррупции отношения устанавливаются непосредственно между физическими или юридическими лицами и сотрудниками органов внутренних дел.

При вертикальной коррупции предполагается более сложный характер коррупционных связей:

- сотрудники, получающие незаконное вознаграждение от граждан либо юридических лиц, часть оставляют себе, а определенную долю своей неправомерной прибыли направляют вышестоящему руководству;
- руководство, в свою очередь, не создает препятствий для их незаконной деятельности.

Опасность такого вида коррупции:

- происходит фактически полное разложение органов внутренних дел;
- парализуются все возможности для какого-либо влияния на негативные коррупционные процессы со стороны вышестоящего руководства.

4. Активная и пассивная коррупция (зависит от активности сотрудников в процессе реализации коррупционных деяний).

Под активной коррупцией понимается:

- неправомерная деятельность сотрудников органов внутренних дел, направленная на получение незаконного вознаграждения от граждан либо юридических лиц;

¹ Скобелина А.В. Указ. соч.

² Там же.

— существенным моментом является то, что сотрудники совершают конкретные действия для получения незаконного вознаграждения.

Пассивная коррупция проявляется:

— в противоправном бездействии сотрудника органов внутренних дел;

— в невыполнении своих должностных обязанностей с целью получения незаконного вознаграждения.

Выявление коррупционных рисков, свойственных конкретному органу с учетом специфики его функций и служебной деятельности, позволяет принимать адресные меры, препятствующие реализации конкретных специфических рисков или сложившихся на практике коррупционных схем¹.

Учитывая специфику служебной деятельности военных организаций и условия, в которых существует возможность совершения коррупционных правонарушений должностными лицами, автор выделяет следующие отличительные особенности коррупционных рисков²:

— *особая сфера осуществления деятельности* — государственное управление в сфере обеспечения безопасности, в связи с чем коррупционные риски могут порождаться деятельностью и интересами спецслужб иностранных государств, а риски коррупции в данной сфере представляют особую угрозу и требуют более острых мер реагирования;

— *особый статус лица, осуществляющего деятельность* — военнослужащий и сотрудник правоохранительных органов, правовой статус которого, в т.ч. в сфере противодействия коррупции, определен военным и специальным

законодательством, а специфика самого статуса создает риски злоупотреблений при его использовании³;

— *ведомственная специфика* — необходимость защиты сведений, отнесенных к государственной тайне, об организации служебной деятельности, что определяет особенности взаимодействия с другими органами, организациями, институтами гражданского общества, гражданами.

При выявлении и оценке коррупционных рисков необходимо учитывать коррупционные ситуации, возникающие в повседневной деятельности военных организаций.

Многообразие коррупционных ситуаций в повседневной деятельности военных организаций позволяет выделить наиболее типичные для них:

— оказание содействия гражданам с незаконным использованием военнослужащим своего служебного положения (например, подполковник Ш. был уволен за оказание с использованием своего служебного положения и за денежное вознаграждение помощи в разрешении проблем, возникших у граждан Г. и Н. в рамках возбужденного уголовного дела)⁴;

— передача денежных средств по цепочке подчиненный—начальник для того, что бы, например, «влиться в коллектив» или «прикрыть» таким образом какой-то недочёт в своей служебной деятельности (например, механик роты связи пункта управления 102 военной базы Южного во-

³ См., например: Мошенники под видом ФСБ вымогали у бизнесмена 3 млн рублей [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/crime/43014422/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 05.01.2021).

⁴ П. 13 Обзора практики рассмотрения военными судами дел о применении взысканий за коррупционные правонарушения, предусмотренные Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (подп. «д1», «д2» п. 1, подп. «е1» п. 2 ст. 51, ст. 511) // Обзор практики рассмотрения военными судами дел о применении взысканий за коррупционные правонарушения, предусмотренные Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе»: утвержден президиумом Верховного Суда Российской Федерации 4 октября 2017 г.

¹ Методические рекомендации по проведению оценки коррупционных рисков в федеральных органах исполнительной власти, осуществляющих контрольно-надзорные функции (утв. протоколом заседания проектного комитета от 13 июля 2017 г. № 47 (7)).

² Богунова А.А. К вопросу об организационно-правовых мерах профилактики коррупции в военных организациях // Военное право. 2020. Вып. № 4. С. 139—148.

енного округа получил взятку в размере 4 тыс. руб. от подчиненного военнослужащего за сокрытие факта употребления им спиртных напитков)¹, за предоставление незаконных привилегий (например, командир 4 учебной зенитной батареи 467 окружного учебного центра Западного военного округа получил взятку продуктами питания (бутылка коньяка, коробка конфет и банка кофе) стоимостью 1 тыс. 377 руб. от подчиненного военнослужащего за предоставление суточного увольнения из расположения учебного центра; начальник радиостанции роты связи 336 отдельной бригады морской пехоты Балтийского флота получил взятку продуктами питания (пицца — 2 шт.) стоимостью 870 руб. от двух матросов за незаконное использование мобильных телефонов)²;

— передача взятки проверяемым проверяющему за получение незаслуженных результатов (например, врач военно-врачебной комиссии Военного комиссариата Оренбургской области Центрального военного округа получил взятку в размере 10 тыс. руб. от гражданина за прохождение медицинского осмотра для поступления в военно-учебное заведение)³;

— неправомерные действия при приеме граждан на военную службу по контракту (с нарушениями при проведении специальной проверки), аттестация военнослужащих⁴, включение сотрудников в резерв выдвижения (например, майор Заикин Н. (Вооруженные Силы Российской Федерации), отвечавший за отбор военнослужащих для отправки в служебную командировку в Сирийскую Арабскую Республику, брал взятки с военнослужащих (с

каждого солдата, прапорщика или сержанта по 15 тыс. руб., с офицера — 50 тыс. руб.). Сумма взяток составила 280 тыс. руб.)⁵, направление на учебу (повышение квалификации) в ведомственные (гражданские) образовательные учреждения либо при необоснованном отказе от совершения вышеперечисленных действий;

— ненадлежащая приемка оказанных сторонними организациями услуг и выполненных работ с нарушением условий заключенных государственных контрактов (договоров) (например, 24.11.2006 между войсковой частью 45807, ООО «Эскиз» и войсковой частью 71361 был заключен договор подряда на выполнение работ по благоустройству территории и строительству ливнепроводов военного дома отдыха «Пахра». На основании доверенности командир части уполномочил майора Д. Трофимова производить приемку работ, а также наделил его правом подписывать акты приемки и справки о стоимости выполненных работ. Офицер, используя свои должностные полномочия, в течение трех лет подписывал заведомо не соответствующие действительности акты приемки выполненных работ, причинив тем самым ущерб государству на сумму свыше 14 млн. руб.; в декабре 2011 г. был признан виновным в финансовых махинациях бывший заместитель командующего Тихоокеанским флотом контр-адмирал Ф. Зиннатуллин. Адмирал подписал фиктивные акты приемки ремонта спасательного судна «Алагез», в результате чего государству причинен ущерб на сумму 7 млн. руб. За совершенное преступление Ф. Зиннатуллин осужден к штрафу в размере 80 000 руб.)⁶;

— злоупотребление должностными полномочиями, служебным положением и

¹ Обзор некоторых правонарушений коррупционной направленности, связанных с получением (дачей) взятки, в Вооруженных Силах Российской Федерации за пять месяцев 2019 года [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.mil.ru/anti-corruption/violations.htm> (дата обращения: 15.12.2019).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Туганов Ю.Н., Аулов В.К. Аттестация осужденных военнослужащих: коррупционные риски и правовые способы их преодоления // Право в Вооруженных Силах—военно-правовое обозрение. 2017. № 8. С. 2—6.

⁵ См.: Восемь лет колонии получил майор ВС, который за взятки отпускал солдат в Сирию [Электронный ресурс]. URL: <https://pasm.ru/archive/275445/> (дата обращения: 11.02.2021).

⁶ Корякин В.М. Десять способов обогащения за чужой счет : основные формы совершения коррупционных преступлений в Вооруженных Силах // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2013. № 1.

доверенными правами, в том числе мошенничество (например, бывший начальник 945-го военного представительства Минобороны России В. Азаров признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 5 ст. 290 (получение взятки) и ч. 3 ст. 285 (злоупотребление должностными полномочиями, повлекшее тяжкие последствия) УК РФ. В суде доказано, что В. Азаров осуществлял непосредственный контроль за качеством выполняемых работ при производстве ремонта вооружения и приемку отремонтированных изделий. В 2010 г. к нему обратился гендиректор ОАО «Северный арсенал» и предложил за 200 тыс. руб. не осуществлять прием минных изделий после ремонта, а также подписать акты их технического состояния и извещения о том, что ремонт выполнен согласно требованиям технологического процесса. В результате незаконных распоряжений В. Азарова прием минных изделий в количестве 191 штуки не осуществлялся. Западно-Сибирским окружным военным судом В. Азарову назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 4 года в исправительной колонии строгого режима и штрафа в размере 400 тыс. руб.)¹;

— получение взятки за действия (бездействие) в пользу взяткодателя или других заинтересованных лиц, а равно за общее покровительство по службе или попустительство, связанное с порядком прохождения службы (например, начальник службы авиационного вооружения авиационной комендатуры 120 гвардейского отдельного истребительного авиационного полка Восточного военного округа получил взятки на общую сумму 6 тыс. руб. от двух военнослужащих авиационной комендатуры, проходящих военную службу по контракту, за оказание помощи в выставлении им удовлетворительных оценок по физической подготовке)²;

— служебный подлог (например, следователь Следственного комитета Российской Федерации по Пермскому краю Бугаков Е. получил один год лишения свободы условно за фальсификацию материалов уголовного дела)³, внесение в официальные документы, например, в протокол об административном правонарушении заведомо ложных сведений, а также внесение исправлений, искажающих их действительное содержание деятельности.

Исследование типовых коррупциогенных ситуаций, описываемых в научных трудах⁴, обзорах, аналитических материалах органов военного управления⁵, материалах судебной практики⁶, позволяет определить основные группы коррупционных рисков, типичных для военных организаций⁷.

corruption/violations.htm (дата обращения: 15.12.2019).

³ См.: В Перми дали год условно бывшему следователю, который подделал материалы уголовного дела. Его жертвам дали 11 лет [Электронный ресурс]. URL: <https://pasmi.ru/archive/275183/> (дата обращения: 11.02.2021).

⁴ За основу взят перечень типичных коррупционных рисков (коррупционные ситуации) в деятельности военных организаций, разработанный В.М. Корякиным. (См.: Корякин В.М. Коррупция в Вооруженных Силах: теория и практика противодействия : монография. М., 2009; Коррупция и коррупционные ситуации в Вооруженных Силах Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://fin-mir.blogspot.ru/2012/09/blog-post.html>) (дата обращения: 05.01.2017); Корякин В.М. Десять способов обогащения за чужой счет : основные формы совершения коррупционных преступлений в Вооруженных Силах).

⁵ См., например: Обзор некоторых правонарушений коррупционной направленности, связанных с получением (дачей) взятки, в Вооруженных Силах Российской Федерации за пять месяцев 2019 года [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.mil.ru/anti-corruption/violations.htm> (дата обращения: 15.12.2019).

⁶ Обзор практики применения судами в 2014—2016 годах законодательства Российской Федерации при рассмотрении споров, связанных с наложением дисциплинарных взысканий за несоблюдение требований законодательства о противодействии коррупции (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 нояб. 2016 г.).

⁷ Богунова А.А. Понятие коррупционных рисков в деятельности военных организаций // Военное право. 2018. № 1 (47). С. 230—237.

¹ Там же.

² Обзор некоторых правонарушений коррупционной направленности, связанных с получением (дачей) взятки, в Вооруженных Силах Российской Федерации за пять месяцев 2019 года [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.mil.ru/anti->

1. По составу участников:

а) коррупция между военнослужащими и «гражданскими» лицами, например:

— прохождение за денежное вознаграждение медицинского осмотра для поступления в военно-учебное заведение (так, врач военно-врачебной комиссии военного комиссариата Оренбургской обл. ЦВО получил взятку в размере 10 тысяч рублей от гражданина за прохождение медицинского осмотра для поступления в военно-учебное заведение)¹;

б) «вертикальная» коррупция между военнослужащими, например:

— за сокрытие факта совершения им грубого дисциплинарного проступка (так, командир 5 мотострелковой роты 7 отдельного мотострелкового полка Балтийского флота получил взятку в размере 2 тыс. 500 руб. от своего подчиненного за сокрытие факта совершения им грубого дисциплинарного проступка)²;

в) «горизонтальная» коррупция между военнослужащими, например, когда сотрудники военной организации одного уровня договариваются о подделке, изготовлении или сбыте поддельных документов (в том числе миграционных карт).

2. По видам деятельности:

а) коррупция в сфере управления, например:

— поставка неправомерных задач³;

— превышение служебных полномочий (так, военнослужащий Южного военного округа Вооруженных Сил Российской Федерации Соловчук В.В., превышая свои должностные полномочия в помещении учебного класса полигона, неоднократно требовал от военнослужащих о передаче ему премии, угрожая в случае отказа увольнением с военной службы).

Решением Ставропольского военного суда Соловчук В.В. обвиняется в получении им, как должностным лицом, в различные периоды в 2014—2015 гг. взяток в виде денег от военнослужащих, с вымогательством взяток, то есть в четырех преступлениях, предусмотренных п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ, а также в покушении на получение им, как должностным лицом, взяток в виде денег от военнослужащих, с вымогательством взяток в крупном размере, то есть в преступлениях, предусмотренных ч. 3 ст. 30 и п. «б» ч. 5 ст. 290, ч. 3 ст. 30 и подп. «б», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ)⁴;

б) коррупция в области работы с кадрами, например, внесение в проекты приказов, документы личных дел, служебные карточки, финансовые документы заведомо недостоверной (искаженной) информации (так, начальник службы авиационного вооружения авиационной комендатуры 120 гвардейского отдельного истребительного авиационного полка ВВО получил взятки на общую сумму 6 тыс. руб. от двух военнослужащих авиационной комендатуры, проходящих военную службу по контракту, за оказание помощи в выставлении им удовлетворительных оценок по физической подготовке)⁵, не соответствующей действительности; либо невнесение в официальные документы необходимых сведений и др.;

в) коррупция в сфере финансово-экономического обеспечения, например, незаконное использование, хищение или присвоение денежных средств путем мошенничества. Так, 7 июля 2015 г. Владикавказским гарнизонным военным судом признан виновным в хищении чужого имущества путём обмана, в особо крупном размере, бывший военнослужащий вой-

¹ См.: Обзор некоторых правонарушений коррупционной направленности, связанных с получением (дачей) взятки, в Вооруженных Силах Российской Федерации за пять месяцев 2019 года [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.mil.ru/anticorruption/violations.htm> (дата обращения: 15.12.2019).

² Там же.

³ Богунова А.А. К вопросу об организационно-правовых мерах профилактики коррупции в военных организациях. С. 139—148.

⁴ Апелляционное постановление СК по уголовным делам Северо-Кавказского окружного военного суда Ростовской области от 17 июня 2016 г. по делу № 22К-314/2016.

⁵ Обзор некоторых правонарушений коррупционной направленности, связанных с получением (дачей) взятки, в Вооруженных Силах Российской Федерации за пять месяцев 2019 года [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.mil.ru/anticorruption/violations.htm> (дата обращения: 23.11.2019).

сковой части 64514 капитан запаса Мамедов Р.Н.

Мамедов с целью хищения денежных средств, выделяемых из федерального бюджета в качестве безвозмездной субсидии для приобретения жилого помещения, подал по команде рапорт о включении его в состав участников подпрограммы «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильём категорий граждан, установленных федеральным законодательством», скрыв обстоятельства предыдущего получения им из жилищного фонда Минобороны России однокомнатной квартиры и продажи его супругой трехкомнатной квартиры.

Введенные в заблуждение должностные лица войсковой части и ФГУ «Владикавказская КЭЧ района» признали Мамедова и членов его семьи нуждающимися в получении жилого помещения, с предоставлением права на выделение безвозмездной субсидии за счёт средств федерального бюджета для приобретения жилого помещения. В связи с чем, Мамедов незаконно получил государственный жилищный сертификат для приобретения жилого помещения на территории Республики Северная Осетия-Алания на семью из пяти человек и приобрёл в собственность в г. Владикавказе квартиру.

Решением Владикавказского гарнизонного военного суда 1 апреля 2015 г. Мамедов был осуждён по ч. 4 ст. 159 (мошенничество в особо крупном размере) УК РФ к 2 годам лишения свободы без штрафа и ограничения свободы, с применением ст. 73 УК РФ условно с испытательным сроком продолжительностью 1 год 6 месяцев)¹;

г) коррупция в сфере материально-технического обеспечения и иного ресурсного обеспечения, например, ненадлежащая приемка оказанных сторонними организациями услуг и выполненных работ с нарушением условий заключенных госу-

дарственных контрактов (договоров). Так, 21 февраля 2019 г. в ракетном центре имени Макеева в г. Миассе Челябинской области был задержан офицер Минобороны России, в должностные обязанности которого входила государственная приемка военной продукции во всех предприятиях Миасса, работающих на исполнение государственного оборонного заказа. Поводом для установления наблюдения за ним стало наличие у него и его семьи дорогой недвижимости, которая не укладывалась в бюджет даже высокооплачиваемого офицера. Оперативное наблюдение выявило факты взяток, во время передачи очередной взятки на сумму в 750 тыс. руб. сотрудник был задержан.

Магнитогорский гарнизонный суд установил, что с 2013 г. осужденный, являясь должностным лицом, ежемесячно получал взятки в суммах от 300 до 750 тыс. руб. от коммерческих предприятий за общее покровительство при исполнении государственного оборонного заказа. Общая сумма подношений составила 27 млн. руб. По ходатайству прокуратуры суд обратил в доход государства три объекта недвижимости осужденного общей стоимостью в 21,7 млн. руб. Магнитогорский гарнизонный суд вынес приговор осужденному: пять с половиной лет колонии строгого режима и штраф в 28,8 млн. руб. В качестве дополнительного наказания он лишен права занимать руководящие должности в госорганах сроком еще на шесть лет²;

д) коррупция в сфере организации и осуществления служебной деятельности в целом, например:

— злоупотребление должностными полномочиями, служебным положением и доверенными правами, в том числе мошенничество (так, в сентябре 2016 г. арестован заместитель начальника управления «Т» Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции (ГУЭБиПК) МВД России полковник

¹ См.: Апелляционное определение СК по уголовным делам Северо-Кавказского окружного военного суда Ростовской области от 20 августа 2015 г. по делу № 22-377/2015. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». Дата обновления: 10.11.2018.

² См.: Чиновник Минобороны в Челябинской области осужден за взятку в 27 млн [Электронный ресурс]. URL: <https://kursdela.biz/news/society/10-10-2019/chinovnik-minoborony-vzyal-v-chelyabinskoy-oblasti-27-mln-vzyatok> (дата обращения: 23.11.2019).

Д. Захарченко за получение взятки в размере 7 млн. руб. и за злоупотребление должностными полномочиями)¹;

— получение взятки за действия (бездействие) в пользу взяткодателя или других заинтересованных лиц, а равно за общее покровительство по службе или попустительство, связанное с порядком прохождения службы (так, 25 апреля 2019 г. 235-м гарнизонным военным судом арестован начальник отдела управления «К» СЭБ ФСБ России Кирилла Черкалина по подозрению в получении крупной взятки)²;

е) коррупция с использованием статуса сотрудника, но за пределами сферы служебной деятельности, например, посредничество сотрудников военных организаций во взяточничестве (так, 20 апреля 2016 г. по решению Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда заключен под стражу военнослужащий Зуев В.П., который в составе организованной группы с другими лицами, в том числе с должностным лицом, который в силу своих должностных полномочий обещал способствовать: положительному решению вопроса о продолжении военной службы по контракту сверх предельного возраста пребывания на службе Авиловой, получив от неё денежное вознаграждение для решения этого вопроса; положительному рассмотрению командиром одной из воинских частей вопроса о поступлении гражданина Кабалалиева на военную службу по контракту, получив от указанного гражданина денежное вознаграждение; за решение вопроса о поступлении на военную службу по контракту гражданина Муртазалиева, получив денежное вознаграждение, которое обратил в свою пользу; за решение вопроса о поступлении на военную службу по контракту гражданина Балаева, получив де-

нежное вознаграждение, которое также обратил в свою пользу.

Решением Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда Зуев В.П. обвиняется в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 159 (мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору, а равно с причинением значительного ущерба гражданину) (два преступления), ч. 3 ст. 30 и п. «б» ч. 3 ст. 291.1 (посредничество во взяточничестве, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой в крупном размере) УК РФ)³.

Необходимо заметить, что многообразие коррупционных ситуаций в повседневной деятельности военных организаций указывает на то, что в основе их лежат самые различные причины — экономические, политические, социальные, психологические, правовые и другие.

Поэтому оценка коррупционных рисков, свойственных конкретной военной организации с учетом специфики ее функций, является важнейшим элементом организационно-правовой работы по профилактике коррупции в военных организациях. Она позволяет принимать меры, препятствующие реализации конкретных сложившихся на практике коррупционных схем, обеспечить соответствие реализуемых антикоррупционных мероприятий специфике служебной деятельности военных организаций и рационально использовать ресурсы, направляемые на проведение работы по профилактике коррупции.

Библиография

1. Богунова, А.А. К вопросу об организационно-правовых мерах профилактики коррупции в военных организациях / А.А. Богунова // Военное право. — 2020. — № 4. — С. 139—148.
2. Богунова, А.А. Понятие коррупционных рисков в деятельности военных организаций // Военное право. — 2018. — № 1 (47). — С. 230—237.
3. Изотов, Д.М. О некоторых вопросах применения военными судами законодательства о наложении ареста на имущество виновных при

¹ См.: Самые громкие коррупционные скандалы в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/politics/2016/11/15/samyegromkie-korrupcionnye-skandaly-v-rossii.html> (дата обращения: 15.05.2018).

² См.: По-тихому не получилось: кто вырастил и кто сдал полковника ФСБ Черкалина [Электронный ресурс]. URL: <https://pasm.ru/archive/233695/> (дата обращения: 23.11.2019).

³ Апелляционное постановление СК по уголовным делам Северо-Кавказского окружного военного суда Ростовской области от 06 мая 2016 г. по делу № 22К-230/2016. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». Дата обновления: 10.11.2018.

совершении ими коррупционных преступлений / Д.М. Изотов, С.С. Харитонов // Военно-юридический журнал. — 2021. — № 5. — С. 8—12.

4. Корякин, В.М. Десять способов обогащения за чужой счет : основные формы совершения коррупционных преступлений в Вооруженных Силах / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2013. — № 1.

5. Корякин, В.М. Коррупция в Вооруженных Силах: теория и практика противодействия : монография / В.М. Корякин. — М., 2009. — 336 с.

6. Скобелина, А.В. Предупреждение коррупции в ОВД : курс лекций / А.В. Скобелина. — Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2012. — С. 31—42.

7. Тирских, А.А. Региональная криминологическая характеристика коррупции в органах внутренних дел : по материалам Восточно-Сибирского региона : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Тирских. — Иркутск, 2006.

8. Туганов, Ю.Н. Аттестация осужденных военнослужащих: коррупционные риски и правовые способы их преодоления / Ю.Н. Туганов, В.К. Аулов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2017. — № 8. — С. 2—6.

9. Харитонов, В.С. Противодействие коррупции в армии США: теория и реальное состояние дел в свете некоторых американских социологических исследований / В.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 1 (270). — С. 71—76.

10. Харитонов, С.С. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции на военной службе : методические рекомендации / С.С. Харитонов, А.В. Бахарев, Т.Л. Козлов. — М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Научно-исследовательский институт, 2011. — 50 с.

Актуальные вопросы минимизации коррупционных рисков в сфере закупок для нужд Вооруженных Сил Российской Федерации

© Землин Александр Игоревич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права ФГВКОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье представлены результаты системно-правового анализа норм российского антикоррупционного законодательства, законодательства о контрактной системе государственных закупок, положений правовых актов стратегического планирования и среднесрочного характера, соотносимых в той или иной степени с исследуемой проблемой. По результатам применения методики формально-логического и догматического анализа сделан вывод о небезупречности положений российского законодательства, наличии многочисленных неоднозначностей и неопределенностей, имеющих характер коррупциогенности. По итогам исследования выявленных правовых коллизий и пробелов сделан вывод о том, что коррупциогенность норм антикоррупционной направленности законодательства о контрактной системе государственных закупок имеет потенциал, существенно минимизирующий антикоррупционные возможности законодательства в части профилактики коррупции, доводя по ряду показателей их содержания до высокой степени коррупционности, что не соответствует принципиальным подходам, решавшимся законодателем при подготовке и проведении реформы законодательной основы закупочной деятельности. Анализ результатов реализации положений Национальных планов противодействия коррупции с использованием инструментария правового исследования позволил автору представить системное представление о направлениях государственной антикоррупционной политики в сфере закупочной деятельности, выявить нерешенные проблемы и невыполненные задачи из числа поставленных Президентом Российской Федерации, предложить некоторые направления их урегулирования. Легализация в позитивном праве отдельных предложений, содержащихся в работе, способна, по мнению автора, минимизировать коррупциогенные факторы законодательства, способствовать формированию антикоррупционной правовой культуры должностных лиц, участвующих в закупочной деятельности, что, в свою очередь, позволит оптимизировать правовую основу государственных закупок, обеспечить решение задачи по повышению законности и эффективности закупочной деятельности в интересах Вооруженных Сил Российской Федерации.

Статья подготовлена по результатам доклада автора на круглом столе «Закупки вооружения, военной, специальной техники: применение законодательства о контрактной системе», состоявшемся 24 августа 2021 г. в рамках проведения Международного военно-технического форума «Армия-2021» на дискуссионной площадке Конгрессно-выставочного центра «Патриот».

Ключевые слова: противодействие коррупции, государственные закупки, государственный оборонный заказ, правовые основы, коррупционные риски, профилактика коррупции.

Topical issues of minimizing corruption risks in the field of procurement for the needs of the Armed Forces of the Russian Federation

© Zemlin A.I.,

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department 25 "Military Administration, Administrative and Financial Law" of the Federal State Budgetary Education-

al Institution "Military University" of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article presents the results of a systematic legal analysis of the norms of Russian anti-corruption legislation, legislation on the contract system of public procurement, the provisions of legal acts of strategic planning and medium-term nature, correlated to one degree or another with the problem under study. According to the results of the application of the methodology of formal-logical and dogmatic analysis, the conclusion is made that the provisions of the Russian legislation are not reproachable, there are numerous ambiguities and uncertainties that have the nature of corruption. According to the results of the study of the revealed legal conflicts and gaps, it is concluded that the corruption-related nature of the anti-corruption norms of the legislation on the contract system of public procurement has the potential to significantly minimize the anti-corruption opportunities of legislation in terms of corruption prevention, bringing a number of indicators of their content to a high degree of corruption, which does not correspond to the principled approaches decided by the legislator when preparing and conducting the reform of the legislative framework for procurement activities. The analysis of the results of the implementation of the provisions of the National Anti-Corruption Plans using the tools of legal research allowed the author to present a systematic idea of the directions of the state anti-corruption policy in the field of procurement, to identify unresolved problems and unfulfilled tasks from among those set by the President of the Russian Federation, to suggest some directions for their settlement. According to the author, the legalization in the positive law of individual proposals contained in the work can minimize the corruption-causing factors of legislation, contribute to the formation of an anti-corruption legal culture of officials involved in procurement activities, which, in turn, will allow to optimize the legal basis of public procurement, ensure the solution of the task of increasing the legality and efficiency of procurement activities in the interests of the Armed Forces of the Russian Federation.

The article was prepared based on the results of the author's report at the round table "Procurement of equipment, military, special equipment: application of legislation on the contract system", held on August 24, 2021 as part of the International Military-Technical Forum "Army-2021" on the discussion platform of the Patriot Congress and Exhibition Center.

Keywords: anti-corruption, public procurement, state defense order, legal framework, corruption risks, prevention of corruption.

Анализ правоприменительной практики, неоднократно осуществлявшийся специалистами как применительно к коррупционным проявлениям в Вооруженных Силах¹, так и в отношении закупочной деятельности², в том числе — и в интересах обороны³, свидетельствует о том, что коррупция прочно укоренилась в сфере государственных закупок, в связи с чем то пристальное внимание, которое уделяется законодателем в настоящее

время борьбе с этим сложным социально-правовым явлением, следует признать вполне обоснованным⁴.

Вопросы противодействия коррупции в сфере государственного оборонного заказа, закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд и в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц, ставятся системно и постоянно Президентом Российской Федерации в Национальных планах противодействия коррупции, отражающих основные направления государственной антикоррупционной политики на среднесрочную перспективу.

¹ Корякин В.М. Коррупция в Вооруженных Силах: теория и практика противодействия : монография. М.: За права военнослужащих, 2009.

² Землин А.И. Актуальные организационно-правовые вопросы противодействия коррупции при осуществлении закупок для государственных нужд // Государственные и корпоративные закупки как форма государственно-частного партнерства : сборник научных статей. Редколлегия: Г.В. Дегтев, И.П. Гладилина. М., 2014. С. 22.

³ Корякин В.М. Противодействие коррупции в сфере государственных закупок для нужд обороны и военной безопасности. М.: Юрлитинформ, 2014.

⁴ Землин А.И., Вихрян А.П., Глухов Е.А., Землина О.М., Корякин В.М., Максимов С.Н., Юсупов М.Р. Противодействие коррупции в Российской Федерации : учебник / под ред. Землина А.И., Корякина В.М. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014.

В частности, в Национальном плане противодействия коррупции на 2016—2017 годы¹ определено, что к числу основных задач, на решение которых направлены мероприятия Плана, относится «повышение эффективности противодействия коррупции при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». При этом обоснованно отмечается то внимание, которое уделено в Национальном плане противодействия коррупции на 2016—2017 годы целому ряду вопросов, связанных с противодействием коррупции при осуществлении государственных закупок².

Так, Верховному Суду Российской Федерации было рекомендовано подготовить и утвердить обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о применении п. 9 ч. 1 ст. 31 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»³. Министерству внутренних дел Российской Федерации особо поручено осуществить комплекс мероприятий, направленных на борьбу с незаконной передачей должностному лицу заказчика денежных средств, получаемых поставщиком (подрядчиком, исполнителем) в связи с исполнением государственного или муниципального контракта, за «предоставление» права

заключения данного контракта (откатами) и хищениями в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также хищениями государственного и муниципального имущества;

На основе анализа представленных и иных положений нами был сделан вывод о том, что Национальный план противодействия коррупции на 2016—2017 годы содержит целый ряд взаимоувязанных поручений органам государственной власти, направленных на консолидацию их усилий по противодействию коррупции при осуществлении государственных закупок, реализация которых позволит обеспечить системность воздействий по предупреждению и пресечению правонарушений коррупционной направленности в контрактной системе, их выявлению и применению адекватных мер ответственности к нарушителям⁴.

В дальнейшем, в Национальном плане противодействия коррупции на 2018—2020 годы⁵, к числу основных задач, на решение которых были направлены мероприятия, предусмотренные Национальным планом, особо отнесено «совершенствование мер по противодействию коррупции в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд и в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

Одноименный раздел Национального плана содержит поручение Правительству Российской Федерации с участием заинтересованных федеральных государственных органов рассмотреть вопросы и подготовить предложения о целесообразности: уточнения условий, при которых может возникнуть конфликт интересов между участником закупки и заказчиком при осуществлении закупок товаров, работ,

¹ Указ Президента Российской Федерации от 1 апреля 2016 г. № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016—2017 годы» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 14. Ст. 1985.

² Землин А.И. Актуальные вопросы правового регулирования контроля за расходованием средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации при осуществлении государственных закупок // Государственный аудит. Право. Экономика 2016. № 2. С. 145.

³ Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о применении пункта 9 части 1 статьи 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»: Утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28 сентября 2016 г.

⁴ Землин А.И. Коррупционные риски при осуществлении государственных закупок // Государственный аудит. Право. Экономика 2016. № 3. С. 94.

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 29 июня 2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018—2020 годы».

услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд; определения сведений, подлежащих обязательному раскрытию должностными лицами заказчика в целях недопущения возникновения конфликта интересов, а также порядка раскрытия таких сведений; установления обязанности участника закупки представлять заказчику информацию в целях выявления обстоятельств, свидетельствующих о возможности возникновения конфликта интересов с заказчиком; установления обязанности участника закупки представлять заказчику декларацию об отсутствии факта привлечения к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. КоАП РФ, и обязанности заказчика проверять соответствие участников закупки такому требованию при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. проведения обязательного общественного обсуждения закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд и др.

Особое внимание обращает на себя требование, содержащееся в п. 20 указанного Национального плана, согласно которому Правительству Российской Федерации следовало: обеспечить включение в федеральные государственные образовательные стандарты общего образования, среднего профессионального и высшего образования положений, предусматривающих формирование у обучающихся компетенции, позволяющей выработать нетерпимое отношение к коррупционному поведению, а в профессиональной деятельности — содействовать пресечению такого поведения. Учитывая то обстоятельство, что доклад о результатах исполнения следовало представить до 1 июля 2019 г., представляется необходимым рассмотреть этот вопрос применительно к реализуемым программам подготовки военных специалистов, особенно по специальности «Правовое обеспечение экономической безопасности».

Пунктом 27 Национального плана на 2018—2020 годы предписано «Руководителям федеральных государственных ор-

ганов обеспечить обучение федеральных государственных служащих, впервые поступивших на государственную службу для замещения должностей, включенных в перечни должностей, установленные нормативными правовыми актами Российской Федерации, по образовательным программам в области противодействия коррупции». Учитывая то обстоятельство, что доклад о результатах исполнения следовало представить до 1 ноября 2020 г., представляется целесообразным обеспечить повышение квалификации указанной категории должностных лиц, участвующих в закупочной деятельности по соответствующим программам.

Национальный план противодействия коррупции на 2021—2024 годы¹ содержит раздел X «Совершенствование мер по противодействию коррупции при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок, осуществляемых отдельными видами юридических лиц, а также при распоряжении государственным и муниципальным имуществом». Очевидно, что, как свидетельствует сложившаяся в настоящее время ситуация, значимость вопросов противодействия коррупции при осуществлении государственных закупок ничуть не уменьшилась, как этого следовало бы ожидать, ни в условиях применения *контрактной системы*², ни с применением вариантов программно-целевого³ и проектного финансового обеспечения расходов на государственные закупки⁴.

¹ Утвержден Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478

² Кандыбко Н.В. Особенности проведения военными организациями мониторинга исполнения государственных контрактов в условиях формирования контрактной системы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2012. № 12. С. 97—103.

³ Кандыбко Н.В. Интеграция военного управления в механизм обеспечения государственных оборонных нужд // Экономика и предпринимательство. 2013. № 11-2 (40). С. 69.

⁴ Землин А.И., Землина О.М. Проблемные вопросы правового регулирования государственного финансового контроля за расходованием

При этом пунктом 28 Национального плана Правительству Российской Федерации предписано:

а) до 30 января 2024 г. представить предложения о внесении в законодательство Российской Федерации изменений, предусматривающих установление в качестве условия контракта (договора) обязательства его сторон не допускать действий, которые могут привести к нарушению требований законодательства о противодействии коррупции;

б) до 30 ноября 2023 г. представить предложения о порядке предоставления и последующей актуализации руководителями заказчиков и лицами, непосредственно участвующими в осуществлении закупок товаров, работ, услуг, сведений о гражданах и юридических лицах, в отношении которых у них может возникнуть личная заинтересованность при исполнении должностных обязанностей.

Существенное значение имеет положение п. 29 Национального плана, согласно которому Генеральная прокуратура Российской Федерации с участием заинтересованных федеральных государственных органов должна принимать меры, направленные на предупреждение и пресечение незаконной передачи должностному лицу заказчика денежных средств за "предоставление" права заключения такого контракта (откатов), на выявление и устранение коррупционных проявлений в сфере закупок, с ежегодным представлением доклада до 15 апреля.

О значении, которое придается вопросам противодействия коррупции при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, свидетельствует включение в раздел XII Национального плана «Повышение эффективности

бюджетных средств при осуществлении государственных закупок // Государственные и корпоративные закупки как форма государственно-частного партнерства : сборник научных статей. Редколлегия: Г.В. Дегтев, И.П. Гладилина. М., 2014. С. 23.

образовательных и иных мероприятий, направленных на антикоррупционное просвещение и популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов» п. 39, согласно подп. «в» которого руководителям федеральных государственных органов в соответствии со своей компетенцией рекомендовано обеспечить участие государственных (муниципальных) служащих, работников, в должностные обязанности которых входит участие в проведении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд, в мероприятиях по профессиональному развитию в области противодействия коррупции, в том числе их обучение по дополнительным профессиональным программам в области противодействия коррупции, с представлением доклада о результатах ежегодно, до 1 февраля.

Таким образом, очевидно, что вопросы противодействия коррупции при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд ставятся Президентом Российской Федерации на протяжении длительного времени. Однако следует учитывать то обстоятельство, что сложность решения поставленных задач по повышению эффективности противодействия коррупции при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд заключается в том, что коррупционные нарушения в сфере закупочной деятельности отличаются крайне высокой степенью латентности: если коррупционер и корруптор «добросовестно» исполняют свои взаимные обязательства, выявление коррупционного сговора крайне затруднено¹.

Кроме того, анализ показывает, что постоянно и неуклонно растут не только количественные показатели ущерба, наносимого государству коррупционными действиями должностных лиц

¹ Землин А.И. Актуальные организационно-правовые вопросы противодействия коррупции при осуществлении закупок для государственных нужд. С. 29.

государственных и муниципальных заказчиков, но меняются и качественные характеристики коррупционных деяний: механизм коррупционных сделок все более усложняется, они приобретают системно-организованный характер¹.

Анализ показывает, что, хотя «... Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» изначально создавался как антикоррупционный, позволяющий минимизировать трату бюджетных средств недобросовестными заказчиками; ... в законодательстве о госзакупках заложены нормы, минимизирующие возможности по недобросовестному исполнению контрактов и исключающие ситуации хищения бюджетных средств — это финансовое обеспечение по контрактам в виде банковской гарантии, поручительства крупного юридического лица или денежных средств», коррупционный потенциал норм закона был более чем очевиден. Именно крайне высокая степень коррупциогенности норм Федерального закона от 21 июля 2005 года № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» стала одной из причин разработки новой системы закупок товаров, работ и услуг и принятия Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок, товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд».

Экспертиза норм Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок, товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд», устанавливающих антикоррупционные запреты и ограничения для участников отношений в сфере закупок, приводит к выводу об их юридико-технической ущербности. Речь идет, в том числе, и о различном понимании конфликта интересов, субъектов и оснований его возникновения, продемонстрированных в п. 9 ч. 1 ст. 31 Федерального закона «О контрактной системе в сфере за-

купок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», ч. 22 ст. 34 «Контракт», ч. 6 ст. 39 «Комиссия по осуществлению закупок», ч. 2 ст. 41 «Эксперты, экспертные организации».

Несоответствие нормы п. 9 ч. 1 ст. 31 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» общему подходу, реализованному в антикоррупционном законодательстве, равно как и в иных нормах Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», во многом и повлекла за собой необходимость подготовки упомянутого выше Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о ее применении. В частности, в Обзоре рассматривается практика по определению круга лиц, одновременное участие которых при осуществлении закупок свидетельствует о конфликте интересов.

Нами отмечалось, что при определении круга лиц, одновременное участие которых при осуществлении закупок свидетельствует о конфликте интересов, в норме ч. 9 ст. 31 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» было бы целесообразно воспользоваться опытом определения взаимозависимых и (или) аффилированных лиц, накопленным в иных отраслях законодательства, а именно, ст. 105.1 Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ), Федеральном законе от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и др.

Также следует отметить, что, как свидетельствует практика, не только постоянно растут количественные показатели ущерба, наносимого государству коррупционными действиями должностных лиц государственных и муниципальных заказчиков, но и меняются качество коррупционных деяний:

¹ Землин А.И., Землина О.М. Указ. соч. С. 24.

механизм коррупционных сделок все более усложняется, они приобретают системно-организованный характер. Анализ коррупционных схем¹, реализуемых при осуществлении государственных закупок, приводит к неутешительным выводам. Ранее в подавляющем своем большинстве коррупционные схемы не отличались сложностью, основывались на «распилах» и «откатах». Однако в настоящее время нарастает тенденция к усложнению коррупционных схем, используемых при осуществлении государственных закупок. Большая часть из них основывается на несовершенстве законодательства, позволяющего с использованием пробелов и неоднозначностей вполне легально обеспечивать неконкурентные преимущества одному из участников конкурсов (аукционов).

Так, в числе наиболее часто применяемых коррупционных схем следует выделить укрупнение контракта. Реализация анализируемой коррупционной схемы весьма привлекательна для ответственных лиц государственного заказчика, поскольку недобросовестность его практически недоказуема: нельзя отрицать, что на крупном заказе государство может сэкономить больше бюджетных средств, а, следовательно, укрупнение государственного заказа не только соответствует духу и букве закона, но и свидетельствует о похвальном стремлении ответственного за размещение заказа лица обеспечить эф-

фективность и экономность расходования бюджетных средств.

Не менее распространенной коррупционной схемой является установление в проекте государственного контракта заведомо невыполнимых сроков. Эта схема применяется в том случае, когда контракт предназначен конкретному лицу, которое уже его выполнило его полностью или частично, иные же возможные участники объективно не способны выполнить условия контракта в установленный срок.

Весьма популярным способом обеспечения получения государственного контракта конкретным лицом, является излишняя детализация требований. В этом случае в техническое задание включаются настолько детализированные требования к исполнителю, что соответствовать им может только конкретная организация.

Указанные способы основываются на наличии неустраненных коррупциогенных факторов законодательства о государственных закупках и их применение может быть обосновано заинтересованным должностным лицом государственного заказчика интересами дела и стремлением обеспечить эффективное расходование бюджетных средств. Объединяет их то, что предпосылкой совершения коррупционных действий во всех случаях выступают пробелы и неоднозначности законодательства о закупках, позволяющие лицу, обладающему исполнительно-распорядительными полномочиями, использовать их в интересах реализации коррупционного ресурса и получения коррупционной выгоды.

Поскольку коррупциогенные факторы законодательства представляют собой нормативно-правовые конструкции, порождающие и (или) стимулирующие коррупционное поведение должностных лиц, постольку от качества правовой урегулированности отношений, возникающих в процессе и по поводу осуществления государственных и муниципальных закупок прямо и непосредственно зависят возможность, пределы и способы совершения коррупционных действий в указанной сфере.

А.В. Кудашкин отмечает, что коррупциогенный фактор — это источник, при-

¹ Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации: <http://www.economy.gov.ru/>; официальный сайт Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации: <http://www.fas.gov.ru/>; официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации: <http://www.ach.gov.ru/http://>; официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации: <http://genproc.gov.ru/smi/events/actions/news-10877/?print=1>; сайт Российского информационного агентства: www.ria.ru/politics/20080715/114000603.html; сайт Международного центра антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл»: http://transparency.org.ru/CENTER/cpi_09.asp; сайт РБК: <http://www.rbcdaily.ru/2012/07/25/focus/562949984392693>

чина коррупционного проявления, в том числе коррупционного правонарушения. Правовая норма обладает признаком коррупциогенности, т.е. потенциальной возможностью коррупционного поведения, в то время как реальная причина (коррупциогенный фактор) связана с волевой сферой поведения человека¹. Представляется, что более основательно именовать коррупциогенный фактор законодательства, представляющий собой нормативно-правовую конструкцию, характеризующуюся дефектом формы или содержания, допускающий и (или) стимулирующий в силу указанной дефектности коррупционное поведение должностных лиц, не источником и, тем более, не причиной коррупционного проявления, а предпосылкой такого рода действия (бездействия). Причина же, равно как и источник (если использование последнего термина в данном контексте допустимо) коррупционного проявления имеет более субъективный, связанный с волей должностного лица, наделенного полномочиями в сфере государственных закупок, характер².

Отличительным признаком коррупциогенного законодательства является наличие норм, допускающих их произвольные трактовку и применение. Противоречивость, несовершенство, двусмысленность, серьезные пробелы в нормативных правовых актах позволяют чиновникам создавать себе выгодные условия для вымогательства. Многочисленные отсылочные нормы, по сути, переносят законодательное регулирование важных вопросов жизнедеятельности на подзаконные акты органов исполнительной власти, что в условиях высокой коррумпированности административного аппарата создает

условия появления нечетких инструкций, создающих дополнительные условия для роста коррупции.

Этимологически понятие «коррупциогенность» состоит из двух частей: 1) «коррупция» — использование должностными лицами доверенных им прав и властных возможностей в целях личного обогащения³, и 2) ...ген, ...генный... (от греч. — genes — рождающий, рождённый), часть сложных слов, означающая: происходящий от чего-либо или образующий что-либо⁴. Таким образом, понятие «коррупциогенность» представляется возможным толковать как нечто, порождающее коррупцию. Соответственно, связующим элементом всего комплекса мер антикоррупционной политики должна стать антикоррупционная направленность законодательства. За последнее десятилетие в Российской Федерации принят т.н. «пакет антикоррупционных законов» и сформирована законодательная база противодействия коррупции. Важным административно-правовым средством предупреждения коррупции служит антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов.

Антикоррупционная экспертиза правовых актов позволяет:

- 1) на ранних стадиях правотворчества устранить имеющиеся коррупциогенные факторы, способствуя принятию качественного, эффективного правового акта, не содержащего положений коррупционного характера;
- 2) при сопряжении с правовым мониторингом устранять коррупциогенность действующих правовых актов.

Очевидно, что сложившаяся ситуация настоятельно требует незамедлительного разрешения. Выходом может стать, с одной стороны, постоянная и системная деятельность специалистов по антикоррупционной экспертизе законодательства, а так-

¹ Кудашкин А.В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика : научн.-практ. пособие. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 136.

² Землин А.И. О новациях и деформациях антикоррупционного просвещения и воспитания в современной России // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века — COUNTER-TERRORISM М.: Изд. «Современная экономика и право». 2014. № 2. С. 48; Землин А.И. Коррупционные риски при осуществлении государственных закупок. С. 94.

³ Юридическая энциклопедия / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 1997. С. 215.

⁴ Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1987. С. 287.

же конкурсной документации на предмет своевременного выявления и устранения коррупционных факторов. Мы солидаризируемся с мнением специалистов, полагающих, что осуществление антикоррупционной экспертизы конкурсной документации позволит минимизировать коррупционные риски в сфере государственных закупок (см, например: Корякин В.М. Антикоррупционная экспертиза документации о закупках товаров, работ и услуг для государственных нужд // Журнал Российского права. 2014. № 5. С. 66—75).

Сочетание совокупности предложенных мер, по нашему мнению, может способствовать решению задачи минимизации коррупционных рисков при осуществлении закупочной деятельности в интересах обороны. Дополнительный положительный эффект может дать также создание научно-консультативных комитетов и экспертных советов с широким привлечением представителей науки и общественности.

Библиография

1. Землин, А.И. Актуальные вопросы правового регулирования контроля за расходованием средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации при осуществлении государственных закупок / А.И. Землин // Государственный аудит. Право. Экономика. — 2016. — № 2. — С. 144—153.
2. Землин, А.И. Актуальные организационно-правовые вопросы противодействия коррупции при осуществлении закупок для государственных нужд / А.И. Землин // Государственные и корпоративные закупки как форма государственно-частного партнерства : сборник научных статей. Редколлегия: Г.В. Дегтев, И.П. Гладилина. — М., 2014. — С. 21—31.
3. Землин, А.И. Коррупционные риски при осуществлении государственных закупок / А.И. Землин // Государственный аудит. Право. Экономика. — 2016. — № 3. — С. 92—102.
4. Землин, А.И. О новациях и деформациях антикоррупционного просвещения и воспитания в современной России / А.И. Землин //

Противодействие терроризму. Проблемы XXI века — COUNTER-TERRORISM. — М.: Изд. «Современная экономика и право». — 2014. — № 2. — С. 47—53.

5. Землин, А.И. Проблемные вопросы правового регулирования государственного финансового контроля за расходованием бюджетных средств при осуществлении государственных закупок / А.И. Землин, О.М. Землина // Государственные и корпоративные закупки как форма государственно-частного партнерства сборник научных статей. Редколлегия: Г.В. Дегтев, И.П. Гладилина. — М., 2014. — С. 21—31.

6. Землин, А.И. Противодействие коррупции в Российской Федерации : учебник [А.И. Землин, А.П. Вихрян, Е.А. Глухов, О.М. Землина, В.М. Корякин, С.Н. Максимов, М.Р. Юсупов] / под ред. Землина А.И., Корякина В.М. — Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014.

7. Кандыбко, Н.В. Особенности проведения военными организациями мониторинга исполнения государственных контрактов в условиях формирования контрактной системы / Н.В. Кандыбко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2012. — № 12 (186). — С. 97—103.

8. Кандыбко Н.В. Интеграция военного управления в механизм обеспечения государственных оборонных нужд / Н.В. Кандыбко // Экономика и предпринимательство. 2013. № 11-2 (40). — С. 69—74.

9. Корякин, В.М. Антикоррупционная экспертиза документации о закупках товаров, работ и услуг для государственных нужд / В.М. Корякин // Журнал Российского права. — 2014. — № 5. — С. 66—75.

10. Корякин, В.М. Коррупция в Вооруженных Силах: теория и практика противодействия : монография / В.М. Корякин. — М.: За права военнослужащих, 2009. — 335 с.

11. Корякин, В.М. Противодействие коррупции в сфере государственных закупок для нужд обороны и военной безопасности : монография / В.М. Корякин. — М.: Юрлитинформ, 2014. — 456 с.

12. Кудашкин, А.В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика : научн.-практ. пособие / А.В. Кудашкин. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2012.

Использование специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с повреждением лесных насаждений (ст. 260 УК РФ)

© Андреев Алексей Викторович,
начальник отдела биологических исследований
ЭКЦ МВД по Республике Коми

© Кулагина Полина Игоревна,
старший эксперт ЭКЦ МВД по Республике
Коми, кандидат биологических наук

© Кайргалиев Данияр Вулкаирович,
доцент кафедры криминалистической техники
Волгоградской академии МВД России, кандидат
биологических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы использования специальных знаний в расследовании преступлений, связанных с повреждением лесных насаждений (ст. 260 УК РФ).

Ключевые слова: повреждение лесных насаждений; незаконные порубки лесных насаждений; Лесной кодекс Российской Федерации.

The use of special knowledge in the disclosure and investigation of crimes related to damage to forest plantations (Article 260 of the Criminal Code of the Russian Federation)

© Andreev A.V.,
Head of the Department of Biological Research ECC
of the Ministry of Internal Affairs of the Komi
Republic

© Kulagina P.I.,
senior expert of the ECC of the Ministry of Internal
Affairs of the Komi Republic, Candidate of
Biological Sciences

© Kairgaliev D.V.,
associate Professor of the Department of Forensic
Technology Volgograd Academy of the Ministry of
Internal Affairs of Russia, candidate of Biological
Sciences.

Annotation. The article discusses the use of special knowledge in the investigation of crimes related to damage to forest plantations (Article 260 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Key words: damage to forest stands; illegal logging of forest stands; Forest Code of the Russian Federation.

Леса России занимают четверть площади мирового лесного покрова и 69 % территории нашего государства. Они стабилизируют газовый состав атмосферы,

водный режим, континентальный и глобальный климат, являются одним из важнейших природных ресурсов страны и

экономически ценным источником древесины.

Объемы незаконных рубок лесных насаждений, выявляемые органами государственной власти субъектов Российской Федерации, не превышают 2 млн. куб. метров древесины, что составляет менее 1 % от объема законного лесопользования. Однако, по оценкам международных организаций (IUFRO, UNEP), Международной организации уголовной полиции (Интерпол), общественных природоохранных объединений, доля незаконных рубок лесных насаждений в Российской Федерации составляет более пятой части от законного лесопользования¹.

Защита и охрана лесов входят непосредственно и в обязанности Минобороны России, так как военное ведомство реализовывает ведение лесного хозяйства в границах лесных участков на площади почти 5 млн. га лесов² на территории 61 субъекта Российской Федерации. Лесные насаждения размещаются на землях, которые закреплены за Минобороны России в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 2 февраля 1998 № 135 «О закреплении лесов, расположенных на землях обороны, за федеральным органом исполнительной власти по вопросам обороны». Согласно указанному постановлению, леса, расположенные на землях, исключены из состава лесного фонда и предоставлены Минобороны России с целью обеспечения нужд Вооруженных Сил Российской Федерации. Управляет и контролирует ведение лесного хозяйства на землях обороны и безопасности специальное уполномоченное учреждение — ФГКУ «Управление лесного хозяйства и природопользования» Минобороны России, в котором насчитывается 39 военных лесничества.

Исполнение законодательства о лесопользовании строго контролируется. Например, военная прокуратура Читинского гарнизона установила, что в Забайкальском крае одной из подрядных организаций при выполнении строительных работ, проводившихся в интересах Минобороны России, осуществлена незаконная рубка деревьев, чем лесному фонду причинен ущерб в размере 2,9 млн. руб. Прокурорская проверка завершена, в её результате возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 260 УК РФ (незаконная рубка лесных насаждений, совершенная в особо крупном размере)³.

Другой пример показывает, что офицеры Министерства обороны могут являться субъектами преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ. Так, 4 апреля 2015 г. вступил в законную силу приговор Читинского гарнизонного военного суда, согласно которому бывший военнослужащий подполковник запаса А. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 260 УК РФ и ч. 3 ст. 160 УК РФ, и ему назначено наказание в виде лишения свободы на срок 4 года, с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима, без штрафа с лишением права занимать должности в органах местного самоуправления или государственных органах, связанные с руководством, а также с выполнением организационных функций⁴.

Противодействие правонарушениям в сфере лесных отношений является одним из приоритетов в деятельности военной прокуратуры. Расследование преступлений в сфере лесопользования вызывает известные трудности, связанные, как правило, с высоким уровнем их латентности и слож-

¹ Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30 января 2019 г. № 17-СФ «Об усилении контроля за оборотом древесины и противодействия ее незаконной заготовке».

² Терещук С.С., Юшкин Е.А. Проблемы уголовной ответственности за нарушение правил лесопользования // Военное право. 2018. № 6 (52). С. 275—278.

³ Быстрова Ю.В. Экономическая преступность в сфере жилищно-коммунального хозяйства и её предупреждение : дис. ... д-ра юрид. наук. Грозный, 2020; Тимошенко Ю.А. Ответственность за экологические преступления : научно-практический комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда российской Федерации. М.: Проспект, 2017.

⁴ http://gvs.cht.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=99

ностью сбора доказательственной информации.

На основании ст. 99 Лесного кодекса Российской Федерации (ЛК РФ) лица, виновные в нарушении лесного законодательства, несут административную, уголовную и иную ответственность в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. УК РФ содержит две статьи, устанавливающие уголовную ответственность за нарушение лесного законодательства: ст. 260 «Незаконная рубка лесных насаждений» и ст. 261 «Уничтожение или повреждение лесных насаждений».

Согласно п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21¹ основным критерием разграничения уголовно наказуемой незаконной рубки лесных насаждений (ч. 1 ст. 260 УК РФ) и незаконной рубки лесных насаждений, за которую ответственность предусмотрена ст. 8.28 КоАП РФ, является значительный размер ущерба, причиненного посягательством, который должен превышать 5 000 руб. (прим. к ст. 260 УК РФ). Стоит отметить, что объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, как и состава правонарушения, предусмотренного ст. 8.28 КоАП РФ, состоит не только в незаконной рубке лесных насаждений, но и в их повреждении. Нам представляется, что на критерий разграничения преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, связанного с повреждением лесных насаждений, от аналогичного правонарушения, предусмотренного ст. 8.28 КоАП РФ, должен влиять и размер причиненного ущерба.

Анализ научной и специальной литературы, посвященной проблемам расследования преступлений в сфере лесных отношений, свидетельствует о пристальном внимании исследователей тактике и методике расследования преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений (ст. 260 УК РФ), а также уничтожени-

ем или повреждением лесных насаждений в результате неосторожного обращения с огнем (ст. 261 УК РФ)².

Согласно п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 предметом преступлений, предусмотренных статьями 260 и 261 УК РФ, являются лесные насаждения, то есть деревья, кустарники и лианы, произрастающие в лесах, а также деревья, кустарники и лианы, произрастающие вне лесов (например, насаждения в парках, аллеях, отдельно высаженные в черте города деревья, насаждения в полосах отвода железнодорожных магистралей и автомобильных дорог или каналов), не имеет значения, высажены ли лесные насаждения или не отнесенные к лесным насаждениям деревья, кустарники, лианы искусственно либо они произросли без целенаправленных усилий человека. Не относятся к предмету указанных преступлений, в частности, деревья, кустарники и лианы, произрастающие на землях сельскохозяйственного назначения (за исключением лесных насаждений, предназначенных для обеспечения защиты земель от воздействия негативных (вредных) природных, антропогенных и техногенных явлений), на приусадебных земельных участках, на земельных участках, предоставленных для индивидуального жилищного, гаражного строительства, ведения личного подсобного и дачного хозяйства, садоводства, животноводства и огородничества, в лесопитомниках, питомниках плодовых, ягодных, декоративных и иных культур, а также ветровальные, буреломные, сухостойные деревья, если иное не предусмотрено специальными нормативными правовыми актами.

Непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ,

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования».

² Дубовик О.Л. Экологические преступления: комментарий к гл. 26 Уголовного кодекса РФ. М., 1998; Громадин А.В., Матюхин Д.Л. Дендрология / 3-е изд. М.: Издательский центр «Академия», 2009; Моргункова Ю.М. Проблемы определения категории состояния деревьев при производстве экспертиз по делам, связанным с незаконной рубкой лесных насаждений // Экспертная практика. 2016. № 81.

являются общественные отношения в области охраны и рационального использования лесных насаждений или не отнесенных к лесным насаждениям деревьев, кустарников и лиан. Объективная сторона состава преступления выражается в форме действия, в случае повреждения лесных насаждений: повреждение до степени прекращения роста лесных насаждений или не отнесенных к лесным насаждениям деревьев, кустарников, лиан. В соответствии с п. 17 упомянутого выше Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации такими повреждениями признаются повреждения, которые необратимо нарушают способность насаждений к продолжению роста (например, слом ствола дерева, ошмыг кроны, обдир коры), дерево, кустарник или лиана теряют свои естественные функции и происходит высыхание растения.

Субъективная сторона состава преступления, связанного с повреждением лесных насаждений, в отличие от незаконной рубки, характеризуется виной как в форме умысла, так и в форме неосторожности. Неосторожное повреждение лесных насаждений можно наблюдать, например, при лесозаготовках (вывоз леса), строительных работах и т.п. Субъект преступления — вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Квалифицированный состав такого преступления предусматривает также в качестве специального субъекта должностное лицо (п. «в» ч. 2 ст. 260 УК РФ).

Эффективность расследования данных преступлений во многом зависит от качества проведенного осмотра места происшествия. Допущенные в ходе следственного действия ошибки влекут необходимость проведения повторного осмотра, через продолжительное время криминалистически значимые признаки сильно изменяются или утрачиваются. Поэтому к осмотру места происшествия целесообразно привлекать специалиста в области ботанических исследований, а также специалиста в области лесной охраны. При назначении ботанической экспертизы также целесообразно консультироваться с лицом, обладающим специальными знаниями.

Осмотр места происшествия по факту повреждения лесных насаждений отличается от процессуальных действий, производимых по факту незаконной рубки лесных насаждений.

Общими действиями на осмотре места происшествия по указанным фактам, являются: а) определение точного места нахождения лесных насаждений; б) определение границ участка лесных насаждений; в) фиксация обстановки места происшествия, характера растительности; г) фиксация площади поврежденного лесного массива; д) обнаружение и фиксация следов преступления (следы обуви, следы транспортных средств, следы инструментов, окурки и т.п.); е) определение породы деревьев; диаметра в комлевой части.

Основной целью осмотра является установление не только факта повреждения лесных насаждений, но и предварительная оценка возможности прекращения роста поврежденных деревьев, кустарников или лиан, что является криминалистически значимой информацией для принятия следователем решения о возбуждении уголовного дела. Дополнительно осуществляются следующие действия специалистом: а) фотофиксация повреждений каждого растения (по правилам судебной фотографии); б) измерение распилов или иных повреждений (определить диаметр, глубину и т.п., характер распила по окружности); в) фиксация состояния поврежденных деревьев (состояние кроны или хвои (густота и цвет); наличие усыхающих ветвей, состояние коры, наклон ствола, наличие стволовых вредителей, наличие дереворазрушающих грибов, наличие дупел (гнилей) и т.п.).

Определенные трудности, связанные в основном с пробелами следственной практики, вызвало расследование преступления по факту двух аналогичных по способу и месту совершения эпизодов нарушения лесного законодательства, совершенных в период с июня по сентябрь 2020 г. «Лесонарушения», совершенные в Деревянском участковом лесничестве, были выражены в повреждении 768 деревьев в комлевой части, в поперечном направлении, в результате которого, согласно постановлениям

ГУ Республики Коми «Усть-Куломское лесничество», лесному фонду России причинен ущерб на общую сумму более 3 млн. руб. Первичная версия следствия заключалась в том, что обвиняемое в совершении указанного преступления лицо, которое имеет психическое расстройство, умышленно совершило повреждение деревьев по указанию иного лица. Вероятно, «заказчик» впоследствии имел умысел на завладение данными деревьями, перешедшими в состояние сухостойных или аварийных, которые в свою очередь, не являются предметом преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ.

В ходе предварительного следствия государственному судебно-экспертному учреждению было поручено провести ботаническую экспертизу. Перед экспертом поставлен следующий вопрос: «Могут ли привести повреждения, нанесенные деревьям, к изменению состояния их категории от живых до усыхающих?». В процессе производства экспертизы экспертом был осуществлен осмотр поврежденных деревьев.

В целях установления категории состояния деревьев, формулирования вывода о повреждении дерева до степени прекращения его роста, представлялось оценить характер и степень повреждения тканей деревьев, выполняющих жизненно важные функции.

У древесных растений выделяют следующие типы тканей: покровную, механическую, проводящую, запасающую и образовательную. Покровной тканью служит «кора» — сложный комплекс тканей, состоящий из наружного слоя корки (предохраняющей ткани дерева от резких колебаний температур, проникновения болезнетворных бактерий и грибов, и обеспечивающего защиту от механических повреждений) и внутреннего слоя луба (по лубу происходит поступление органических веществ сверху вниз, осуществляется питание дерева в вертикальном положении, т.е. осуществляется проводящая функция). К лубу примыкает образовательная ткань камбий (обеспечивает прирост дерева в толщину). На поперечном срезе ствола выделяют центральную часть и заболонь дре-

весины. Центральная часть ствола обеспечивает каркас дерева, в годичных кольцах ранней древесины у хвойных происходит передвижение воды вверх по стволу, поздняя древесина хвойных обеспечивает механическую функцию, у лиственных пород механическую функцию выполняют волокна либриформа и трахеиды. Проводящую функцию в горизонтальном положении от периферии к центру выполняют трахеиды и сердцевинные лучи, а у лиственных пород деревьев так же и сосуды. Запасающую функцию у хвойных выполняют смоляные вместилища, сердцевинные лучи в зимнее время, у лиственных — паренхимные клетки. Опираясь на вышеизложенное можно дать оценку степени повреждения деревьев.

Объектами назначенной судебно-ботанической экспертизы являлись 768 деревьев, диаметр которых варьировал в пределах от 160 до 400 мм. В процессе осмотра 768-ми поврежденных деревьев, девять были отнесены к категории старый сухостой, остальные деревья условно (без учета повреждений) можно было бы отнести к категории здоровые. Все деревья на момент осмотра имели механические повреждения в виде неполного распила от периферической части ствола к центру, по окружности на уровне комлевой части.

Оценка категории состояния деревьев проводилась в соответствии с утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2017 г. № 607 «О Правилах санитарной безопасности в лесах» шкалы категорий состояния деревьев (в настоящее время действует постановление Правительства Российской Федерации от 9 декабря 2020 г. № 2047. Согласно шкале, имеются следующие категории состояния деревьев: 1 — здоровые (без признаков ослабления); 2 — ослабленные; 3 — сильно ослабленные; 4 — усыхающие; 5 — свежий сухостой; 5а — свежий ветровал; 5б — свежий бурелом; 6 — старый сухостой; 6а — старый ветровал; 6б — старый бурелом; 7 — аварийные деревья. Каждой категории состояния деревьев соответствуют определенные внешние признаки.

При осмотре деревьев эксперт учитывал следующие характеристики: видовая принадлежность, диаметр ствола, глубина и толщина распила, характер распила по окружности, общее состояние дерева (слом ствола, его наклон; густота и цвет кроны, хвои; наличие усыхающих ветвей, трутых грибов, дупел, гнилей; состояние коры).

По характеру распила по окружности эксперт выделил три группы повреждений: а) первый тип — повреждение по всей окружности ствола дерева; б) второй тип — повреждение захватывает $\frac{1}{2}$ дерева по окружности; в) третий тип — повреждение по окружности охватывает $\frac{3}{4}$ ствола дерева.

Рассмотрим оценку повреждений деревьев на примере сосны обыкновенной. Согласно данным таксономических характеристик по выделам ГУ Республики Коми «Усть-Куломское лесничество», средний возраст деревьев породы сосна составляет 90 лет, средний диаметр 24,0 см. Исходя из этого можно рассчитать ориентировочный прирост годичных колец в 1 см^1 . В нашем исследовании он составил 1,3 мм в год, следовательно, в одном сантиметре — около 7—8 годичных колец. Опираясь на литературные данные, средний годичный прирост в средней тайге Республики Коми колеблется в пределах от 1,5 до 2,0 мм в год².

Таким образом, исходя из следующих характеристик — диаметр сосны в комлевой части — 24,0 см, глубина пропила — 14 см (из них около 4,0 см — толщина коры), характер повреждения распила по окружности — на $\frac{3}{4}$, а также учитывая, что в 1 см укладывается около 7—8 годичных колец, возрастное повреждение дерева составило около 70—80 лет, а формирование ядра у сосны приходится на возраст 30—35 лет, то есть повреждение затронуло не только заболонь, а также ядро дерева, которое является каркасом, как следствие,

дерево может утратить свою «вертикальность», что наблюдалось в процессе осмотра.

При повреждении комлевой части по окружности ствола на $\frac{3}{4}$ часть камбия функционирует, и вероятно непродолжительное время дерево частично будет расти в толщину. Однако, вследствие утраты деревом жизненно важных функций, оно перейдет из категории здорового к ослабленному, а с учетом глубины пропила — далее к усыхающему или аварийному состоянию.

Другой пример. Диаметр сосны 20,0 см, пропилен 5,0 см по всей окружности ствола. Несмотря на неглубокий пропил, исходя из расчётов повреждено 35 лет жизни дерева. В данном случае одним из определяющих факторов служит распил дерева по всей окружности, с полным нарушением камбиального слоя. В данном случае можно говорить о прекращении точки роста дерева и, как следствие, переходе дерева из состояния условно «здорового» к ослабленному, далее к сухостойному.

Таким образом, основными критериями оценки повреждений деревьев в целях установления прекращения их роста служат:

— нарушение целостности коры по окружности, сложное строение которой обеспечивает защиту внутренних слоев древесины от механических, температурных повреждений;

— нарушение функции проводимости элементов коры от листьев к корням, проводимости веществ по элементам древесины от периферии к центру, что приводит к нарушению питания растения в целом;

— характер пропила деревьев по окружности, в результате которого полностью поврежден камбиальный слой, прекращение деятельности которого, соответственно, приводит к прекращению прироста деревьев в толщину, а значит и прекращение точки роста;

— нарушение плотности механической ткани, которая удерживает дерево в вертикальном состоянии.

В результате нанесенных повреждений, с учетом вышеуказанных критериев,

¹ Уголев Б.Н. Древесиноведение с основами лесного товароведения. М.: Изд-во Московского государственного университета леса, 2005.

² Лопатин Е.В. Долговременные тренды в радиальном приросте сосны и ели в Республике Коми : автореф. дис. ... канд. сельхоз. наук. СПб., 2009.

со временем деревья вследствие воздействия внешних факторов (например, низких температур), а также дереворазрушающих грибов, насекомых-вредителей, патогенной микрофлоры, приведет к усыханию деревьев, а при сильном ветре, деревья могут утратить вертикальную целостность и будут являться угрозой для нахождения в лесу. Примером может служить тот факт, что на момент осмотра из заявленных в постановлении деревьев, более 200 были упавшими, т.е. находились ранее в аварийном состоянии (деревья со структурными изъянами, способными привести к падению всего дерева или его части, в том числе под воздействием внешних факторов).

В результате проведенного экспертного исследования, было установлено, что деревья имеют повреждения, оказывающие большую значимость для обеспечения их жизнедеятельности, и как следствие, деревья из категории состояния «здоровых» перейдут в состояние «ослабленных», «сухостойных», либо «аварийных».

Таким образом, в результате производства ботанической экспертизы при расследовании преступлений, связанных с повреждением лесных насаждений, можно достоверно установить причинно-следственную связь между нанесением повреждения и способностью насаждений к продолжению роста, переходом дерева из категории состояния здорового до усыха-

ющего, сухостойного или иной категории состояния. Использование специальных знаний необходимо для установления объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ.

Библиография

1. Быстрова, Ю.В. Экономическая преступность в сфере жилищно-коммунального хозяйства и её предупреждение : дис. ... д-ра юрид. наук / Ю.В. Быстрова. — Грозный, 2020. — 430 с.
2. Громадин, А.В. Дендрология : 3-е изд. / А.В. Громадин, Д.Л. Матюхин. — М.: Издательский центр «Академия», 2009.
3. Дубовик, О.Л. Экологические преступления: комментарий к гл. 26 Уголовного кодекса Российской Федерации / О.Л. Дубовик. — М., 1998.
4. Лопатин, Е.В. Долговременные тренды в радиальном приросте сосны и ели в Республике Коми : автореф. дис. ... канд. сельхоз. наук / Е.В. Лопатин. — СПб., 2009.
5. Моргункова, Ю.М. Проблемы определения категории состояния деревьев при производстве экспертиз по делам, связанным с незаконной рубкой лесных насаждений / Ю.М. Моргункова // Экспертная практика. — 2016. — № 81.
6. Терещук, С.С. Проблемы уголовной ответственности за нарушение правил лесопользования / С.С. Терещук, Е.А. Юшкин // Военное право. — 2018. — № 6 (52). — С. 275—279.
7. Тимошенко, Ю.А. Ответственность за экологические преступления: научно-практический комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации / Ю.А. Тимошенко. — М.: Проспект, 2017. — 241 с.
8. Уголев, Б.Н. Древесиноведение с основами лесного товароведения / Б.Н. Уголев. — М.: Изд-во Московского государственного университета леса, 2005.

Генезис законодательства о преступлениях против несовершеннолетних в Российской Федерации

© **Борисов Андрей Викторович**,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Уголовное право, уголовный процесс и криминология» Юридического института Российского университета транспорта

Аннотация. В статье рассматривается генезис законодательства о преступлениях против несовершеннолетних в Российской Федерации. Рассмотрены вопросы уголовно-правовой охраны интересов несовершеннолетних на различных этапах развития и становления отечественного уголовного законодательства.

Ключевые слова: генезис законодательства, несовершеннолетние, преступления против несовершеннолетних.

Genesis of legislation on crimes against minors in the Russian Federation

© **Borisov A.V.**,
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the
Department "Criminal law, criminal procedure and
criminology" Law Institute Russian University of
Transport

Annotation. The article examines the genesis of legislation on crimes against minors in the Russian Federation. The issues of criminal legal protection of the interests of minors at various stages of the development and formation of domestic criminal legislation are considered.

Keywords: genesis of legislation, minors, crimes against minors.

На ранних этапах развития российского государства были распространены патриархальные идеи, в рамках которых интересы несовершеннолетних в правовом аспекте не были учтены. В свою очередь, церковное право уделяло внимание процессу воспитания, что подтверждается положениями первых письменных источников права, однако самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны они не рассматривались. Например, в Уставе Святого князя Владимира о церковных судах никто не нес ответственность за вред всестороннему развитию детей, однако в Уставе князя Ярослава (XI в.) появились положения, которые были направлены на защиту чьей-либо дочери от похищения — виновное лицо несло ответственность перед церковью и князем. Спустя некоторое время Со-

борное уложение 1649 г. предусматривало уголовную ответственность за нарушение прав детей: например, детоубийство, совершенное родителями. Однако наказание за совершение подобного рода преступления не соответствовало степени его опасности — виновное лицо наказывалось тюремным заключением на срок до одного года. Из этого следует сделать вывод, что к настоящему времени ценность человеческой жизни, в том числе несовершеннолетних выросла, пройдя длинный путь становления с помощью интеграции международного сообщества и принятия ряда международных актов, которые послужили основой для действующего российского законодательства. Следует отметить, что принятие Соборного уложения никак не повлияло на семейные устои — отец (пат-

риарх) все также обладал властью над членами семьи: его права в отношении детей не были ограничены. Кроме того, Соборное уложение содержало нормы, запрещающие детям под угрозой наказания жаловаться на родителей.

В 1716 г. в Артикуле воинском Петра I появились положения, уравнивающие ответственность за убийство родителей и за детоубийство¹. В этом случае указывались обстоятельства, позволяющие избежать уголовной ответственности за совершённые действия: например, причинение смерти по неосторожности, но только в отношении детей — в случае, если смерть наступила вследствие жестокого наказания. Несмотря на то, что вышеупомянутые правовые акты действовали до утверждения Свода законов Российской империи, более эффективной система правосудия в этот период не стала: суды руководствовались теми положениями, которые были удобнее для них, не учитывая принципы справедливости, разумности и иные фундаментальные основы, присущие эффективной правовой системе.

С принятием Свода законов Российской империи в 1835 г. патриархально-авторитарные отношения ослабевали. При выделении уголовных преступлений в сфере нарушения прав несовершеннолетних основополагающим критерием является возраст объекта посягательства, т.е. чем младше жертва, тем опаснее преступление. Так, А. Лохвицкий писал, что «возраст жертвы преступления играет довольно видную роль в различии степеней преступления, а следственно и в различии наказания. Даже более: некоторые деяния считаются преступлениями только потому, что они направлены на малолетнего, направленные на взрослого они не наказуемы»². Автор указывает на различие взрослого и малолетнего. Невозможно не согласиться с ним, так как несовершеннолетние (дети) беззащитны и в большинстве случаев не самостоятельны, а также легко

подвергаются влиянию извне, особенно тому, которое исходит от взрослого человека.

В процессе систематизации российского законодательства в XIX в., была проведена определенная работа, результатом которой в 1845 г. стало утверждение Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Данный документ расширил перечень преступлений, посягающих на права несовершеннолетних. Так, к преступлениям были отнесены «самовольное учреждение учебного или воспитательного заведения» (ст. 1319), «обучение детей без надлежащего свидетельства о необходимых на то знаниях» (ч. 1 ст. 1321). Из этого следует, что законодатель рассматривал не только возможность причинения вреда несовершеннолетним физическими действиями, но и уделил внимание психическому развитию несовершеннолетнего и способом становления несовершеннолетнего как личности. Кроме преступлений, направленных на физическую и психическую неприкосновенность несовершеннолетних, Уложением 1845 г. была закреплена уголовная ответственность за присвоение или растрату принадлежащего ребенку имущества (ст. 2082) (в настоящее время невозможно представить, как именно применялись положения данной статьи, так как в XIX в. ребенок не мог полноправно чем-то владеть), развращение нравственности детей (ст. 2080). Особое внимание следует обратить на новый состав преступления, объектом которого выступала половая неприкосновенность детей. Уложение определяло особым объектом уголовно-правовой охраны половую неприкосновенность детей. Уголовному уложению 1845 г. была также известна норма о «похищении или подмены младенцев, или намерении скрыть их настоящее происхождение» (ст. 1857).

Параллельно с Уложением 1845 г. действовал Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., положения которого предусматривали уголовную ответственность родителей за «подкинутие или оставление ребенка, в таких местах, где он может быть найден другими» (ст. 144). Также Уложение 1864 г. включало право-

¹ Софроненко К.А. Памятники русского права. Вып. 8. М., 1961. С. 503

² Байбарин А.А. Уголовно-правовая дифференциация возраста : монография. М.: Высшая школа, 2009.

вые нормы, направленные на охрану здоровья подростка от негативного влияния, оказываемого распитием алкоголя.

С выходом декрета, провозгласившего светский характер государства, такие уголовно-наказуемые деяния досоветского законодательства как прелюбодеяние, вступление в брак лиц, состоящих в родстве, рождение внебрачного ребенка, незаконное сожителство и т.д., были декриминализованы.

Борьба с распространением преступлений против несовершеннолетних началась советскими властями принятием в 1920 г. СНК РСФСР Декрета «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных деяниях». В соответствии с данным документом Комиссия по делам несовершеннолетних (далее — Комиссия ПДН) в случае выявления преступного участия совершеннолетних лиц в деле информирует соответствующий судебный или следственный орган об выявленных ею фактах преступного участия обозначенных лиц (ст. 5). Опираясь на данное правило, в последующем была принята Инструкция комиссии ПДН, которая устанавливала обязанность комиссий ПДН «привлекать к судебной ответственности взрослых лиц за подстрекательство и склонение несовершеннолетних и малолетних к совершению общественно-опасных деяний, за соучастие с ними в преступлении или за попустительство такового, за склонение несовершеннолетних и малолетних к проституции, половым извращениям, за сводничество и т.п.»¹. Если раньше субъектом преступления могли быть только родители или опекуны, то теперь ответственности подлежали все взрослые лица, вовлекающие несовершеннолетних в совершение преступлений².

¹ Сперанский К.К. Уголовно-правовая борьба с преступлениями несовершеннолетних и против несовершеннолетних. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1991. С. 73;

² Афанасьева О.Р., Афанасьев П.Б. Преступность несовершеннолетних: состояние, динамика и структура // Криминологические проблемы поведения несовершеннолетних и молодежи, пути их

В Уголовном кодексе 1922 г. не было специальных глав, отдельно регулирующих вопросы охраны прав и интересов несовершеннолетних, что было обусловлено советскими идеализмом, распространенным в то время — наличие советской семьи отрицало наличие подобных преступлений. Данный правовой акт сохранил положения, закрепляющие ответственность за «похищение, сокрытие и подмен чужого ребенка с корыстной целью, из мести или из иных личных видов», а позже был дополнен статьей 165а, устанавливающей ответственность за «неуплату алиментов (средств на содержание детей) или вообще оставление родителями несовершеннолетних детей без надлежащей поддержки».

В 1926 г. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. был дополнен статьей 73.2, которая закрепляла ответственность за «подстрекательство несовершеннолетних или привлечение их к участию в различных преступлениях, а также понуждение несовершеннолетних к занятию спекуляцией, проституцией, нищенством и т.п.». Кроме того, в то же время была конкретизирована ст. 165а и изложена в следующей редакции: «...злостное, несмотря на имеющуюся возможность, уклонение от платежа на содержание детей и оставление родителями малолетних детей без всякой поддержки, а равно понуждение детей к занятию нищенством...» (ст. 158)³.

В 1960 г. был принят УК РСФСР 1960 г., который уточнял объективную сторону рассмотренного выше состава преступления и изложил ст. 210 в следующей редакции: «...вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, в пьянство, в занятие попрошайничеством, проституцией, азартными играми, а равно использование несовершеннолетних для целей паразитического

решения : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 57.

³ Пудовочкин, Ю.Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002.

существования...». Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 12 сентября 1969 г. № 8 «О судебной практике по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность» вовлечением несовершеннолетнего в преступную деятельность признавались действия, направленные на подготовку несовершеннолетнего к участию в преступлениях, подстрекательство его к совершению одного или нескольких конкретных преступлений либо на привлечение его к совершению преступления в качестве соисполнителя или пособника». К таким действиям следует отнести разного рода физическое насилие и психическое воздействие.

Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1976 г. отметило, что «по ст. 210 УК РСФСР могут быть квалифицированы лишь действия лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста, и совершенные умышленно ... при рассмотрении дел следует устанавливать, сознавал ли взрослый или допускал, что своими действиями вовлекает несовершеннолетнего в преступную или иную антиобщественную деятельность».

Уголовное законодательство РСФСР в ст. 122 наряду со злостным уклонением родителей от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей, предусматривает наказание за злостное уклонение от содержания состоящих на их иждивении совершеннолетних, но нетрудоспособных детей¹. Интересы лиц, находившихся под опекой, защищала ст. 124 УК «злоупотребление опекунскими обязанностями», за использование опеки в корыстных целях, за причинение имущественного вреда подопечному и т.д. В соответствии со ст. 121 Кодекса о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 г. опека устанавливалась над детьми, не достиг-

шими 15 лет, и над лицами, признанными судом недееспособными вследствие душевной болезни или слабоумия².

В 1970 г. был принят указ, который внес изменения в УК РСФСР и установил ответственность за «разглашение тайны усыновления».

Ставя во главу угла защиту интересов молодого поколения, законодателем в 1972 г. Уголовный кодекс был дополнен ст. 210.1, которая устанавливала ответственность за «доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения в служебной зависимости от которого находился несовершеннолетний», а в 1987 г. была добавлена ст. 210.2, устанавливающая ответственность за «вовлечение несовершеннолетнего в немедическое потребление лекарств и других средств, влекущих одурманивание» (ст. 210.2).

Федеральным законом от 7 марта 1995 г. № 28 ФЗ впервые была введена ответственность за «торговлю несовершеннолетними», диспозиция оставалась такой же, как в УК РСФСР 1960 г. — «купля-продажа несовершеннолетних либо совершение иных сделок в отношении несовершеннолетних в форме их передачи и завладения ими». Включение в УК 1996 г. ст. 152 произошло в результате многих требований, вытекающих из международно-правовых обязательств России. В частности, Конвенция ООН о правах ребенка обязывает «принять все необходимые меры для предотвращения похищения детей, торговли детьми или их контрабанды в любых целях и в любой форме» (ст. 35). В дальнейшем статья утратила силу. Купля-продажа несовершеннолетнего по действующему уголовному законодательству является квалифицирующим признаком преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ.

Таким образом, регламентация от-

¹ Шиян В.И., Хвостова Е.С. Современное состояние преступности несовершеннолетних // Вестник Академии права и управления. 2019. № 2 (55). С. 43.

² Борисова Т.В. Общая характеристика понятия преступности несовершеннолетних // Будущее науки — 2021 : Сборник научных статей 9-й Международной молодежной научной конференции. В 6-ти т. Отв. редактор А.А. Горохов. Курск, 2021. С. 47.

ветственности за преступления против несовершеннолетних получила дальнейшее развитие в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что развитие отечественного законодательства в сфере защиты прав несовершеннолетних протекало медленно, что было обусловлено социальным устройством общества, где царил патриархат. Первые правовые акты не содержали норм, предусматривающих ответственность за совершение преступлений против детей. Свое развитие данная область получила в XIX в. с окончательной систематизацией принятых ранее уложений. Именно Свод законов Российской империи послужил отправной точкой для дальнейшей эволюции отечественного уголовного законодательства. В XX в. советские власти продолжили всестороннее изучение способов нарушения прав слабозащищенной группы общества — несовершеннолетних, результатом чего стали принятые уголовные кодексы, предусматривающие ответственность за совершение различных преступлений против несовершеннолетних в виде психического и физического воздействия, принуждения к осуществлению противоправных действий, оставлению в опасности, нарушения тайны усыновления, лишения материального обеспечения и пр. Следует указать на то, что немаловажное место в становлении отечественного уголовного законодательства в данной области за-

нимает международное право. Именно интеграция в международное сообщество и использование более успешного опыта зарубежных стран привели уголовное законодательство Российской Федерации в тот вид, в котором мы видим его сейчас.

Библиография

1. Афанасьева, О.Р. Преступность несовершеннолетних: состояние, динамика и структура / О.Р. Афанасьева, П.Б. Афанасьев // Криминологические проблемы поведения несовершеннолетних и молодежи, пути их решения : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 2020. — С. 51—60.
2. Байбарин, А.А. Уголовно-правовая дифференциация возраста : монография / А.А. Байбарин. — М.: Высшая школа, 2009. — 252 с.
3. Борисова, Т.В. Общая характеристика понятия преступности несовершеннолетних / Т.В. Борисова // Будущее науки—2021 : Сборник научных статей 9-й Международной молодежной научной конференции. В 6-ти томах. Отв. редактор А.А. Горохов. — Курск, 2021. — С. 46—48.
4. Пудовочкин, Ю.Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву / Ю.Е. Пудовочкин. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002.
5. Софроненко, К.А. Памятники русского права. Вып. 8 / К.А. Софроненко. — М., 1961.
6. Сперанский К.К. Уголовно-правовая борьба с преступлениями несовершеннолетних и против несовершеннолетних / К.К. Сперанский. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1991.
7. Шиян, В.И. Современное состояние преступности несовершеннолетних / В.И. Шиян, Е.С. Хвостова // Вестник Академии права и управления. — 2019. — № 2 (55). — С. 40—46.

Категория «активность» в криминологии

© Кириллов Павел Валерьевич,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного и гражданского права и процесса Института управления и комплексной безопасности Академии государственной противопожарной службы МЧС России

Аннотация. На основе анализа философской категории «активности» рассматриваются криминальная и преступная активность. Проведено исследование понятия «активности» и её соотнесение с «деятельностью». Выделены существующие точки зрения на категорию «активность» и на их основе обобщены её признаки в живой и неживой природе. Раскрыто значение активности в живой и неживой природе. Обозначены существенные стороны активности и на их основе дано определение понятия «активности». Дана характеристика криминальной и преступной активности.

Ключевые слова: криминальная активность, преступная активность, активность, её признаки, значение, понятие и уровни.

Category "activity" in criminology

© Kirillov P. V.,
candidate of legal sciences, senior lecturer of the department of criminal and civil law and process of the Institute of management and integrated security of the State Fire Service Academy of the Ministry of emergency situations of Russia

Annotation. Based on the analysis of the philosophical category "criminal activity". The study of the concept of "activity" and its correlation with "activity" has been carried out. The existing points of view on the category of "activity" are highlighted and, on their basis, its features are generalized in living and non-living nature. The meaning of activity in living and non-living nature is revealed. The essential aspects of activity are indicated and on their basis the definition of the concept of "activity" is given. The characteristics of criminal activity are given.

Keywords: criminal activity, activity, its signs, meaning, concept and levels.

В теории и практике криминологии применяется категория «активность». В науке на её основе определяются такие термины, как «криминальная активность» и «преступная активность».

Как правило, криминальная активность связывается: с солидарностью с преступниками, их поддержке (без непосредственного участия в преступлении); с тяготением к преступной среде, моральной готовностью к участию в совершении преступлений; установлении устойчивых связей с антиобщественными элементами и т.п.

Преступная активность определяется через коэффициент, который рассчитывается по формуле: $KЛ/Н$, где $KЛ$ — число лиц, совершивших преступления, за определенный временной период на какой-либо территории, $Н$ — численность населения на той же территории за то же время. Берут все население на данной территории или какую-то его часть, скажем, достигшую возраста, с которого наступает уголовная ответственность. При этом для определения преступной активности конкретных социальных групп, как правило, используется коэффициент криминогенной пораженности.

Подходы к определению «криминальной активности» и «преступной активности» различны. У одного в основе — набор признаков, а у другого — математические вычисления, при этом «криминальная» и «преступная» зачастую используются, как синонимы. Предлагаем соотнести эти понятия через анализ категории «активность». Безусловно, изучение её природы, механизмов зарождения и развития обогатит теоретических основы криминологии. Однако изучение активности охватывает чрезвычайно широкий круг вопросов. Данная работа ограничена двумя аспектами: раскрытием некоторых философских сторон активности и рассмотрением основных её проявлений, которые, по мнению автора, способствуют пониманию криминальной и преступной активности.

В толковых словарях русского языка указывается, что слово «активность»¹ происходит от прилагательного «активный», которое означает: «развивающийся, усиленно действующий, энергичный» (Т.Ф. Ефремова); «деятельный, энергичный, инициативный; противоположный пассивному» (А.Е. Баханьков); «деятельный, действующий, жизненный, живой, не косный» (В.И. Даль); «активная, энергичная деятельность» (Д.Н. Ушаков)².

На основе этого в различных словарях категория «активность» соотносится с категорией «деятельность». При этом они не всегда четко содержательно разделены. Между тем в философии эти категории имеют собственные содержательные нюансы.

Философский словарь определяет активность (от франц. *activite* — сила действия) как «действенность, деятельное поведение»³.

Под деятельностью в философии понимается «специфически человеческая форма активного отношения к окружаю-

щему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование»⁴.

В философском смысле «активность» выступает как универсальное свойство, присущее всему живому и рассматривается как внутренняя спонтанность живых существ. В одних случаях она выступает как «мера направленного действия», в других — «возбужденным состоянием объекта, обуславливающим обратное воздействие на действие», а в-третьих — «способностью материальных объектов вступать во взаимодействие с другими объектами». В философии «активность» соотносится с поведением, или сопоставляется с деятельностью, или определяется по составляющим ее компонентам.

В отечественной философской науке существуют две основные точки зрения на категорию «активность»⁵. Согласно одной, активность — это свойство органической природы, социально организованного бытия. Согласно другому мнению, активность — свойство и живой, и неживой материи. Природа активности последней заключается в ее неоднородном, неравновесном, противоречивом состоянии, а ее источником являются движение, взаимодействие и отражение.

Ю.Л. Воробьев⁶, раскрывая эти мнения, указывает, что активность в неживой природе выражается переходом систем в возбужденное состояние, характеризующееся строгой направленностью действия. Мера этого действия выступает как степень активности. На уровне неживых систем активность есть внутренняя причина действия, его напряженность, направленность и элементарная избирательность как результат наличия обратной связи. Все это и способствует переходу систем в новое качественное состояние самостоятельно, «самодеятельно».

¹ Активность (лат. *activus* — деятельный) — понятие, определяющее темп движения и интенсивность действий веществ, явлений и живых организмов.

² Цит. по: Коверзнева И.А. Психология активности и поведения. Мн., 2010. С. 17.

³ Философский энциклопедический словарь. М., 2006. С. 13.

⁴ Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Т. 1. М., 2000. С. 633.

⁵ Зыкова Г.Н. Философский аспект проблемы социальной активности : дис. ... канд. филос. наук. Ленинград. 1983. С. 26—28.

⁶ Воробьев Ю.Л. Активность как философская проблема : дис. ... канд. филос. наук. Воронеж. 1970. С. 10—12.

Активность в неживой природе связана с прогрессивным развитием в том смысле, что во Вселенной существуют процессы, связанные с усложнением структур, с возможностью создания условий для возникновения живого.

В живой природе активность приобретает качественно новый характер. Для биологических систем характерна целенаправленная деятельность по поддержанию жизнеспособности систем. Живые системы не только самоорганизуются, но и самовоспроизводятся, и самовоспроизведение есть также одна из новых характеристик активности на этом уровне.

При этом, как указывает Ю.Л. Воробьев, активность биологических систем связана с выработкой (способностью) ответных реакций, на базе которых осуществляется воздействие организма на окружающую среду. Это возможно в результате перестройки структуры организма в сторону большей упорядоченности, что приводит к противостоянию энтропии системы, поэтому активность организма есть «борьба за негэнтропию». Приспособление здесь носит не пассивный, а активный характер, в котором организм ведет постоянную «игру» с природой, правила которой не определены.

В процессе такого активного взаимодействия организма и среды происходит активное освоение среды. Жизненно важные для организма действия программируются как своеобразные «модели потребного будущего». При этом у живых систем активность качественно выше по сравнению с неживыми объектами.

Таким образом, активность проявляется не только в области социальной жизни, но в определённой степени и в живой, и неживой природе.

Общими признаками активности в неживой природе являются: способность системы самостоятельно переходить в качественное состояние; направленность и избирательность действия; напряженность действия и его положительный результат, ведущий к сохранению и развитию системы.

Признаками активности живой природы являются: строгая направленность дей-

ствия; целенаправленность, обеспечивающая более надёжное сохранение системы; постоянное нарушение равновесия (устойчивое неравновесие); борьба за негэнтропию; координация всех действий системы; самоорганизация и саморегулирование; увеличение относительной свободы по отношению к окружающей среде; принадлежность не только к отдельному организму, но и виду в целом. Но на всех уровнях живой материи активность выражает самостоятельные действия систем, направленные на их совершенство и развитие.

Если на неорганическом уровне активность материи выражается направленным воздействием, обуславливающим изменчивость и устойчивость системы, с недостаточной динамичностью структуры, то в живой природе активность характеризует такое самодвижение системы, меру их ответного действия на внешние раздражители, которые характеризуется строгой избирательностью¹. Условно, она более рациональна. Активность организма направлена на выработку ответных реакций, постоянно связана с изменением внутреннего состояния системы, а в необходимых случаях — с перестройкой и изменением структуры системы.

В результате научных дискуссий большинство ученых² приходят к выводу, что активность присуща всей материи, но имеет разные ступени развития: первая ступень — активность как всеобщее свойство материи (в неживой природе — активность исследуется в диалектическом единстве с процессом взаимодействия); вторая ступень — поисковая активность, которая присуща живым существам (отличительной чертой активности является упорядочивание и организация системы); третья ступень — человеческая деятельность, направленная на преобразование и изменение окружающего мира в соответствии с собственными целями.

На самом общем, философском уровне мы понимаем активность как всеобщий способ, форму и меру взаимодействия,

¹ Воробьев Ю.Л. Природа человеческой активности : дис. ... д-ра филос. наук. Воронеж. 2002. С. 119—120.

² Зыкова Г.Н. Указ. соч. С. 51 и др.

обеспечивающую единство, развитие и взаимопреходы материального и идеального¹. Категория «активность» отражает универсальный характер взаимодействия на всех уровнях развития живого и неживого, акцентируя интегративный, синтезирующий потенциал соответствующих связей.

Понятие активности выражает особую сторону широкого круга явлений: от элементарного акта приспособления самоуправляемой системы к изменяющимся внешним условиям до сложнейшего процесса познания и революционного преобразования мира человеком². Понятие активности выражает специфическое отношение, возникающее при взаимодействии систем на определенном уровне развития и организации материи.

В конечном счёте, если свести воедино все попытки определения активности в научной литературе, то можно прийти к выводу, что под активностью понимается совокупность изменений и действий предмета, детерминируемых главным образом им самим и зависящих в основном от внутренних противоречий предмета, которые опосредуют влияние извне (т.е. преобладание внутренней детерминации)³.

Отсюда просматриваются два значения активности:

1) сторона, характеризующая любой процесс внешнего взаимодействия или действия объекта;

2) процесс, характер которого детерминируется, прежде всего, внутренней деятельностью объекта, в этом случае внутренняя определенность как бы доминирует над внешней.

По мнению Ю.Л. Воробьева, активность лежит в самом фундаменте материи, выражая ее способность к качественным и количественным изменениям через развертывание все более организованных систем. Поэтому активность оказывается всегда

строго направленной, и эта направленность служит ее важнейшей характеристикой. Отсюда и роль активности в образовании не только упорядоченных, устойчивых систем, но и систем самоуправляемых, авторегулируемых. Таких систем, в которых отмечается не только наличие самодвижения во всех формах движения материи, но и возрастание его объема по мере перехода от низшего к высшему.

Понятие активности, которым оперирует современное естествознание, выражает такое состояние системы, характеризующееся:

— в неживой природе — «стремление» к изменчивости за счёт нарушения состояния равновесия под воздействием внутренних причин;

— в живой природе — постоянным поддерживанием «устойчивого неравновесия» и осуществления обратного воздействия, отличающего направленностью и избирательностью, а на более высоком уровне (психологическом) — осуществлением упреждающего действия, повышающего результативность и вероятность сохранения развивающейся системы⁴.

На всех структурных уровнях материи активность выступает как выражение самодвижения, обеспечивающее автономное существование систем и их взаимодействие, ведущее в конечном счете к повышению надежности, информационной емкости и динамическому совершенству систем. Развивающаяся на фундаменте активности неживых систем, активность биологического плана, в свою очередь, выступает как предпосылка возникновения нового качественного уровня активности — социальной.

Понятие активности выражает особую сторону широкого круга явлений: от элементарного акта приспособления самоуправляемой системы к изменяющимся внешним условиям до сложнейшего процесса познания и революционного преобразования мира человеком⁵.

¹ Волочков А.А. Активность субъекта бытия: Интегральный подход. Пермь, 2007. С. 70.

² Украинцев Б.С. Категория «активность» и «цель» в свете основных понятий кибернетики // Вопросы философии. 1967. № 5. С. 61.

³ Кремянский В.И. К анализу понятия активности материальных систем // Вопросы философии. 1969. № 10. С. 54.

⁴ Воробьев Ю.Л. Природа человеческой активности. С. 119.

⁵ Украинцев Б.С. Указ. соч. С. 62.

Итак, понятие активности выражает специфическое отношение, возникающее при взаимодействии систем на определенном уровне развития и организации материи.

При этом, как указывает Н.Т. Абрамова, установление связи активности с таким прогрессивным развитием имеет «существенную методологическую значимость» в ходе анализа понятий «активность» и «уровень активности». Считается очевидным факт возрастания активности живых систем по мере перехода к высшим ступеням развития. Между тем при оценке уровней активности не всегда можно с точностью определить, в чем проявляется рост активности¹.

Отвечая на данный вопрос, Г.Н. Зыкова указывала², что «сравнить уровни активности различных материальных систем можно, определяя отношение этих процессов самодвижения к прогрессивному развитию, оценивая их по способности к переходу в новое качество, более высокий уровень развития материи. Только так возможно выявление и сравнение уровней активности материальных систем и теоретическое построение некоторой иерархической «лестницы» активности. Рост активности проявляется в повышении у системы способностей к прогрессивным новообразованиям. Это происходит по мере аккумуляции информационного содержания материальных объектов, включающей в качестве внутреннего момента рост внутренней противоречивости, а значит, и способности к взаимодействиям».

Большинство ученых выделяют следующие наиболее существенные стороны активности³:

1. Активность имеет универсальный характер, обеспечивая единство мира через взаимодействие, в том числе взаимодействие материального и идеального, неживого и живого.

2. Активность выступает как всеобщий способ, форма и мера взаимодействия.

3. Активность на всех уровнях подразумевает хотя бы относительный акцент на источнике взаимодействия, а вместе с этим диалектическое напряжение и единство противоположностей: субъект — объект и т.д.

4. Активность всегда имеет направленность, она связана с направленным энергетическим воздействием.

5. Активность всегда оставляет результаты, следы, имеет определенную статику, что позволяет наблюдать и диагностировать некоторые ее проявления по этим следам.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что категория активности характеризует такое состояние перехода самодвижущихся систем в неравновесное, возбужденное состояние, при котором системы за счет внутренних причин, способны изменить окружающую их среду и преобразовать себя через переход на новый уровень развития, в новое качество.

Раскрыв категорию активность, мы приходим к выводу, что в криминологии, как и в философии, «активность» соотносится с поведением (криминальная активность), или сопоставляется с деятельностью, или определяется по составляющим ее компонентам (преступная активность).

В криминологии активность описывает широкий круг явлений: от элементарного преступления (преступная активность) до сложнейшего процесса подготовки человека к его совершению (криминальная активность). При этом криминальная активность выражает специфическое отношение человека, возникающее на основе его внутреннего состояния при изменении внешних условий.

Преступная активность характеризует внешнее действие человека (преступление), а криминальная активность — процесс, характер которого детерминирован, прежде всего, внутренним состоянием человека, в этом случае внутренняя как бы доминирует над внешним.

Криминальная активность — развивающийся процесс (от отрицания противоправного поведения до совершения преступления), под воздействием которого наблюдается рост (например, внутренняя

¹ Абрамова Н.Т. Уровни активности биологических систем // В кн.: Философские проблемы биологии. М., 1973. С. 152.

² Зыкова Г.Н. Указ. соч. С. 52.

³ Волочков А.А. Указ. соч. С. 71 и др.

солидарностью с преступниками, начинает проявляться внешне, — в комментариях в социальных сетях и др.) и разнообразие качеств (например, установлении устойчивых связей с антиобщественными элементами). Следовательно, криминальная активность может обладать уровнями. Преступная активность вряд ли, так как описывает законченную деятельность (преступление) и может показывать только ее динамику.

Однако вышеизложенный подход к раскрытию криминальной и преступной активности даёт частичное представление о них, не рассматривает другие существенные их аспекты, которые могут быть выявлены при анализе термина «активность» в различных областях научных знаний: социологии (социальная активность); психологии (психологическая активность); политологии (политическая активность); праве (правовая активность) и т.д.

Библиография

1. Абрамова, Н.Т. Уровни активности биологических систем / Н.Т. Абрамова // В кн.: Философские проблемы биологии. — М., 1973. — С. 151—154.
2. Волочков, А.А. Активность субъекта бытия: Интегральный подход : моногр. / А.А. Волочков. — Пермь, 2007. — 143 с.
3. Воробьев, Ю.Л. Активность как философская проблема : дис. ... канд. филос. наук / Ю.Л. Воробьев. — Воронеж, 1970. — 180 с.
4. Воробьев, Ю.Л. Природа человеческой активности : дис. ... д-ра филос. наук / Ю.Л. Воробьев. — Воронеж, 2002. — 309 с.
5. Зыкова, Г.Н. Философский аспект проблемы социальной активности : дис. ... канд. филос. наук / Г.Н. Зыкова. — Ленинград, 1983. — 156 с.
6. Коверзнева, И. А. Психология активности и поведения : моногр. / И.А. Коверзнева. — Минск, 2010. — 237 с.
7. Кремянский, В.И. К анализу понятия активности материальных систем / В.И. Кремянский // Вопросы философии. — 1969. — № 10. — С. 53—55.
8. Украинцев, Б.С. Категория «активность» и «цель» в свете основных понятий кибернетики / Б.С. Украинцев // Вопросы философии. — 1967. — № 5. — С. 60—63.

Надзорная ситуация как один из главных компонентов разработки и реализации прокурорской тактики

© Маликов Сергей Владимирович,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
© Махьянова Римма Мубараковна,
преподаватель 25 кафедры Военного
университета

Аннотация. В статье на основе обобщенного опыта прокурорской деятельности выделены надзорные ситуации каждого этапа прокурорского надзора, определены возможные факторы, влияющие на определение ее типа. Обосновано, что надзорная ситуация (ее конкретные условия) управляет процессом разработки и реализации тактики прокурорского надзора. Разграничены понятия тактика и методика прокурорского надзора.

Ключевые слова: органы прокуратуры; прокурорский надзор; надзорная ситуация; тактическое решение; тактический прием; тактика прокурорского надзора; методика прокурорского надзора.

The supervisory situation as one of the main components of the development and implementation of prosecutorial tactics

© Malikov S.V.,
Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor
of Law, Professor.
© Makhyanova R.M.,
teacher of the 25th Department of the Military
University

Annotation. Based on the generalized experience of prosecutorial activity, the article highlights the supervisory situations of each stage of prosecutorial supervision, identifies possible factors affecting the definition of its type. It is proved that the supervisory situation (its specific conditions) controls the process of developing and implementing the tactics of prosecutor's supervision. The concepts of tactics and methods of prosecutor's supervision are clarified.

Keywords: prosecutor's office bodies; prosecutor's supervision; supervisory situation; tactical decision; tactical technique; tactics of prosecutor's supervision; methods of prosecutor's supervision.

Прокурорский надзор является одной из главных функций органов прокуратуры, основным правовым средством реализации которого, является проведение проверок исполнения действующего законодательства.

Исходя из содержания положений законодательства о прокурорском надзоре, а также учитывая опыт проведения проверок, под прокурорской проверкой мы понимаем комплекс проводимых прокурором в соответствии с установленными полномочиями в отношении поднадзорных органов и лиц мероприятий, в целях оцен-

ки деятельности указанных органов и лиц на соответствие действующему законодательству.

Деятельность объектов и субъектов прокурорского надзора может выражаться в конкретных действиях (бездействии), направленных на принятие различных управленческих решений, издание правовых актов в конкретной сфере общественных отношений.

Проверки являются одним из основных и эффективных правовых средств выявления нарушений законов, причин и условий им способствующих. Каждая про-

верка не похожа одна на другую. Это связано не только со спецификой предмета и объекта прокурорского надзора, но и с ситуациями или обстоятельствами, в которых проводится прокурорская проверка.

Под ситуацией в широком смысле слова понимается совокупность определенных обстоятельств, которые характеризуются как благоприятные и неблагоприятные.

Термин «надзорная ситуация» не является случайным и имеет большое значение для развития теории прокурорского надзора и совершенствования практики его осуществления.

Введение данного термина в теоретическую и практическую деятельность органов прокуратуры предлагалось учеными и практиками в советский период времени¹. Здесь уместно отметить, что авторами под надзорной ситуацией понимается состояние законности в конкретном периоде времени.

По нашему мнению, анализ состояния законности в конкретном периоде времени должен осуществляться прокурорами по трем основным направлениям (непосредственно объект надзора; другие государственные органы; органы прокуратуры).

Представляется, что содержание надзорной ситуации или состояния законности на поднадзорном объекте характеризуется следующими показателями:

— количество совершенных правонарушений за определенный период времени;

— сведения о нарушенных нормах закона, в том числе, о повторных нарушениях (также отразить временной период);

— данные о часто совершаемых нарушениях (с указанием нарушенных положений конкретных нормативных правовых актов и причин повторности);

— сведения о лицах, совершивших правонарушения, а также о других участниках, в том числе о лицах, потворствующих совершению правонарушений;

— данные о месте и времени совершения правонарушений;

— общие сведения о деятельности поднадзорного объекта, включая данные анализа об эффективности осуществляемой деятельности в соответствии с его спецификой (аналитические документы о деятельности и ее оценке);

— данные о состоянии законности на объекте надзора, имеющиеся в контролируемых, правоохранительных и других государственных органах;

— результаты оценки взаимодействия органов прокуратуры с объектом надзора в целях предупреждения причин и условий, способствующих предупреждению совершения правонарушений, восстановления и укрепления законности;

— сведения об эффективности прокурорского надзора в отношении конкретного объекта надзора (имеющиеся в органах прокуратуры документальные материалы (справки, докладные записки, акты прокурорского реагирования и ответы на них, анализ надзорной практики по конкретным направлениям надзора, результаты рассмотренных обращений, а также проверок, проведенных по поручениям вышестоящей прокуратуры и др.). Здесь следует учитывать и субъективное влияние прокурора на их оценку, исходя из которой вырабатывается и реализуется тактика проведения и (или) планирования прокурорских проверок, достижение ее эффективности посредством реализации субъективного элемента — личностных характеристик, опыта профессиональной деятельности конкретного прокурорского работника.

На наш взгляд, надзорная ситуация имеет более широкое понятие, включающее в себя не только фактически полученные и имеющиеся данные статического и аналитического характера о состоянии законности в текущем периоде времени. Проведенный анализ имеющихся показателей позволяет прокурорам тактически грамотно осуществлять планирование надзорных проверок (как текущее, так и перспективное), а также определять приоритетные направления прокурорского надзора.

¹ Проблемы тактики общенадзорной деятельности прокуратуры / В.Б. Ястребов [и др.] // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. № 45. М.: Юрид. лит-ра, 1987. С. 77, 78.

Кроме того, на основе комплексного анализа указанных сведений, прокурор разрабатывает тактику предстоящей проверки и реализует ее в ходе организационно-подготовительных мероприятий, по окончании проведения которых составляется план проверки с указанием конкретных действий прокурора.

Однако процесс проведения качественной и результативной проверки предполагает общение прокурора с должностными лицами, деятельность которых подвергнута проверке и иными лицами, принимающими в ней участие. Такое общение, или взаимодействие в ходе проверки, может характеризоваться как благоприятное и (или) неблагоприятное. Ярким примером тому может быть оказанное противодействие прокурорскому работнику при осуществлении им полномочий. При этом прокурором не могут быть спрогнозированы все обстоятельства предстоящей проверки. Под воздействием такого фактора (отнесем его к числу субъективных внутренних факторов), оказывающего негативное влияние на ход проверки и выполнение прокурором всех действий, намеченных в плане проверки, ситуация меняется, т.е. отмечается ее резкая динамика. Деятельность прокурора, проводящего проверку, также характеризуется определенным воздействием на обстоятельства надзорной ситуации.

В таких случаях прокурор должен найти рациональное решение и воздействовать на ситуацию в целях урегулирования ее условий для реализации своего плана и достижения поставленных задач. Однако на условия надзорной ситуации могут оказывать влияние и внешние факторы, например, связанные с изменением действующего законодательства, которое является предметом проверки, или которым регламентирована организация и деятельность объекта надзора (объективные внешние факторы). Кроме того, следует иметь ввиду, что факторы, негативно влияющие на условия надзорной ситуации, могут возникнуть в процессе проверки вследствие представленной из поднадзорного органа необъективной информации о состоянии законности, либо некачествен-

ной ее оценки прокурорским работником. Обстоятельства надзорной ситуации могут меняться вследствие конкретной деятельности лиц, не причастных к проверке, чьи действия (или деятельность) могут оказать влияние на процесс проведения проверки.

Все это создает определенные сложности при реализации прокурорами своих полномочий и требует разработки тактики и ее реализации путем принятия целесообразного тактического решения и использования избранного способа действия (действий, т.е. тактических приемов). Исходя из этого, можно выделить и тип надзорной ситуации, который характеризуется как сложный (сложная задача или сложное положение).

Таким образом, надзорные ситуации, т.е. ее условия подвержены динамике (изменение какого-н. явления), что требует от прокуроров переработки ранее выработанной тактики. Проведение проверок часто протекает в сложных ситуациях (ситуациях сложного типа). Причиной тому могут быть как объективные, так и субъективные факторы.

Данная позиция поддержана учеными и практиками, отмечавшими, что общенадзорная деятельность прокурора зачастую протекает в конфликтных ситуациях¹.

На наш взгляд, надзорная ситуация сложного типа характеризуется следующими основными объективными и субъективными (внешними и внутренними) факторами:

— сокрытие, или неполное предоставление сведений о состоянии законности, влияющих на сбор и оценку доказательств, объективное установление фактов нарушения закона (либо их отсутствия);

— отсутствие достаточного опыта профессиональной деятельности у прокурорского работника, производящего проверку, в том числе навыков по разработке и реализации тактики в целях решения сложных задач;

¹ Проблемы тактики общенадзорной деятельности прокуратуры / В.Б. Ястребов [и др.] // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. № 45. М.: Юрид. лит-ра, 1987. С. 79.

— возникновение конфликта (как в скрытой форме (чаще всего выражается в бездействии, так и в открытой — противодействие);

— необъективная оценка прокурором предоставленных сведений, характеризующих состояние дел на поднадзорном объекте в конкретном периоде времени;

— отсутствие конструктивного взаимодействия прокурора с представителями объекта надзора, а также с иными лицами, участвующими в проведении проверки.

Надзорные ситуации простого типа характеризуются отсутствием указанных выше негативных факторов и являются неким аналогом обстоятельств, в которых прокурору доводилось проводить проверки ранее (уместно здесь употребить и термин «типовая ситуация» (имеется ввиду сложившийся ее тип). Вместе с тем, как показывает опыт прокурорской деятельности, это не исключает возможности разработки прокурором конкретной тактики. Отличия в данном случае будут выражаться в следующем:

— в цели разработки тактики (например, оптимизация процесса получения необходимой информации (изменение способа ее доставления — применение тактического приема из разряда практических (группа логико-практических тактических приемов);

— в источниках формирования тактических приемов (научных и практических; в надзорных ситуациях сложного типа, как правило, применяются комбинированные тактические приемы, например, из групп: логико-практических, логико-этических, логико-психологических тактических приемов, т.е. осуществляется их комбинирование (совместное применение) из разрядов научных и практических).

Таким образом, тактическое воздействие (прием, способ действий, направленные на объективные (например, разработка тактики проверки, планирования) или субъективные обстоятельства надзорной ситуации (разработка тактики взаимодействия с конкретными должностными лицами), на наш взгляд, зависит от поставленной цели разрабатываемой тактики и от

обстоятельств складывающейся надзорной ситуации.

Вышеуказанные факторы могут возникнуть на каждом из этапов проводимых надзорных мероприятий.

Предлагается выделить следующие из них:

1) надзорные ситуации на этапе проведения проверки;

2) надзорные ситуации на этапе прокурорского реагирования;

3) надзорные ситуации на этапе контроля за выполнением законных требований прокурора.

На каждом этапе в зависимости от информационного компонента надзорной ситуации и ее типа, прокурорами выполняются конкретные цели и задачи, требующие разработки тактики и принятия тактического решения, направленного на их выполнение:

а) на первом этапе (проведение проверок) прокурор принимает тактические решения, обеспечивающие достижение ее качества (объема и глубины) и результативности, которые характеризуются границами предмета (предметов проверки); определяет последовательность совершения комплекса надзорных действий в целом, и каждого действия в отдельности; принимает обеспечительные меры по реализации результатов проверки;

б) на втором этапе (принятие мер прокурорского реагирования по результатам проведенных проверок) прокурором принимаются тактические решения, направленные на избрание наиболее целесообразных мер прокурорского реагирования и иных обеспечительных мер в целях полного устранения выявленных нарушений (восстановления законности), причин и условий, им способствующих и недопущения совершения их в дальнейшем (достижение предупредительного эффекта); возмещение виновными лицами в полном объеме ущерба, причиненного в результате незаконных действий;

в) на третьем этапе (заключительном) (контроль за выполнением требований прокурора, изложенных в документах прокурорского реагирования) прокурор принимает тактические решения, направленные

ные на обеспечение реализации требований, изложенных в актах прокурорского реагирования (других документах) и контроля за их фактическим выполнением, и определения для этого рациональных путей и средств; применение предусмотренных федеральными законами правовых средств по выполнению требований прокурора, в том числе путем понуждения поднадзорных органов к исполнению законных требований прокурора.

Представляется, что использование тактики на каждом этапе надзорных мероприятий способствует повышению их качества и результативности, что в целом влияет на повышение эффективности прокурорского надзора.

При организации и проведении проверок прокуроры руководствуются требованиями Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», ведомственных правовых актов Генерального прокурора Российской Федерации, в том числе разработанными в органах прокуратуры методическими рекомендациями проведения проверок по направлениям прокурорского надзора.

В настоящее время в теории прокурорского надзора и на практике понятия тактики и методики зачастую смешиваются, либо подменяются¹.

Опыт практического применения прокурорами разработанных методических рекомендаций показывает, что зачастую в них не содержится полный арсенал способов действий, необходимых для совершения в той или иной конкретной надзорной

ситуации, учитывая ее динамику, что негативно влияет на качество проверок.

Методические рекомендации, как правило, разрабатываются применительно к конкретной надзорной ситуации, т.е. данных (статистических, аналитических) определенного уровня состояния законности на одном из направлений прокурорского надзора. В методических рекомендациях изложены эффективные способы действий при определенных обстоятельствах. Вместе с тем применение данной методики при иных условиях надзорной ситуации может не привести к достижению результативности проводимых надзорных мероприятий.

Посредством тактики прокурор и разрабатывает рациональные способы действий, применительно к обстоятельствам отличной от имеющейся в методике надзорной ситуации в целях достижения ожидаемого результата. Именно тактика решает вопрос о применении того или иного способа действий в конкретной надзорной ситуации даже в тех условиях, когда надзорные ситуации аналогичны. Использование тактики способствует избранию и применению конкретных действий, содержащихся в методических рекомендациях наиболее оптимальными способами. В этих целях тактическое обеспечение прокурорского надзора представляется особенно актуальным, прежде всего, в целях повышения его результативности.

Таким образом, надзорная ситуация управляет процессом разработки и реализации тактики прокурорского надзора и является одним из главных ее компонентов. В силу недостаточной разработанности тактики прокурорского надзора в настоящее время, представляется необходимым ее дальнейшее теоретическое исследование, в особенности ее важного элемента — надзорной ситуации.

В этих целях, по нашему мнению, в первоочередном порядке надлежит совершенствовать правовое регулирование организации и деятельности органов прокуратуры с учетом результатов теоретических разработок тактики прокурорского надзора.

¹ Сафонов А.П. Борьба с рецидивом преступлений средствами прокурорского надзора. М.: Юрид. лит-ра, 1977; С. 74, 75. Коробейников Б.В. Методика, тактика и организация общего надзора // Социалистическая законность. 1986. № 1. С. 47; Маркелов Т.Л. Теоретические вопросы тактики прокурорского надзора (общий надзор) // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. № 31. 1972. С. 95; Прокурорский надзор /под ред. д-ра юрид. наук, проф. Ю.Е. Винокурова. М.: Юрайт, 2017. С. 112; Проблемы тактики общенадзорной деятельности прокуратуры / В.Б. Ястребов [и др.] // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 45. М.: Юрид. лит-ра, 1987. С. 77, 78; Коршунова О.Н. Методика и тактика проведения прокурорской проверки. СПб., 2014. С. 17.

В практической деятельности органов прокуратуры представляется целесообразным анализировать результаты надзорной практики на основе изучения различных условий надзорной ситуации в целях определения факторов, влияющих на формирование ее типа, оценки эффективности прокурорского надзора и тактических приемов, используемых в процессе его осуществления. Это позволит не только усовершенствовать процесс проводимых проверок, улучшить их качество, но и сформировать научный подход к тактическому и методическому обеспечению прокурорского надзора органов прокуратуры.

Библиография

1. Коробейников, Б.В. Методика, тактика и организация общего надзора / Б.В. Коробейников // Социалистическая законность. — 1986. — № 1.
2. Коршунова, О.Н. Методика и тактика проведения прокурорской проверки / О.Н. Коршунова. — СПб., 2014. Маркелов, Т.Л. Теоретические вопросы тактики прокурорского надзора (общий надзор) / Т.Л. Маркелов. // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. — 1972. — № 31.
3. Проблемы тактики общенадзорной деятельности прокуратуры / В.Б. Ястребов [и др.] // Вопросы борьбы с преступностью. — Вып. — № 45. — М.: Юрид. лит-ра, 1987.
4. Прокурорский надзор / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Ю.Е. Винокурова. — М.: Юрайт, 2017.
5. Сафонов, А.П. Борьба с рецидивом преступлений средствами прокурорского надзора / А.П. Сафонов. — М.: Юрид. лит-ра, 1977.

Проблемы применения беспилотных летательных аппаратов с функцией фотографирования, как технико-криминалистическое средство, применяемое для собирания следов преступления

© **Роганов Сергей Александрович**,
доктор юридических наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет
© **Найман Светлана Андреевна**,
магистрант, Петрозаводский государственный
университет

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы по использованию научных разработок, связанных с внедрением новых технико-криминалистических средств в практическую деятельность. Представлен краткий анализ применения беспилотных летательных аппаратов с функцией фотографирования при расследовании преступлений.

Ключевые слова: технико-криминалистические средства, беспилотная аппаратура, фотосъемка, следы преступления.

Problems of using unmanned aerial vehicles with the function of photographing, as a technical and forensic tool used to collect traces of a crime

© **Roganov S. A.**,
Doctor of Law, Professor, Petrozavodsk State
University
© **Naiman S. A.**,
Master's student, Petrozavodsk State University

Annotation. The article deals with the issues related to the use of scientific developments related to the introduction of new technical and forensic tools in practical activities. The analysis of the use of unmanned aerial vehicles with the function of photographing in the investigation of crimes is presented.

Key words: technical and forensic tools, unmanned equipment, photography, traces of a crime.

Вопросы раскрытия и расследования различного вида преступлений всегда находятся в центре внимания исследователей, поскольку данная деятельность позволяет привлечь к ответственности виновных лиц, предупредить совершение новых преступлений. Поэтому в рамках криминалистической науки одним из основных направлений является поиск новых методов и средств, которые могут способствовать совершенствованию деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Это касается не только выработки тактических приемов производства следственных действий. В большей степени современная криминалистика нацелена на

то, чтобы определить, какие существующие технико-криминалистические средства могут служить решению задач расследования. В криминалистике постоянно возникает потребность в разработке новейшей криминалистической техники. Однако все это не позволяет в полной мере разрешить все существующие проблемы.

Следует обратить внимание на тот факт, что криминалистическая техника может оказывать очень серьезную помощь в деятельности по расследованию преступлений, при решении различных криминалистических задач. Однако, нередко она не применяется в тех объемах, в которых это было бы целесообразно, а иногда и

ее использование не приводит к ожидаемым результатам. Все это, как представляется, обусловлено целым рядом причин: недостаточным знанием следователями возможностей криминалистической техники и отсутствия у них навыков использования ряда технико-криминалистических средств, низким финансированием и материально-техническим обеспечением органов предварительного расследования, отсутствием необходимого правового регулирования вопросов использования криминалистической техники в раскрытии и расследовании преступлений.

В процессе производства расследования преступлений используются самые разные технические средства. Непосредственная цель их применения зависит от конкретных обстоятельств расследуемого вида преступлений. Вместе с тем, ключевая задача использования таких средств — это оперативные действия по собиранию следов преступления.

В контексте рассматриваемого в качестве примера преступного деяния было взято убийство, в процессе расследования которого осуществляется широкое применение различных технико-криминалистических средств, имеющих своей целью обнаружение, фиксацию и изъятие различных следов и предметов, которые имеют важное значение для сбора и фиксации доказательственной базы.

Арсенал используемых научно-технических средств, допустимых к применению в ходе осмотра места происшествия, весьма большой. Каждое техническое средство имеет свои возможности, соответственно должно использоваться в чётком соответствии и предназначению поставленных задач. В этой связи, применение конкретного оборудования в каждом отдельно взятом случае предопределено тем, для каких целей и задач его использует следователь или специалист в ходе осмотра места происшествия¹.

Так, в частности, для расследования таких преступлений, как убийства, а именно для фиксации хода и результатов следственного действия, применяются такие научно-технические средства, как средства аудио-, видео- и фотофиксации. Особо важное значение могут иметь средства фотофиксации применительно к следам, которые могут быть обнаружены в ходе различных следственных действий, преимущественно — в ходе осмотра места происшествия.

При производстве осмотра места, где было совершено убийство, фотосъемка, как правило, применяется с целью запечатления обстановки места происшествия, а также находящихся в данном месте предметов и следов. Необходимо подчеркнуть, что сам процесс фотографирования может быть не сплошным, то есть включать в себя фотофиксацию всего окружающего конкретное место, а выборочным — детальным. Но, несмотря на это, детальная фотосъёмка также должна охватывать все наиболее важное и существенное, что является необходимым для уяснения обстоятельств произошедшего события.

Для того чтобы фотографирование в ходе осмотра места происшествия достигало своих целей, необходимо, чтобы специалист-криминалист обладал необходимыми знаниями о последовательности и тактике фотографирования, о том, какое оборудование следует применить в том или ином случае².

Стоит отметить, что и сам вид совершённого преступления, место которого осматривается, оказывает определенное влияние на процесс осуществления фотосъёмки. Так, например, детальную съемку предметов, которые были изъяты с места совершённого преступления, не связанного с нарушением их целостности или угрозой утраты особенностей, лучше осуществлять в условиях лаборатории или оборудованном для этих целей помещении. Другое дело, когда осмотр обнаруженного на ме-

¹ Нагоева М.А. Применение научно-технических средств и методов в ходе осмотров мест происшествий // Евразийский юридический журнал. 2020. № 8 (147). С. 297.

² Виноградов А.В. Некоторые особенности применения цифровой фотографии при осмотре места происшествия // Актуальные проблемы современной науки. IV Международная научно-практическая конференция. 2015. С. 136.

сте преступления целесообразнее осуществлять сразу на местности.

Так, например, весьма специфические особенности имеет осмотр места происшествия, на котором было обнаружено тело убитого (труп). В связи с этим и сам процесс применения фотографирования будет иметь характерные особенности. В таком случае важна именно фиксация окружающей обстановки на месте происшествия и непосредственного самого трупа, являющегося центром места происшествия и главным источником информации о совершенном преступлении.

В частности, если труп был обнаружен на открытой местности, то дополнительно подлежит фиксации:

— окружающая труп территория, ориентиры данного места;

— возможные пути следования на данное место и отходов с него¹.

Однако на практике случается так, что при обнаружении трупа вещественные доказательства, которые могут иметь ключевое доказательственное значение для установления события произошедшего, находятся друг от друга на большом расстоянии. В виду этого у специалиста, осуществляющего фотосъёмку, возникает необходимость фото фиксации более больших территорий. Для этого необходимо в частности осуществлять процесс фотосъёмки с более возвышенных точек. Таковыми могут стать балкон рядом стоящего дома, здания, дерево, пожарная лестница и т.п. Но, как известно, окружающая местность не всегда предоставляет такие возможности и может случиться так, что никаких возвышенных точек на конкретно-определённой местности попросту не будет.

В этой ситуации на помощь приходят различные достижения научно-технического прогресса. Речь в частности идёт о беспилотных летательных средствах (дроны, квадрокоптеры, беспилотники и

т.п.)². Внедрение в практику раскрытия и расследования отдельных видов (групп) преступлений современных достижений научно-технического прогресса, в том числе адаптированных из естественно-технических наук, позволило в значительной степени материально оснастить оперативную, следственную и экспертную деятельность подразделений правоохранительных и специальных органов.

Грамотное применение возможностей беспилотных летательных аппаратов с функцией фотосъёмки значительно облегчает процесс осмотра места совершённого преступления, в частности убийства. Кроме того, такой осмотр возможно произвести детально, в разных местностях и в самые кратчайшие сроки, что также крайне важно в процессе расследования различных преступлений, в том числе и убийств. Использование беспилотных устройств, имеющих функцию фотографирования экономит время и усилия. Более того, управление данными устройства вполне возможно, как вручную, так и дистанционно. Также роботизированные комплексы, установленные на беспилотных летательных аппаратах, могут обеспечить поиск, обнаружение и отождествление объектов в режиме реального времени, что особенно ценно в ходе расследования преступлений.

Использование такой аппаратуры имеет множество преимуществ. Главный плюс заключается в том, что появляется возможность фиксации местности с высоты, на удалении от наблюдаемого объекта. Имеется возможность «зависания» над определённой местностью, предметом, что способствует более детальной передачи изображения, передачи изображения в режиме реального времени, обеспечения безопасности сотрудников, производящих осмотр места происшествия.

Однако наряду с огромными преимуществами использования таких технико-криминалистических средств, имеются и серьёзные недостатки, минусы, создающие

¹ Булатецкий С.В., Бабкин Л.М. Некоторые аспекты наружного осмотра трупа на месте его обнаружения // Актуализация проблем реализации принципов уголовного судопроизводства в правоприменительной деятельности. Рязань, 2015. С. 53.

² Бегалиев Е.Н. О перспективах применения беспилотных летательных аппаратов в ходе производства отдельных следственных действий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2(89). С. 163—170.

реальные трудности для полноценного внедрения такого оборудования в следственную практику. Речь идёт в частности о том, что:

— отсутствие такой аппаратуры в большинстве территориальных правоохранительных органов (такая техника достаточно финансово затратна);

— отсутствуют специалисты, имеющие навыки её грамотного использования;

— применение аппаратуры только на открытой местности;

— использование аппаратуры весьма непродолжительное время (ввиду ограниченного ресурса зарядного устройства);

— трудности при признании доказательством полученного изображения или записи в случае нечеткости, обусловленной значительным расстоянием от точки съемки до объекта.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство до сих пор не регламентирует использование таких технико-криминалистических средств, которые серьёзным образом облегчают работу органов, осуществляющих расследование конкретного преступления. Вместе с тем считаем, что значение применения таких технических средств крайне велико, ведь они предоставляют хорошую возможность обнаруживать и фиксировать различные следы и предметы, необходимые для успешного расследования, фиксировать ход и результаты следственных действий.

Однако, как достаточно серьёзную проблему здесь надлежит рассматривать низкую материально-техническую оснащённость правоохранительных структур, в особенности, территориальных отделов, что не позволяет в полной мере применять все те научно-технические средства в ходе осмотра места происшествия, которые существуют и могут способствовать решению задач данного следственного действия.

В качестве разрешения ряда обозначенных проблем, предлагается:

— осуществлять организацию специальных тренингов и мастер-классов, а также разработки соответствующих спецкурсов с целью повышения уровня квалификации сотрудников оперативно-криминалистических подразделений правоохранительных органов в вопросах использования прогрессивных научно-технических устройств, в частности беспилотных летательных аппаратов с функцией фотографирования;

— включить расширенную комплектацию беспилотных летательных аппаратов (с высоким уровнем разрешающей способности видео- и фотосъёмки; функцией сбора проб; повышенным источником питания и т.п.) в перечень обязательных научно-технических средств передвижных криминалистических лабораторий.

Резюмируя вышеизложенное, подчеркнем, что беспилотные летательные аппараты с функцией фотографирования имеют большую перспективу при использовании в следственной и экспертной деятельности, а технически-грамотное их применение является залогом успеха при выполнении задач уголовного судопроизводства.

Библиография

1. Бегалиев, Е.Н. О перспективах применения беспилотных летательных аппаратов в ходе производства отдельных следственных действий / Е.Н. Бегалиев // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 2(89). — С. 163—170.

2. Булатецкий, С.В. Некоторые аспекты наружного осмотра трупа на месте его обнаружения / С.В. Булатецкий, Л.М. Бабкин // Актуализация проблем реализации принципов уголовного судопроизводства в правоприменительной деятельности. — Рязань, 2015.

3. Виноградов, А.В. Некоторые особенности применения цифровой фотографии при осмотре места происшествия / А.В. Виноградов // Актуальные проблемы современной науки. IV Международная научно-практическая конференция. 2015.

4. Нагоева, М.А. Применение научно-технических средств и методов в ходе осмотров мест происшествий / М.А. Нагоева // Евразийский юридический журнал. — 2020. — № 8 (147).

Направление органами государственного контроля (надзора) материалов при выявлении признаков преступления: процессуальные аспекты

© **Субанова Наталья Викторовна**,
доктор юридических наук, доцент, проректор
Университета прокуратуры Российской
Федерации

Аннотация. Законодательство на данный момент не устанавливает надежного механизма взаимодействия контрольных органов и органов предварительного расследования применительно к вопросу направления материалов при выявлении признаков преступлений. Устранению такого рода пробела способствовало бы внесение изменений как в уголовно-процессуальный закон, так и в законодательство о государственном контроле (надзоре).

Ключевые слова: преступление, уголовный процесс, контроль, надзор, материал, дело, взаимодействие, закон, регламент.

Submission of materials by state control (supervision) bodies when detecting signs of a crime: procedural aspects

© **Subanova N.V.**,
Vice-Rector of the University of the Prosecutor's
Office of the Russian Federation, Doctor of Law,
Assistant Professor

Abstract. The legislation at the moment does not establish a reliable mechanism for interaction between control bodies and bodies of preliminary investigation with regard to the issue of sending materials when signs of crime are detected. Amending both the criminal procedure law and the legislation on state control (supervision) would contribute to eliminating this kind of gap.

Key words: crime, criminal procedure, control, supervision, material, case, interaction, law, regulations.

Направление материалов для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в случае выявления признаков преступления является одним из давно апробированных в практике государственного управления способов взаимодействия между органами государственного контроля (надзора) и правоохранительными органами.

Часть 2 ст. 90 недавно вступившего в силу Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» прямо предусматривает обязанность контрольного (надзорного) органа при выявлении в ходе контрольного (надзорного) мероприятия признаков преступления направить соответствующую информацию в государ-

ственный орган в соответствии со своей компетенцией или при наличии соответствующих полномочий принять меры по привлечению виновных лиц к установленной законом ответственности.

До этого времени в целях преодоления разобщенности государственных органов, своевременного выявления и пресечения правонарушений обязанность федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также Центрального банка Российской Федерации по незамедлительному информированию соответствующих органов прокуратуры о выявленных правонарушениях в сфере экономики устанавливалось лишь п. 2 Указа Президента Российской Федерации от 3

марта 1998 г. № 224 «Об обеспечении взаимодействия государственных органов в борьбе с правонарушениями в сфере экономики».

Сведения о направлении в уполномоченные государственные органы информации о наличии признаков преступления, выявленного в ходе контрольного (надзорного) мероприятия, включаются в единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий¹.

Доля проверок, по результатам которых материалы о выявленных нарушениях переданы в уполномоченные органы для возбуждения уголовных дел (в процентах общего количества проверок, в результате которых выявлены нарушения обязательных требований), является показателем, используемым для анализа и оценки эффективности государственного контроля (надзора), муниципального контроля².

Кроме того, полномочия по направлению в уполномоченные органы материалов, связанных с нарушениями обязательных требований, для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по признакам преступлений на федеральном уровне предусматриваются некоторыми отраслевыми законами, утвержденными Правительством Российской Федерации статутными нормативными правовыми актами органов государственного контроля (надзора) и ведомственными административными регламентами.

Однако процедурная основа такого взаимодействия по-прежнему не отвечает потребностям организации единой системы профилактики правонарушений.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2021 г. № 604 «Об утверждении Правил формирования и ведения единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий и о внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2015 г. № 415».

² Постановление Правительства Российской Федерации от 5 апреля 2010 г. № 215 «Об утверждении Правил подготовки докладов об осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля в соответствующих сферах деятельности и об эффективности такого контроля (надзора)».

Отраслевыми федеральными законами полномочия должностных лиц контрольно-надзорных органов по направлению материалов, как правило, до сих пор связываются с правами: формулировкой «вправе», «имеет право»³, неопределенность которой создает предпосылки для сомнения в императивности предписания, избыточной дискреции и, как следствие, уклонения правонарушителей от ответственности (не говоря уже о противоречии упомянутой выше ч. 2 ст. 90 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»).

Интересно, что даже принятым в 2021 г. Федеральным законом от 11 июня 2021 г. № 170-ФЗ в связи с принятием Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» в Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» внесены изменения, сохраняющие такое положение (то есть предусматривающие лишь *право* должностных лиц по направлению материалов в правоохранительные органы в случае выявления признаков преступления).

В некоторых случаях направление соответствующих материалов относится как к правам, так и к обязанностям должностных лиц органов государственного кон-

³ Напр.: федеральные законы: от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле»; от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов»; от 11 ноября 2003 г. № 138-ФЗ «О лотереях»; от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»; от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»; от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»; от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»; Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ; Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ.

троля (надзора)¹. Вместе с тем, полномочия государственного органа (права и обязанности) отражают существо его правового статуса, представляя собой меры должного и возможного поведения в установленной сфере деятельности. Конкретизация полномочий является важнейшим условием эффективной реализации возложенных на них функций. Подобный способ закрепления полномочий (отсутствие законодательного разграничения прав и обязанностей) на практике приводит к отсутствию прозрачности содержания его компетенции, что не соответствует современным требованиям.

Многие отраслевые законодательные акты вообще не содержат упоминания о полномочиях контрольно-надзорных органов, связанных с направлением материалов в правоохранительные органы² (тем не менее регламентируя их компетенцию).

Статутными нормативными правовыми актами и административными регламентами направление материалов о нарушениях обязательных требований для возбуждения уголовных дел зачастую связывается с правами должностных лиц³ либо

должная определенность характера соответствующих полномочий отсутствует⁴.

Нередко регламентация порядка направления органами государственного контроля (надзора) материалов ограничивается общим указанием на необходимость соблюдения норм УК РФ и УПК РФ⁵.

Сроки совершения соответствующих административных процедур (направления материалов) также варьируются: от незамедлительного до 2, 3 или 10 рабочих дней со дня завершения проверки⁶. Однако наиболее распространен вариант, когда срок для направления материалов вообще не регулируется.

Более четкое закрепление административными регламентами обязанностей должностных лиц по направлению материалов для решения вопроса о возбуждении уголовных дел, процедуры и сроков соответствующих действий, содержания направляемых материалов, их документального сопровождения встречается лишь в единичных случаях.

Так, Административный регламент осуществления Федеральной службой по труду и занятости федерального государственного надзора за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права⁷ предусматривает, что если в результате проведенных надзорных мероприятий были выявлены нарушения обязательных требований, содержащих признаки преступлений, предусмотренных ст. 136, 143, 144.1, 145, 145.1, 201, 285, 286, 292, 293, 318, 319 УК РФ, уполномоченные должностные лица Роструда и его территориального органа обязаны в срок не позднее трех рабочих дней с момента их

¹ Напр.: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

² См., напр.: Федеральные законы: от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»; от 24 июля 1998 г. № 127-ФЗ «О государственном контроле за осуществлением международных автомобильных перевозок и об ответственности за нарушение порядка их выполнения»; от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании»; от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»; от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон "О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях"» и мн. др.

³ Напр.: постановление Правительства Российской Федерации от 15 октября 2012 г. № 1043 «Об утверждении Положения о федеральном государственном надзоре в сфере обращения лекарственных средств»; приказы: Ростехнадзора от 15 декабря 2011 г. № 703; Минтранса России от 18 апреля 2018 г. № 148 и 149, от 4 апреля 2018 г. № 127; Минкомсвязи России от 14 ноября 2011 г. № 312, от 29 августа 2011 г. № 213 и др.

⁴ Напр.: приказ Росприроднадзора от 6 июля 2020 г. № 783.

⁵ Приказ Ростехнадзора от 27 марта 2012 г. № 195; приказ Росрыболовства от 11 февраля 2020 г. № 64 и др.

⁶ См., напр.: п. 3 ст. 32 НК РФ; п. 8 ст. 16 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований»; приказы Минкультуры России от 1 августа 2018 г. № 1357, от 12 сентября 2019 г. № 1347 и др.

⁷ Приказ Роструда от 13 июня 2019 г. № 160.

выявления направить материалы проверки в следственные органы для рассмотрения вопроса о привлечении виновных лиц к уголовной ответственности. Направляемые материалы должны содержать: наименование органа государственного надзора, которым проводилась проверка; сведения о юридическом лице или индивидуальном предпринимателе, в отношении которого проводились надзорные мероприятия; характер выявленных в ходе надзорных мероприятий нарушений обязательных требований, в том числе содержащих признаки преступления; данные о лицах, допустивших нарушения обязательных требований. Материалы должны в полной мере характеризовать существо выявленных правонарушений, содержать сведения о том, кем, когда, как (умышленно или по неосторожности) и в какой форме (действия или бездействия) совершено противоправное деяние, сопровождаясь письмом на бланке Роструда или его территориального органа, содержащим просьбу о предоставлении информации о принятом решении о возбуждении уголовного дела или отказе в нем в соответствии со статьей 145 УПК РФ. К сопроводительному письму прилагаются:

— акт проведенной проверки юридического лица или индивидуального предпринимателя, содержащий сведения о выявленных нарушениях обязательных требований, со ссылками на нарушенные требования законодательных и иных нормативных правовых актов;

— документы, подтверждающие допущенные нарушения требований и решений уполномоченных должностных лиц Роструда или его территориальных органов (акты ранее проведенных проверок, предписания);

— заявления и иные обращения граждан и организаций, содержащие сведения о допущенных юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем нарушениях обязательных требований, поступившие в Роструд или его территориальный орган.

Перед направлением в следственные органы материалов проверок с них снимаются копии, которые заверяются и хранят-

ся в надзорном деле Роструда или его территориального органа. В конце сопроводительного письма указывается перечень направляемых материалов и общее количество листов.

Материалы непосредственно сдаются в экспедицию (канцелярию) следственного органа или направляются заказным письмом с уведомлением о вручении, которое приобщается к материалам проверки, хранящимся в надзорном деле Роструда или его территориального органа.

На практике обязанности по направлению материалов в правоохранительные органы исполняются должностными лицами ненадлежащим образом — при наличии оснований материалы не направляются, уголовные дела нередко возбуждаются лишь после вмешательства прокурора. С учетом этого, данный вопрос охватывается предметом прокурорской проверки исполнения законов органами государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, проводимой в порядке ст. 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

При этом, разумеется, сложность рассматриваемых действий должностных лиц контрольно-надзорных органов (для принятия решения о направлении материалов в следственные органы в связи с наличием признаков преступления) состоит в необходимости оценки имеющихся материалов о фактах имеющихся нарушений обязательных требований по ряду критериев, что предполагает определенный уровень знаний уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Стоит отметить, что единство мнений о достаточности полученных данных, указывающих на наличие признаков преступления с позиции ч. 2 ст. 140 УПК РФ, отсутствует даже среди ученых-процессуалистов. Более того, важное значение для результатов последующей доследственной проверки имеет полнота направляемых с сообщением о преступлении материалов, их надлежащее оформление, а также отсутствие процессуальных нарушений при проведении проверки контрольно-надзорным органом, что впоследствии может повлечь признание соответствующего решения не-

законным, а доказательства по уголовному делу — недопустимыми (ч. 3 ст. 88 УПК РФ). Так, в судебно-следственной практике наиболее распространенными причинами вынесения оправдательных приговоров являются именно допущенные нарушения норм материального права при проведении мероприятий налогового контроля, вследствие чего в дальнейшем в процессуальных документах на досудебных стадиях уголовного преследования не находят отражения обстоятельства, подлежащие доказыванию, в соответствии с ч. 1 ст. 73 УПК РФ с учетом специфики конкретного преступления либо определяются неправильно¹.

Ненадлежащее оформление материалов, неправильное определение подследственности может способствовать нарушениям процессуальных сроков рассмотрения сообщений о преступлениях, что, в свою очередь, создает условия для уклонения виновных лиц от ответственности.

Ситуацию усугубляет отсутствие «встречной» правовой регламентации средств и деятельности, направленной на проверку первичных данных о признаках преступления, что отрицательно сказывается на практике. Представляются в связи с этим заслуживающими поддержки предложения² об устранении данного пробела в УПК РФ.

Налаживание взаимодействия, оперативный обмен информацией о правонарушениях достигаются во многом благодаря заключению соглашений между заинтересованными органами (предполагающими проведение взаимных консультаций и разъяснений, создание рабочих групп и т.п.), изданию методических рекомендаций.

Так, предметом Соглашения о взаимодействии между Следственным комитетом Российской Федерации и Федеральной налоговой службой³ является организация взаимодействия следственных и налоговых органов в установленных сферах деятельности, в том числе вопросах выявления, предупреждения, пресечения и расследования преступлений, а также в вопросах повышения налоговой дисциплины в сфере экономики и обеспечения своевременности и полноты уплаты налогов и сборов в бюджеты и государственные внебюджетные фонды. При этом состав материалов, направляемых в следственные органы Следственного комитета Российской Федерации, определен п. 5—8 Протокола № 1 к Соглашению о взаимодействии между Следственным комитетом Российской Федерации и Федеральной налоговой службой. В рамках взаимодействия были подготовлены Методические рекомендации по оформлению материалов, направляемых в правоохранительные органы при обнаружении обстоятельств, указывающих на признаки преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 170.1, ст. 173.1 и 173.2 УК РФ; для территориальных налоговых и следственных органов СК России рекомендации по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов)⁴. На недостатки практики направления материалов и необходимость их устранения ФНС России обращалось внимание и в дальнейшем⁵.

Порядок взаимодействия контрольно-надзорных органов с правоохранительными

¹ Курс криминалистики : В 3 т. Т. 3 / Под ред. д. ю. н. проф. О.Н. Коршуновой. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр, 2016; Баркалова Е.В. К вопросу об оценке следователем законности мероприятий налогового контроля при поступлении сообщения о налоговом преступлении в порядке ст. 144, 145 УПК РФ // *Налоги*. 2018. № 6. С. 27—31.

² Румянцева М.О. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы : монография. М.: Юстицинформ, 2019.

³ Заключено 13 февраля 2012 г. № 101-162-12/ММВ-27-2/3).

⁴ Письмо ФНС России от 13 июля 2017 г. № ЕД-4-2/13650@ «О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов)».

⁵ Письмо ФНС России от 6 июня 2012 г. № АС-4-2/9338@ «О направлении материалов в следственные органы Следственного комитета Российской Федерации».

ми (включая направление материалов) уточняется общими регламентными актами отдельных ведомств. Например, форма обращения Счетной палаты Российской Федерации в правоохранительные органы и содержание направляемых материалов установлены Стандартом внешнего государственного аудита (контроля)¹.

С учетом отсутствия в рассматриваемом вопросе единообразия как в практике правового регулирования, так и деятельности органов государственного контроля (надзора) обоснованной представляется необходимость конкретизации критериев принятия решения о направлении материалов в правоохранительные органы в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

Кроме того, целесообразной видится детализация порядка направления материалов, связанных с нарушениями обязательных требований, для решения вопросов о возбуждении уголовных дел по признакам преступлений (с указанием сроков выполнения соответствующих административных процедур) в отраслевых федеральных законах о видах контроля — принимая во внимание специфику конкретных составов и сферы деятельности контрольных органов, организации их взаимодействия с правоохранительными (как, например, установлено п. 2.1 ст. 18 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», п. 3 ч. 1 ст. 32 НК РФ).

Повышению эффективности межведомственного взаимодействия, на наш взгляд, способствовало бы и введение единой (типовой) формы используемого контрольным (надзорным) органом документа для направления материалов в органы предварительного расследования. На данный момент соответствующий приказ

Минэкономразвития России², изданный в рамках полномочий, предоставленных ч. 2 ст. 21 Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», такого рода типовой формы не предусматривает.

Таким образом, законодательство на данный момент не содержит надежного механизма взаимодействия контрольных органов и органов предварительного расследования применительно к вопросу направления материалов при выявлении признаков преступлений. Устранению такого рода пробела способствовало бы внесение изменений как в уголовно-процессуальный закон, так и в законодательство о государственном контроле (надзоре).

Библиография

1. Баркалова, Е.В. К вопросу об оценке следователем законности мероприятий налогового контроля при поступлении сообщения о налоговом преступлении в порядке ст. 144, 145 УПК РФ / Е.В. Баркалова // *Налоги*. — 2018. — № 6.
2. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 3 / Под ред. д.ю.н. проф. О.Н. Коршуновой; 2-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Юридический центр, 2016
3. Румянцева, М.О. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы : монография / М.О. Румянцева. — М.: Юстицинформ, 2019. — 148 с.

¹ «СГА 101. Стандарт внешнего государственного аудита (контроля). Общие правила проведения контрольного мероприятия» (утв. постановлением Коллегии Счетной палаты РФ от 07.09.2017 № 9ПК).

² Приказ Минэкономразвития России от 31 марта 2021 г. № 151 «О типовых формах документов, используемых контрольным (надзорным) органом».

К вопросу квалификации коррупционных преступлений: некоторые аспекты с позиции практики Кассационного военного суда

© Харитонов Станислав Станиславович,
кандидат юридических наук, профессор

© Воробьев Алексей Геннадьевич,
кандидат юридических наук

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые вопросы установления Кассационным военным судом точного соответствия между признаками совершенного общественно опасного деяния, признаваемого «коррупционным», и признаками, предусмотренными в нормах уголовного закона.

Ключевые слова: квалификация преступлений, коррупционные преступления, военные суды.

On the issue of qualifying corruption crimes: some aspects from the standpoint of the practice of the Military Court of Cassation

© Kharitonov S.S.,
Candidate of Legal Sciences, Professor

© Vorobyov A.G.,
Candidate of Legal Sciences

Resume. The article examines some issues of the establishment by the Military Court of Cassation of an exact correspondence between the signs of a committed socially dangerous act recognized as "corrupt" and the signs provided for in the norms of the criminal law.

Key words: qualification of crimes, corruption crimes, military courts.

**Кто для других законы составляет,
Пусть те законы первым соблюдает.**

Джеффри Чосер (средневековый английский поэт, «отец английской поэзии», один из основоположников английской национальной литературы). Кентерберийские рассказы, конец XIV в.

Знание теории квалификации преступлений и умелое применение ее на практике есть основа профессионализма военного судьи в области применения уголовного закона. Ведь правильная квалификация преступлений обеспечивает точное и полное применение комплекса норм уголовного и уголовно-процессуального законов, имеет исключительно важное значение в свете реализации принципов законности, справедливости, личной ответственности за виновное причинение вреда, а также обеспечивает эффективное воздействие на преступность со стороны государства, утверждает чувство защищенности в обществе.

Особенно важно сказанное применительно к преступлениям, которые совершают военнослужащие, причем вне зависимости от того, какие — общеуголовные или воинские. В любом случае преступление совершено военнослужащим, на которого государством наложены повышенные обязательства и требования по правомерному поведению. На это обстоятельство обращали внимание многие военные юристы в научных публикациях¹.

¹ См. подробнее: Зателепин О.К. Квалификация нарушений порядка несения специальных видов военной службы, сопряженных с применением насилия // Уголовное право. 2013. № 4. С. 10—14; Корякин В.М., Харитонов В.С. Некоторые вопросы квалификации преступлений за уклонение от про-

Тем более неприемлемы для понимания обществом преступления, в обиходе называемых коррупционными, суть которых — получение воинскими должностными лицами с использованием своего служебного положения незаконной выгоды для себя¹.

В связи с реформированием российской судебной системы в Федеральном конституционном законе от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» появился Кассационный военный суд как но-

хождения военной службы // Военное право. 2020. № 4 (62). С. 180—184; Мелешко П.Е. Об уголовной ответственности граждан, призванных на военные сборы, за совершение преступлений, предусмотренных главой 33 Уголовного кодекса Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2012. № 8 (182). С. 72—75; Моргуленко Е.А. Командиру о борьбе с неуставными отношениями // Право в Вооруженных силах — военно-правовое обозрение. 2003. № 6. С. 4—12; Степаненко Н.Е. Проблемы уголовной ответственности военнослужащих за нарушение правил несения пограничной службы // Военное право. 2009. № 3. С. 36—45; Туганов Ю.Н., Харитонов В.С. Судебная деятельность: некоторые вопросы квалификации преступлений за насильственные действия в отношении командира (начальника) // Военно-юридический журнал. 2020. № 9. С. 19—23; Туганов Ю.Н., Харитонов В.С. О трактовке норм права военными судами // Военно-юридический журнал. 2019. № 7. С. 10—13; Шарапов С.Н. Современное военно-уголовное право в системе права: проблемы институализации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 7 (288). С. 26—33; Шарапов С.Н. Современное военно-уголовное право в системе права: проблемы институализации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 8 (289). С. 37—46; Шарапов С.Н. Военно-уголовное законодательство: новая дефиниция старого термина // Военное право. 2009. № 1. С. 51—57; Шарапов С.Н. Дезертирство с оружием: основания криминализации, вопросы квалификации и проблемы законодательной конструкции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. № 11, и др.

¹ См. подробнее: Указание Генпрокуратуры России № 738/11, МВД России № 3 от 25 декабря 2020 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности».

вый суд по проверке судебных решений. Кассационный военный суд рассматривает дела в качестве суда кассационной инстанции по жалобам и представлениям на вступившие в законную силу судебные акты всех гарнизонных военных судов, всех окружных (флотских) военных судов и апелляционного военного суда, а также дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам и осуществляет иные полномочия в соответствии с федеральными конституционными законами и федеральными законами.

В связи с изменениями в процедуре кассационного производства, законодательного решения о дифференциации кассационного производства на два вида (сплошную кассацию и выборочную кассацию) особый интерес, наверное, представляет практика оценки решений гарнизонных и окружных (флотских) военных судов Кассационным военным судом.

С учетом сказанного рассмотрим наиболее любопытные решения, связанные с квалификацией так называемых «коррупционных» преступлений, состоявшиеся в 2020 г.

В случае задержания взяточполучателя после передачи ему первой части взятки, содеянное виновным образует оконченный состав получения взятки в размере всей суммы, которую он намеревался получить.

По приговору гарнизонного военного суда А. осужден по ч. 6 ст. 290 УК РФ (получение взятки) к лишению свободы на восемь лет в исправительной колонии строгого режима, с лишением права занимать должности, связанные с осуществлением определенных полномочий, на срок 5 лет, и с лишением воинского звания «подполковник».

А. признан судом виновным в получении от П., действовавшего под контролем сотрудников ФСБ России, незаконного вознаграждения в виде денег в сумме 1 300 000 руб., являвшегося первой частью взятки в особо крупном размере — 4 738 500 руб., за совершение в пользу взяткодателя и представляемых им лиц незаконных действий, которые входили в служебные полномочия А., и которым в

силу должностного положения он мог способствовать.

Апелляционным определением окружного военного суда действия А., направленные на получение оставшейся суммы взятки (3 316 950 руб.), перекалифицированы с ч. 6 ст. 290 УК РФ на ч. 1 ст. 30 и ч. 6 ст. 290 УК РФ, на основании ст. 64 УК РФ основное и дополнительное наказание А. смягчено, исключено назначение А. дополнительного наказания в виде лишения воинского звания.

Рассмотрев кассационное представление военного прокурора, Кассационный военный суд отменил апелляционное определение, указав следующее.

Суд апелляционной инстанции посчитал доказанным, что при реализации умысла на получение взятки А. 5 июня 2018 г. получил первую часть этой взятки, после чего был задержан сотрудниками ФСБ России.

При этом суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что содеянное А. подлежит квалификации как два отдельных эпизода преступной деятельности: получение им 5 июня 2018 г. взятки в размере 1 300 000 руб. — по ч. 6 ст. 290 УК РФ и как приготовление к получению взятки в размере 3 316 950 руб. — по ч. 1 ст. 30 и ч. 6 ст. 290 УК РФ.

Между тем такая юридическая оценка действий А. дана без учета разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержавшегося в действовавшей на период рассмотрения дела в апелляционном порядке редакции п. 10 Постановления от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», согласно которой, если должностное лицо намеревалось получить взятку в значительном или крупном либо в особо крупном размере, однако фактически принятое должностным лицом незаконное вознаграждение не образовало указанный размер, содеянное надлежит квалифицировать как оконченное получение взятки соответственно в значительном, крупном или особо крупном размере. Например, когда взятку в крупном размере предполагалось передать в два приема, а взяткополучатель

был задержан после передачи ему первой части взятки, не образующей такой размер, содеянное должно квалифицироваться по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ.

Аналогичное разъяснение отражено и в п. 11.1 в редакции указанного постановления, действующей в настоящее время.

В связи с ошибочной юридической оценкой действий осужденного суд кассационной инстанции отменил апелляционное определение и передал уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение, указав также на необходимость всесторонней оценки изложенных доводов кассационного представления о несогласии с решением суда о смягчении назначенного А. наказания¹.

Умыслом лица, покушавшегося на дачу взятки, должно охватываться, что действия предполагаемого получателя взятки в интересах взяткодателя являются незаконными.

По приговору гарнизонного военного суда, оставленному без изменения окружным военным судом, А. признан виновным в покушении на дачу через посредника С. взятки в крупном размере в 350 000 руб. должностным лицам Минобороны России за совершение заведомо незаконных действий — обеспечение поступления его супруги на военную службу по контракту (ч. 3 ст. 30 и п. «б» ч. 4 ст. 291 УК РФ).

Кассационный военный суд изменил вынесенные по делу судебные постановления, исключив указание на наличие квалифицирующего признака дачи взятки — «за незаконные действия» и смягчил назначенное осужденному наказание исходя из следующего.

Признавая А. виновным в покушении на дачу взятки неизвестным ему должностным лицам Минобороны России через С. (осуждена за завладение деньгами А. путем обмана), суд в приговоре в нарушение п. 5 ст. 307 УПК РФ не мотивировал

¹ См.: Обзор судебной практики Кассационного военного суда по уголовным делам, делам об административных правонарушениях за 1-е полугодие 2020 г., утвержденный Президиумом Кассационного военного суда 31 июля 2020 г. URL: https://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=15 (дата обращения 31.08.2021).

свой вывод о том, почему поступление супруги осужденного на службу предполагает совершение возможным взяточполучателем именно незаконных действий, заведомых для А.

Таким образом, суд не учел, что если не установлено осознание виновным, каким путем (законным или незаконным) будет решаться поставленный перед взяточполучателем вопрос (что имеет место по настоящему уголовному делу), то квалификация дачи взятки по данному признаку исключается¹.

Отсутствие признака совершения исполнителями преступления группой лиц по предварительному сговору исключает вменение данного признака организатору преступления.

По приговору гарнизонного военного суда К. признан виновным в организации и руководстве покушением на хищение денежных средств у потерпевшего С. путем обмана, группой лиц по предварительному сговору с использованием своего служебного положения в крупном размере.

Кассационный военный суд исключил из обвинения К. квалифицирующий признак «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору» по следующим основаниям.

Согласно ч. 3 ст. 33 УК РФ организатором признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими. В соответствии с ч. 3 ст. 34 УК РФ уголовная ответственность организатора наступает по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на ст. 33 УК РФ, за исключением случаев, когда он одновременно являлся соисполнителем преступления. По смыслу данной нормы квалификация действий организа-

тора является производной от действий исполнителей преступления, которые охватывались умыслом виновного.

Согласно приговору, содеянное К. квалифицировано как организация и руководство покушением на хищение чужого имущества С. путем обмана группой лиц по предварительному сговору с Ш. и С.

В соответствии с ч. 2 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления.

Вместе с тем, как следует из приговора, С. и Ш. не были знакомы между собой, никогда не встречались, и не были осведомлены о роли друг друга в совершаемом преступлении, и каждый из них не осознавал, что участвует в обмане С. с иным лицом, а по отношению к потерпевшему С. действовали каждый в отдельности, выполняя указания К. Таким образом, в действиях исполнителей отсутствует признак совершения преступления группой лиц по предварительному сговору, что исключает вменение данного признака, предусмотренного ст. 159 УК РФ, организатору преступления².

В соответствии с ч. 2 ст. 33 УК РФ исполнителем преступления признается лицо, непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями).

По приговору гарнизонного военного суда, оставленным без изменения по результатам рассмотрения дела в апелляционном порядке, М. признан виновным в том, что, узнав в октябре 2016 г. о хищении подчиненным ему по службе З. совместно с другими лицами денежных средств Минобороны России при проведении электронных аукционов и заключении государственных контрактов на закупку военным вузом товаров, вошел в состав данной группы лиц, действовавшей по предварительному сговору, и принял участие в последующем хищении путем обмана денежных средств в крупном размере.

¹ См.: Обзор судебной практики Кассационного военного суда по уголовным делам, делам об административных правонарушениях за 2-е полугодие 2020 г., утвержденный Президиумом Кассационного военного суда 3 февраля 2021 г. URL: https://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=17 (дата обращения 30.08.2021).

² Там же.

При этом, согласно приговору, участие М. в преступлении выразилось в том, что он, зная о формальности проведения аукционов и фиктивности документов, послуживших основанием для определения начальной (максимальной) цены контракта, о данных фактах руководителю контрактной службы не докладывал.

Между тем содеянное М. не образует хищение денежных средств путем обмана, поскольку, как установлено судом, перечисление денежных средств военным учреждением осуществлено не в результате умолчания М. о противоправных действиях других лиц, а в результате действий последних, использовавших для завладения денежными средствами военного учреждения фиктивных документов.

Таким образом, М. не принимал непосредственного участия в совершении действий, направленных на обман руководства военного учреждения с целью завладения денежными средствами, а, согласившись в октябре 2016 г. не сообщать руководителю контрактной группы о противоправных действиях З. и других лиц при проведении электронных аукционов и подготовке документации для заключения контрактов с победителем аукционов, тем самым содействовал указанным лицам в продолжении хищений до сентября 2017 г.

Согласно ч. 5 ст. 33 УК РФ, лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы, признается пособником.

Указанные действия М. судом кассационной инстанции были переквалифицированы с ч. 3 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения) на ч. 5

ст. 33 и ч. 3 ст. 159 УК РФ, а назначенное осужденному наказание смягчено¹.

Действия должностного лица, которое с единым умыслом внесло в несколько официальных документов не соответствующие действительности сведения, не образуют совокупность преступлений.

По приговору гарнизонного военного суда с учетом изменений, внесенных апелляционным постановлением окружного военного суда, М. признан виновным в совершении семи служебных подлогов, повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан.

Кассационный военный суд не согласился с такой квалификацией действий осужденного по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 17 УК РФ совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части названного Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание.

Как установлено судами первой и второй инстанций, М. в один из дней в период с 27 июля по 18 августа 2018 г. составил семь постановлений по делам об административных правонарушениях, в каждое из которых внес заведомо ложные сведения о совершении указанными в постановлениях лицами административных правонарушений, а затем в один из дней с 7 августа по 19 сентября того же года по истечении срока на обжалование данных постановлений заполнил соответствующие статистические карточки к этим постановлениям и передал их для регистрации.

Из приговора же следует, что эти действия совершены в одно и то же время с единой целью — стремлением М. извлечь для себя выгоду, обусловленную побуждениями карьеризма и укрепления своего ав-

¹ См.: Обзор судебной практики Кассационного военного суда по уголовным делам, делам об административных правонарушениях за 1-е полугодие 2020 г., утвержденный Президиумом Кассационного военного суда 31 июля 2020 г. URL: https://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=15 (дата обращения 31.08.2021).

торитета перед руководством в виде увеличения количественных показателей по выявлению административных правонарушений.

Между тем в приговоре отсутствует обоснование выводов суда о том, что, оформляя в один день постановления о привлечении к административной ответственности с недостоверными сведениями, М. в каждом случае действовал с вновь возникшим умыслом.

Согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» преступления, складывающиеся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление, являются продолжаемыми.

Поскольку установленные приговором фактические обстоятельства дела свидетельствуют о том, что действия М. охватывались единым умыслом, направленным на внесение заведомо ложных сведений в официальные документы, для достижения единой цели, совершены в одно время и одним и тем же способом, все содеянное осужденным образует единое продолжаемое преступление.

С учетом изложенного суд кассационной инстанции квалифицировал все действия М. по ч. 2 ст. 292 УК РФ как единое преступление¹.

И в конце пример несколько курьезный, когда незнание военно-административного законодательства (в далее описываемой ситуации — требований к поступающим на военную службу по контракту) привело к совершению преступления...

Использование лицом заведомо подложного документа об образовании при поступлении на военную службу не явля-

ется длящимся преступлением в том случае, если наличие образования соответствующего уровня не является необходимым условием дальнейшего пребывания этого лица на военной службе.

По приговору гарнизонного военного суда, оставленному без изменения апелляционным постановлением флотского военного суда, П. осуждена за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ (использование заведомо поддельного документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей), к штрафу в сумме 30 000 руб.

П. признана виновной в использовании заведомо подложного диплома о высшем образовании в период с 20 июня 2006 г. — даты его предоставления в военный комиссариат с целью поступления на военную службу по контракту и последующего ее прохождения по 12 декабря 2018 г. При этом суды первой и второй инстанции пришли к выводу о том, что совершенное П. преступление является длящимся и оно окончено 12 декабря 2018 г., в результате выявления факта представления поддельного диплома по итогам прокурорской проверки. Суд первой инстанции, мотивируя такой вывод, указал в приговоре, что использование П. заведомо подложного диплома о высшем образовании осуществлялось на протяжении всего периода прохождения военной службы по контракту, поскольку его отсутствие, в силу непредставления ею сведений о наличии среднего образования, делало невозможным занятие ею воинских должностей.

Данный вывод судами сделан без учета конкретных обстоятельств уголовного дела.

Как установлено по делу, 20 июня 2006 г. П. с целью поступления на военную службу по контракту представила военному комиссару Н-ского округа заведомо подложный диплом о высшем образовании. При этом представление документа об образовании в силу подп. «г» п. 3 ст. 5 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, является обязанностью лица, изъявившего желание посту-

¹ См.: Обзор судебной практики Кассационного военного суда по уголовным делам, делам об административных правонарушениях за 2-е полугодие 2020 года, утвержденный Президиумом Кассационного военного суда 3 февраля 2021 г. URL: https://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=17 (дата обращения 30.08.2021).

пить на военную службу по контракту, и без документа об образовании принятие такого лица на военную службу невозможно. Поэтому содеянное П. в этой части образует состав преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ.

Однако в дальнейшем в период прохождения военной службы факт предъявления осужденной заведомо подложного диплома не повлек предоставление ей каких-либо прав, преимуществ или льгот, не являлся основанием для освобождения от каких-либо обязанностей, а равно не являлся необходимым условием пребывания П. на военной службе. Для назначения П. на воинскую должность и присвоения ей воинских званий вплоть до «старшего прапорщика», наличие высшего образования не требовалось, а имевшееся у осужденной среднее (полное) общее образование являлось достаточным для замещения данных воинских должностей. Наличие у П. среднего (полного) общего образования презюмировалось, поскольку в соответствии со ст. 24 Закона Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании», действовавшей на момент заключения ею контракта, подготовка лиц с высшим профессиональным образованием осуществлялась на базе среднего (полного) общего. Аналогичные требования содержатся и в действующей в настоящее время ст. 69 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Поэтому в данном случае преступление П. окончено с момента предъявления ею поддельного диплома о высшем образовании военному комиссару с целью поступления на военную службу — 20 июня 2006 г.

В силу ч. 2 ст. 15 УК РФ преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 327 УК РФ, относится к категории преступлений небольшой тяжести и в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения такого преступления истекло два года.

С учетом указанных обстоятельств и позиции осужденной, настаивавшей на своей невинности, Кассационный воен-

ный суд изменил приговор и апелляционное постановление, освободив П. от назначенного наказания¹.

В заключение согласимся, что «... научные основы квалификации преступления базируются на определенных принципах (объективность, истинность, точность и полнота), соблюдение которых обеспечивает точность установления уголовно-правовой характеристики совершенного посягательства»².

Библиография

1. Зателепин, О.К. Квалификация нарушений порядка несения специальных видов военной службы, сопряженных с применением насилия / О.К. Зателепин // Уголовное право. — 2013. — № 4. — С. 10—14.
2. Корякин, В.М. Некоторые вопросы квалификации преступлений за уклонение от прохождения военной службы / В.М. Корякин, В.С. Харитонов // Военное право. — 2020. — № 4 (62). — С. 180—184.
3. Мелешко, П.Е. Об уголовной ответственности граждан, призванных на военные сборы, за совершение преступлений, предусмотренных главой 33 Уголовного кодекса Российской Федерации / В.Е. Мелешко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2012. — № 8 (182). — С. 72—75.
4. Моргуленко, Е.А. Командиру о борьбе с неуставными отношениями / Е.А. Моргуленко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2003. — № 6. — С. 4—12.
5. Степаненко, Н.Е. Проблемы уголовной ответственности военнослужащих за нарушение правил несения пограничной службы / Н. Е. Степаненко // Военное право. — 2009. — № 3. — С. 36—45.
6. Туганов, Ю.Н. О трактовке норм права военными судами / Ю. Н. Туганов, В. С. Харитонов // Военно-юридический журнал. — 2019. — № 7. — С. 10—13.
7. Туганов, Ю.Н. Судебная деятельность: некоторые вопросы квалификации преступлений за насильственные действия в отношении командира (начальника) / Ю.Н. Туганов, В.С. Харитонов // Военно-юридический журнал. — 2020. — № 9. — С. 19—23.

¹ См.: Обзор судебной практики Кассационного военного суда по уголовным делам, делам об административных правонарушениях за 1-е полугодие 2020 года, утвержденный Президиумом Кассационного военного суда 31 июля 2020 г. URL: https://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=15 (дата обращения 31.08.2021).

² См.: Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / Отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чуачаев. М.: КОНТРАКТ, 2017. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Шарапов, С.Н. Военно-уголовное законодательство: новая дефиниция старого термина / С.Н. Шарапов // Военное право. — 2009. — № 1. — С. 51—57.

9. Шарапов, С.Н. Дезертирство с оружием: основания криминализации, вопросы квалификации и проблемы законодательной конструкции /

С.Н. Шарапов // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2006. — № 11.

10. Шарапов, С.Н. Современное военно-уголовное право в системе права: проблемы институализации / С.Н. Шарапов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 7 (288). — С. 26—33; № 8 (289). — С. 37—46.

Некоторые вопросы уголовно-правовой характеристики дезертирства

© Шумилин Алексей Владимирович,
курсант Военного университета

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые вопросы квалификации дезертирства. Дан анализ правоприменительной практики по указанному преступлению. Обращено внимание на отграничение дезертирства от смежных составов.

Ключевые слова: уклонение от прохождения военной службы, преступления против военной службы, дезертирство.

Some questions of criminal law characteristics of desertion

© Shumilin A.V.,
cadet of the Military University

Resume. The article deals with some issues of qualification of desertion. An analysis of the law enforcement practice for this crime is given. Attention is drawn to the delimitation of desertion from adjacent teams.

Key words: evasion of military service, crimes against military service, desertion.

Сегодня военная служба характеризуется с одной стороны гуманизацией воинских отношений, заботой о военнослужащем, а с другой, — фактами, получающими огласку, о сложной, напряженной обстановке внутри воинских коллективов, что зачастую приводит к последствиям, в том числе и криминального характера.

Справедливости ради следует отметить, что зачастую межличностные конфликты возникают, в том числе, и вследствие неготовности призванных на военную службу и или поступивших на нее по контракту молодых людей к физическим и психологическим нагрузкам, ее сопровождающим. Полагаем, что хорошая физическая подготовленность, приобретение минимально необходимой для военной службы суммы знаний, навыков и умений должны формироваться у граждан до прибытия в воинскую часть, в процессе добровольной подготовки к военной службе¹.

В то же время военнослужащие, по каким то причинам не видящие себя в армии, находят выход, как им кажется, самый простой, — сбежать из воинской части. Это касается как военнослужащих по призыву, так и по контракту. После их задержания либо явки с повинной перед военно-следственными органами и военными судами возникают вопросы правильной квалификации преступлений, предусмотренных ст. 338 УК РФ (дезертирство), выяснения всех обстоятельств дела, мотивов, которые побудили военнослужащего уклониться от военной службы. От точной юридической оценки зависит во многом дальнейшая судьба человека, ведь, как правило, такие преступления совершаются в молодом возрасте, а впереди целая жизнь, которую никому не хочется начинать с позорных пятен в биографии.

Отметим, что вопросы квалификации дезертирства и уголовной ответственности за его совершение рассматривались в

¹ См. подробнее: Харитонов В.С. Правовые аспекты регулирования военно-прикладных видов спорта как части добровольной подготовки граждан к военной службе // Военное право. 2018. № 2. С. 94—

99; Харитонов В.С. О некоторых аспектах функционирования добровольной подготовки граждан к военной службе // Военное право. — 2019. — № 2. — С. 147—149.

учебниках по военно-уголовной тематике¹, монографиях², научных публикациях³, и были предметом обсуждения в Верховном Суде Российской Федерации⁴.

Тем не менее, практика военно-следственных органов, военных прокуратур и военных судов позволяет вновь обратиться к этим вопросам.

Итак, в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации ответственность за дезертирство предусмотрена ст. 338 УК РФ и Закреплена следующим образом:

1. Дезертирство, то есть самовольное оставление части или места службы в целях уклонения от прохождения военной службы, а равно неявка в тех же целях на службу — наказывается лишением свободы на срок до семи лет.

2. Дезертирство с оружием, вверенным по службе, а равно дезертирство, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, — наказывается лишением свободы на срок до десяти лет.

Дезертирство (лат. *desertion* — без помощи, побег) — одно из наиболее

тяжких преступлений против военной службы. Представляет собой самовольное оставление части или места несения в целях уклонения от прохождения военной службы, а равно неявка в тех же целях на службу⁵.

Объектом преступления предусмотренного ст. 338 УК РФ, то есть дезертирства, как и самовольного оставления части или места несения службы является порядок прохождения военной службы. Совершая дезертирство, военнослужащий пытается вовсе исключить себя из сферы военных правоотношений, нарушая при этом установленный порядок увольнения с военной службы.

Объективная сторона дезертирства выражается в самовольном оставлении воинской части или места службы военнослужащим либо в неявке его в часть (на службу) из отпуска, командировки, медицинской организации. Дезертирство является длящимся преступлением с формальным составом и считается оконченным с момента убытия военнослужащего из части или оставления места службы либо с момента невозвращения в установленный срок из отпуска, командировки, медицинской организации.

Однако преступное состояние дезертира продолжается до тех пор, пока на нем лежит обязанность несения военной службы, возложенная на него Конституцией Российской Федерации (ст. 59) и Законом о воинской обязанности и о военной службе, в соответствии с которым на военную службу подлежат призыву граждане мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет. По достижении 27-летнего возраста они от призыва освобождаются⁶.

Дезертирство для военнослужащих, призванных на военную службу после 1 января 2008 г., считается оконченным с

¹ См., напр.: Военно-уголовное право : учеб. / под ред. Х.М. Ахметшина, О.К. Зателепина. М., 2008.

² См., напр.: Зателепин О.К. Квалификация преступлений против военной безопасности государства. М., 2009.

³ См., напр.: Степаненко Н.Е. Актуальные проблемы уголовной ответственности военнослужащих за уклонение от военной службы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2012. № 1. С. 113—118; Степаненко Н.Е., Лушкан В.С. Вопросы совершенствования уголовно-правовой нормы об ответственности за самовольное оставление места службы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 4. С. 73—80; Корякин В.М., Харитонов В.С. Некоторые вопросы квалификации преступлений за уклонение от прохождения военной службы // Военное право. 2020. № 4 (62). С. 180—184; Харитонов С.С. Некоторые вопросы квалификации уклонений от исполнения обязанностей военной службы (статьи 337 и 338 УК РФ) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 9 (278). С. 41—47.

⁴ См., напр.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы».

⁵ См.: Кудашкин А.В., Фатеев К.В., Харитонов С.С. Военно-юридический энциклопедический словарь. М.: За права военнослужащих, 2007.

⁶ Козаченко И.Я. Уголовное право. Особенная часть в 2 т. Том 1 : учебник для академического бакалавриата. Под ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019.

момента достижения ими возраста 28 лет. Для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, дезертирство будет оконченным преступлением по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе в зависимости от воинского звания. Например, для военнослужащего, имеющего воинское звание «майор», преступление будет оконченным с момента достижения этим лицом возраста 50 лет, военнослужащих женского пола — 45 лет. Исходя из этого, дезертирство как делящееся преступление фактически прекращается с момента отпадения у лица обязанности проходить военную службу. Другими основаниями прекращения преступного состояния дезертира являются явка с повинной или задержание его органами власти.

С объективной стороны дезертирство может быть совершено путем:

— действия — самовольном оставлении части или места службы. Например, З., являясь военнослужащим по призыву, военной службой, с целью вовсе уклониться от ее прохождения, без уважительных причин, самовольно войсковую часть и стал проживать по месту жительства в селе, проводя время по своему усмотрению¹;

— бездействия — неявке в срок без уважительных причин на службу при увольнении из части, при назначении, переводе, из командировки, отпуска или медицинского учреждения. Например, С., являясь военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, с целью вовсе уклониться от исполнения обязанностей военной службы, получив предписание военного коменданта военной комендатуры, в установленный срок не прибыл в войсковую часть, а стал проживать по различным адресам, где

проводил время по своему усмотрению до задержания сотрудниками полиции².

Продолжительность пребывания вне военной службы при дезертирстве не влияет на квалификацию содеянного, но может учитываться при назначении наказания в совокупности с другими обстоятельствами дела и данными о личности виновного.

Преступление считается оконченным с момента самовольного оставления части, места службы или неявки в срок на службу с целью вовсе уклониться от нее. Например, 15 апреля 2019 г. Р., являясь военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, с целью временно уклониться от прохождения военной службы и желая отдохнуть, без уважительных причин не явился в установленный регламентом служебного времени срок на службу в войсковую часть, к которой был временно прикомандирован, а стал проживать в городе, где проводил время по своему усмотрению. С указанного времени Р. обязанностей военной службы не исполнял, в органы власти и военного управления не обращался. 3 июня 2019 г. сотрудниками полиции отдела МВД России было установлено местонахождение Р., чем прекратилось его незаконное нахождение вне воинской части³.

Для оконченого состава дезертирства продолжительность незаконного отсутствия военнослужащего в воинской части или на месте службы значения не имеет. При доказанности цели уклониться от военной службы дезертирство должно быть признано оконченным независимо от того, сколько времени военнослужащий находился вне части, то есть его действия при наличии цели уклониться от военной службы образуют состав оконченого дезертирства.

¹ Приговор Курского гарнизонного военного суда № 1-52/2019 от 10 сентября 2019 г. по делу № 1-52/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 06.02.2021)

² Приговор Казанского гарнизонного военного суда № 1-34/2019 от 17 сентября 2019 г. по делу № 1-34/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 06.02.2021)

³ Приговор Уфимского гарнизонного военного суда № 1-39/2019 от 25 июля 2019 г. по делу № 1-39/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 06.02.2021)

Дезертирство совершается с прямым умыслом, в связи с чем возможно приготовление или покушение на это преступление. Приготовление к совершению дезертирства может состоять в установлении связей с родственниками и знакомыми, у которых военнослужащий намерен остановиться после совершения дезертирства, приобретении документов и одежды, изучении маршрута движения и условий жизни в районе предполагаемого места пребывания после оставления части, изыскании способов оставления части или места службы, а также населенного пункта расположения части и т.п. Покушением на дезертирство могут считаться действия, предпринятые непосредственно для оставления воинской части или места службы.

Добровольный отказ от совершения дезертирства также возможен только до момента самовольного ухода из части либо до истечения срока прибытия на службу. Если военнослужащий, совершив дезертирство, через некоторый промежуток времени изменяет свое намерение и решает возвратиться на службу, то эти действия должны расцениваться как явка с повинной, а не добровольный отказ от совершения дезертирства.

В том случае, если промежуток самовольного нахождения вне службы был непродолжительным, и с учетом иных обстоятельств (чистосердечное раскаяние виновного, явка с повинной, другие смягчающие вину обстоятельства) действия военнослужащего, формально содержащие признаки состава преступления, предусмотренные ст. 338 УК РФ, на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ могут быть признаны не преступными.

Дезертирство — длящееся, преступление оно совершается (длится) в течение всего времени противоправного нахождения вне службы. Длющийся характер дезертирства заключается в том, что, достигнув стадии оконченного преступления с момента оставления части или места службы с целью уклониться от военной службы, дезертирство как оконченное преступление совершается

(длится) в течение всего времени отсутствия военнослужащего в части, пока он не будет задержан или не вернется сам либо пока не будет прекращено совершение преступления в силу иных обстоятельств (например, смерть обвиняемого, амнистия).

Моментом прекращения дезертирства следует считать время, когда виновный сам по доброй воле прекратит преступное пребывание вне службы (возвратится в часть, явится с повинной в, правоохранительные органы, заявит о себе в военкомат, в органы государственной власти и т.д.) либо это преступление будет пресечено военным командованием или органами власти. Например, Г., являясь военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, с целью временно уклониться от её прохождения, не прибыл без уважительных причин в войсковую часть и, желая провести время по своему усмотрению, незаконно находился вне места службы до момента сообщения им следователю о своём статусе военнослужащего в рамках допроса по иному уголовному делу¹.

Дезертирство при усугубляющих вину обстоятельствах отличается повышенной общественной опасностью, в связи с чем за его совершение предусмотрено более строгое наказание и исключена возможность освобождения от уголовной ответственности по основаниям, указанным в примечании к ст. 338 УК РФ, т.е. в силу стечения тяжелых обстоятельств.

Квалифицирующими признаками дезертирства являются групповое дезертирство и дезертирство с оружием.

Если военнослужащий дезертировал с оружием, вверенным ему по службе, его действия полностью охватываются ч. 2 ст. 338 УК РФ. В случае хищения оружия, не вверенного военнослужащему, уголовная ответственность наступает по совокупности преступлений. УК РФ предусматривает возможность освобожде-

¹ Приговор Тамбовского гарнизонного военного суда № 1-55/2019 от 5 сентября 2019 г. по делу № 1-55/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 06.02.2021)

ния лица от уголовной ответственности за дезертирство, квалифицируемое по ч. 1 ст. 338, если такое деяние было совершено впервые и при стечении тяжелых обстоятельств.

Не может быть квалифицировано по ч. 2 ст. 338 УК РФ дезертирство с оружием, которое не вверялось военнослужащему по службе (например, для несения службы в карауле, в наряде по охране государственной границы и т.п.), а было похищено им. В данном случае действия виновного подлежат квалификации по ч. 1 ст. 338 и ст. 226 УК РФ¹.

Так, рядовой З. в целях уклонения от прохождения военной службы с вверенным ему оружием — автоматом АКМ — самовольно оставил пост внутреннего караула, на котором исполнял обязанности часового, после чего до момента задержания с использованием оружия совершил ряд других преступлений. Под оружием, вверенным военнослужащему по службе, следует понимать табельное стрелковое и иное оружие, которым военнослужащий обладает правомочно, в силу возложенных на него обязанностей по военной службе. К такому оружию могут быть отнесены пистолеты, автоматы, карабины, пулеметы, гранатометы и иное оружие, принятое на вооружение в Вооруженных Силах Российской Федерации. В том случае, когда военнослужащий неправомочно завладевает оружием (похищает), а затем совершает дезертирство, его действия подлежат квалификации по ст. 226 УК РФ и ч. 1 ст. 338 УК РФ. Если же этот военнослужащий после хищения оружия незаконно передает его, сбывает, то его действия подлежат дополнительной самостоятельной квалификации по ст. 222 УК РФ.

При квалификации дезертирства с оружием по ч. 2 ст. 338 УК РФ могут возникать проблемы уголовно-правовой оценки действий, которые не образуют при изъятии оружия состава хищения или

незаконного его приобретения. В частности, умысел на совершение дезертирства может возникнуть у военнослужащего во время несения караульной, пограничной или других видов специальных служб с вверенным ему оружием либо при нахождении в командировке с оружием, но при реализации преступной цели — уклониться от военной службы — он не бросает вверенное оружие, а принимает меры по его сохранению и возвращению в воинскую часть. В данных случаях происходит изъятие виновным вверенного оружия не безвозмездно, а на определенное время (временное позаймствование), когда объективные и субъективные обстоятельства побуждают виновного забрать с собой оружие без цели его присвоения.

В качестве примера можно привести уголовное дело в отношении рядового Ю., который, будучи часовым, дезертировал с оружием. Факт изъятия оружия он объяснил тем, что оставленный им на посту автомат мог быть похищен другими лицами или иным образом утрачен. Отсутствие цели на присвоение автомата подтверждалась тем, что через несколько дней после совершения дезертирства Ю. подбросил оружие в отделение милиции².

В подобных случаях совершенное дезертирство подпадает под признаки ч. 2 ст. 338 УК РФ и не требует дополнительной квалификации по ст. 226 УК РФ. Стоит отметить, что хищение оружия военнослужащим, которому оно не вверяется по службе, практически всегда сопровождается действиями, образующими незаконный оборот: ношение, хранение, перевозка, передача, сбыт. Поскольку в этих случаях происходит также посягательство на общественную безопасность в сфере обращения оружия, то содеянное необходимо квалифицировать по совокупности трех преступлений: ч. 1

¹ Ахметшин Х.М. Дезертирство. Научно-практический комментарий к ст. 338 УК РФ // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2004. № 6. 2004. С. 113—118.

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими. URL: <http://base.garant.ru/1352523/> (дата обращения: 06.02.2021)

ст. 338 и соответствующие части статей 222 и 226 УК РФ.

Совершение в процессе дезертирства иных противоправных действий с оружием, вверенным по службе, например, умышленное или неосторожное уничтожение или повреждение (ст. 346 и 347 УК РФ), утрата оружия (ст. 348 УК РФ), нарушение правил обращения (ст. 349 УК РФ), применение его для совершения преступлений, влечет дополнительную квалификацию по совокупности с соответствующими статьями УК РФ¹.

В соответствии с ч. 2 ст. 338 УК РФ дезертирство считается совершенным организованной группой, т.е. устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения этого преступления. Основания для такой квалификации будут иметь место в том случае, если по делу установлено, что два и более военнослужащих заранее договорились о совместном совершении этого преступления, провели предварительную подготовку или иным образом объективно засвидетельствовали устойчивость возникших между ними связей, имеющих целью совершить дезертирство. Такими основаниями могут служить данные о том, что лица заранее, действуя во исполнение совместного плана, подготовили документы, гражданскую одежду, договорились о месте работы или о месте пребывания или иным образом создали условия для сокрытия своей принадлежности к Вооруженным Силам во время незаконного пребывания вне военной службы.

Субъектом преступления является военнослужащий, проходящий военную службу по призыву или по контракту.

Субъективная сторона состава преступления представляет собой его внутреннюю сторону, психическую деятельность лица, непосредственно связанную с совершением им преступления. Основным и обязательным признаком субъективной

стороны принято считать вину. Факультативными признаками — мотив и цель.

С субъективной стороны дезертирство может быть совершено только с прямым умыслом. Совершая дезертирство, военнослужащий осознает, что он незаконно оставляет воинскую часть или место службы и желает таким образом уклониться от несения обязанностей военной службы. С прямым умыслом совершается также дезертирство путем неявки в часть или к месту службы при назначении, переводе, из командировки, из отпуска или лечебного учреждения.

Важнейшим признаком субъективной стороны состава рассматриваемого преступления является цель уклониться от военной службы, о чем прямо говорится в диспозиции ст. 338 УК РФ. Наличие цели уклониться от несения обязанностей военной службы отличает дезертирство от самовольного оставления части (ст. 337 УК РФ). Если такая цель появилась у военнослужащего после самовольного оставления части (места службы), содеянное следует квалифицировать только как дезертирство².

Об умысле на дезертирство могут свидетельствовать такие обстоятельства, как приобретение или изготовление лицом подложных документов, удостоверяющих личность либо свидетельствующих о том, что гражданин прослужил установленный законом срок военной службы или имеет отсрочку от призыва, устройство на работу. Например, К. проходил военную службу по призыву в воинской части. Оставив в июле 2007 г. расположение данной части. К. в 22 апреля 2009 г. явился в военный следственный отдел СК России, где 6 мая 2009 года получил предписание о явке в тот же день к 15 часам в военную комендатуру гарнизона для решения вопроса о прикомандировании к одной из частей гарнизона. Однако, не желая продолжать военную службу, в целях во-все уклониться от нее, К., без каких-либо уважительных причин, туда не прибыл, а

¹ Шарапов С.Н. Дезертирство с оружием: основания криминализации, вопросы квалификации и проблемы законодательной конструкции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2007. № 5. С. 78—85.

² Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник. М.: Инфра-М, 2015.

стал проводить время по своему усмотрению, проживая в Республике Татарстан и трудоустроившись в различные организации. При этом свою принадлежность к Вооруженным Силам Российской Федерации он скрывал, в том числе используя поддельный паспорт гражданина Российской Федерации на имя другого человека¹.

Основное различие между самовольным оставлением части или места службы и дезертирством проходит по признакам субъективной стороны данных преступлений. При совершении дезертирства военнослужащий осознает, что он незаконно и, что главное, окончательно, навсегда оставляет воинскую часть, желая таким образом уклониться от несения обязанностей военной службы. Именно поэтому цель дезертирства — уклонение от несения обязанностей по военной службе раз и навсегда — является ключевым отличительным признаком рассматриваемых составов.

Случаи длительного уклонения от военной службы путем самовольного оставления части либо неявки в срок без уважительных причин на службу (например, в течение двух-трех месяцев), но без цели вовсе уклониться от несения обязанностей военной службы, должны квалифицироваться по ч. 4 ст. 337 УК РФ.

Следует также учитывать, что цель уклониться от военной службы может появиться у военнослужащего не только перед оставлением части или места службы, она может возникнуть также в процессе совершения самовольного оставления части. То есть, прямой умысел при совершении данного преступления может быть, как обдуманый, так и внезапно возникший. Обдуманый умысел чаще появляется у военнослужащего, покидающего место службы, тогда как внезапно возникший умысел может проявиться, к примеру, при неявке в срок к месту службы. Военнослужащий в последний день отпуска решил остаться дома и вовсе

уклониться от исполнения обязанностей военной службы. В этих случаях одно менее тяжкое преступление против порядка прохождения военной службы перерастает в другое, более тяжкое, которое должно быть квалифицировано по ст. 338 УК РФ. Например, Ш., желая разрешить свои личные вопросы, 6 сентября 2013 г. без уважительных причин не явился в срок на службу в войсковую часть и с целью вовсе уклониться от прохождения военной службы стал проживать в расположенном неподалеку от населенного пункта крестьянско-фермерском хозяйстве, работая там и проводя время по своему усмотрению.²

Указанная цель дезертирства может обуславливаться самыми разными мотивами: начиная от нежелания переносить трудности военной службы и до боязни смерти в военное время. Однако эти же мотивы могут характеризовать и поведение лица, временно оставляющего воинскую часть и совершающего тем самым одно из деяний, предусмотренных ст. 337 УК РФ.

Мотив преступления (заинтересованность) представляет собою внутренние побуждения, толкнувшие человека на совершение преступления. В основе мотива лежат потребности человека (как нормальные, так и искаженные), которые могут быть осознанными или действовать подсознательно. Важной функцией мотива и цели является разграничение воинских преступлений между собой, а также их отграничение от смежных общеуголовных деяний. Наиболее распространенным способом отражения мотивов и целей в нормах УК РФ о воинских преступлениях является их прямое включение в состав преступления в качестве одного из конструктивных признаков. Такой способ позволяет не только показать влияние мотива и цели на характеристику общественной опасности преступления, но и определить воинскую природу

¹ Приговор Казанского гарнизонного военного суда № 1-1/2019 1-37/2018 от 25 января 2019 г. по делу № 1-1/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 06.02.2021)

² Приговор Пятигорского гарнизонного военного суда № 1-45/2019 от 13 декабря 2019 г. по делу № 1-45/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 06.02.2021)

конкретного деяния. Данным способом рассматриваемые признаки включены в статьи об ответственности за насильственные действия в отношении начальника, дезертирство (ст. 334, 338 УК РФ).

Следует различать цель уклониться от военной службы и мотивы дезертирства. Целью виновного при дезертирстве является уклонение от обязанностей военной службы путем самовольного оставления части или неявка в часть и пребывание таким образом вне армии. Цель обуславливается определенными мотивами. Мотивы эти могут быть весьма различными: нежелание переносить трудности военной службы, боязнь ответственности за совершенные проступок или преступление, боязнь смерти в военное время и др. Мотивы дезертирства имеют важное значение для определения степени общественной опасности преступления и преступника, для правильного применения наказания.

В ст. 338 УК РФ цель уклонения от военной службы, будучи конструктивным признаком дезертирства, является решающим условием, определяющим уголовную ответственность за любое по продолжительности уклонение от службы военнослужащего, вне зависимости от его последующего добровольного возвращения, которое может быть признано судом явкой с повинной¹.

Совершение дезертирства может быть следствием стечения тяжелых обстоятельств. Под стечением тяжелых обстоятельств следует понимать объективно существовавшие на момент самовольного оставления части (места службы) неблагоприятные жизненные ситуации личного, семейного или служебного характера, воспринимавшиеся военнослужащим как негативные обстоятельства, под воздействием которых он принял решение совершить преступление. К ним могут относиться, в частности, такие жизненные обстоятельства, которые

обуславливают необходимость незамедлительного прибытия военнослужащего к месту нахождения близких родственников (тяжелое состояние здоровья отца, матери или других близких родственников, похороны указанных лиц и др.) либо существенно затрудняют его пребывание в части (в месте службы) в силу различных причин (например, из-за неуставных действий в отношении военнослужащего, невозможности получить медицинскую помощь).

Тяжелые обстоятельства могут быть связаны с применением к военнослужащему насилия, издевательств со стороны сослуживцев или отдельных командиров, грубым ущемлением его прав и человеческого достоинства. Когда стечение тяжелых обстоятельств имело временный характер, сами эти обстоятельства преодолены, представляется, что необходимым условием освобождения от уголовной ответственности является добровольная явка военнослужащего в воинскую часть. В случае уклонения от несения обязанностей военной службы после устранения сложившихся тяжелых обстоятельств, имевших временный характер, правовых оснований для освобождения виновного от уголовной ответственности не имеется.

Библиография

1. Ахметшин, Х.М. Дезертирство. Научно-практический комментарий к ст. 338 УК РФ / Х.М. Ахметшин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — № 6. — 2004. — С. 113—118.
2. Военно-уголовное право : учеб. / под ред. Х.М. Ахметшина, О.К. Зателепина. — М., — 2008. — 384 с.
3. Зателепин, О.К. Квалификация преступлений против военной безопасности государства / О.К. Зателепин. — М., 2009. — 288 с.
4. Козаченко, И.Я. Уголовное право. Особенная часть в 2 т. Том 1 : учебник для академического бакалавриата / под ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселова; 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 351 с.
5. Корякин, В.М. Некоторые вопросы квалификации преступлений за уклонение от прохождения военной службы / В.М. Корякин, В.С. Харитонов // Военное право. — 2020. — № 4 (62). — С. 180—184.
6. Степаненко, Н.Е. Актуальные проблемы уголовной ответственности военнослужащих за

¹ Ермолович Я.Н. Научно-практический комментарий к главе 33 Уголовного кодекса Российской Федерации (постатейный, с судебной практикой). М.: Центр правовых коммуникаций, 2018.

уклонение от военной службы / Н. Е. Степаненко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2012. — № 1. — С. 113 — 118.

7. Степаненко, Н.Е. Вопросы совершенствования уголовно-правовой нормы об ответственности за самовольное оставление места службы / Н.Е. Степаненко, В.С. Лускан // Право в Вооруженных Силах. — 2019. — № 4. — С. 73 — 80.

8. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник. — М.: Инфра-М, 2015. — 704 с.

9. Харитонов, В.С. О некоторых аспектах функционирования добровольной подготовки граждан к военной службе / В.С. Харитонов // Военное право. — 2019. — № 2. — С. 147 — 149.

10. Харитонов, В.С. Правовые аспекты регулирования военно-прикладных видов спорта как

части добровольной подготовки граждан к военной службе / В.С. Харитонов // Военное право. — 2018. — № 2. — С. 94 — 99.

11. Харитонов, С.С. Некоторые вопросы квалификации уклонений от исполнения обязанностей военной службы (статьи 337 и 338 УК РФ) / С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 9 (278). — С. 41 — 47.

12. Шарапов, С.Н. Дезертирство с оружием: основания криминализации, вопросы квалификации и проблемы законодательной конструкции / С.Н. Шарапов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2007. — № 5. — С. 78 — 85.

Военные проблемы международного права. Зарубежное военное законодательство

Правовые основы участия воинского контингента Российской Федерации в составе Коллективных сил оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности

© Леонтьев Вячеслав Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель
начальника военного учебного центра при
федеральном государственном бюджетном
образовательном учреждении высшего
образования «Российский государственный
университет правосудия»

Аннотация. В статье раскрываются вопросы, связанные с правовыми основами применения воинского контингента Российской Федерации в составе Коллективных сил оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности при выполнении специальных задач (в контртеррористической операции). Показаны роль и место данного воинского контингента Российской Федерации в целом в данной области.

Ключевые слова: государственная безопасность; военная организация; воинский контингент; контртеррористическая операция; военное положение; полномочия; ограничения

Legal basis for the participation of the military contingent of the Russian Federation in the Collective rapid reaction forces of the Col- lective security treaty organization

© Leontiev V. N.,
candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Deputy Head of the Military Training Center at the
Federal State Budgetary Educational Institution of
Higher Education «Russian State University of Jus-
tice»

Abstract. The article deals with the issues related to the legal basis for the use of the military contingent of the Russian Federation as part of the Collective Rapid Reaction Forces of the Collective Security Treaty Organization in the performance of special tasks (in a counter-terrorist operation). The role and place of this military contingent of the Russian Federation as a whole in this area are shown.

Keywords: state security; military organization; military contingent; counter-terrorist operation; martial law; powers; restrictions

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), превратившаяся сегодня в действенный инструмент международной безопасности и стабильности, нуждается в постоянном совершенствовании, мобильной корректировке программ.

Это связано с быстрым изменением международной обстановки в зоне ответственности ОДКБ, а также с технологическими и интеллектуальными новшествами, если не сказать революциями, которые всё чаще трансформируют вопросы безопасности и

суверенитета с военного на информационный, ментальный, идеологический уровни. ОДКБ, являясь региональной международной организацией, на данный момент осуществляет деятельность, направленную, по сути, на поддержание всеобщей безопасности в условиях дестабилизации международного правопорядка. Современная система международного права была основана, прежде всего, на договоренностях, достигнутых на Ялтинской конференции.

На ее основе был выработан механизм международных отношений, закрепленных в Уставе ООН, прежде всего, в формировании основополагающих принципов, реализованных, не только в построении международных отношений, но и в национальном законодательстве государств.

- суверенное равенство государств;
- невмешательство во внутренние дела;
- право наций на самоопределение.

Данная система действовала на основе «двуполярной» системы мира. Но любая система функционирует надлежащим образом при условии наличия тех условий (элементов), при которых она создавалась.

На данный момент элементы данной системы изменились (окончание «холодной войны», распад СССР, изменение и «перераспределение» военных блоков), что должно повлечь изменение самой системы, чего не произошло, поэтому влечет неэффективность функционирования системы, в данном случае, системы международного права. Это влечет определенные проблемы в международных отношениях, такие как: наличие большого количества международно-правовых норм, формируемых различными источниками и существующих в различных формах (международные договоры, акты международных органов, правоприменительная практика различных международных судов) и отсутствие *реально* обеспечения их деятельности; развитие интеграционных процессов, глобализация и стремление государств к наращиванию вооружений в целях обеспечения своей национальной безопасности. Практика деятельности Совета Безопасности ООН показывает, что его роль, как основ-

ного органа обеспечения международной безопасности, сведена к минимуму.

Назрела объективная необходимость изменения существующей системы международных отношений и, как следствие, системы международного права, а именно — переход от двуполярной системы «мироустройства» к многополярной.

Это не означает глобальной перестройки («ревизионизма») существующей модели международно-правового регулирования международных отношений. На взгляд автора, достаточно корректировки существующих основополагающих принципов международного права, определенной перезагрузки международных отношений.

В этом направлении необходимо сместить акцент с «глобального» регулирования международных отношений к «региональному». При этом, чтобы не страдали «национальные интересы» государств, такие субъекты международного права, как государства, могут быть участниками различных региональных объединений (союзов), с учетом географического (геополитического) положения государств.

Теория права в общем виде объясняет, что право — это, прежде всего, регулятор общественных отношений со стороны государства. При этом общественные отношения всегда имеют свои национальные, исторические, социальные, религиозные и другие различия. Поэтому право различных государств в любом случае будет отличаться. Каждое государство, являясь субъектом международного права, должно выполнять взятые на себя международные обязательства, что влечет определенный дисбаланс международного и национального права.

Таким образом, международно-правовое регулирование возникающих проблем в международных отношениях, адаптированных для современных условий, будет отвечать защите интересов не отдельных государств, а целой группы, а в большинстве случаев — континентов и, как следствие, способствовать всеобщему миру и безопасности. Таким образом, деятельность ОДКБ предоставляет возмож-

ность легитимного принуждения к нарушителю международно-правовых норм.

Это заставляет всех тех, кому небезразлична судьба евразийской безопасности, не просто искать ответы на вызовы, следуя тому или иному тренду, заданному не нами, а всерьез задуматься о формировании таких трендов самим. Знаковым для ОДКБ событием стало принятие главами государств в октябре 2016 г. Стратегии коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 г. Это документ, призванный стать концептуальной основой функционирования Организации на долгосрочную перспективу¹.

Научный интерес в связи с этим представляет исследование ОДКБ в параметрах региональной системы коллективной безопасности, обобщение практики коалиционного военного строительства в формате Организации. Концепция системы коллективной безопасности предусматривает обязательства каждого государства гарантировать безопасность других государств-членов этой системы коллективной безопасности. По мнению К.П. Саксена (Индия), «агрессивное и незаконное использование силы одной нацией против другой будет встречено совместной силой всех других наций, действующих по правилу "один за всех и все за одного"»².

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации определены основные направления обеспечения государственной безопасности, в соответствии с которыми:

— совершенствуются структура и деятельность воинского контингента Российской Федерации в составе Коллективных сил оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности (КСОР ОДКБ), развивается система выявления, предупреждения и пресечения разведывательной и иной деструктивной деятельности специальных служб и орга-

низаций иностранных государств, наносящей ущерб национальным интересам, актов терроризма, проявлений религиозного радикализма, национализма, сепаратизма, иных форм экстремизма, организованной преступности и других преступных посягательств на конституционный строй Российской Федерации и ее союзников.

— укрепляется режим безопасного функционирования, повышается уровень антитеррористической защищенности организаций оборонно-промышленного, ядерного, химического, топливно-энергетического комплексов страны, объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры, других критически важных и потенциально опасных объектов;

В связи с этим в целях обеспечения государственной безопасности, вполне логичным является создание и развития воинского контингента Российской Федерации в составе КСОР ОДКБ.

КСОР являются войсками первоочередного задействования ОДКБ, предназначенной для борьбы с проявлениями терроризма и других вызовов и угроз государств-членов ОДКБ. А вошедшие в их состав Коллективных сил быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона позволили сформировать мощную структуру, способную решать возложенные задачи.

В соответствии с Соглашением о КСОР ОДКБ от 4 февраля 2009 г. «О Коллективных силах оперативного реагирования» коллективные силы предназначены с борьбой с терроризмом, а в качестве задач для них определены:

— развертывания на территории любого из государств-членов ОДКБ с целью демонстрации готовности к применению военной силы;

— участие в предотвращении и отражении вооруженного нападения, в том числе агрессии, ликвидации вооруженных конфликтов;

— участие в мероприятиях по борьбе с международным терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оружия и боеприпасов, другими видами

¹ Ермолаева Н. Принята стратегия развития ОДКБ до 2025 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2016/10/14/priniata-strategiia-razvitiia-odkb-do-2025-goda.html> (дата обращения 15.06.2021).

² Saksena K.P. The United Nations and Collective Security: a Historical Analysis. Delhi, 1977.

транснациональной организованной преступности;

— усиление войск прикрытия государственных границ и охраны государственных и военных объектов государств-членов ОДКБ;

— участие в обеспечении оперативного развертывания объединенных (региональных) группировок войск (сил);

— участие в выполнении мероприятий по защите населения от опасностей, возникающих при ведении или вследствие военных действий, а также ликвидации чрезвычайных ситуаций и оказании чрезвычайной гуманитарной помощи;

— иные задачи, определенные Советом коллективной безопасности.

Противодействие международному терроризму и экстремизму решением глав государств-членов ОДКБ возведено в ранг одной из приоритетных сфер деятельности Организации. В формате ОДКБ принят не имеющий аналогов в других международных организациях механизм формирования единого списка террористических и экстремистских организаций. Для решения контртеррористических задач в составе Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ сформированы и проходят интенсивную подготовку формирования сил специального назначения. В формате ОДКБ планируется проведение специальных мероприятий, направленных на выявление и пресечение каналов вербовки граждан в ряды террористических организаций, противодействие проникновению в государства-члены ОДКБ боевиков из зон вооруженных конфликтов. В центре внимания организации стоят вопросы совместной борьбы с терроризмом, в том числе и проблемы формирования единого списка террористических организации¹. Это создаёт юридическую базу для совместной борьбы с терроризмом и позволит преследовать в законодательном порядке членов террористических группировок, фигурирующих в списке, во всех государ-

ствах-членах Организации. Необходимо отметить, что современные условия использования вооруженных сил государств в составе Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ связаны с проблемами определения предмета правоотношений и, соответственно, с выбором и применением правовых норм. Применение вооруженных сил государством воспринимается как участие в вооруженном конфликте. Однако, использование государством своих вооруженных сил не всегда является вооруженным конфликтом. Например, если брать прецеденты ЕСПЧ в отношении использования Вооруженных Сил Российской Федерации², то речь идет о реализации положений Европейской конвенции во внутригосударственном законодательстве при проведении контртеррористической операции, на которую не распространяются нормы права вооруженных конфликтов. Здесь речь идет о внутригосударственных отношениях³, а именно о создании Объединенной группировки войск на Северном Кавказе с включением в ее состав формирований всех силовых министерств и ведомств, а также о подготовке контртеррористической операции на территории Чечни.

При этом необходимо отметить, что правовые последствия использования вооруженных сил государств в составе Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ будут различные, в зависимости от того, что является предметом — вооруженный конфликт или совместная борьба с терроризмом. Так, например, участники вооруженного конфликта (противоборствующих сторон, в соответствии с нормами международного гуманитарного права, являются военнопленными, а участники вооруженного противостояния в рамках участия вооруженных сил государств в со-

¹ Заявление Глав СКБ: Официальный сайт ОДКБ [Электронный ресурс]. — URL: http://odkb-csto.org/information/detail.php?ELEMENT_ID=144 (дата обращения: 15.06.2021).

² Дело Исаевой, Юсуповой и Басаевой против России. Постановление ЕСПЧ по жалобам № 57947/00; 57948/00; 57949/00. Дело Хашиева и Акаевой против России. Постановление ЕСПЧ по жалобам № 57942/00; 57945/00, и др.

³ Указ Президента РФ от 23 сентября 1999 г. «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации».

ставе Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ в борьбе с терроризмом имеют совершенно другой статус. Захваченные члены вооруженной террористической группировки будут иметь уголовно-правовой статус (подозреваемый, обвиняемый подсудимый, осужденный), т.к. терроризм является уголовным преступлением по законодательству государств — членов ОДКБ¹. Лица из состава вооруженных сил государств в составе Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ в борьбе с терроризмом не являются с позиции международного гуманитарного права военнопленными, но приравниваются к ним с позиции национального законодательства².

В условиях глобализации борьба с национальной преступностью также требует международного сотрудничества, но в достаточно узком аспекте, связанном, например, с выдачей лица, совершившего преступление, и ликвидацией негативных последствий криминального деяния. Однако, в случае совершения преступления международного характера, возникает необходимость более глубокого и многостороннего межгосударственного контакта, разрешения различных вопросов материально-правового и процессуально-правового характера. По мнению Н.А. Чернядьевой договоры, посвященные борьбе с терроризмом, в первую очередь должны быть направлены на установление норм, связанных с противодействием именно транснациональным формам данного явления³. Автор придерживается данной точки зрения. Но, при этом, в современных условиях бывает сложно выделить правоотношения, которые относятся

именно к борьбе с терроризмом. Примером может быть Сирийская Арабская Республика (САР), на территории которой осуществляют деятельность оппозиционные правительству вооруженные группировки (что носит признаки внутреннего вооруженного конфликта), иностранные вооруженные силы (что, при отсутствии международного соглашения с официальными государственными структурами, формально относится к признакам международного вооруженного конфликта), вооруженные группировки террористических организаций. В данных условиях представляется юридически выверенным нахождение на территории САР Вооруженных Сил Российской Федерации. Соглашением с Сирийской Арабской Республикой от 26 августа 2015 г., на основании которого, с учетом положений Федерального закона «О противодействии терроризму», российский военный контингент привлекался к борьбе с террористическими группировками, в т.ч. «ИГИЛ», «Джебхат-ан-Нусра» (организации запрещены в Российской Федерации).

В современных условиях может показаться сомнительным, что ст. 4 Договора о коллективной безопасности может быть востребована в том виде, в каком она была прописана. Маловероятно, что какая-то страна может решиться на прямую агрессию в отношении государства-члена ОДКБ.

Но практика дестабилизации ситуации в государствах Ближнего Востока экстремистскими, террористическими и информационно-идеологическими средствами может быть перенесена в Центрально-Азиатский регион.

Закономерным результатом стала резкая и, судя по всему, долговременная дестабилизация обстановки на Ближнем Востоке и в Афганистане. Весьма ощутимой болевой точкой для ОДКБ продолжает оставаться Афганистан. Не сокращается поток афганских наркотиков на территорию государств-членов ОДКБ и далее в Европу. Остаётся угрожающей обстановка на таджикско-афганской границе. В соответствии с принятым главами государств-членов ОДКБ решением в ежегодно про-

¹ См. напр., ст. 205 УК РФ, ст. 255 УК Республики Казахстан, ст. 289 Республики Беларусь.

² Напр., в соответствии с п. «л» ч. 1 ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» к исполнению обязанностей военной службы относятся случаи нахождения в плену (за исключением случаев добровольной сдачи в плен), в положении заложника или интернированного.

³ Чернядьева Н.А. Антитеррористические соглашения СНГ и ШОС: основные проблемы междоговорного согласования // Евразийский юридический журнал. 2015. №3 (82). С. 23—27.

водится внезапная проверка готовности воинских контингентов Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ к выполнению задач по предназначению.

Тем самым борьба с международным терроризмом стала для ОДКБ одной из важнейших задач. Для координации совместных действий в области противодействия экстремизму и терроризму сформирована и на регулярной основе проводит свои заседания специальная Рабочая группа экспертов государств из числа сотрудников органов безопасности, внутренних дел и аппаратов советов безопасности. В целях усиления антитеррористических возможностей Войск (Коллективных сил) Организации в состав Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ включены формирования сил специального назначения – подразделения силовых структур государств-членов, предназначенные для осуществления специальных антитеррористических мероприятий. На плановой основе осуществляется боевая подготовка сил и средств системы коллективной безопасности. В замысел совместных тактических и тактико-специальных учений («Взаимодействие», «Нерушимое братство», «Кобальт», «Гром») включаются вопросы, связанные с решением контртеррористических задач.

В целях борьбы с террористической угрозой эффективно используются возможности сформированной системы кризисного реагирования ОДКБ. Вопросы противодействия терроризму и экстремизму отрабатываются в рамках проводимых в формате ОДКБ операций: антинаркотической — «Канал» и по обеспечению безопасности электронных информационных сетей — ПРОКСИ. В ходе этих операций, наряду с решением целевых задач, акцентируется внимание на: пресечении незаконного оборота оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ; выявлении информационных ресурсов, используемых террористическими и экстремистскими организациями в вербовочной работе.

Система кризисного реагирования ОДКБ, по мнению автора, заключается не только в непосредственной борьбе с терроризмом на определенной территории, но

и с обеспечением прав лиц, проживающих на ней. Командиры подразделений, входящих в состав вооруженных сил государств в составе Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ, расположенных на территории, на которой проводится операция по борьбе с терроризмом, обязаны уважать существующие на данной территории законы, принимать все зависящие от них меры по обеспечению общественного порядка и безопасности. В отношении гражданского населения должны быть приняты дополнительные меры контроля обеспечения безопасности, необходимые в связи с проводимыми действиями.

Вооруженные силы государств в составе Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ должны проводить мероприятия по оказанию помощи данному населению и способствовать осуществлению этих мероприятий всеми имеющимися в их распоряжении способами.

На данную территорию могут поступать грузы помощи в интересах населения этой территории. Распределение данных грузов помощи производится при содействии и под контролем вооруженных сил государств в составе Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ.

Можно определить основные задачи вооруженных сил государств в составе Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ в период проведения мероприятий по борьбе с терроризмом в отношении населения:

- 1) обеспечение в районе противодействия терроризму правопорядка, участие в обеспечении общественного порядка;
- 2) организация в пределах своей компетенции мер по противодействию незаконному обороту наркотических средств;
- 3) сбор, обобщение и анализ информации по направлениям деятельности по борьбе с терроризмом;

Представляется, что для решения вышеуказанных задач вооруженные силы государств в составе Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ на данной территории осуществляют следующие функции:

— организация и контроль за осуществлением патрульной службы в районе борьбы с терроризмом;

— планирование и проведение, в пределах своей компетенции, мероприятий по предотвращению противоправных действий и вооруженного нападения, направленных против военнослужащих и объектов вооруженных сил государств в составе Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ;

— планирование, организация и проведение в установленном порядке проверок соблюдения режима борьбы с терроризмом по направлениям деятельности вооруженных сил государств в составе Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ;

— обеспечение пропускного режима и соблюдение комендантского часа;

— обеспечение безопасности представителей благотворительных организаций в районе борьбы с терроризмом, в местах их посещения, проживания, питания и на маршрутах следования;

— участие в обеспечении соответствующего правового режима, применение мер и временных ограничений, в том числе по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в районе борьбы с терроризмом.

Стратегической целью ОДКБ является обеспечение коллективной безопасности путём консолидации усилий и ресурсов государств-членов ОДКБ на основе стратегического партнёрства и общепризнанных норм и принципов международного права. Достижение стратегической цели обеспечения коллективной безопасности ОДКБ осуществляется путем разработки и системной реализации комплекса взаимосвязанных политических, дипломатических, оборонных, экономических, информационных и иных мер, направленных на

упреждение или снижение угроз коллективной безопасности ОДКБ.

В сфере антикризисного реагирования в формате ОДКБ главным является информационно-аналитическое и организационное обеспечение принятия Советом коллективной безопасности ОДКБ консенсусных решений о совместных действиях по предотвращению (урегулированию) кризисных ситуаций в зоне ответственности Организации, защите безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитета государств-членов ОДКБ. Эта задача организационно будет решаться на базе Центра кризисного реагирования ОДКБ, созданного решением Совета коллективной безопасности ОДКБ от 14 октября 2016 г. на базе самых современных технологий, включая защищённую видеоконференцсвязь в интересах уставных органов ОДКБ.

Таким образом, реализация мероприятий коалиционного военного строительства требует постоянного совершенствования нормативной правовой базы как в вопросах создания и развития компонентов военной составляющей Организации, так и в вопросах организации их применения и всестороннего обеспечения.

Подобный интерес к заявленным выше явлениям вполне естественен, так как они затрагивают наиболее важные стороны жизнедеятельности государств-членов, и органов Организации в целом. Именно практическое значение этого вопроса стало основной причиной исследования данной проблемы.

Библиография

1. Saksena K.P. The United Nations and Collective Security: a Historical Analysis. Delhi, 1977.
2. Чернядьева, Н.А. Антитеррористические соглашения СНГ и ШОС: основные проблемы междоговорного согласования / Н.А. Чернядьева // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 3 (82) — С. 23—27.

Проблемы реализации запрета на размещение оружия массового уничтожения в космосе

© Тарадонов Сергей Валерьевич,
кандидат юридических наук, доцент, профессор
кафедры теории и истории государства и права
Военного университета, доцент кафедры
гражданского права, международного частного
права и гражданского процесса Российского
университета транспорта (РУТ (МИИТ))

Аннотация. В статье исследуется система правовых и организационных средств, обеспечивающих запрет на размещение оружия массового уничтожения в космосе. Автором охватывается значительный пласт нормативных источников, анализируется система международных и национальных органов и организаций, контролирующих процесс милитаризации космического пространства. Особое внимание уделяется этапам становления системы международной безопасности, обеспечивающей запрет на размещение оружия массового уничтожения в космосе.

Ключевые слова: космос, милитаризация космоса, оружие массового уничтожения, международные организации, запрет на размещение оружия массового уничтожения в космосе.

Problems of implementing the prohibition of weapons of mass destruction deployment in space

© Taradonov S. V.,
Sc. Law, docent, the professor of the Theory and
History of State and Law Department of the Military
University; the docent of civil law, international pri-
vate law and civil procedure, Russian University of
transport cand

Annotation. The article examines the system of legal and organizational means that ensure a prohibition of weapons of mass destruction deployment in space. The author covers a significant layer of regulatory sources, analyzes the system of international and domestic bodies and organizations that control the process of space militarization. Special attention is paid to the stages of the formation of the international security system that ensures the prohibition of weapons of mass destruction deployment in space.

Keywords: space, militarization of space, weapons of mass destruction, international organizations, prohibition of weapons of mass destruction deployment in space.

Запуск 4 октября 1957 г. СССР первого в истории человечества искусственного спутника ознаменовал начало эры освоения космического пространства и практического исследования в данной области.

Сегодня исследованием космоса и вопросами космической безопасности занимается более 130 государств. Успехи в данной области могут помочь найти решение глобальных проблем человечества, таких, как защита окружающей среды, контроль за использованием природных бо-

гатств, энергетической и информационной безопасности и ряда других. Но, с другой стороны, вовлечение в сферу военного противостояния космоса может породить серьезные угрозы для всего человечества. В широком плане гарантии неиспользования космоса как средства враждебных действий являются основой обеспечения международного мира и безопасности, а в более узком плане — предотвращение размещения оружия любого вида в космиче-

ском пространстве; это важнейшая стратегическая задача.

Относительно спокойная ситуация в мире в этой области связана, в первую очередь, с результатами исполнения заключенных международных соглашений всем мировым сообществом.

Несмотря на длительное обсуждение в рамках работы Специального комитета Конференции по разоружению Генеральной ассамблеи ООН проблематики предотвращения гонки вооружений в космосе, легального определения понятия «космическое оружие», так и не было сформулировано.

А.П. Бобров предлагает, под космическим оружием понимать «системы или устройства, основанные на любых физических принципах, выводимые на орбиту вокруг Земли или размещаемые в космическом пространстве каким-либо иным образом, которые были созданы или переоборудованы для уничтожения, повреждения или нарушения нормального функционирования объектов в космосе, а также на поверхности Земли или в ее воздушном пространстве. То есть космическое оружие создается для непосредственного поражения средств противника и по своему характеру может быть как оружием массового уничтожения (ОМУ), так и обычным, в том числе и основанном на новых физических принципах»¹.

Вопрос ограничения (или даже запрета) милитаризации космоса, волнует все человечество.

Еще в 1957 г., за несколько месяцев до запуска первого искусственного спутника на орбиту Земли, под эгидой ООН началась активная работа по запрету использования космоса в военных целях и размещения там ОМУ.

5 августа 1963 г. в Москве СССР, США и Великобритания подписали Догово-

вор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой².

В последующем, результатом договоренностей стало одобрение Генеральной Ассамблеей резолюции 2222 (XXI) от 19 декабря 1966 г. Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, вступившего в силу в 1967 г.³

Этот договор заложил основные принципы международного космического права: исследование и использование космического пространства должно проводиться на пользу всех стран и в интересах всех стран, а Луна и прочие небесные тела не подлежат национальному присвоению или заявлениям о суверенитете» (ст. I и II).

В ст. IV Договора введено ограничение лишь на ядерное оружие и другие виды ОМУ: «Государства — участники Договора обязуются не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом».

² Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой (Московский договор). Подписан СССР, США и Великобританией в Москве 5 августа 1963 г.; вступил в силу 10 октября 1963 г. // Советский Союз в борьбе за разоружение : Сборник документов. М.: Политиздат, 1977. С. 31–34 (https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nuclear_seabed.pdf, (дата обращения 31.05.2021).

³ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (принятое краткое название — Договор по космосу), был одобрен резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 19 декабря 1966 г. A/RES/2222(XXI); подписан в Лондоне, Москве и Вашингтоне 27 января 1967 г.; вступил в силу 10 октября 1967 г. // Советский Союз в борьбе за разоружение: Сборник документов. М.: Политиздат, 1977. С. 35–42. (https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml и <https://undocs.org/ru/A/RES/2222%28XXI%29> (дата обращения 25.05.2021).

¹ Бобров А.П. О проблематике предотвращения размещения оружия в космическом пространстве. Подходы Российской Федерации к военной деятельности в космосе: Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ URL: <http://www.armscontrol.ru/course/lectures04a/apb040317.htm> (дата обращения 25.05.2021).

Вопросы размещения в космосе других видов оружия в Договоре не регулируются, вследствие чего можно прийти к выводу, что действующее международное законодательство не содержит запрета на использование в космическом пространстве оружия, не относящегося к ОМУ. Это создает угрозы стратегической стабильности международного мира.

Учитывая это обстоятельство, мировое сообщество продолжает заниматься разработкой и согласованием нормативных актов, направленных на предотвращение милитаризации космоса.

Решением ГА ООН в 1958 г. учрежден Комитет ООН по использованию космического пространства в мирных целях (Committee on the peaceful uses of outer space). Россия — одна из стран создателей-членов Комитета, в который сегодня входят 95 государств¹. Основные задачи — рассмотрение вопросов международного сотрудничества в области использования космоса в мирных целях и оказание содействия в реализации программ под эгидой ООН в этой сфере.

В 1979 г. по итогам первой специальной сессии ГА ООН по разоружению 1978 г., была создана Конференция по разоружению (далее — КР), как единственный многосторонний переговорный форум международного сообщества для выработки соглашений по разоружению².

К компетенции КР отнесены фактически все проблемы многостороннего контроля над вооружениями и проблемы разоружения, в том числе прекращение гонки ядерных вооружений и ядерное разоружение; предотвращение ядерной войны, включая все связанные вопросы; предотвращение гонки вооружений в космосе.

Изначально в работе КР участвовало 40 государств. Впоследствии её состав увеличился и в настоящее время членами

КР являются 65 государств, в том числе все ядерные государства и страны, обладающие военным ядерным потенциалом. Порядка 40 государств ежегодно принимают участие в сессии Конференции в качестве наблюдателей. Из членов ОДКБ наряду с Россией (как правопреемницей и правопродолжательницей СССР) в работе Конференции участвуют Белоруссия и Казахстан. Статус наблюдателя регулярно получают Армения, Киргизия и Таджикистан.

На КР разработаны такие важные многосторонние разоруженческие соглашения, как Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (1972 г.)³, Договор о нераспространении ядерного оружия (1968 г.)⁴, Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов ОМУ (1971 г.)⁵, Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (1993 г.)⁶, Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду

³ Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (одобрена резолюцией 2826 (XXVI) ГА ООН от 16 декабря 1971 года) // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacwep.shtml (дата обращения: 31.05.2021).

⁴ Договор о нераспространении ядерного оружия (одобрен резолюцией 2373 (XXII) ГА ООН от 12 июня 1968 года) // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 31.05.2021).

⁵ Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения [Договор по морскому дну] (принят резолюцией 2660 (XXV) ГА ООН от 7 декабря 1970 года) // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/seabed_wmd_prohibition.shtml (дата обращения: 31.05.2021).

⁶ Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (принята в Париже 13 января 1993 года) // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/chemweapons.shtml (дата обращения: 31.05.2021).

¹ <https://www.mid.ru/predotvrashenie-gonki-vooruzenij-v-kosmose/>

/asset_publisher/wD2rNsftQhho/content/id/3487498 (дата обращения 31.05.2021).

² <https://www.un.org/ru/ga/68/meetings/nucleardisarmament/disarmamentfora.shtml> (дата обращения 25.05.2021).

(1976 г.)¹ и Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (1996 г.)².

Предметом самого пристального внимания КР и ГА ООН также являются вопросы предотвращения размещения вооружения в космосе. В 1990 г. последняя поручила Генеральному секретарю при содействии группы правительственных экспертов (ГПЭ) проведение исследования о использовании различных мер по укреплению доверия в космическом пространстве. Доклад группы был представлен в 1993 г. (A/48/305)³.

На сессии Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу в марте 2000 г. Россией был поставлен на обсуждение вопрос о принятии универсальной конвенции по космическому праву. Делегации Колумбии, Китая, Болгарии, Греции и Ирана поддержали эту инициативу.

В апреле 2001 г. Китай, Колумбия и Российская Федерация предложили создать рабочую группу для рассмотрения этого вопроса. Однако делегация США выступила против данной идеи. Причины заключались в том, что принятие нового документа может якобы подорвать действенность ряда старых принципов, уже доказавших свою эффективность. Из-за

отсутствия консенсуса Комитет не принял соответствующего решения⁴.

В 2008 г. Россия и Китай на Конференции ООН по разоружению в Женеве внесли российско-китайский проект Договора о предотвращении размещения оружия в космосе (ДПРОК). Проект договора предусматривал запрет на размещение оружия любого вида в космическом пространстве, применение силы или угрозы силой в отношении космических объектов⁵.

В июне 2014 г. Россия и Китай представили на Конференции обновленный проект ДПРОК, учитывающий высказанные с момента его внесения предложения заинтересованных государств. В нем было предложено закрепить конкретные обязательства государств в части размещения и испытания в космосе оружия любого вида; предпринята попытка определения терминов «космический объект», «оружие в космическом пространстве», которые до сих пор отсутствуют в международном космическом праве.

В частности, предложено, под «оружием в космическом пространстве» понимать любой космический объект или его составную часть, созданные или переоборудованные для уничтожения, повреждения или нарушения нормального функционирования объектов в космическом пространстве, на поверхности Земли или в ее воздушном пространстве, а также для уничтожения человека, компонентов биосферы, важных для существования человека, или для причинения им ущерба, и чье действие основано на любых физических принципах». Устройство считается «размещенным в космическом пространстве», если оно совершило как минимум один оборот по орбите вокруг Земли или следует по части такой орбиты с дальнейшим уходом с нее, или находится на постоянной основе где-либо в космическом про-

¹ Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (рекомендована для рассмотрения, подписания и ратификации всеми государствами резолюцией 31/72 ГА ООН от 10 декабря 1976 года) // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml (дата обращения: 31.05.2021).

² Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (принят 50-й сессией ГА ООН от 10 сентября 1996 года и открыт для подписания 24 сентября 1996 года) // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102099583&backlink=1&nd=102066009> (дата обращения: 31.05.2021).

³ Доклад Генерального секретаря «Предотвращение гонки вооружения в космическом пространстве (исследование о применении мер по укреплению доверия в космическом пространстве)» // https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/48/305&referer=/english/&Lang=R (дата обращения: 31.05.2021).

⁴ Крутских А. Космос в политическом измерении // Международные процессы. Том 5. № 2(14). Май-август 2007.

⁵ Space Law. [Электронный ресурс]: United Nations Office for Outer Space Affairs. URL: <https://oosa.unvienna.org/oosa/SpaceLaw/index.html>. (дата обращения: 25.05.2021).

странстве или на любом небесном теле кроме Земли¹.

Еще в октябре 2004 г. в Первом комитете 59-й сессии ГА ООН в качестве первого шага к ДПРОК Россия в одностороннем порядке взяла на себя политическое обязательство не размещать первой оружие в космосе (НПОК). В 2005 г. такое обязательство приняли все остальные государства ОДКБ.

На 74-й сессии ГА ООН была принята резолюция от 12 декабря 2019 г. «Неразмещение первыми оружия в космосе» (НПОК)². Она набрала 128 голосов, 38 стран выступили ее соавторами, против выступили только 14 государств.

В резолюции о НПОК содержится призыв ко всем государствам рассмотреть возможность выразить свою приверженность политическому обязательству о неразмещении первыми оружия в космосе, а также к скорейшему началу предметной работы на КР на основе российско-китайского проекта ДПРОК.

На упоминавшейся уже 74-й сессии ГА ООН одобрили резолюцию по дальнейшим практическим мерам по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве (ПГВК) (A/RES/74/34), в которой приветствовались результаты работы ГПЭ. Эту резолюцию поддержало 131 государство при 45 воздержавшихся и

6 «против» (Австралия, Великобритания, Израиль, Канада, США и Украина)³.

Неотъемлемой частью работы над ДПРОК являются меры транспарентности и доверия в космической деятельности (МТДК).

Согласно резолюции 65/68, принятой Генеральной Ассамблеей 8 декабря 2010 г. [по докладу Первого комитета (A/65/410)]⁴, Генеральный секретарь поручил группе правительственных экспертов (ГПЭ), начиная с 2012 г., провести исследования по транспарентности и укреплению доверия в космосе. По результатам подробных и тщательных обсуждений эксперты согласовали ряд существенных МТДК и рекомендовали государствам рассмотреть и реализовать их на добровольной основе. Среди этих МТДК были уведомления о снижении рисков, обмен различными видами информации, связанной с космической политикой и деятельностью государств, а также визиты экспертов в национальные предприятия космической отрасли⁵.

Таким образом, продвижение проектов ДПРОК, НПОК и МТДК является сегодня первостепенной задачей России и всего мирового сообщества в целях предотвращения милитаризации космоса, обеспечения безопасности космической деятельности, безусловной реализации запрета на размещение оружия массового уничтожения в космосе.

Библиография

1. Бобров, А.П. О проблематике предотвращения размещения оружия в космическом пространстве. Подходы Российской Федерации к военной деятельности в космосе: Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ // URL:

¹ Термины «b» и «c» ст. 1 проекта договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов // Письмо Постоянного представителя Российской Федерации и Постоянного представителя Китая при Конференции по разоружению от 10 июня 2014 г. на имя исполняющего обязанности Генерального секретаря Конференции, препровождающее обновленные русский и китайский тексты проекта договора (ДПРОК), внесенного Российской Федерацией и Китаем. Конференция по разоружению, CD/1985, Женева, 12 июня 2014 г. <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/CD/1985> (дата обращения: 31.05.2021).

² <https://undocs.org/ru/A/RES/74/33> (дата обращения: 31.05.2021).

³ <https://undocs.org/ru/A/RES/74/34> (дата обращения: 31.05.2021).

⁴ <https://undocs.org/ru/A/RES/65/68> (дата обращения: 31.05.2021).

⁵ Домбровская Я.С., Сафронов В.В. О некоторых особенностях ответственности в международном воздушном праве // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2012. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-osobennostyah-otvetstvennosti-v-mezhdunarodnom-vozdushnom-prave> (дата обращения: 25.05.2021).

<http://www.armscontrol.ru/course/lectures04a/apb040317.htm> (дата обращения 25.05.2021).

2. Домбровская, Я.С. О некоторых особенностях ответственности в международном воздушном праве / Я.С. Домбровская, В.В. Сафронов //

Актуальные проблемы авиации и космонавтики. — 2012. — № 8.

3. Крутских, А. Космос в политическом измерении / А. Крутских // Международные процессы. — Том 5. — № 2(14). — Май-август 2007.

Вооруженные Силы Кыргызской Республики в период острых политических и социальных кризисов в постсоветский период

© Шейренов Бакыт Шаршенович,
полковник юстиции, старший офицер отдела
Объединенного штаба ОДКБ

Аннотация: в статье анализируется исторический путь становления Вооруженных Сил Кыргызской Республики в периоды внутренних острых политических и социальных кризисов, проблемы правового положения и порядка применения Вооруженных Сил Кыргызстана внутри страны, взаимоотношения армии и политической власти, а также обосновывается необходимость детальной регламентации применения Вооруженных Сил при кризисных ситуациях.

Ключевые слова: вооруженные силы; военное законодательство; внешние и внутренние функции вооруженных сил, проблемы применения Вооруженных Сил внутри страны.

The Armed Forces of the Kyrgyz Republic in the period of acute political and social crises in the post-Soviet period

© Sheirenov B.Sh.,
The Armed Forces of the Kyrgyz Republic in the pe-
riod of acute political and social crises in the post-
Soviet period.

Abstract: the article analyzes the historical path of the formation of the Armed Forces of the Kyrgyz Republic during periods of acute internal political and social crises, the problems of the legal situation and the procedure for the use of the Armed Forces of Kyrgyzstan within the country, the relationship between the army and political power, as well as the need for detailed regulation of the use of the Armed Forces in crisis situations..

Keywords: armed forces, military law, external and internal functions of the armed forces, problems of using the Armed Forces inside the country.

С момента развала Союза ССР на постсоветском пространстве нет ни одного государства, как Кыргызстан, на долю которого в новейшей истории выпало столько драматических моментов: три государственных переворота, названных «революциями», вторжение иностранных бандформирований, межэтнический конфликт, регулярные массовые народные волнения, изгнанные или находящиеся под стражей бывшие президенты, массовое обнищание народа и туманные перспективы в будущем.

В 1991 г. с момента обретения независимости Вооруженные Силы Кыргызстана начали свое самостоятельное существование. Состав войск и их дислокация почти полностью соответствовали составу и дислокации войск, находящихся на террито-

рии Кыргызстана до 1991 г. согласно оперативным планам Генерального штаба Министерства обороны СССР. Организационно-штатная структура претерпела незначительные изменения, в основном, в сторону существенного уменьшения численности личного состава. Нормативные правовые документы, определяющие военную политику того времени, носили, в основном, декларативный характер и не конкретизировали направления последующего развития создаваемой военной организации государства. В них не были заложены четкие механизмы законодательного правового регулирования и реализации военной политики. Высшее руководство страны не сформулировало позицию, какая армия нужна государству после развала СССР. Началу реформ послужило со-

здание Государственного комитета по делам обороны, который должен был выработать концептуальные основы деятельности войск, определить внешние и внутренние военные угрозы, планы по реформированию и дальнейшему развитию армии.

Однако процесс реформирования армии был сорван вторжением в 1999 г. с территории Республики Таджикистан, переживавшего разруху после кровопролитной гражданской войны, в Баткенский район Ошской области Кыргызстана боевиков незаконных вооруженных формирований (Исламского движения Узбекистана)¹ и необходимостью отражения их нападения.

Этот регион представляет собой весьма сложный пересеченный географический рельеф, а также доставшаяся в наследство от СССР переплетенную территорию (с наличием эксклавов) трех суверенных и независимых государств: Кыргызской Республики, Республики Узбекистан и Республики Таджикистан. К тому же на бывшей административной границе Кыргызстана и Таджикистана отсутствовали пограничные войска, а пограничной инфраструктуры в то время не существовало. В 1999 г. удалось не допустить их продвижения через территорию Кыргызстана в южные области Узбекистана. С учетом возникшей террористической угрозы была создана Южная группировка войск на базе воинских частей различных государственных органов (Министерства обороны, Министерства внутренних дел, Службы национальной безопасности и Министерства чрезвычайных ситуаций КР) и организовано стратегическое планирование на 2000 г. Начались формирование и комплектование отдельных батальонов особого назначения военнослужащими по контракту из числа мобилизационного резерва, организована их боевая подготовка. Участие войск в борьбе с незаконными иностранными вооруженными формированиями осуществ-

лялось в соответствии с решениями руководителей силовых ведомств. При этом, хотя законодательством Кыргызской Республики в области военной безопасности и обороны предусматривались соответствующие механизмы действий в таких ситуациях, Президентом Кыргызстана А.Акаевым не был объявлен режим чрезвычайного положения хотя бы на территории Баткенского района Ошской области, а только лишь частичная мобилизация. Объявление режима чрезвычайного положения на территории указанного района позволило бы осуществить организованную эвакуацию мирных жителей из населенных пунктов, где велись боевые действия, не допустить пленения иностранных граждан и существенно снизить человеческие жертвы и боевые потери.

В те годы национальная армия приобрела уникальный и бесценный опыт ведения боевых действий в условиях высокогорья, организации всестороннего оперативного, боевого и эффективного взаимодействия между силовыми министерствами и ведомствами, органами государственного управления и хозяйствующими субъектами в интересах безопасности страны.

В этих тяжелых условиях проходило и становление Пограничной службы республики. Наиболее сложные проблемы возникли с отсутствием пограничной инфраструктуры на административных границах с соседними государствами — Таджикистаном, Узбекистаном и Казахстаном. Помимо участия в локализации и уничтожении незаконных иностранных бандформирований, приходилось с нуля обустроить и укомплектовывать необходимыми вооружением, техникой и личным составом образованные подразделения Пограничной службы. Под размещение вновь образованных пограничных отрядов и пограничных застав органами местного самоуправления выделялись пустующие помещения и необходимые земельные участки. При помощи Российской Федерации, США, Турции и Китая осуществлялось создание пограничной инфраструктуры в пунктах пропуска через Государственную границу.

¹ Бибикова О. Баткен: Наступление мусульманского экстремизма // Центральная Азия и Кавказ. Международная конференция «Конфликты на Кавказе — история, современность и перспективы урегулирования». Швеция, Стокгольм. 2000. № 1(7). С. 36.

Руководство страны осознало необходимость реформирования Вооруженных Сил и принятия безотлагательных мер по укреплению военной безопасности государства. Нельзя забывать, что в то время муссировался лозунг о создании в Киргизии вторую «Швейцарию», и формировалось общественное мнение, что армия в Киргизии не нужна и Вооруженным Силам в то время не уделялось должного внимания. Морально-психологическое состояние и боеспособность войск находились на низком уровне.

За указанный период к середине 2000-х годов была решена стратегическая и важная по своей значимости задача: в Кыргызстане — постсоветском государстве, у которого ранее не было своей национальной армии, — создана система военной безопасности (ядро которой составляют Вооруженные Силы республики), которая нуждается в дальнейшем развитии и укреплении. Высшее руководство страны в тот период так и не пришло к пониманию, какая армия нужна государству, какие войска должны входить в состав Вооруженных Сил Кыргызской Республики, каким образом и в каких ситуациях в каком количестве можно применять войска внутри страны.

В результате февральских и мартовских парламентских выборов 2005 г. путем подкупа, подлогов и фальсификации выборов, большинство в Жогорку Кенеше (Парламенте) Кыргызстана получили провластные депутаты, в том числе двое детей Президента А.Акаева.

На фоне тяжелого социально-экономического положения большинства населения, глубоко укоренившейся во всех эшелонах власти коррупции, семейственности и клановости, ухудшения криминальной обстановки в стране, а также слабости центральной власти и органов правопорядка, оппозиционные политики организовали массовые акции протеста в регионах республики и в столице за отмену состоявшихся выборов и проведение повторных парламентских и президентских выборов.

24 марта 2005 г. колонны протестующих пошли на штурм Дома Правительства,

в результате чего был свергнут режим Аскара Акаева, а его семья, спасаясь бегством, покинула Кыргызстан.

В тех событиях из-за невозможности сотрудников органов внутренних дел противодействовать протестантам, военнослужащие (в том числе и курсанты Военного института и Академии МВД) Министерства обороны, Государственной пограничной службы и Министерства чрезвычайных ситуаций были привлечены к охране правительственных зданий (областных и городских государственных администраций) в областях и столице, а также для разгона митингующих без оружия, хотя частью 3 ст. 9 Конституции Кыргызстана определен прямой запрет на использование Вооруженных Сил для решения внутригосударственных политических вопросов. Эти меры не помогли сторонникам А.Акаева удержать политическую власть.

Несовершенство конституционного и военного законодательства Кыргызстана в области внутренней функции армии, а именно непроработанность оснований, способов и пределов использования Вооруженных Сил в чрезвычайных для общества условиях внутри страны, сделало возможным незаконное использование со стороны главы государства военнослужащих в условиях острого политического кризиса. Необходимо отдать должное бывшему Президенту Кыргызстана А.Акаеву, что он вопреки советам своих сторонников, оказался отдавать приказ войскам на применение оружия по протестующим. Руководители силовых структур по отношению к протестующим заняли нейтральную позицию.

Итогом мартовских событий стал государственный переворот, названный «революцией тюльпанов», когда все ветви государственной власти больше не могли управлять страной и начался хаос, а в столице прошла «ночь мародеров», в результате которой пострадали тысячи предпринимателей. Лидеры оппозиции начали делить власть, и в итоге исполняющим обя-

занности президента стал Курманбек Бакиев¹.

После состоявшихся в июле 2005 г. президентских выборов К.С. Бакиев стал Президентом Кыргызской Республики. Его правление поначалу вселяло в население веру на позитивные изменения в стране, но со временем пришло понимание, что ситуация в стране и стиль правления нового Президента не поменялись: такая же удручающая социально-экономическая ситуация; семейственность, клановость и укоренившаяся еще глубже коррупция в государственном аппарате; сращивание криминалитета и власти; устранение, в том числе и физическое, политических оппонентов. Как указывает С. Черняховский, «интриги относительно статуса американской базы в Манасе, нецелевое расходование многомиллионного российского кредита, оказавшегося в распоряжении сына президента Максима, арест бывшего министра обороны И. Исакова и некоторые другие коррупционные скандалы. Росло недовольство беспардонностью бакиевской семьи, которая все активнее вторгалась в исполнительную власть: здесь и реорганизация силовых структур, которые возглавили брат, сын и личный друг президента, и приватизация крупных государственных предприятий, проведенная в пользу президентского клана, и очередное изменение киргизской Конституции, позволяющее обходить принцип всенародных выборов главы государства»².

В тот период Министерство обороны выступило инициатором разработки проекта Государственной программы развития Вооруженных Сил Кыргызской Республики, которая охватывала не только оборонное, но и другие силовые ведомства. В числе ключевых пунктов этой программы — полный переход на контрактную служ-

бу, внедрение новых подходов к организации охраны государственной границы, создание единого органа тылового, технического и медицинского обеспечения Вооруженных сил и других воинских формирований, а также принятие других мер по совершенствованию системы военной безопасности государства. Эта Программа не только не была до конца разработана, но и не получила своего юридического оформления, и многие прогрессивные идеи, заложенные в ее основу, не были реализованы.

Апрельская народная революция 2010 г. привела к смене всей вертикали государственной власти, в том числе и ее военной составляющей. Этот период характеризовался неопределенностью, слабостью местных органов власти и дезорганизацией правоохранительных органов страны.

На фоне ухудшающегося экономического положения населения, резкое повышение тарифов на электричество и тепло стало последним звеном для начала массовых протестов в конце марта 2010 г. Довольно быстро протестующие от митингов перешли к захвату административных зданий. Как по команде, такие же народные волнения прокатились по другим городам. А вскоре в Бишкек направились колонны автобусов с разгоряченными молодыми людьми. В этот раз, наученная прошлым опытом, толпа сразу принялась штурмовать государственные учреждения³. Большинство лидеров оппозиции, в том числе бывших соратников К. Бакиева, были арестованы и заключены под стражу. Президент К. Бакиев и его брат, начальник Службы государственной охраны, генерал-лейтенант Ж. Бакиев отдали приказы сотрудникам МВД и военнослужащим Службы государственной охраны, Государственного комитета национальной безопасности и Внутренних войск МВД КР на применение спецсредств и штатного огнестрельного оружия против митингующих. В результате указанных обстоятельств по-

¹ См.: М. Сакенов. Как начиналась "тюльпановая" революция 2005 года // URL: <https://ru.sputnik.kg/politics/20210319/1051826065/kyrgyzstan-perevorot-miting-protest-askar-akaev.html>. (дата обращения 12.08.2021).

² Черняховский С.И. Киргизская революция 2010 года: причины и перспективы постреволюционного развития Киргизии // Центральная Азия и Кавказ. 2010. № 2. Том 13. С.36.

³ Викторов А. Революция дубин и кольев // URL: https://nvo.ng.ru/wars/2010-04-16/1_revolution.html (дата обращения 12.08.2021).

гибло 87 человек, а более 300 получили ранения. В нарушение конституционного запрета на привлечение армии к решению внутренних политических вопросов, военнослужащие Министерства обороны и Национальной гвардии также были привлечены к отцеплению правительственных зданий, но после захвата отдельных зданий, вернулись в свои войсковые части. После захвата Дома Правительства сотрудники милиции попрятались, а Президент К. Бакиев с семьей скрылся в родовом поместье в Джалал-Абадской области на юге Кыргызстана.

Армия, старавшаяся соблюдать нейтралитет, отказалась применять оружие против народа и вскоре объявила о переходе на сторону восставшего народа. Так же поступили милиция и спецслужбы. Лидеры оппозиции были освобождены митингующими из-под ареста. К. Бакиев с семьей сбежал в Республику Беларусь, где ему представили политическое убежище.

По результатам этих событий, авторитарная власть клана Бакиевых для сохранения своей власти снова попыталась в нарушение Конституции и законов Кыргызской Республики привлечь Вооруженные Силы в политической борьбе против оппозиционных политических сил.

Также необходимо подчеркнуть, что, хотя законодательством КР предусмотрена правовая норма¹ о недопущении дачи военнослужащему приказов и распоряжений, постановки задач, не имеющих отношения к военной службе или направленных на нарушение закона, юридическое положение об освобождении военнослужащего от ответственности за отказ выполнять приказы, противоречащие Конституции и законам КР, законодательно не закреплено. Яркой иллюстрацией этому являются судебные процессы² над группами военнослужащих бывшей Службы государственной охраны и отряда специального назначения «Альфа» Государственного комите-

та национальной безопасности Кыргызстана по событиям апреля 2010 г., которые выполняли приказы бывшего руководства Кыргызстана. Перед властями стояла серьезная дилемма — оправдать этих военнослужащих, как того требует законность и справедливость, либо осудить по требованиям политического момента. Второй вариант развития событий крайне нежелателен, поскольку ставит действующих военнослужащих Кыргызской Республики в двусмысленное положение: выполнишь приказ (который в последующем признают незаконным) — попадешь под суд, не выполнишь такой приказ — будешь судим за отказ от выполнения поставленного приказа. Но разум победил и судом все рядовые военнослужащие бывшей Службы государственной охраны и Государственного комитета национальной безопасности Кыргызстана были оправданы.

Такое положение недопустимо, поскольку разрушает устои военной службы, а военнослужащих всех категорий заставляет соизмерять приказы начальников с политической конъюнктурой, чем не должна заниматься армия. Это может иметь далеко идущие и крайне негативные для общества последствия. В таких условиях единственно законная стратегия и тактика Вооруженных Сил — быть на стороне демократически избранных высших органов государственной власти. Сложность в том, что законность и легитимность в подобных ситуациях не всегда совпадают.

В июле 2010 г. на юге Кыргызстана на фоне политического кризиса, деморализованного состояния правоохранительных органов и воинских формирований, наличия у населения большого количества огнестрельного оружия (захваченного во время апрельских событий) вспыхнул межэтнический конфликт между кыргызским и узбекским населением, который силами правопорядка в зародыше локализовать не удалось. Массовые беспорядки из городов Ош и Джалал-Абад перекинулись на другие территории — Ноокатский, Араванский, Кара-Суйский и Узгенский районы Ошской области и Сузакский, Ноокенский, Базар-Коргонский районы Джалал-

¹ Ст. 40 Устава внутренней службы Вооруженных Сил КР.

² Всем командовал Жаныш Бакиев // Дело №... от 24.01.2013 г. № 4. С. 3-4; Альфовцы: Нас уговаривали временно побыть обвиняемыми // Дело №... от 31.01.2013 г. № 5. С. 5-6.

Абадской области, где преимущественно проживает узбекское население. В интересах обеспечения безопасности граждан и в целях скорейшей нормализации обстановки, наведения общественного порядка Декретом Временного Правительства Кыргызской Республики от 11 июня 2010 г. № 65¹ на указанных территориях было введено чрезвычайное положение. В последующие дни был издан ряд декретов Временного Правительства, распространившие действие чрезвычайного положения на другие территории и продлевавшие действие режима ЧП по времени². Для обеспечения режима ЧП были привлечены практически все воинские подразделения Министерства обороны и Государственной пограничной службы, дислоцированные в южных областях Кыргызстана, которых оказалось недостаточно для скорейшего прекращения массовых беспорядков. Наиболее кровавые действия произошли в период с 12 по 16 июня 2010 г., когда погибло около пятисот человек. После направления в южные районы воинских подразделений, дислоцированных на севере республики, ситуацию удалось стабилизировать. Военнослужащими между населенными пунктами были развернуты блокпосты, а в населенных пунктах осуществлялось круглосуточное пешее и транспортное патрулирование, что позволило выявлять нарушителей порядка, изымать огнестрельное оружие и прекратить убийства с обеих сторон.

¹ Эркин-Тоо от 15.06.10. № 53.

² О введении чрезвычайного положения в Джалал-Абадской области Кыргызской Республики: Декрет Временного Правительства КР от 13.06.10 г. ВП № 70; О продлении чрезвычайного положения в городах Ош, Узген, Карасуйском и Араванском районах Ошской области Кыргызской Республики: Декрет Временного Правительства КР от 19.06.10 г. ВП № 75; О продлении чрезвычайного положения в Джалал-Абадской области Кыргызской Республики: Декрет Временного Правительства КР от 21.06.10 г. ВП № 79; О продлении чрезвычайного положения в Джалал-Абадской области, в городах Ош, Узген, Карасуйском и Араванском районах Ошской области Кыргызской Республики: Декрет Временного Правительства КР от 27.06.10 г. ВП № 83 // Эркин-Тоо от 15.06.10 г. № 53; 25.06.10 г. № 5; 27.07.10 г. № 67; 16.07.10 г. № 64.

Применение Вооруженных Сил КР в этот период осуществлялось в соответствии с законодательством Кыргызстана и не вызвало никаких вопросов как со стороны населения, так со стороны международных институтов. В этой связи возникает только лишь один вопрос: почему армия была привлечена с большим опозданием — войска, дислоцированные на севере страны, были направлены в очаги беспорядков только после 16 июня 2010 г. Своевременная переброска войск для остановки кровопролития между двумя родственными народами позволила бы значительно сократить число жертв насилия. Ответственность за указанные обстоятельства всецело лежит на должностных лицах, занимавших в тот период должности Президента, Секретаря Совета безопасности и Министра обороны Кыргызской Республики.

Указанные события вновь заставили уделить пристальное внимание вопросам деятельности военной организации государства, вопросам использования Вооруженных Сил при внутренних угрозах безопасности государства и населения страны. Политический кризис удалось преодолеть. 28 июня 2010 г. на всенародном референдуме была принята новая редакция Конституции, согласно которой Кыргызская Республика стала парламентской республикой. Постепенно в государстве удалось стабилизировать общественно-политическую обстановку. Были легитимированы все ветви власти, выборы новых Парламента и Президента Кыргызской Республики признаны состоявшимися.

Социальный кризис в Киргизии в 2020 г., как и везде, вызвала пандемия коронавируса. Жесткие ограничительные меры (запрет на передвижение между населенными пунктами, прекращение деятельности предприятий и т.п.) спровоцировали сжатие экономики, переводы трудовых мигрантов из-за рубежа сократились, закрылись многие компании в самом Кыргызстане. Киргизия — одна из тех стран, в которых внутренние политические потря-

сения связаны с тяжелыми экономическими последствиями борьбы с ковидом¹.

4 октября 2020 г. прошли парламентские выборы, на них победили партии, близкие к семье президента страны С. Жээнбекова и другим влиятельным чиновникам. На следующий же день после обнародования предварительных итогов выборов сторонники оппозиции вышли на митинги, но были разогнаны правоохранительными органами.

Но уже в ночь на 6 октября оппозиционеры захватили несколько административных зданий, в том числе Дом Правительства. В результате этих событий Центральная избирательная комиссия признала итоги выборов недействительными, премьер-министр Кубатбек Боронов подал в отставку, но действующий Президент С.Ш. Жээнбеков от власти отказываться не стал. Однако в последующем, 15 октября 2020 г., сложил с себя полномочия из-за напряженной общественно-политической ситуации. На досрочных президентских выборах 10 января 2021 г. победу одержал и стал шестым Президентом Кыргызской Республики Садыр Нургожоевич Жапаров.

Бывший президент С. Жээнбеков не пошел на нарушение Конституции Кыргызстана и не дал приказ войскам на участие против митингующих. Военнослужащие силовых структур, хотя и находились в состоянии повышенной готовности, но не были привлечены к охране общественного порядка либо административных зданий.

Случившаяся с момента независимости в Кыргызской Республике череда политических и социальных кризисов дает возможность осмыслить проблемы применения Вооруженных Сил Кыргызстана на территории собственного государства.

Для исключения негативного развития событий с участием армии внутри страны необходимо рассмотреть некоторые конкретные мероприятия, связанные с вооруженными силами. Как указывает А.А. Ба-

банов², такими мероприятиями могут быть:

— легитимация конституционных способов и причин использования вооруженных сил, правовая регламентация этого процесса;

— временное запрещение военнослужащим вступления в члены политических организаций, занятия руководящих постов в них, участия в избирательных партийных компаниях;

— временное запрещение использования служебного положения для участия в деятельности любых политических организаций или в акциях в их поддержку;

— закрепление законодательной нормы, согласно которой военнослужащий освобождается от ответственности за отказ выполнять приказы, противоречащие Конституции;

— создание правового режима использования армии в чрезвычайных для общества условиях;

— повышение уровня жизни военнослужащих, создание системы их социальной защищенности и материального благополучия, индивидуальных стимулов повышения военного профессионализма;

— решительное преодоление бюрократических извращений и деформаций в военном строительстве, в управлении частями и подразделениями.

Часть указанных мер (например, запрет участия военнослужащих в политических мероприятиях, запрет деятельности политических организаций на территории воинских частей) в Кыргызстане на законодательном и практическом уровне реализованы, однако, по нашему мнению, наиболее важные моменты, а именно основания, способы и пределы использования вооруженных сил, действия армии в чрезвычайных для общества условиях, в недостаточной мере проработаны. Именно эти нюансы имеют непосредственное отношение к взаимодействию власти и армии в

¹ Оганесян А.В. Киргизии началась революция? Чем недовольны люди? Можно ли сравнивать эти протесты с белорусскими? // <https://meduza.io/feature/2020/10/06/v-kirgizii-nachalas-revolyuutsiya> (дата обращения 08.08.2021).

² Бабанов А.А. Силовые структуры в системе политической власти правового государства (на примере армии и правоохранительных органов) : монография. Волгоград, 2004. С. 65.

период острых политических и социальных кризисов.

Вопрос о применении силы, а тем более частей и подразделений вооруженных сил внутри страны, сложен как в теоретическом, так и в практическом плане. В теоретическом плане сложность заключается в уяснении того, какой критерий необходим для оценки характера угроз, направленных на нарушение государственного суверенитета, территориальной целостности и конституционного строя.

В связи с этим крайне важно детально определить роль Вооруженных Сил КР в разрешении внутренних кризисных ситуаций, их место в системе сил обеспечения безопасности, а также решаемые ими задачи в случаях применения как во внешних вооруженных конфликтах, так и внутри государства. Тем более, что подразделения Вооруженных Сил КР как ранее, так и в настоящее время применяются для разрешения вооруженных конфликтов, как внутренних, так и внешних.

Отмечая факт недостаточной правовой регламентации участия Вооруженных Сил КР в вооруженных конфликтах, следует, однако, иметь в виду, что в настоящее время имеются как правовые, так и фактические основания для их применения во всех видах вооруженных конфликтов, при возникновении кризисных ситуаций.

Для обоснования применения военной силы во внутренних кризисных ситуациях в национальном законодательстве должна быть устранена субъективность оценки, предполагающей предотвращение выхода ситуации из-под контроля.

Принцип применения военной силы лишь в крайних случаях должен являться основой военной политики Кыргызстана, а объективные критерии наступления таких крайних случаев должны быть детально отражены в законодательных актах государства.

Необходимо также отметить, что в настоящее время процедура введения чрезвычайного положения в Кыргызстане слишком громоздка и сложна и занимает достаточный временной промежуток, в то время, когда необходимо незамедлительно и оперативно реагировать на ухудшение

чрезвычайной ситуации. И в такой ситуации зачастую ни высшее руководство страны, ни руководители правоохранительных и силовых структур, ни региональные власти не хотят брать ответственность на себя и активно урегулировать кризисную ситуацию.

Современное состояние правового регулирования организации и деятельности Вооруженных Сил Кыргызской Республики указывает на необходимость законодательного закрепления целого ряда важнейших вопросов, связанных с обороной и безопасностью государства таких как:

- предназначение Вооруженных Сил КР;

- определение структуры, состава, порядка и способов их комплектования, формирования органов военного управления, всестороннего обеспечения Вооруженных Сил КР в мирное и военное время;

- совершенствование структуры, функций и полномочий органов административного и оперативного управления, территориальных командований, порядка их взаимодействия, в том числе с другими органами государственного управления;

- закрепление порядка оперативного оборудования территории государства, требований к его обеспечению и ответственности органов государственного и муниципального управления за его состояние;

- определение условий, оснований и процедур принятия решений по применению Вооруженных Сил КР, как на территории Кыргызстана, так и за его пределами в соответствии с международными договорами и обязательствами;

- регламентация порядка применения Вооруженных Сил КР при различных чрезвычайных обстоятельствах и вариантах развития событий и т.д.

Перед государством стоит важнейшая задача по недопущению вооруженной агрессии извне и повторения трагических событий внутри государства. Эта задача порождает необходимость дальнейшего совершенствования военного законода-

тельства Кыргызской Республики в области военной безопасности и обороны.

В системе законодательства Кыргызстана в области обеспечения военной безопасности имеется ряд накопившихся проблемных вопросов, требующих безотлагательного решения. От того, насколько совершенными будут организационная структура и функциональная компетенция военной организации государства, от того, насколько стоящие перед военными организациями цели и задачи отвечают требованиям сегодняшнего дня, от того, насколько достаточны и разумно распределены их функции и права, и, наконец, от того, насколько эффективно данные военные организации осуществляют свою практическую деятельность, в конечном итоге во многом зависят состояние и развитие всей оборонной деятельности страны, защищенность ее национальных инте-

ресов и интересов граждан и организаций Кыргызстана. Все это в конечном итоге влияет на главный вопрос — есть ли будущее у Кыргызстана как состоявшегося, суверенного и демократического государства.

Библиография

1. Бабанов, А.А. Силовые структуры в системе политической власти правового государства (на примере армии и правоохранительных органов) : монография / А.А. Бабанов. — Волгоград, 2004.
2. Бибилова, О. Баткен: Наступление мусульманского экстремизма / О. Бибилова // Центральная Азия и Кавказ : Международная конференция «Конфликты на Кавказе — история, современность и перспективы урегулирования». Швеция, Стокгольм. — 2000. — № 1(7).
3. Черняховский, С.И. Киргизская революция 2010 года: причины и перспективы постреволюционного развития Киргизии / С.И. Черняховский // Центральная Азия и Кавказ». — 2010. — № 2. — Т. 13.

Рецензии на военно-правовые издания

История и теория военного права: первое фундаментальное исследование

© Холиков Иван Владимирович,
доктор юридических наук, профессор, ФГБНИУ
«Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской
Федерации»

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на первый том монографии «Военное право» под названием «История и теория военного права», подготовленной коллективом авторов под общей редакцией члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора А.Н. Савенкова и доктора юридических наук, профессора А.В. Кудашкина.

Ключевые слова: армия, военное право, военная безопасность, военное законодательство, вооруженный конфликт, государственные органы и организации, оборона, угроза.

History and Theory of Military Law in the First Fundamental Research

© Kholikov I.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Institute of Legisla-
tion and Comparative Law under the Government of the
Russian Federation

Abstract. The article gives a review of the first volume named “History and Theory of Military Law” of the monograph “Military Law”, comprised by the group of authors under the edition of the Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor A.N. Savenkov and Doctor of Law, Professor A.V. Kudashkin.

Keywords: army, military law, military security, military legislation, armed conflict, state organs and organizations, defence, threat.

Современная геополитическая ситуация характеризуется стремлением ведущих западных стран во главе с США к установлению нового мирового порядка. И в этом процессе западные лидеры по-прежнему рассматривают военную силу в качестве одного из главных инструментов преобразований, а ставка на военную силу, как и прежде, остается главным аргументом мировой политики. Об этом свидетельствуют вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии, в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии и др.

Организация обороны страны с учетом необходимости комбинированного противодействия военным и невоенным угрозам в мирное и военное время

включает оптимизацию организационных форм и методов руководства, осуществления мероприятий по согласованному противодействию военным угрозам и ведению противоборства с применением невоенных средств. При этом характер военных угроз и вытекающих из них оборонных задач, коренные изменения в характере вооруженной борьбы, формах и способах боевого применения сил и средств, определяют направленность дальнейшего строительства и преобразований в Вооруженных Силах, что нуждается в развитии и уточнении, то есть в научном сопровождении. Актуальность правовых исследований в

военной сфере обусловлена потребностями государства в совершенствовании правовых основ военной деятельности, военных отношений, которые, будучи урегулированными правом, приобретают качество правоотношений, объединяемых понятием «военное право».

Монографическое исследование «Военное право», подготовленное авторским коллективом под руководством профессора А.В. Кудашкина¹, является первым в нашей стране фундаментальным научным изданием, в котором на основе системного анализа изложен современный взгляд на военное право как отрасль российской системы права.

Общий замысел монографии предполагает издание трех томов:

том I. История и теория военного права;

том II. Современное состояние военного права (институты военного права);

том III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований.

Рецензируя первый том, необходимо отметить, что он посвящен истории возникновения отечественного военного права, его генезису и современному состоянию. В нем дается развернутая характеристика предмета и метода правового регулирования, принципов и функций военного права, его структуры и источников. Следует подчеркнуть основательность подхода авторов к исследуемой теме, свидетельством чему является содержание первого тома, который состоит из главы I «Генезис военного права» и двух разделов — раздела I «Системные предпосылки военного права» и раздела II «Сущность и содержание военного права».

С учетом того, что зарождение военного права относится ко времени возникновения государства и армии, появления военной политики, в первой главе последовательно исследуется становление российского военного права

как государственно-правового явления и его история. Вызывает интерес предложенная авторами периодизация развития военного права в России. Так, выделяются следующие периоды: допетровский (X в. — 1700 г.), петровский (1700—1725 гг.), послепетровский период (1725—1812 гг.), дооктябрьский (1812—1917 гг.), советский (1917—1992 гг.) и постсоветский или современный (1992 г. — по настоящее время). Исследуя исторический опыт, авторы приходят к обоснованным выводам об огромной роли военно-правового обеспечения деятельности войск в успешном выполнении задач защиты Отечества, недопустимости застоя в развитии теории и практики военного права и военного законодательства, необходимости использования научно-теоретических положений и накопленного исторического опыта деятельности государственных и военных органов по развитию военного права в ходе решения проблем нормативно-правового обеспечения современной Российской армии.

Действительно, анализ военных историко-правовых явлений способствует поискам дополнительных путей практического решения актуальных проблем повышения обороноспособности нашего государства, правильному пониманию современных задач укрепления законности и правопорядка в войсках, совершенствованию деятельности органов военной юстиции, дальнейшей научной разработке вопросов военного права. Деятельность государственных органов по нормативно-правовому обеспечению военного строительства не может и не должна подменяться командно-административным ресурсом военных органов управления. Рецидивы прошлого, выражающиеся в недопонимании государственными органами роли военного права и военного законодательства, всегда негативно отражались на боеготовности и боеспособности войск.

Исторический путь развития российской государственности доказывает наличие сложившегося, единого по своей сути явления в правовой науке и системе российского права — военного права, которое

¹ Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. I : История и теория военного права (с предисловием) М.: Центр правовых коммуникаций, 2021.

можно смело называть правовым феноменом в силу исключительной специфики воинских отношений, которые раскрываются в рецензируемом издании.

Раздел I первого тома включает в себя пять глав, в которых рассмотрены системные предпосылки военного права и его место и роль в государственном механизме. В нем, в частности, уделяется большое внимание вопросам обеспечения военной безопасности как цели военного права. Справедливо отмечается, что юридическим фактом для возникновения правовых отношений военной безопасности является возникновение опасного для жизненно важного интереса государства состояния, заключающегося в воздействии на объект военной безопасности фактора, способного при отсутствии противодействия привести к его гибели, утрате или значительному ослаблению его функциональных, жизненно важных способностей, а также результат такого воздействия, к которым относятся военная опасность и военная угроза¹.

Сдвиг в глобальной среде безопасности во многом обусловлен внешней стратегией США, направленной на достижение военного превосходства, желанием стать единственной «великой сверхдержавой», реализация которого ведется в худших традициях «холодной войны» — гонка вооружений на новом технологическом уровне².

В работе также исследуется правовое понятие «военная деятельность государства», которое, с одной стороны, широко используется, а с другой не является официально устоявшимся. Но авторы монографии раскрывают его через иные устоявшиеся и ранее хорошо исследованные иные понятия: функция государства (защита Отечества), военное строительство (правовые средства его обеспечения), оборона (правовые средства ее организации), которые в современных

условиях наполнились новым содержанием и получили дальнейшее развитие.

В разделе особо отмечено, что главная потребность государства заключается в сохранении его как такового. Государство выступает в качестве объекта, обладающего исключительной ценностью, которая заключается в его территориальной целостности, независимости, сохранении прав человека и т.д.

В монографии исследованы Конституция Российской Федерации, Федеральный закон «Об обороне» и другие законодательные акты, наделяющие полномочиями в области обороны Президента Российской Федерации, Федеральное собрание (Совет Федерации и Государственную Думу), Правительство Российской Федерации.

Отмечено, что в области безопасности, как и в других областях и сферах жизни государства, необходима постоянная организаторская работа. Эта деятельность в сфере обороны государства в соответствии с Федеральным законом от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» ведется как всеми органами государственной власти на всех уровнях, так и специально для того учрежденными и создаваемыми государственными органами и организациями, в совокупности образующими военную организацию государства. Военная организация является той частью государственного механизма, в котором гражданами Российской Федерации исполняется военная служба.

Отмечена проблема определения военных методов решения задач военной безопасности, которая, по мнению авторов, заключается в том, что если при ведении боевых действий (при нахождении в состоянии войны или при вооруженных конфликтах) они являются очевидными, то в условиях мирного времени необходимо четко определить, какие конкретно методы являются военными, т.е. могут быть использованы только входящими в военную организацию государства структурами и не могут использоваться иными государственными органами и

¹ См. подробнее: Холиков И. В. Международно-правовые аспекты противодействия военным угрозам в современных условиях // Современное право. 2003. № 6. С. 27—31.

² Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. — М., 2020. С. 155.

организациями, не говоря уже об организациях, не относящихся к государственному. Следует отметить, что в монографии предложены пути решения этой проблемы.

В монографии предлагается провести формальное различие между составными частями военной организации государства и подобными им военизированными формированиями, которое заключается, во-первых, в особом порядке исполнения служебных обязанностей — военной службы, во-вторых, регламентации их деятельности военным законодательством, не распространяющимся на иные виды деятельности, в-третьих, и это основное, в решении специфических задач военной безопасности специфическими (военными) методами.

Анализируя понятие, состав и правовое положение военной организации государства авторы констатируют необходимость дополнительных исследований, в том числе правовых, поскольку прослеживаются глубинные сущностные изменения, вызванные изменением характера вооруженных конфликтов, в которых теперь участвуют не только регулярные вооруженные силы, но также и иррегулярные вооруженные формирования, организованные вооруженные группы, в том числе террористического толка¹, и др. Данные обстоятельства предопределяют необходимость развития военной организации государства, и авторы монографии справедливо отмечают, что в настоящее время в государствах происходит ее трансформация в силу необходимости обеспечения эффективного противодействия изменившимся военным угрозам. Отмечается тенденция на выстраивание военно-гражданского партнерства в результате сотрудничества военной организации с другими силовыми (невоенными) структурами для совместного противодействия угрозам, а

также взаимодействие и с негосударственными (частными коммерческими) структурами в целях их «мягкой мобилизации» (т.е. их адаптации к особенностям функционирования военной организации).

Авторы также последовательно исследуют серьезную теоретическую проблему современной военно-правовой науки — соотношения военного права и военной политики. Справедливо отмечается, что государственная военная политика, даже самая правильная и мудрая, не может быть реализована вне военного права, без юридического инструментария.

Военно-правовые проблемы чаще всего являются и военно-политическими, а последние, в свою очередь, решаются с помощью военного права. Иными словами, можно говорить не только о военном праве в политическом измерении, но и о военной политике в правовом измерении. Военное право и военная политика должны развиваться в едином русле, так как они нужны друг другу.

В работе также исследованы вопросы влияния военного права на правосознание военнослужащих. Отмечено, что одной из важнейших задач, решаемых военным правом, является формирование позитивного правосознания военнослужащих, которое представляет собой систему знаний, эмоционально-чувственных и волевых состояний, а также ценностных ориентаций, выражающую отношение военнослужащих к действующему праву, законодательно закрепленным требованиям и предписаниям их служебно-боевой и общегражданской деятельности.

Вызывает интерес мнение авторов о значимости гуманистического аспекта военного права, заключающегося в его ориентации на сохранение жизни человека и человечества, а также на развитие гуманистических качеств человека как субъекта общественных отношений, регулируемых военным правом. К этому аспекту в полной мере относятся вопросы ограничения правовыми средствами масштабов вооруженного насилия.

¹ Дамаскин О.В., Красинский В.В., Козлов А.В. Противодействие современному экстремизму и терроризму: научно-практическое пособие / Институт государства и права РАН. М.: Юнити-Дана, 2019.

Гуманизация вооруженной борьбы может достигаться путем ограничения наиболее разрушительных методов ведения вооруженной борьбы; ограничения ее масштабов в пространстве и во времени; сокращения сроков продолжительности войн; количественного уменьшения в операциях соединений и объединений; неприменения тяжелых видов вооружений и военной техники. С данной точки зрения важную гуманистическую функцию выполняют нормы международного гуманитарного права, которые распространяются на военные действия на суше, на море и в воздухе.

Раздел II первого тома, включающий в себя три главы, раскрывает сущность и содержание военного права; исследуются общие подходы к идентификации отрасли военного права, предмет и метод правового регулирования военного права, принципы и функции военного права, его структура и источники.

Авторы отмечают, что определение понятия «военное право», претендуя на универсальное, тем не менее, не дает ответа на самые сущностные вопросы: что же такое военное право, какова специфика предмета и метода правового регулирования, которые позволяют идентифицировать военное право, как самостоятельную отрасль системы российского права. Делается вывод, что такое положение дел обусловлено предшествующими этапами развития военного права, которые характеризовались отсутствием системных исследований теории военного права, что не может удовлетворять современным потребностям развития военной организации и военной деятельности Российского государства.

В монографии подчеркивается, что реалии таковы, что понимание вооруженного противоборства в современных условиях вышло за традиционные рамки и для современного миропорядка является не характерным ведение классических войн. Современное понятие «вооруженный конфликт» отличается от традиционного понятия «война». Сегодня мир оперирует понятиями «непреднамеренная ядерная вой-

на», «гибридная война», «мятежевойна» (когда традиционное военное противостояние дополняется гражданской войной и деятельностью преступных организаций).

Изменяются также классические театры военных действий. Растущее значение средств космического базирования и внедрения кибероружия вносит нормативную неопределенность в современные конфликты. Вооруженное противостояние на наземных театрах военных действий, в воздушном и морском пространствах в обозримом будущем может переместиться в околоземное космическое пространство, которое уже сейчас весьма милитаризовано за счет военных спутников разведки, целеуказания, связи и т. д.

Новым театром военных действий как на национальном уровне, так и на уровне международных организаций, в частности НАТО, признано киберпространство. Киберпространство напрямую связано с военной стратегией, оперативным искусством, тактикой. Боевые кибероперации могут быть сопряжены с другими видами ведения боевых действий, кибероружие может быть использовано для поражения личного состава и уничтожения людей.

Новые риски появляются с принятием на вооружение новых видов оружия и систем вооружения. Прежде всего, речь идет об использовании преимуществ новых систем вооружения на основе искусственного интеллекта. В числе правовых проблем применения автономных систем вооружения, построенного на принципах искусственного интеллекта, следует отметить отсутствие механизма юридической ответственности за вред, причиненный в результате их использования, в том числе проблемы с определением ответственных лиц в случае неправомерных действий автономных аппаратов (насколько юридически состоятелен такой термин, предстоит исследовать); международно-правовой регламентации боевого применения автономных систем вооружения, в

частности, беспилотных летательных аппаратов и беспилотных морских систем¹.

Авторы монографии отмечают группу проблем, связанных с «проникновением» права в область сугубо военной деятельности, связанную с ведением вооруженными силами боевых действий. Они отмечают, что по данным вопросам практически не проводились правовые исследования российской правовой наукой, что делает эту область наиболее приоритетной для науки военного права.

Задача правовой науки, не вторгаясь в компетенцию командира на поле боя в принятии им конкретного решения о боевом применении подчиненных войск, не нарушая его самостоятельности как единоначальника, установить границы, за пределами которых для него может наступить ответственность. По распространенному мнению ученых-юристов, такую задачу решают нормы международного гуманитарного права².

В работе делается заслуживающий внимания вывод о том, что современное понимание военного права по предмету гораздо шире ранее предложенных и должно охватывать следующие вопросы:

— понятие войны (вооруженного конфликта), порядок и поводы для ее объявления или отражения агрессии;

— правовые основы ведения войны (вооруженных конфликтов);

— формирование и реализация государственной политики в целях обеспечения военной безопасности государства;

— мобилизационная готовность Вооруженных Сил Российской Федерации, других государственных военных организаций, воинских формирований и органов, экономики и граждан к отражению агрессии или иного вооруженного нападения;

— правовое положение (статус) и ответственность участников военной деятельности, правомерность применения ими вооружений и иных средств для достижения целей войны, а также отношение к военнопленным и гражданскому населению на оккупированных территориях как в период боевых действий, так и после их завершения.

Авторы также формулируют специфичный метод правового регулирования военного права как совокупность правовых приемов и средств воздействия на отношения, сопровождающие военную деятельность государства, имеющих преимущественно императивный характер, направленных на достижение целей и поставленных задач в условиях боевого воздействия на противника (вооруженных конфликтов, ведения боевых действий), в том числе допускающих возможность причинения ущерба инфраструктуре противника, жизни и здоровью его личного состава, а также регулирующих иные военные отношения по подготовке к вооруженной борьбе (боевому или военному противодействию).

В монографии предложено структурировать военное право на общую (предмет, метод, принципы, функции) и особенную части. Особенная часть состоит из следующих подотраслей:

- право вооруженных конфликтов;
- военно-административное право;
- военно-уголовное право;
- военно-социальное право.

Подводя итог проведенному исследованию, авторы делают обоснованный вывод о том, что военное

¹ См. подробнее: Холиков И.В., Сазонова К.Л. Международно-правовая ответственность в контексте правовой регламентации военного использования беспилотных летательных аппаратов // Военное право. 2017. № 4 (44). С. 217—226; Холиков И.В. Некоторые проблемные вопросы международно-правовой регламентации использования беспилотных морских систем в военных целях // Военное право. 2019. № 6. С. 276—283.

² См. подробнее: Тиунов О.И. Международное гуманитарное право. М., 1999. С. 148, 149, 274; Холиков И.В. Нормы международного гуманитарного права и практика их реализации в современных условиях // Государственная политика реформирования социального и гуманитарного образования: сравнение опыта постсоциалистических государств : сборник научных статей по материалам Международного научно-практического семинара. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2014. С. 294—307.

право — это исторически сложившаяся отрасль российского права, регулирующая отношения в области военной деятельности государства, имеющая специфический обособленный предмет и метод правового регулирования в целях достижения победы в вооруженной борьбе, а в условиях мирного времени — военной безопасности Российской Федерации. В таком качестве она представляет собой систему установленных государством военно-правовых норм, закрепляющих правила подготовки и урегулирования войны (вооруженных конфликтов), правила ведения боевых действий, правовое положение (статус) участников военной деятельности, а также правовые основы военной деятельности государства в целях обеспечения его военной безопасности.

Проведенная исследовательская работа позволяет теоретически обосновать самостоятельную отрасль военного права в системе права России.

Авторы исследования также сформулировали краткий перечень современных проблем военного права, а именно:

- правовая характеристика новых видов вооруженных конфликтов;
- правила проведения новых видов военных операций;
- правовые режимы применения новых видов оружия и систем вооружения;
- экстерриториальность военного законодательства;
- правовое положение военной организации государства в связи с ее трансформацией в современных условиях;
- военно-гражданские отношения и др.

И, конечно, нельзя особо не отметить главу 8, посвященную краткой характеристике истории становления, развития и текущего состояния военного права иностранных государств (США, Великобритании, Франции и Германии), что в очередной раз свидетельствует о глубине проведенного исследования.

Таким образом, изучение рецензируемой работы позволяет уверенно констатировать, что она полностью отвечает потребностям и интересам потенциальных читателей, среди которых научные работники, адъюнкты, аспиранты и соискатели ученых степеней, а также практические работники и все, кто интересуется вопросами военного права, соответствует современным требованиям актуальности, новизны, теоретической и практической значимости к научным изданиям и заслуживает самой высокой оценки.

Библиография

1. Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. — Т. I : История и теория военного права (с предисловием). — М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. — 560 с.
2. Дамаскин, О.В. Противодействие современному экстремизму и терроризму: научно-практическое пособие. — Институт государства и права РАН / О.В. Дамаскин, В.В. Красинский, А.В. Козлов. — М.: Юнити-Дана, 2019. — 143 с.
3. Савенков, А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации / А.Н. Савенков. — М., 2020.
4. Тиунов, О.И. Международное гуманитарное право. / О.И. Тиунов. — М., 1999.
5. Холиков, И.В. Международно-правовая ответственность в контексте правовой регламентации военного использования беспилотных летательных аппаратов / И.В. Холиков, К.Л. Сазонова // Военное право. — 2017. — № 4 (44). — С. 217—226.
6. Холиков, И.В. Международно-правовые аспекты противодействия военным угрозам в современных условиях / И.В. Холиков // Современное право. — 2003. — № 6. — С. 27—31.
7. Холиков, И.В. Некоторые проблемные вопросы международно-правовой регламентации использования беспилотных морских систем в военных целях / И.В. Холиков // Военное право. — 2019. — № 6. — С. 276—283.
8. Холиков, И.В. Нормы международного гуманитарного права и практика их реализации в современных условиях / И.В. Холиков // Государственная политика реформирования социального и гуманитарного образования: сравнение опыта пост-социалистических государств : сборник научных статей по материалам Международного научно-практического семинара. — Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2014. — С. 294—307.